

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Том 18, № 2, МАЙ 2019

**Научный журнал
Издается с 2002 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOL. 18, № 2, MAY 2019

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-2

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

ISSN 2312-8690 (online); 2312-8674 (print)

Published Four times a year in February, May, August, November.

Languages: Russian and English.

Indexed in Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>; Russian Science Citation Index, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on history and current state of Russia's relations with the peoples of Europe, Asia, America, Africa as well as its efforts to promote its foreign cultural diplomacy. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>.

E-mail: rushistj@rudn.university.

Printing run 500 copies. Open price
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

ISSN 2312-8690 (online); 2312-8674 (print)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки) и 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat, Directory of Open Access Journal (DOAJ), Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, рецензии и обзоры, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее, прежде всего, в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории и современному состоянию транснациональных связей России с народами Европы, Азии, Америки, Африки и ее усилиям, направленным на развитие культурного диалога. Журнал нацелен на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов нашей страны в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>.

E-mail: rushistj@rudn.university.

Подписано в печать 20.05.2019. Выход в свет 31.05.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 23,07. Тираж 500 экз. Заказ № 624. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

HONORARY EDITOR

Michael Kemper, *University of Amsterdam, Netherlands (M.Kemper@uva.nl)*

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Russia (moseykina-mn@rudn.ru)*

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Russia (arslanov-ra@rudn.ru)*

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Russia (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Belarus*

David L. Brandenberger, *University of Richmond, USA*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Stephen F. Cohen, *Princeton University and New York University, USA*

Michael David-Fox, *Georgetown University, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, USA*

Catriona Kelly, *University of Oxford, United Kingdom*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Russian Federation*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, Notre Dame, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University in Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia*

David Schimmelpenninck van der Oye, *Brock University, Canada*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan*

Irena Vladimirovsky, *Academic College of Ahva, Israel*

Review Editor K.V. Zenkin

Layout Designer Iu.A. Zaikina

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russia

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10/2 Miklukho-Makhlaya St., Moscow, 117198, Russia

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.university

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Кемпер Михаэль, *Амстердамский университет, Голландия (M.Kemper@uva.nl)*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Россия (moseykina-mn@rudn.ru)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Россия (arslanov-ra@rudn.ru)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадила Гизатуллаевна, *РУДН, Россия (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Республика Беларусь*

Бранденбергер Дэвид, *Ричмондский университет, США*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии
Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Израиль*

Дацышен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, США*

Келли Катриона, *Оксфордский университет, Великобритания*

Коэн Стивен Ф., *Принстонский университет и Нью-Йоркский университет, США*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет*

имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Схиммельпэннинк ван дер Ойе Давид, *Брокский университет, Канада*

Хеслер Джули, *Орегонский университет, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии Наук Республики Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин

Компьютерная верстка: Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии серии «История России»:

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.university

CONTENTS

IN THIS ISSUE

- Natalia L. Pushkareva**, Features of memory of female social past and labor of historian 206

GENDER RESEARCHES IN THE STUDY OF THE PAST: THEORY, HISTORIOGRAPHY, SOURCES

- Natalia L. Pushkareva**, The heuristic value of autobiographies for gender studies: comparing the theoretical results of Russian and foreign studies 214
- Olga V. Churakova**, “Human soul is destroyed by war...”: written sources of World War I period as a resource for gender-oriented history of emotions 246
- Sergey I. Resnyansky, and Irina S. Amiantova**, Gender in Russian history: review of the latest researches 278

WOMAN IN LABOR

- Liliya R. Gabdrafikova**, Mugallima: Tatar women’s new social and professional role in the early 20th century 302
- Valentina A. Veremenko**, “Powerless power”: the status of female domestic servants in Russia in the second half of 19th – early 20th century 320
- Irina V. Sinova**, Female labor applying by the Maritime Ministry of the Russian Empire at the turn of the 19th–20th centuries 355
- Olga M. Morozova, Tatyana I. Troshina, and Elena A. Yalozina**, “Labor as freedom, labor as burden”: on the early period of women’s professional employment in Russia 374
- Olga M. Semerikova**, Peasant women in agricultural communes of Soviet Russia in 1917 – early 1930s 412
- Daria I. Navolotskaya**, Creating a heroine: the labor record of Dusya Vinogradova 431

REVIEWS

- Natalia B. Selunskaya** (reviewer), Sidorova, Lyubov A. *Sovetskiye istoriki: dukhovnyy i nauchnyy oblik* [Soviet Historians: Spiritual and Scientific Image]. Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN; Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2017. 248 p. (Historia Russica) 453
- Marina N. Moseykina** (reviewer) Nepomnyashchiy, Andrey A. *Akademik S. F. Platonov i krymovedenie* [Academician S. F. Platonov and Crimean Studies]. Belgorod: Konstanta, 2018. 216 p. 458

VARIA

- Ahmad Mohammad Chahoud, Le Van Vuong, and Hosain Mohammad**, The cooperation between the Russian Federation and Syria and Vietnam in the area of education politics in the 2000s: results and prospects 464

INFORMATION

- Call for papers for the 2020 annual program 479
- Submission guidelines 480

СОДЕРЖАНИЕ

В ЭТОМ НОМЕРЕ

- Пушкарёва Н.Л.** Особенности памяти о женском социальном прошлом и труд историка 206

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ПРОШЛОГО: ТЕОРИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ

- Пушкарёва Н.Л.** Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований (на рус. и англ. яз.) 214
- Чуракова О.В.** «Душа человеческая разрушается от войны...»: письменные источники периода Первой мировой войны как ресурс гендерно ориентированной истории эмоций 246
- Реснянский С.И., Амиантова И.С.** Гендер в российской истории: обзор новейших исследований 278

ЖЕНЩИНА В ТРУДЕ

- Габдрафикова Л.Р.** Мугаллима: новая социально-профессиональная роль татарской женщины начала XX в. 302
- Веремченко В.А.** «Безвластная власть»: статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в. (на рус. и англ. яз.) 320
- Синова И.В.** Использование женского труда Морским министерством Российской империи на рубеже XIX–XX вв. 355
- Морозова О.М., Трошина Т.И., Ялозина Е.А.** «Труд как свобода, труд как бремя»: о ранних страницах женской занятости в России (на рус. и англ. яз.) 374
- Семерикова О.М.** Женщины-крестьянки в сельскохозяйственных трудовых коммунах Советской России в 1917 – начале 1930-х гг. 412
- Наволоцкая Д.И.** Создание героини: трудовой рекорд Дуси Виноградовой 431

РЕЦЕНЗИИ

- Селунская Н.Б.** (рецензент) Сидорова Л.А. Советские историки: духовный и научный облик. М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2017. 248 с. (Historia Russica) (на англ. яз.) 453
- Мосейкина М.Н.** (рецензент) Непомнящий А.А. Академик С. Ф. Платонов и кримо-ведение. Белгород: Константа, 2018. 216 с. (Серия: «Библиография кримо-ведения»; вып. 27) (на англ. яз.) 458

РАЗНОЕ

- Шахуд Ахмед Мухаммад, Ле Ван Вьонг, Хосейн Моханнад.** Сотрудничество Российской Федерации с Сирией и Вьетнамом в сфере образовательной политики в 2000-е гг.: результаты и перспективы (на англ. яз.) 464

ИНФОРМАЦИЯ

- Правила оформления статей 479
- Тематический портфель журнала на 2020 г. 480

Редакционная статья / Editorial article

Особенности памяти о женском социальном прошлом и труд историка

Н.Л. Пушкарёва

Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН;
119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32 а; pushkarev@mail.ru

Features of memory of female social past and labor of historian

Natalia L. Pushkareva

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology;
32 a, Leninsky Prospect, Moscow, 119334, Russia; pushkarev@mail.ru

Реконструкция прошлого, отличающаяся пристальным вниманием к гендерной проблематике, предполагает в идеале сложный процесс декодирования прочтенных текстов и особый подход к пониманию прочтенного, поскольку он должен быть нацелен на реконструкцию способов культурной репрезентации принадлежности к тому или иному полу, особенностей его восприятия в разные эпохи, нормирования поведения и образа мышления¹. Российская историографическая традиция, скованная в течение десятилетий требованием жесткого соответствия определенной теоретической парадигме, несколько утратила (даже когда прежние оковы и запреты пали) желание, да и способность выходить за рамки описательности. В этом ощущается, несомненно, отличие современных российских женских и гендерных исследований в истории от западных.

Однако фактографические наработки исследователей в этой области реально велики, причем историю их стоит начинать не с 1990-х гг., когда в стране родилось направление гендерной социологии, гендерной политологии или, скажем, изучения философии феминизма, а с XIX века, когда интерес русских бытописателей к изучению истории крестьянской семьи выявил особенности социального статуса в ней женщин. Если кому-то такой подход к истории науки покажется уж слишком расширительным, тогда историю изучения и научного анализа и научной памяти о женском социальном прошлом, пожалуй, стоит начать с зари советской эпохи, когда история женщин в нашей стране возникла и на долгие десятилетия обосновалась в научном поле как история революционерок.

Понятно, что женская история советской эпохи была политизированной историей, историей *решения женского вопроса в СССР*. Но не будь ее, трансфер идеи воссоздания картины женского социального прошлого, борьба со стереотипным представлением о том, что история не может быть «поло-детерминированной», а уж тем более введение в оборот российским историописанием новой

¹ При поддержке РФФИ, проект N 19-09-00191.

гендерной концепции, проходило бы с куда большими сложностями и препятствиями. Существование истории революционерок определило скорость освоения и, так сказать, «доместикации» новой западной идеи. И даже те российские ученые, которые ныне публикуют свои статьи по социологии гендера в социологических журналах, зачастую работают именно с фактическим материалом, собранным историками (подчас – много десятилетий тому назад) и введенным в научный оборот как раз в статьях и книгах по истории *решения женского вопроса в СССР*. Да и сами они, по сути, занимаются все той же гендерной историей...

Именно благодаря советской традиции изучения женского протестно-революционного прошлого (истории участия женщин в забастовках и стачках начала XX в., а затем истории женотделов и делегатских собраний), благодаря навыкам работы с документами, которое давало советское вузовское образование, и сформированной еще в те годы глубокой академической культуре, публикации по женской истории были достаточно многочисленными в нашей науке и весьма фундированными. Философам потребовались десятилетия, чтобы апроприировать концептуальный аппарат, начитать источники, а историки справились с этим буквально одномоментно. Однако если социологи и философы в итоге развивают именно направление гендерных исследований в своих науках, в науках о прошлом феминистский вызов историописанию почти не ощущается. Напротив, развивается *направление женской истории* с вкраплениями в нее некоторых гендерных аспектов или сюжетов, порою – методов, но в то же время нацеленное на создание альтернативного идеологизации и политизации подхода. Это создает исключительные возможности для научного эксперимента, апробации новых подходов, подлинной междисциплинарности.

В данном номере *Вестника Российского университета дружбы народов. Серия: История России / RUDN Journal of Russian History* собраны материалы, посвященные теории женской истории, историографии этого направления в России и отчасти за рубежом. Представленные в этом выпуске статьи убедительно свидетельствуют о неисчерпаемости женской проблематики. И это при том, что в историческом сообществе в условиях консервативного поворота начала 2000-х гг. упорно складывается предубеждение касательно гендерной концепции как нерелевантной, не подходящей отечественному историописанию, готовому принять «женскую тему» только в ракурсе экономической истории, которая интересуется ею лишь в связи с социально-экономическим статусом женщин разных общественных страт.

Опираясь на разнообразные, в том числе архивные материалы, авторы журнала не только раскрывают новые грани гендера, но и дают оригинальные интерпретации женской темы в истории России. При этом плюрализм мнений, присущий «Вестнику», дает возможность объективно рассмотреть те аспекты гендерной проблематики, которые остаются неразработанными. Темы статей предложили сами авторы, исходя из собственных научных интересов и пристрастий.

Статья *Н.Л. Пушкаревой* «Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога» представляет сравнение теоретических итогов автобиографических исследований, проведенных российскими и зарубежными учеными. В ней выявля-

ется и подчеркивается значение различных подходов, в том числе философского и психолого-лингвистического, при анализе жизненных историй вообще и женских жизненных историй в частности.

В весьма любопытной публикации *О.В. Чураковой* анализируются проблемы и перспективы использования письменных источников периода Первой мировой войны, создающих исключительные возможности для реконструкции гендерно-ориентированной истории эмоций. Ценным и перспективным представляется проведенное автором «ранжирование» эмоциональных сообществ по социальной принадлежности и «слышимости» голосов в истории – репрезентативности источников. В статье обращено внимание на то, что наименее представленным с точки зрения эмоций оказалось самое многочисленное сообщество России того времени – крестьянки, оставившие свои впечатления лишь в письмах на фронт. Да и из них сохранились только те, которые не пропустила цензура.

Историографический компонент выпуска представлен обзором публикаций по женской и гендерной истории России, выполненный *С.И. Реснянским* и *И.С. Амиантовой*. Авторы показали формирование современных подходов к изложению истории становления и развития гендерного дискурса. Вместе с тем в статье подчеркнута недостаточная изученность взаимодействия динамики гендера с особенностями исторического пути страны. По мнению авторов, в гендерных исследованиях ощущается дефицит внимания к деталям, что затрудняет выявление и экспликацию национальной специфики гендера.

В разделе «Женщина в труде» показаны исторические аспекты гендерной проблематики. Так, в статье *О.М. Морозовой, Т.И. Трошиной* и *Е.А. Ялозиной* рассматривается вовлечение женщин в сферу производства. Используя документальные материалы царского и советского времени, авторы сопоставили особенности не только хозяйственной деятельности женщин двух эпох, но и их отношение к труду и государственной власти.

Интереснейшая проблема формирования новой социальной группы – светской интеллигенции в мусульманской среде Поволжья начала XX в. – поставлена в статье *Л.Р. Габдрафиковой*. Опираясь на документы личного происхождения, а также на художественные произведения, автор показала те трудности, которые приходилось преодолевать учительнице национальных школ (мугаллиме), противостоявшей патриархальному обществу и косной бюрократии. Заслуживает внимания, да и дополнительной аргументации вывод автора, согласно которому татарские феминистки, с одной стороны, видели в работе мугаллимы альтернативу семье, а с другой, – ставили служение интересам нации выше частной жизни.

В.А. Верременко рассмотрела специфику социального положения женской домашней городской прислуги в пореформенной России. Используя широкий круг источников, включающий и эго-документы, автор констатировала их неравноправное социальное положение, отсутствие каких-либо гарантий со стороны работодателей, а также тяжелые бытовые условия, сопряженные с повсеместно встречавшимся сексуальным домогательством и жестоким обращением. Вместе с тем в статье отмечен низкий профессиональный уровень прислуги, набиравшейся в основном из девушек-крестьянок. Автор подчеркнула способность части прислуги

ги не только адаптироваться к новой жизни, но и отстаивать свои права по мере роста образования крестьянской женской молодежи, знакомства ее с судебными учреждениями и активизации деятельности разного рода организаций, занимавшихся помощью служанкам.

Ранее неисследованную тему использования женского труда на государственной службе в конце XIX в. осветила *И.В. Синова*. Опираясь на архивные материалы, она показала, как под воздействием модернизационных процессов, изменения общественного сознания руководство Морского министерства постепенно стало привлекать женщин к работе на различных должностях. Вместе с тем автор обратила внимание на то, что использованию женского труда на государственной службе препятствовали как отсутствие законодательного регулирования, так и мужские предрассудки его руководства, вынужденного в силу объективных обстоятельств идти на уступки и принимать на службу четко ограниченное число женщин.

О.М. Семирикова на основании архивных материалов исследовала гендерный аспект в деятельности сельскохозяйственных трудовых коммун эпохи раннесоветского общества. Автор убедительно обосновывает обращение к теме не только фактическим отсутствием специальных работ, но и возможностью провести анализ соотношения мужского/женского в сельскохозяйственном коллективе, выявить влияние гендера на количественные и качественные показатели производства. Особый интерес теме придает то, что сельскохозяйственная коммуна рассматривалась как место социального эксперимента по созданию «нового» советского человека, в том числе «новой» советской женщины. Проведенное автором исследование позволяет рассмотреть принципиально важные аспекты советского эксперимента, в том числе и в сфере изменения социального статуса женщины в обществе. Автор обратила внимание на то, что выход женщины за рамки традиционных ролей наталкивался на живучесть патриархальных установок общества и, хотелось бы добавить, стереотипы сознания партийного руководства. Но сам поиск естественных границ в осуществлении концепта «новая советская женщина», выявление факторов, приводивших к разрыву между теоретическим проектом и реальными результатами его осуществления, открывает новые исследовательские перспективы.

В статье *Д.И. Наволоцкой* «Создание героини: трудовой рекорд Дуси Виноградовой» был проведен анализ реализации советского гендерного проекта в городской среде. Опираясь на значительную источниковую базу, включающую документы центральных и местных органов власти, периодическую печать, а также работы журналиста и историка-краеведа Т.Н. Лешукова, автор на примере конкретного производства показала отношения государства и рабочих в процессе организации социалистического соревнования, выявила взаимосвязь их интересов.

Таким образом, представленные в выпуске статьи посвящены различным аспектам женской и гендерной истории России. Каждый автор старался сказать свое слово и поделиться собственным видением перспектив разработки гендерной проблематики на материалах исторического прошлого. Можно надеяться, что они могут вызвать интерес у российских и зарубежных исследователей данной темы.

ENG

The reconstruction of the past, which is characterized by close attention to gender issues, involves a complex process of decoding the texts read and a special approach to their understanding, as it should be aimed at reconstructing the ways of cultural representation of belonging to a particular gender, the peculiarities of its perception in different eras, standardizing behavior and way of thinking. The Russian historiographical tradition, for decades constrained by the requirement of strict compliance with a certain theoretical paradigm, lost the ability to go beyond the descriptiveness (even when there were no longer prohibitions). Therein lies the difference of modern Russian women's and gender studies in history from Western ones.

However, the factual developments of researchers in this area are really great, and their history should be started not with the 1990s, when in the country there was established the direction of gender sociology, gender political science, or the study of the philosophy of feminism, but from the 21st century, when the interest of Russian researchers in the study of history of peasant family revealed the features of the social status of women in it. If such an approach to the history of science seems to someone too broad, then the history of the scientific analysis and scientific memory of women's social past should be started with the outset of the Soviet era, when the history of women in our country arose and for many decades established itself in the scientific field as the history of revolutionaries.

It is clear that women's history of the Soviet era was politicized; it was history of *solving women's issue in the USSR*. But for this subject, it would have been much harder to convey the idea of recreating the picture of women's social past, to fight against the stereotype that history cannot be "gender-determined", and even more so to introduce the new gender concept by the Russian historiography. The history of revolutionaries determined the rate of the development and, so to speak, "domestication" of the new Western idea. Even those Russian scientists who now publish their articles on sociology of gender in sociological journals often work with the factual material which was collected by historians (sometimes many decades ago) and introduced into scientific circulation in the articles and books on history of *solving women's issue in the USSR*. In fact, they themselves are engaged in gender history...

It is thanks to the Soviet tradition of studying women's protest and revolutionary past (history of women's participation in the strikes of the early 20th century, and then history of women's departments and delegate meetings), thanks to the skills of working with documents, which was provided by the Soviet university education, thanks to the profound academic culture established in those years, that the publications on women's history in our science were quite numerous and well-founded. It took philosophers decades to introduce the conceptual apparatus, to read sources; but historians did it instantaneously. However, whereas in their sciences sociologists and historians eventually develop the direction of gender studies, in the sciences of the past there was practically no feminist challenge to historiography. On the contrary, there is developing the *direction of women's history* with the inclusion of some gender aspects or subjects, sometimes

methods, but at the same time it is aimed at creating an approach which is an alternative to ideologization and politicization. This creates exceptional opportunities for scientific experiment, testing of new approaches, true interdisciplinarity.

In this issue of the *RUDN Journal of Russian History*, there are collected the works on the theory of women's history, the historiography of this direction in Russia and partly abroad. The articles presented in this issue clearly demonstrate the inexhaustibility of women's issues; and this despite the fact that in the historical community in the context of the conservative turn of the early 2000s, there was a persistent prejudice against the gender concept as irrelevant, not suitable for domestic historiography, which is ready to accept the "women's theme" only from the perspective of economic history and which is interested in it only in connection with the socio-economic status of women of different social strata.

Based on a variety of materials, including archival ones, the authors of the journal not only reveal new facets of gender, but also give original interpretations of women's themes in the history of Russia. At the same time, the pluralism of opinions inherent in the *Journal* makes it possible to objectively consider those aspects of gender issues that remain unexplored. The topics of the articles were suggested by the authors themselves, based on their own scientific interests and preferences.

Nataia L. Pushkareva's article "Autobiographies' heuristic value for genderology scientists (comparing the theoretical results of Russian and foreign autobiographical studies)" provides the comparison of the theoretical results of the autobiographical studies conducted by Russian and foreign researchers. It identifies and emphasizes the importance of different approaches, including philosophical, psychological and linguistic ones in the analysis of life stories in general and women's life stories in particular.

In the study by Olga V. Churakova, there are analyzed the problems and prospects of the use of written sources of World War I period, creating exceptional opportunities for the reconstruction of gender-oriented history of emotions. The author ranks emotional communities by social affiliation and "audibility" of voices in history that is the representativeness of the sources. This "ranking" is valuable and promising. The article draws attention to the fact that the least represented in terms of emotions was the largest community of Russia at that time – peasant women who left their impressions only in letters to the front. Moreover, there are preserved only those letters which were censored.

Sergey I. Resnyansky and Irina S. Amiantova have made a review of the publications on women's and gender history of Russia. The authors show the formation of the modern approaches to the presentation of history of formation and development of the gender discourse. At the same time, the article emphasizes the lack of study of the interaction of gender dynamics with the peculiarities of the historical path of the country. According to the authors, in the gender studies there is a lack of attention to detail, which makes it difficult to identify and explicate the national specificity of gender.

The section "Women in work" shows the historical aspects of gender problems. Thus, the article by Olga M. Morozova, Tatiana I. Troshina and Elena A. Yalozina examines the involvement of women in the sphere of production. Using the documentary materials of the tsarist and Soviet times, the authors compares the features of not only

economic activity of women of the two eras, but also their attitude to work and state power.

The significant problem of the formation of a new social group, namely the secular intelligentsia in the Muslim environment of the Volga region of the early 20th century, is raised in the article by Lilia R. Gabdrafikova. Based on the personal documents, as well as works of art, the author shows the difficulties that a teacher of national schools (*mugallima*) had to face; *mugallima* opposed the patriarchal society and bureaucracy. The author's conclusion is noteworthy: on the one hand, Tatar feminists considered the work of *mugallima* as an alternative to family, and on the other hand, they believed that the service to the interests of the nation was more important than private life.

Valentina A. Veremenko considers the specifics of the social status of female domestic urban servants in post-reform Russia. Using a wide range of sources, including ego-documents, the author emphasizes their unequal social status, lack of any guarantees from employers, as well as the difficult living conditions due to the widespread sexual harassment and ill-treatment. At the same time, the article notes the low professional level of servants recruited mainly from peasant girls. The author stresses the ability of some of the servants not only to adapt to the new life, but also to defend their rights as peasant young women got education, got to know the judicial institutions, and there intensified the activities of various organizations involved in helping servants.

Irina V. Sinova considers the previously unexplored subject of the use of female labor in the public service at the end of the 19th century. Based on archival materials, she shows that under the influence of modernization processes as well as changes in public consciousness, the authorities of the Ministry of Marine gradually began to employ women in various positions. At the same time, the author draws attention to the fact that the use of women's labor in the public service was hindered both by the lack of legislative regulation and by the male prejudices of the authorities, which due to the objective circumstances were forced to make concessions and employ a limited number of women.

On the basis of archival materials, Olga M. Semerikova studies the gender aspect in the activities of agricultural workers' communes of the early Soviet society. The author convincingly substantiates the choice of the topic not only by the virtual absence of special works, but also by the opportunity to analyze the male/female ratio in an agricultural team, to identify the impact of gender on the quantitative and qualitative indicators of production. Of particular interest to the topic is the fact that agricultural commune was considered as a place of social experiment to create a "new" Soviet person, including a "new" Soviet woman. The study conducted by the author allows us to consider the fundamentally important aspects of the Soviet experiment, including in the sphere of changing the social status of women in society. The author draws attention to the fact that women's going beyond the traditional roles encountered the persistence of the patriarchal attitudes of society as well as stereotypes of the consciousness of the party leadership. But the search for natural boundaries in the implementation of the concept "new Soviet woman", the identification of the factors which led to a gap between the theoretical project and the real results of its implementation, open up new research prospects.

In her article “Creating a Heroine: Dusya Vinogradova’s Labor Record”, Daria I. Navolotskaya analyzes the realization of the Soviet gender project in urban environment. The author conducted the research drawing upon a significant source base, including the documents of central and local authorities, periodicals, as well as the work of journalist and local historian T.N. Leshukova. On the example of a particular enterprise, the author shows the relationship of the state and workers in the organization of socialist competition; she also reveals the relationship of their interests.

Thus, the articles presented in the issue are devoted to various aspects of women’s and gender history of Russia. All the authors tried to share their own vision of the perspectives of gender problems development on the materials of the historical past. It is hoped that they may be of interest to Russian and foreign researchers of this topic.

© Пушкарёва Н.Л., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-214-245>

Научная статья / Research article

Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований

Н.Л. Пушкарёва

Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН;
119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32 а; pushkarev@mail.ru

The heuristic value of autobiographies for gender studies: comparing the theoretical results of Russian and foreign studies

Natalia L. Pushkareva

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology;
32 a, Leninsky Prospect, Moscow, 119334, Russia; pushkarev@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются качественные изменения в исследованиях автобиографий в исторических трудах. Автор фокусируется на значимости гендерных исследований в области сложных взаимосвязей между различными подходами, в том числе на философском, психолого-лингвистическом пути анализа жизненных историй вообще и женских автобиографий в частности (в том числе с применением теории женского письма, созданной французскими феминистскими философами), анализирует старую и новейшую литературу в области автобиографических исследований. Гендерный подход к анализу эгодокументов позволяет сделать вывод о том, что мужчины меньше сообщают о своей семейной и частной жизни и склонны придавать этой жизни иной смысл и место в системе ценностных иерархий. Вторым выводом при сопоставлении мужских и женских автобиографий – индивидуализированность и независимость репрезентации своего «я» в рассказах о жизни. Аналитики подчеркивают, что при сборе материала о мужских жизнях имеет значение и пол самого собирателя рассказов. При рассказе интервьюеру-женщине рассказчик излагает те же самые жизненные события по-другому, нежели интервьюеру-мужчине. У мужчины-аналитика при чтении эготекстов немедленно возникает мужская общность и, одновременно, типичные для отношений мужчин иерархии.

Ключевые слова: автобиография, женщины, гендер, гендерная история, методология истории, биографические исследования, психология памяти, историография

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда. Грант РФФИ 19-01-00191.

Для цитирования: Пушкарёва Н.Л. Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 214–245. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-214-245>

Abstract: Heuristic value of autobiographies for specialists in gender and female studies (based on the comparison of theoretical results of Russian and international autobiographical studies). The article discusses the qualitative changes in the study of autobiographies in historical works. The author focuses on the importance of gender studies in the field of complex relations between various approaches, including the philosophical, psychological, and linguistic way of analyzing life

histories, in general, and women's autobiographies, in particular (which comprises using the theory of female writing created by French feminist philosophers), as well as old and recent literature in the field of autobiographical research. The gender approach to the analysis of documents makes it possible to conclude that men report less about their family and private life and tend to give this life a different meaning and place in the system of value hierarchies. The second conclusion when comparing male and female autobiographies is the individualized and independent representation of the ego in life stories. Analysts point out that when collecting material about men's lives, it is the gender of the story collector that is important. When talking to a female interviewer, the narrator presents the same life events in a different way than to male interviewer. When reading an egotext, a male analyst immediately forms a male community and, at the same time, hierarchies typical of relations between men.

Keywords: autobiography, women, gender, gender history, history methodology, biographical research, memory psychology, historiography

Acknowledgements: The research was carried out with the support of the Russian State Research Foundation (RFFI). Project № 19-01-00191.

For citation: Pushkareva, N.L. The heuristic value of autobiographies for gender studies: comparing the theoretical results of Russian and foreign studies," *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 2 (May 2019): 214–245. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-214-245>

Введение

Отношение к автобиографиям, мемуарам и иным *ego*-документам может быть двояким: как к носителям информации о прошлом и как самостоятельному явлению духовной культуры. Историки, традиционно обращавшиеся к мемуарам как к документальному источнику, отмечали в жизненных историях прежде всего их утилитарное для их исследований значение. Для историка любые мемуары или автобиография – обычный нарративный источник, не всегда точно фиксирующий событие. В этой «неточности» можно обнаружить истоки типической для исследователей прошлого пренебрежительности к эгодокументам, явленное в следующем высказывании Л. фон Ранке: назначение автобиографии – «в том, чтобы разъяснять личные связи; историк должен быть осторожен, чтобы не дать воспоминаниям увлечь собою, он обязан абстрагироваться от перипетий личной жизни, о которых в них сообщается»¹. Художественный уровень мемуаров, психологизм автобиографий и личных записок тем более не интересовал исследователей-историков, считавших, что эти аспекты – поле работы литературоведов. Отлично помня источниковедческие установки полувековой давности, историки видели в автобиографиях лишь вспомогательный эмпирический материал, социальная функция которого весьма субъективна². Субъективность (в терминах выдающегося источниковеда эпохи стагнации А.Г.Тартаковского – «личностное начало как структурообразующий принцип»), ретроспективность (или «двойное зрение») и память как показатель избирательности фиксации материала – вот, считалось, главные черты эгодокументов³.

¹ L. von Ranke, *Denkwürdigkeiten der Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg (1793–1813)* (Berlin: Dunker & Humblot, 1877. Bd. 1), X.

² Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. М.: Наука, 1980. С. 28.

³ Гаранин Л.Я. Мемуарный жанр советской литературы. Минск: Наука и техника, 1986. С. 10; Тартаковский А.Г. 1812 год... С. 27; *Его же*. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. 1999. № 2–3 (Февраль–март). С. 38.

Десятилетиями работе с таким видом исторических источников, как *его*-документы, историки учили молодое поколение аналитиков проводить различные аналитические операции. К ним относились: (1) проверка отображенности *исторической обстановки* – того времени, когда был создан текст, (2) верификация *достоверности* сообщаемой в источнике информации, (3) *аттрибутирование*, (4) исследование возможности для автора преодолеть *преграды цензуры* (тексты не для печати, для служебного пользования, учет существования «внутреннего редактора» при подготовке текста в обнародованию и проч.), (5) выявление *привлеченных источников* (материалов прессы, современных описываемым событиям, собственных дневников, когда писались воспоминания – так называемых «опор памяти»⁴), (6) *кросс-текстуальные* (кросс-мемуарные) сопоставления и, наконец, (7) анализ *степени беллетризации*, которая – как тогда настаивали обучающие – всегда выше «у более публичных персон», стремящихся обобщать, типизировать виденные ими явления⁵.

Советское источниковедение при всех его неоспоримых заслугах отличалось стремлением навешивать ярлыки на автора текста. Учебники нацеливали молодых специалистов на обретение умения «давать *характеристику личности мемуариста* (кругозор, чувство такта, способность правильно понимать значение событий)», «менять воззрения в течение жизни), обучали навыку диагностировать, «с каких *идейно-политических позиций выступал мемуарист*» или создатель иного автодокументального текста, «в чью пользу» писался текст⁶, что двигало его создателем – «любовь или ненависть» к изображаемому⁷. На основе более, чем субъективных оценок и взглядов самой исследовательницы (или исследователя), им предлагалось провести ранжирование создателей автодокументальных текстов – от «выдающихся исторических личностей, сумевших отразить мысли и переживания многих людей» до людей рядовых, а потому... не слишком интересных⁸. Любопытно, что в работах более далеких от идеологии исследователей мемуаров (например, литературоведов) также было заметно стремление ввести понятие «более» или «менее» ценных текстов воспоминаний, выстроить иерархию от «мемуарной классики» до воспоминаний обычных людей – причем сделать это на основе выявления «меры объективности» и «степени общественной ответственности»⁹.

Явная «подозрительность» исследователей к таким источникам личного происхождения, как воспоминания, записки, мемуары выражалась в том, что правовым, нормативным, статистическим документам, созданным хронологически одновременно с описываемыми в мемуарах событиями, всегда отдавалась предпочтение как к более объективным и нужным для ученого. Именно поэтому мему-

⁴ Фридлов Ф.Ф. Литературные силуэты // Новое словѣ. 1914. № 1. С. 68.

⁵ Голубцов В.С. Мемуары как источники по истории советского общества. М.: Издательство Московского университета, 1970. С. 111.

⁶ Бушканец Е.Г. Мемуарные источники. Казань: Казанский пед. институт, 1975. С. 23

⁷ Макашин С.А. Предисловие // М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М.: Гос. Изд-во художественной литературы, 1957. С. 6.

⁸ Голубцов В.С. Мемуары как источник по истории советского общества. М.: Издательство Московского университета, 1970. С. 44.

⁹ Янская И.С., Кардин Э.В. Пределы достоверности. М.: Советский писатель, 1981. С. 377.

арные и автобиографические источники десятилетиями оценивались в нашей науке лишь как вспомогательные и дополнительные¹⁰. «Непосредственные свидетели возникновения документа лучше могут истолковать его букву, нежели люди, подходящие даже к своим документам, но через ряд лет, с настроениями и представлениями, каких не было у них в ту минуту, когда документ возник»¹¹ – именно с такими предубеждениями относилась к автобиографическим источникам советская историческая наука, изучая эго-документальные тексты.

Запись жизненной истории – уже социальный поступок

В последнюю четверть века отношение к описаниям своих «жизненных историй» изменилось. Современные авторы понимают, что тексты мемуаров или воспоминаний – это не только «словесная конструкция, но и социальный поступок, включающий текст в данность человеческих отношений: обещая свидетельствовать о том, что случилось, пишущий вмешивается в отношения между людьми»¹².

Теперь уже понятно, что спорное и недостоверное в мемуарах объясняется не только несовершенной работой памяти или умышленными умолчаниями и искажениями. Некий элемент недостоверности априори заложен в самом существовании произведений мемуарной литературы. Совпасть у чистых мемуаристов может только простейшая информация (имена, даты и т.п.); за этим пределом начинается выбор, оценка, точка зрения¹³; у каждого автора имеется внутренняя установка на подлинность, как бы договор с читателем, которому предлагается невымышленная проза. Современная финская исследовательница И.Л. Савкина верно подчеркивает, что эти установки на подлинность исторически изменчивы и зависят от идеологических, исторических, культурных, этнографических, национальных, гендерных и множества других конвенций, «актуальных для автора сознательно или бессознательно»¹⁴.

Интерес гендерологов и историков женщин к жизненным историям и разного рода к документальной прозе прямо касается споров о том, принадлежат ли анализируемые ими тексты художественной литературе или стоят на грани между документами и литературой. Споры эти развернулись в российском литературоведении в годы стагнации, когда нужно было осмыслить огромный поток мемуарных текстов, буквально заваливших поле научных исследований¹⁵. Каждый обратившийся к ним

¹⁰ *Черноморский М.Н.* Мемуары как исторический источник. М.: МГИАН МВО СССР, 1959. С. 5–6; *Его же.* Работа с мемуарами при изучении истории КПСС. М.: Высшая школа, 1961. С. 11–14.

¹¹ *Покровский М.Н.* Мемуары участников революции // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 8.

¹² *Лежён Ф.* Сто лет борьбы с автобиографией // Иностранная литература. 2000. № 4. С. 111.

¹³ *Кестен С.А.* Повествовательный стиль автобиографических произведений Рене. Автореф. дисс. канд. филолог. наук. Ташкент: Изд-во Ташкентского университета, 1970. С. 10–11; *Елчинова М.* Автобиографичният разказ като самопредставяне // Българский фолклор. 1994. № 6.

¹⁴ *Савкина И.Л.* Автодокументальные русские тексты первой половины XIX в. Ph.D. diss. Tampere, 2000. С. 40.

¹⁵ См. дискуссии в журналах: *Права и обязанности документалиста // Вопросы литературы*. 1971. № 6; *Обязанности свидетеля, права художника // Вопросы литературы*. 1974. № 4; *Литература, документ, факт // Иностранная литература*. 1966. № 8; J. Andrew, *Women in Russian Literature, 1780–1863* (Basingstoke and London: Macmillan, 1988); В. Aroutunova, *Lives in Letters: Princess Zinaida Volkonskaya and her Correspondence* (Columbus; Ohio: Slavica Publishers, Inc., 1994); М. “Balina Introduction: Russian Autobiographies of the Twentieth Century: Fictions of the Self,” *A/B (Auto/Biography Studies)* 11,

не мог не вспомнить, что со времен классического европейского литературоведения XIX в. идет традиция считать автобиографию «дочерью романа» (Г. Глагоу), включать ее в состав не документальных источников, но художественной литературы¹⁶. Однако с литературоведческой точки зрения мемуарно-автобиографическая проза – «непроявленный жанр» (А. Ахматова), «ускользающий, не имеющий твердых границ и правил»¹⁷. Историков, таким образом, вполне устроило мнение о том, что мемуары и автобиографии занимают *промежуточное* место между документами и литературными произведениями¹⁸, причем литературный (писательский) уровень слога, мастерство изложения мемуарного текста оказывает существенное влияние и на его известность, и на используемость как источника.

Мемуары – пишут литературоведы – это фабульная проза, обладающая некоторой схематичностью, задаваемой повторяемостью этапов жизненного пути любого индивида¹⁹. Получается, что по жанру она более всего тяготеет к роману²⁰, исторической прозе или документально-историческим очеркам²¹. Для гендеролога, стремящегося выявить всегда какие-то тонкие нюансы межгендерных отношений, очень важным становится то, что мемуарно-автобиографическая проза – как жанрово-видовое образование – подчеркнуто *апеллирует к подлинности изображения*²². В отличие от обычного писателя, мемуарист (что опять-таки важно для понимания отношений мужчин и женщин в разные эпохи) идет не от эпохи к личности, а от личности (от себя) к попытке охарактеризовать время, в котором она (он) жила²³. Современный российский философ В. Подорога говорит о мемуарах, что они – «чистый кинематограф, правда, весьма специфического свойства, как бы мнезические аттракционы со слабым присутствием монтажа»²⁴. И философы, и литературоведы усматривают в текстах мемуаров дидактичность и пафосность: автор «пишет себя», чтобы обобщить свой собственный жизненный опыт и соотнести его с опытом других, однако не просто так, а чтобы читатель сделал свои выводы, автор желает самоутвердиться и побудить к определенным действиям²⁵. Реально по-

no. 2 (1996): 3–7; J.G. Harris, “Diversity of Discourse: Autobiographical Statements,” in *Autobiographical Statements in Twentieth-Century Russian Literature*, 14–24. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1990; Урбан А. Художественная автобиография и документ // Звезда, 1977, № 2. С. 193.

¹⁶ H. Glagau, *Die moderne Selbstbiographie als historische Quelle* (Marburg: Elwert, 1903), 5.

¹⁷ Дискуссию об этом см.: Непроявленный жанр // Вопросы литературы. 1979. № 2. С. 31–53.

¹⁸ Гинзбург А.Я. О психологической прозе. Л.: Художественная литература, 1971. С. 5–6.

¹⁹ Аскин В. Категория будущего и принципы ее воплощения в искусстве // Ритм, пространство и время в искусстве. М.: Наука, 1974. С. 73.

²⁰ Мережинская А.Ю. Мемуарно-автобиографическая проза 70-х гг (проблематика и поэтика). Автореф. ... канд. филолог. наук. Киев, 1981. С. 22.

²¹ Левцкий Л. Мемуары // Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1967. Т. 4. С. 759.

²² Голубева Е.И. Лингвостилистические средства выражения объективного и субъективного факторов в жанре автобиографии. Автореф. дисс. канд. филолог. наук. М., 1987. С. 8.

²³ Левковская Н.А. Категория времени как одно из средств связи текста мемуарного жанра // Сб. науч. тр. Мос. педаг. ин-т им. М.Тореза. Вып. 178. М., 1981. С. 19–25.

²⁴ Подорога В.П. Автобиография. М.: Логос, 2001. С. 144.

²⁵ Кузнецов М. Мемуарная проза // Жанрово-стилистические искания современной советской прозы. М.: Наука, 1971. С. 120–148.

могут ли мемуары в решении собственных житейских задач, – проблема не из простых: «Когда мемуаристу не удастся ее решить, воспоминания проходят косым дождем и уходят в песок»²⁶. И тут историку женщин и гендерологу очень важно то, что мемуарная проза отличается как жанр «особой откровенной интонацией»²⁷. Авторская субъективность становится своеобразной формой постижения объективной действительности. Выявляя, где именно автор пытается скрыть личностное начало повествования, аналитик может определить эти болевые точки и подчас заметить, что они не только не менее, но даже иногда более субъективно окрашенные²⁸.

Историк не может не оценить возможность сопоставлять, анализируя устные и письменные автобиографии, разные временные пласты. Это придает его анализу большую глубину и объективность²⁹. Установка на подлинность, ассоциативность, хронологичность, фрагментарность, фактографичность, ретроспективность, субъективность, смысловую завершенность (воплощение определенной концепции действительности), ощущение неповторимости прожитого, его необычности³⁰ – все это общие черты мемуарно-автобиографической литературы как целого. Историк непременно указывает также в качестве еще одной черты «неточность сообщаемых сведений», так как составителя текста «могла подводить память»³¹. Указанная «неточность» может быть вызвана и иными причинами – желанием «приукрасить» действительность, присочинить не существовавшее реально³²: «дыму легенд и слухов» (как считалось) – не место в научном сочинении³³.

«Своя комната»: место женских автобиографических текстов в совокупности мемуарных записей и их отличия от мужских

Не останавливаясь на психологических типах автобиографий, отмечу, что анализ жизненных историй позволяет выделять в них три основных вида информации, методологически важных для историка: (1) содержательно-фактуальную; (2) содержательно-концептуальную и (3) информационную³⁴. Первый из перечисленных типов преобладает в мемуарах военных; для них характерна также пространно-временная конкретность, точное называние мест, имен и т.п.; в мемуарах ученых – первый и второй типы находятся в равновесии; в мемуарах политиков –

²⁶ Янская И.С., Кардин Э.В. Пределы достоверности. С. 379.

²⁷ Мережинская А.Ю. Мемуарно-автобиографическая проза... С. 9.

²⁸ Янская И.С., Кардин Э.В. Пределы достоверности. С. 336–387.

²⁹ Гинзбург А.Я. О психологической прозе. С. 56; А.Я. Гинзбург даже была склонна разделять мемуары на «более субъективные» и «менее», считая, что больший отход от субъективности – благо и положительная черта воспоминаний.

³⁰ Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. С. 10; Лейдерман Н.Л. Движение времени и законы жанра. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1982. С. 15; Янская И., Кардин В. Пределы достоверности. С. 375; Мережинская А.Ю. Мемуарно-автобиографическая проза... С. 19; Гаранин Л.Я. Мемуарный жанр советской литературы. С. 8; Левцикий Л. Мемуары. С. 759.

³¹ Бушканец Е.Г. Мемуарные источники. С. 7.

³² См. подробнее: Янская И.С., Кардин Э.В. Пределы достоверности. С. 391.

³³ Макашин С.А. Предисловие. С. 7; Вересаев В.В. Пушкин в жизни М.: Советский писатель, 1936. С. 6–7.

³⁴ Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Советский писатель, 1971.

преобладает второй тип, еще более явный в мемуарах деятелей искусства, которые исследователи склонны именовать мемуарами «двойной или максимальной субъективности»³⁵. При этом в многовековой истории автобиографий женских имен существенно меньше, чем мужских...

Женщины писали свои жизненные истории реже мужчин; об особенностях женской автобиографической прозы мне уже доводилось писать специально³⁶, так что здесь лишь повторю самое главное...

Способность написать собственную историю жизни (или часть ее – в записках, воспоминаниях о каком-то жизненном событии) есть психологически сложный акт состоявшегося как личность индивида. Женщинам всегда было сложнее стать личностью, состояться как личность. «Человеку раздавленному, сломленному, потерявшему себя, не написать мемуаров»³⁷. С этой теоретической посылкой схожа другая: «автобиография невозможна в таком культурном ландшафте, где нет самоосознания и саморефлексии»³⁸. Однако такой культурный ландшафт (cultural landscape) трудно даже вообразить, когда речь идет о женщинах, не случайно право на самоосознание требует особого состояния, образно говоря, «своей комнаты» (Вирджиния Вульф). Кроме того, индивид женского пола может быть банально не приучен к вербализации рефлексий своего жизненного опыта или оказаться слишком зависимой от запретительных социальных условий (когда саморефлексия и фиксация просто наказуемы).

Гендерная история быстро нашла общее поле с другим новым направлением в исследованиях прошлого устной историей: в случае устного изложения жизненной истории мемуаристке нет необходимости «ломать себя», дабы преодолеть смущение: взяв с интервьюера слово об анонимности рассказа, она излагает то, что не предназначается для опубликования, а должно просто «послужить науке». Вот почему исследования психологии памяти родились в контексте психологии эмоций³⁹ и психологии развития⁴⁰ (она рассматривает сюжеты в связи с особенностями детской

³⁵ Голубева Е.И. Лингвостилистические средства... С. 16; Пушкарёва Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. № 3. 2000. С. 62–70.

³⁶ Пушкарёва Н.Л. «Пишите себя!» (Гендерные особенности письма и чтения) // Сотворение истории. Человек. Память. Текст. Казань: Мастер Лайн, 2001. 241–274; Пушкарёва Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // Женский дискурс в литературном процессе России XX в. Издание на CD-ROM. М., 2002. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22617042>.

³⁷ Гуревич А.А. Социальная психология и история. Источниковедческий аспект // Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. Сб. Статей. М.: Наука, 1969. С. 392; Янская И.С., Кардин Э.В. Пределы достоверности. С. 384.

³⁸ G. Gusdorf, “Conditions and Limits of Autobiography (1956),” in *Autobiography: Essays Theoretical and Critical* (Princeton (New Jersey): Princeton University Press, 1980), 30.

³⁹ J.D. Bransford Learning, understanding, and remembering (Belmont (CA): Wadsworth, 1979); G. Goodman, J. Hirshman, D. Hepps, and L. Rudy, “Children’s memory for stressful events,” *Merrill-Palmer Quarterly* 37, no. 1 (1991): 109–158; G. Bower, “Emotion and memory,” in *Handbook of emotion and memory* (Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1992), 3–31; S.A. Christianson, “Emotional stress and eyewitness memory: A critical review,” *Psychological Bulletin* 112, no. 2 (1992): 284–309.

⁴⁰ N.L. Stein, and M.D., *Liwaq Parents’ and children’s memory for real-life emotional events* (University of Chicago, 1994); K.Nelson, “Remembering and telling: A developmental story,” *Journal of Narrative and Life History* 1, no. 2–3 (1991) 109–128.

памяти)⁴¹, иногда – когнитивной психологии⁴². Но, увы, крайне редко психологами не феминистского толка ставится вопрос о гендерных различиях такой памяти⁴³.

Конструктивистские подходы к изучению исторической памяти, заложенные в 30–60-е гг. XX века Ф. Бартлетом и Г. Мидом, заставляют современных ее интерпретаторов ставить такие вопросы, как «частности ситуации запоминания» (освещенность, расстояние и широта обзора), обстоятельства, при которых повседневные эпизоды переходят из краткосрочной памяти в долгосрочную; пути интеграции запомненного в знание и элиминации противоречий между знанием и полученной информацией; проблему повторяющегося опыта в сходных повседневных ситуациях (так называемая «ре-эпизодическая память»): это особенно важно, когда анализируются мужские и женские тексты об одном и том историческом событии или явлении⁴⁴. При этом психологи предлагают принять во внимание тот факт, что есть гендерные различия между способностью бурно переживать какое-то событие и навыками его описания (женщинам это часто дается легче), между импрессией и экспрессией, умением впечатляться и записывать то, что произвело впечатление⁴⁵.

Проблемой памяти повседневного является, прежде всего, то, что обычные люди не ставят перед собой задачи запомнить что-то, что является для них обыденным, не удивляющим, рутинным. Излагая обыденное, индивиды обоего пола могут находить что-то, что – по их собственному мнению, основанному на индивидуальных или социальных причинах, – стоит пропустить, не упоминать⁴⁶. Женщины более скованны подобного рода предписаниями, а мужчины склонны к так называемому «намеренному словесному искажению запомненного» (*intentional verbal misrepresentation of remembered events*)⁴⁷.

Когда повседневный опыт не является травматическим, он редко подвергается критическому осмыслению и селекции в воспоминаниях. Один из американских психологов классифицировал стандарты проверки правдивости на психологические и эпистемологические. К первым он отнес пол, возраст, характер, а также их группы (пол – возраст, возраст – характер и т.п.); он полагал, что во всех исследованиях со смешанными гендерными группами, женская память оказыва-

⁴¹ N.L. Stein, “Children’s memory for emotional events. Implications for testimony,” *The recovered memory/false memory debate* (San Diego (CA): Academic Press, 1997).

⁴² J.M. Mandler, “The development of event memory,” in *Human memory and cognitive capabilities* (Amsterdam: Elsevier, 1986), 459–467.

⁴³ M. Ross, and D. Holmberg, “Recounting the past: Gender differences in the recall of events in the history of a close relationship,” *Self-inference processes. The Ontario Symposium*. Vol. 6 (Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1990), 135–152.

⁴⁴ M. Linton, “Transformations of memory in everyday life,” *Memory observed* (San Francisco: Freeman, 1982), 77–91.

⁴⁵ «Какая пропасть лежит между шекспировскими страстями и – по иронии судьбы – умением говорить об этом, подобно продавцу бензина на автостоянке или тинейджеру!» Цит. по: А. Нухлей, *The genius and the goddess* (New York: Harper and Brothers, 1955), 47.

⁴⁶ N.L. Stein, P. Ornstein, B. Tversky, and C. Brainerd, eds. *Memory for everyday and emotional events. Papers presented at a conference, University of Chicago, May 1993* (Mahwah (New Jersey): Erlbaum, 1997), 57.

⁴⁷ P. Eckman, *Telling lies* (New York: Norton, 1985).

лась и более полной, и более точной, более насыщенной деталями⁴⁸. Далее как факторы, влияющие на память о повседневном, им назван контекст, желание или нежелание запоминать, степень распространенности/обыденности запоминаемого, личный опыт и личная память слушателя/читателя⁴⁹.

Ряд психологов, изучающих гендерные особенности памяти, поставил вопрос о путях реконструкции прошедших событий⁵⁰. Вспоминающие либо привязывают их к событиям общественной значимости (смерть президента, правителя, начало или конец войны и т.п.), либо к календарным датам (год, месяц, число), связанных с частной жизнью индивида⁵¹. Для женщин более значимыми для запоминания являются даже не хронологические «привязки», но эмоциональные переживания, которые являются частью повседневного опыта. Исследователи нередко упоминают о них, однако – говоря о том, что существуют некие культурные и социальные «правила», регулирующие понимание и толкование повседневных. Речь о «биологическом наследстве», которое – с точки зрения традиционной (не гендерной) психологии и определяет «интерпретацию, оценку, проявления эмоций и их конструирование в социальной интеракции». Источники эмоциональной реакции, рецепторы, структура, выражение и следующий за ней опыт – такова «схема» любой эмоциональной реакции на событие (происшествие)⁵². Однако «схема» эта имеет большие этнокультурные, исторические, хронологические вариации⁵³. Именно культурой и эпохой определяются эмоциональные реакции; поэтому один и тот же эмоциональный побудитель может вызвать к жизни и реакцию гнева, и реакцию страха или и гордости, и разочарования. Несомненны гендерные различия в типах эмоциональных реакций на одно и то же событие⁵⁴, расхождения начинаются там, где психологи ищут им объяснения. Сторонники

⁴⁸ M. Ross, and D. Holmberg, “Recounting the past: Gender differences in the recall of events in the history of a close relationship,” in *Self-inference processes: The Ontario Symposium*. Vol. 6. Hillsdale (NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1990), 135–152.

⁴⁹ M. Ross, “Validating memoirs,” in *Memory for everyday and emotional events*, 51–69.

⁵⁰ Впервые необходимость изучения этого вопроса поставлена как задача в 1970-е гг. См.: A.D. Baddeley, V. Lewis, and I. Nimmo-Smith, “When did you last... ?” *Practical aspects of memory* (New York, US: Cambridge University Press, 1978), 77–83; О современных успехах этого подхода: Пушкарёва Н.Л. «Пишите себя!» Задачи исследования ранних женских автобиографий // *Gender-Forschung in der Slawistik. Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 55*. Wien, 2002. P. 333–349.

⁵¹ J.A. Robinson, “Temporal reference systems and autobiographical memory,” in *Autobiographical memory* (Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1986), 159–188; L.W. Barsalou, “The content and organization of autobiographical memories,” *Remembering reconsidered* (New York; Cambridge US: Cambridge University Press, 1988), 193–243; Пушкарёва Н.Л. Память о повседневном женщин из среды научных работников // *Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социо-религиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья*. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2007. Ч. 2. С. 303.

⁵² P. Eckman, and W.V. Friesen, “Constants across cultures in the face and emotion,” *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 17 (1971). 124–129.

⁵³ C. Lutz, “Parental goals, ethnopscyhology, and the emotional meaning,” *Ethos*, no. 11 (1983): 246–262; C. Lutz, and G.M. White, “The anthropology of emotions,” *Annual Review of Anthropology*, no. 15 (1986): 405–436.

⁵⁴ J.G. Alien, and D.M. Haccoun, “Sex differences in emotionality: A multidimensional approach,” *Human Relations*, no. 29 (1976), 711–722; J. Kuebli, and R. Fivush, “Gender differences in parent-child conversations about past emotions,” *Sex Roles*, no. 27 (1992): 683–698.

гендерной концепции полагают, что причина – прежде всего, в разных путях социализации детей разного пола, воспитывающих в детях разные типы эмоциональных реакций, а вовсе не в базовых физиологических различиях между мужчинами и женщинами (как полагают «обычные» исследователи)⁵⁵.

Общим в оценках психологов указанных направлений является убежденность в том, что более тесную коммуникативную связанность, большую эмпатию проявляют матери в отношениях с дочерьми (в особенности при переживании негативных эмоций и событий, их вызвавших)⁵⁶. Женщины вообще чаще говорят (и пишут) об эмоциональной жизни, чем мужчины – что также (по мнению психологов-гендерологов) есть следствие выработки в женщинах этой психологической потребности социумом; по этой же причине женщины более нормативны в своих реакциях⁵⁷ – когда он них «ожидается» соболезнование – сочувствуют, когда слезы – плачут и т.п.

Мужчины в своих автобиографиях чаще всего говорят о работе, женское присутствие в их рассказах о прошлом – не то, чтобы минимально, но включается лишь постольку-поскольку⁵⁸, так что женские фигуры в их автобиографиях – как выяснил германский исследователь, интервьюировавший мужчин-швейцарцев 1920–1930-х гг. рождения, – либо второстепенны, либо «неопределенны» в их ролях на «житейской сцене»⁵⁹. Рассказы о семейной жизни в мужских «жизненных историях» А. Леманн назвал «черной дырой в мужских автобиографиях»⁶⁰: мужчины рассказывают прежде всего о работе, на втором месте по повторяемости – рассказы о службе в армии (иногда на втором месте – тематизация политических ориентаций и предпочтений) и, наконец, (речь идет о воспоминаниях мужчин, выросших в бывшей ГДР и живущих в настоящее время на территории бывшей Восточной Германии) о спорте⁶¹.

⁵⁵ P. Davis, “Gender differences in autobiographical memory. Paper presented at the NATO Advanced Research Conference: Theoretical perspectives on autobiographical memory (July 1991). LaGrange (UK), 1991; Fivush R. Gender and emotion in mother-child conversations about the past,” in *Journal of Narrative and Life History*, no. 1 (1991): 325–334.

⁵⁶ C. Zahn-Waxler, P. Cole, and K. Barrett, “Guilt and empathy: Sex differences and implications for the development of depression,” in *The development of emotion regulation and dysregulation. Cambridge studies in social and emotional development* (New York-Cambridge: Cambridge University Press, 1991), 141–164.

⁵⁷ J.G. Alien, and J.H. Hamsher, “The development and validation of a test of emotional styles,” *Journal of Counseling and Clinical Psychology*, no. 42 (1974): 663–668.

⁵⁸ B. Dausien, “Die biographische Konstruktion von Geschlecht,” *Einheit und Vielfalt. Das verstehen der Kulturen* (Amsterdam-Atlanta, 1998), 256–275; N. Hawkins, “Die Relevanz der Familie in der biographischen Selbstdeutung von Männern,” in *Biographie und soziale Wirklichkeit* (Stuttgart: [S.n.], 1984), 217–238.

⁵⁹ K. Trüeb, “Von der merkwürdigen Absenz der Frauen in männlichen Lebensgeschichten.” *Vielschichtiges Gedächtnis. Beiträge zur Oral History* (Zürich: Chronos, 1994), 79–94.

⁶⁰ A. Lehmann, *Erzählstruktur und Lebenslauf. Autobiografische Untersuchungen* (Frankfurt am Main: Campus Verlag, 1983), 239.

⁶¹ Шолц С. Забележителното отсъствие на жени в биографичните разкази на източногермански мъже // Българска етнология. 2004. Бр. 2. С. 5–23; См. также: S. Scholz, “Männlichkeiten erforschen,” *Potsdamer Studien zur Frauen- und Geschlechterforschung*, no. 1–2 (2000): 6–21.

Гендерный подход к анализу собранных текстов обнаружил себя в исходных посылках исследователей-интерпретаторов: и «биография», и «пол» – утверждают они – есть социальные конструкты, причем неотделимые друг от друга [что, разумеется, показывает, что общим методологическим подходом к исследованию у них остается структурный функционализм и социальный конструктивизм]. Следствием высказанного является тот тип воспитания умения говорить о себе, который приводит к полученным результатам (мужчины не говорят о своей эмоциональной, семейной, частной жизни)⁶²; даже очевидным событиям эмоциональной и частной жизни ими в итоге придается иной смысл (при последующей рефлексии и пересказе-воспоминаниях), очевидно и наличие «линии натяжения» между мужской гегемонией в существующем социальном порядке и влияющей на него разрушительно тенденцией правового равенства (к равной оплате за равный труд независимо от пола)⁶³.

Второй очевидный вывод при сопоставлении мужских и женских автобиографий – индивидуализированность и независимость своего *Я* в рассказах о жизни: для каждого мужчины его мужественность в собственных историях-воспоминаниях есть «состязательная структура», а потому предполагает, что рассказчик говорит о себе и только о себе⁶⁴.

Третий вывод: сопоставимость мужских представлений об идеальной мужественности для каждой из возрастных когорт: при тех или иных своеобразиях, практически все мужчины, всех возрастов включают в образ «настоящего мужчины» такие характеристики, как профессионализм, реалистичность в оценке окружающего, личную ответственность – и, как сговорившись, никто не пытается оценивать степень мужественности через отношение к женщинам. Автобиографии мужчин просто бедны на такие сюжеты: мужчины даже на прямо поставленные вопросы («Как вы познакомились со своей спутницей жизни?») пытаются ответить уклончиво, отговорками, кратко, а в случае настойчивости интервьюера – подчас вспоминают из своей семейной жизни не то, что было радостным и объединило в прошлом и настоящем, но «проблемные зоны» жизни семьи, например, недовольство слишком большой профессиональной ангажированностью жены. Правда, не стоит забывать, что значение при сборе материала о мужских жизнях имеет и пол самого исследователя, собирателя рассказов: при рассказе интервьюеру-женщине рассказчик излагает те же самые жизненные события по иному, чем интервьюеру-мужчине (с последним немедленно возникает мужская общность – и одновременно типичные для отношений мужчин иерархии)⁶⁵.

⁶² B. Dausien, “Die biographische Konstruktion von Geschlecht,” *Einheit und Vielfalt. Das verstehen der Kulturen* (Amsterdam: Atlanta, 1998), 565.

⁶³ H. Keupp, et al. *Identitätskonstruktionen. Das Patchwork der Identitäten in der Spätmoderne* (Herbolzheim: Rowohlt, 2000).

⁶⁴ M. Meuser, *Geschlecht und Männlichkeit. Soziologische Theorie und kulturelle Deutungsmuster* (Opladen: Leske + Budrich, 1998), 16.

⁶⁵ S. Scholz, *Männlichkeit erzählen. Lebensgeschichtliche Identitätskonstruktionen ostdeutscher Männer* (Münster: Westfaelisches Dampfboot, 2004).

Выводы

Сложности и расхождения в интерпретации полученных результатов о различиях в мужской и женской оценках событий обычно объясняют упрощенным подходом к систематизации эмоциональных реакций, «записанных» в памяти индивидов. В обычных исследовательских схемах их просто делят на негативные и позитивные, в то время как в действительности эмоциональные реакции бывают несводимыми к простой схеме или двум указанным выше категориям. Р. Фивуш, специально занимавшийся изучением эмоциональных переживаний в рассказах о прошлом у представителей разных поколений, отметил, что практически всем женщинам свойственно рассматривать «эмоциональное» как основу интерперсональных конструктов, а мужчинам – считать, что оно конструирует индивидуальный, приватный мир человека⁶⁶. Кроме того, словесная палитра для описания пережитого у женщин и девочек несравненно шире, чем у мужчин⁶⁷.

Насколько возможно объединение отдельных автобиографических нарративов – мужских или женских – для анализа памяти? Какие методики здесь могут быть предложены? Для формализации изложенного в автобиографиях (жизненных историях, воспоминаний и т.д.) материала некоторые исследователи предлагают разделять индивидуальные эпизоды биографий (личную память) и общую, «реколлективированную» память (сходные эпизоды биографий представителей/ниц одного и того же социального слоя, поколения и проч.) – «набор схожих индивидуальных эпизодов жизни»⁶⁸, которые не были чем-то особенным, выделяющимся для запоминания, однако по прошествии времени прочно запечатлелись в памяти.

Важным аспектом психологического изучения памяти является вопрос о том, *чью* память воспроизводит тот или иной текст, а ответ на него кроется в том, что заставляет вспоминать то или иное событие, чем мотивируется написание автобиографии, кто – в более простом случае – ставит вопрос «Вспомните!» (и тем самым о другой информации – «Забудьте!»). В более широком смысле это вопрос о взаимодействии индивида и культурных стереотипов, конструирующих его «вспоминание» и заставляющих опускать что-то, не являющееся для социума существенным. Т. Трабассо, изучавший именно влияние этих стереотипов, пришел к выводу, что запоминание с этой точки зрения детерминируется социальными ролями, знаниями, верованиями, воззрениями, ценностями, социальными связя-

⁶⁶ R. Fivush, and J. Kübli, “Making Everyday Events Emotional: The Construal of Emotion in Parent-Child Conversations About the Past,” in N.L. Stein. *Memory for everyday and emotional events* (Chicago: [S.n.], 1997) 239–267.

⁶⁷ S. Engel, “The role of mother-child interaction in autobiographical recall,” in J.A. Hudson, *Learning to talk about the past. Symposium conducted at the Conference on Human Development* (Nashville: Cambridge University Press, 1986); P. Miller, “Narrative practices: Their role in socialization and self-construction,” in U. Neisser, and R. Fivush. *The remembering self: Construction and accuracy in the life narrative* (New York: Plenum, 1994), 158–179.

⁶⁸ W.F. Brewer, “Children’s Eyewitness Memory Research: Implications From Schema Memory and Autobiographical Memory Research,” in N.L. Stein. *Memory for everyday and emotional events* (Chicago: [S.n.], 1997), 453–467; Пушкарёва Н.Л. Общая линия жизни и репрезентация успешности в автобиографиях и автобиографических интервью женщин-ученых // *Tractus aevorum*. 2014. Т. 1. № 1. С. 15–28.

ми и отношениями, умением пользоваться языком для выражения этих переживаний (лингвистической компетентностью), мотивацией уважения к тем или иным персонам⁶⁹. В отношениях между взрослым и ребенком вопрос о том, чью память воспроизводит воспоминание особенно обострен; однако и во взаимоотношениях, например, журналиста и рассказчика, исследователя-этнографа и респондента этот вопрос оказывается актуальным, хотя и более скрытым⁷⁰. Наконец, в письменном тексте воспоминаний всегда присутствует заложенная автором интенция написать их – она также является производной от перечисленных выше факторов (ценностей, убеждений и проч.). Не удивительно, что – желая снять описанное выше опосредование – психологи (и отнюдь не приверженцы феминистской антропологии, в которой указанное ниже требование является одним из основополагающих) активно предлагают сейчас вести аудио-видео запись интервью-воспоминаний, чтобы получить с ее помощью дополнительную информацию о том, что скрыто умышленно или невольно, для анализа невербальных интеракций⁷¹.

В конечном счете, анализ малоисследованных женских автобиографий (которые в феминистской литературе даже именуют авто*г*инографиями) в сравнении с мужскими или автономное – основа для тактики построения одной из обоснованных теорий (grounded theory) о функционировании женского коммюнити. Нереализованная пока что задача состоит не столько в подтверждении или верификации существующих мнений и оценок, касающихся самих текстов, сколько в создании – через проверку гипотез – некоей мини-теории, касающейся некоего общего социального женского опыта или, точнее, выживания женщин в мужском сообществе. Конечно, опыт исторического анализа, «устной истории» помогает восполнять те страницы женской истории, которые мало и слабо задокументированы. Таким образом, женские автобиографии – путь к созданию «банка данных», «архива женской истории», обогащению знаний о социально-историческом контексте жизни женщин в разные исторические эпохи. За внешне похожими фактами жизни подчас могут скрываться разные социальные смыслы человеческих поступков, социального поведения индивидов. Обнаружение гендерного аспекта этих различий – эвристически актуальная и важная научная задача⁷².

⁶⁹ T. Trabasso, and S. Suh, “Understanding text: achieving explanatory coherence through on-line inferences and mental operations in working memory,” *Discourse Processes*, no. 16 (1993): 3–34; T. Trabasso, S. Sun, and P. Payton, “Explanatory coherence in communication about narrative understanding of events,” in M.A. Gernsbacher, and T. Givon. *Text coherence as a mental entity* (Amsterdam: John Benjamins, 1995), 189–214.

⁷⁰ Половая дифференциация в зеркале феминистской психологии // Социальные и гуманитарные науки. Реферат. журнал. Серия социология. 1993. № 3–4.; Пушкарёва Н.Л. Мемуары и автобиографии женщин как исследовательский «полигон» для изучения «женского письма» // Е.Р. Дашкова и XVIII век. Традиции и новые подходы / Ред. Л.В. Тычнина. М.: МГИ им. Е.Р.Дашковой, 2012. С. 224–241.

⁷¹ T. Trabasso, “Whose memory is it? The Social context of remembering,” in N.L. Stein, *Memory for everyday and emotional events*, 429–445.

⁷² S.B. Gluck, and D. Patai, *Women’s Words: The feminist Practice of Oral History* (New York: The Feminist Press, 1991); C. Ellis, and A.P. Bocher, *Composing Ethnography: alternative forms of Qualitative Writing* (California: Walnut Creek, CA, 1996). URL: <http://frank.mtsu.edu/~kmiddlelet/history/women.html>.

ENG

Introduction

Attitudes toward autobiographies, memoirs, and other *ego*-documents can be two-fold: one can perceive them as carriers of information about the past and as an independent phenomenon of spiritual culture. Historians, who have traditionally referred to memoirs as to a documentary source, primarily noted the utilitarian significance of life histories for their research. For a historian, any memoir or autobiography is a common narrative source, which does not always record an event accurately. In this “inaccuracy”, one can discover the sources of disregard for *ego*-documents, typical of researchers of the past, which is manifested in the following statement by L. von Ranke. According to it, the purpose of the autobiography is “to clarify personal connections; historians must be careful not to let themselves be taken away by the recollections and disengage from the ups and downs of the personal life described in them.”¹ The fictional level of memoirs, the psychologism of autobiographies and personal notes were of even smaller interest for historians. The latter considered these aspects to be within the field of activity of literary critics. Keeping in mind the historiographic views dating back to half a century ago, historians saw autobiographies only as auxiliary empirical material, the social function of which is very subjectified.² Subjectivity (which, in the opinion of A. Tartakovskiy, an outstanding source-study expert of the stagnation period, is a “personal beginning as a structure-forming principle”), retrospectiveness (or “double vision”), and memory as an indicator of the selectivity of material fixation were considered the main features of *ego*-documents.³

For decades, historians taught the younger generation of analysts to conduct various analytical operations, using such a type of historical sources as *ego*-documents. These operations included: (1) verifying the reflection of the *historical setting* – the time when the text was created, (2) verifying the *accuracy* of the information communicated in the source, (3) *attributing*, (4) exploring the possibility for the author to overcome the *obstacles of censorship* (texts not intended for printing, texts for official use, taking into account the “internal editor” involved in the preparation of the text for publication, etc.), (5) identifying the *sources involved* (press materials, current to the events described; personal diaries, written at the same time when the recollections were recorded – the so-called “pillars of memory”⁴, (6) making *cross-textual* (cross-memoir) comparisons and, finally, (7) analyzing of the degree of *fictionalization*, which, as educators insisted then, is always higher “in more public persons”, who tend to generalize, typify the phenomena they have seen.⁵

¹ L. von Ranke, *Denkwürdigkeiten der Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg (1793–1813)* (Berlin: Dunker & Humblot, 1877), 10.

² A.G. Tartakovskiy, *1812 god i russkaya memuaristika* [1812 and Russian memoirs] (Moscow: Nauka Publ., 1980), 28.

³ L.Ya. Garanin, *Memuarnyy zhanr sovetskoy literatury* [Memoir genre of Soviet literature] (Insk: Nauka i tekhnika Publ., 1986), 10; A.G. Tartakovskiy, “Memuaristika kak fenomen kul'tury,” *Voprosy literatury*, no. 2–3 (1999): 38.

⁴ F.F. Fridlev, “Literaturnyye siluety,” [Literary silhouettes] *Novoye slovo*, no. 1 (1914): 68–75.

⁵ V.S. Golubtsov, *Memuary kak istochnik po istorii sovetskogo obshchestva* [Memoirs as a source on the history of Soviet society] (Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1970), 111.

For all its unquestionable merits, the Soviet source study was distinguished by the desire to label the author of the text. Textbooks aimed young specialists at acquiring the ability to “characterize the personality of the memoirist (outlook, sense of tact, ability to correctly understand the meaning of events)”, to “change attitudes throughout life”. They taught the skill of diagnosing “what ideological and political stances the memoirist”, or author of some other autodocumentary text, took, “in whose favor” the text was written⁶, whether it was “love or hate” that moved its creator to the portrayed.⁷ On the basis of more than subjective assessments and views of the researcher, those specialists were asked to rank the authors of autodocumentary texts – from “outstanding historical figures who managed to reflect the thoughts and experiences of many people” to ordinary, and therefore, ... not very interesting people.⁸ It is curious that works by memoir researchers who were more distant from ideology (e.g., literary scholars) were also marked by a striving to introduce the concept of “more” or “less” valuable texts of recollections, to build an hierarchy from “memoir classics” to ordinary people’s recollections, and to do so on the basis of identifying “a measure of objectivity” and “a degree of public responsibility”.⁹

The obvious “suspiciousness” of researchers with regard to such personal sources as recollections, notes and memoirs was expressed in the fact that preference was always given to legal, regulatory, and statistical documents, created chronologically at the same time as the events described in memoirs, since those documents were considered more objective and necessary for scholars. That is why for decades, memoirs and autobiographical sources were viewed in Russian research as merely auxiliary and supplementary.¹⁰ “Direct witnesses of the document’s appearance can interpret its language better than people who approach even their own documents, but a few years later, with moods and ideas they didn’t have the moment when the document emerged”¹¹ – this is an example of the prejudices that Soviet historical research had towards autobiographical sources when studying ego-documentary texts.

A record of a life history is already a social act

In the last quarter of the century, attitudes toward the descriptions of “life histories” have changed. Modern authors understand that the texts of memoirs or recollections are not only “a verbal construct, but also a social act that includes the text in the

⁶ Ye.G. Bushkanets, *Memuarnyye istochniki* [Memoir sources] (Kazan: Kazanskiy pedagogicheskiy institut Publ., 1975), 23.

⁷ S.A. Makashin, “Predisloviye,” [Foreword] in *M.Ye. Saltykov-Shchedrin v vospominaniyakh sovremennikov* [M.E. Saltykov-Shchedrin in the memoirs of contemporaries] (Moscow: Gosudarstvennoe Izd-vo khudozhestvennoy literatury Publ., 1957), 6.

⁸ V.S. Golubtsov, *Memuary kak istochnik po istorii sovetskogo obshchestva*, 44.

⁹ I.S. Yanskaya, E.V. Kardin, *Predely dostovernosti. Ocherki dokumental'noy literatury* [Confidence limits. Essays non-fiction] (Moscow: Sovetskiy pisatel', 1981), 377.

¹⁰ M.N. Chernomorskiy, *Memuary kak istoricheskiy istochnik* [Memoirs as a historical source] (Moscow: MGIAN MVO SSSR Publ., 1959), 5–6; M.N. Chernomorskiy, *Rabota s memuarami pri izuchenii istorii KPSS* [Working with memoirs in the study of the history of the CPSU] (Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1961), 11–14.

¹¹ M.N. Pokrovskiy, “Memuary uchastnikov revolyutsii,” [Memoirs of the revolution] *Proletarskaya revolyutsiya*, no. 1 (1921): 8.

reality of human relations: promising to testify to what happened, the writer interferes in relations between people”.¹²

It is now clear that the controversial and the unreliable in memoirs is explained not only by the imperfect work of memory or by deliberate reserve and distortion. A certain element of unreliability is a priori embedded in the very essence of the works of memoir literature. Only the simplest information (names, dates, etc.) can coincide in works of pure memoirists; beyond this limit starts choice, evaluation, point of view.¹³ Every author has an internal setting for authenticity, a certain contract with the reader who is offered non-fiction prose. The modern Finnish researcher I. Savkina rightfully emphasizes that these attitudes toward authenticity are historically variable and depend on ideological, historical, cultural, ethnographic, national, gender, and many other conventions that are “relevant to the author consciously or unconsciously”.¹⁴

The interest of gender scholars and women historians in life histories and various kinds of documentary prose is directly related to disputes over whether the texts analyzed by them belong to fiction or stand on the line between documents and literature. These disputes unfolded in Russian literary criticism during the period of stagnation, when it was necessary to comprehend a huge flow of memoir texts, which literally flooded the field of scholarly research.¹⁵ Everyone who addressed them could not help but recall that the classical European literary criticism of the 19th century marked the start of the tradition to consider autobiography as “the daughter of the novel” (G. Glagau), to view it not as a documentary source, but as fiction.¹⁶ However, from the literary point of view, memoir and autobiographical prose is “an unmanifested genre” (A. Akhmatova), which is “elusive, lacking firm boundaries and rules”.¹⁷ Historians, therefore, were quite sat-

¹² F. Lezhon, “Sto let bor’by s avtobiografiyey.” [One hundred years of struggle with autobiography] *Inostrannaya literatura*, no. 4 (2000): 110–121.

¹³ Kesten, S.A. *Povestvovatel’nyy stil’ avtobiograficheskikh proizvedeniy Rene* [Narrative style of autobiographical works of Rene] (Tashkent: Izd-vo Tashkentskogo universiteta Publ., 1970), 10–11; M. Elchinova, “Avtobiografichniyat razkaz kato samopredstavlyane,” [Autobiographical narrative as a self-presentation] *Bülgariski folklore*, no. 6 (1994): 17–27.

¹⁴ I.L. Savkina, “Istoriya teorii (ob izuchenii avtodokumental’noy literatury),” [History of theory (on the study of autodocumentary literature)] in I.L. Savkina. *Avtodokumental’nyye russkiye teksty pervoy poloviny XIX v* [Autodocumentary Russian texts of the first half of the XIX century] (Tampere: University of Tampere, 2000), 40.

¹⁵ See discussions in: “Prava i obyazannosti dokumentalista,” [Rights and duties of a documentarist] *Voprosy literatury*, no. 6 (1971); “Obyazannosti svidetelya, prava khudozhnika,” [Duties of the witness, the rights of the artist] *Voprosy literatury*, no. 4 (1974); “Literatura, dokument, fakt,” [Literature, document, fact] *Inostrannaya literatura*, no. 8 (1966); J. Andrew, *Women in Russian Literature, 1780–1863* (Basingstoke and London: Macmillan, 1988); B. Aroutunova, *Lives in Letters: Princess Zinaida Volkonskaya and her Correspondence* (Columbus, Ohio: Slavica Publishers, Inc., 1994); M. Balina, “Introduction: Russian Autobiographies of the Twentieth Century: Fictions of the Self,” *A/B (Auto/Biography Studies)*, no. 2 (1996): 3–7; J.G. Harris, “Diversity of Discourse: Autobiographical Statements,” in *Autobiographical Statements in Twentieth-Century Russian Literature* (Princeton (NJ): Princeton University Press, 1990), 14–24; A. Urban, “Khudozhestvennaya avtobiografiya i document.” [Artistic autobiography and document] *Zvezda*, no. 2 (1977): 193.

¹⁶ H. Glagau, *Die moderne Selbstbiographie als historische Quelle* (Marburg: Elwert, 1903), 5.

¹⁷ See discussion in: “Neprovyavlennyy zhanr,” [Unmanifested genre] *Voprosy literatury*, no. 2 (1979): 31–53.

ified with the opinion that memoirs and autobiographies occupy an *intermediate* place between documents and literary works¹⁸, and the literary (writerly) level of language, the skill of expounding a memoir text, has a significant impact on the popularity of that text and its usability as a source.

As noted by literary scholars, memoirs are anecdotal prose, possessing some sketchiness, set by the repetitive nature of the life course stages of any individual.¹⁹ As it turns out, in terms of genre, it the closest to the novel²⁰, historical prose, or documentary and historical essays.²¹ For a gender scholar, always seeking to reveal some subtle nuances of intergender relations, it becomes very important that memoir and autobiographical prose as a genre-type phenomenon strongly *appeals to the authenticity of the depicted*.²² Unlike an ordinary writer, a memoirist (which is again important for understanding the relations between men and women in different eras) moves not from era to personality, but from personality (his or her own) to an attempt to characterize the time in which he (she) lived.²³ The modern Russian philosopher V. Podoroga says that memoirs are “pure cinema, however, of a very specific nature; they are certain mnemonic attractions with a slight presence of editing.”²⁴ Both philosophers and literary scholars see didacticism and pathos in the texts of memoirs: authors “write themselves” to summarize their own life experience and relate it to the experience of others, but not without a purpose, but for the reader to draw his or her conclusions. Author wants to assert themselves and encourage certain actions.²⁵ Whether memoirs really help in solving one’s own everyday tasks is not an easy problem: “When the memoirist fails to solve it, the memories pass by like a pelting rain and are buried in the sand.”²⁶ And here it is

¹⁸ A.Ya. Ginzburg, *O psikhologicheskoy proze* [About psychological prose] (Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1971), 5–6.

¹⁹ V. Askin, “Kategoriya budushchego i printsipy yeye voploshcheniya v iskusstve,” [Category of the future and the principles of its embodiment in art] in *Ritm, prostranstvo i vremya v iskusstve* [Rhythm, space and time in art] (Moscow: Nauka Publ., 1974), 73.

²⁰ A.Yu. Merezhinskaya, *Memuarno-avtobiograficheskaya proza 70-kh gg. (problematika i poetika)* [Memoir-autobiographical prose of the 70-ies. (problems and poetics)] (Kiyev: Kiyevskiy Gosudarstvennyy Universitet Tarasa Shevchenko Publ., 1981), 22.

²¹ L. Levitskiy, “Memuary,” [Memoirs] in *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Short Literary Encyclopedia] (Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1967), 759.

²² Ye.I. Golubeva, *Lingvostilisticheskiye sredstva vyrazheniya ob "yektivnogo i sub"yektivnogo faktorov v zhanre avtobiografii* [Linguistic-stylistic means of expression about the “objective and sub” objective factors in the genre of autobiography] (Moscow: Moscow State University Maurice Thorez Publ., 1987), 8.

²³ N.A. Levkovskaya, “Kategoriya vremeni kak odno iz sredstv svyazi teksta memuarnogo zhanra,” [The time category as one of the means of communication of the text of the memoir genre] in *Sbornik nauchnykh trudov Moskovskogo pedagogicheskogo instituta im. M.Toreza* [Collection of scientific works of the Moscow Pedagogical Institute. M.Toreza] (Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo pedagogicheskogo instituta Morisa Toreza, 1981), 19–25.

²⁴ V.P. Podoroga, “Vopros o metode,” [Question about method] in V.P. Podoroga. *Avtobiografiya* [Autobiography] (Moscow: Logos Publ., 2001), 144.

²⁵ M. Kuznetsov, “Memuarnaya proza,” [Memurnaia prose] in *Zhanrovo-stilisticheskiye iskaniya sovremennoy sovetskoy prozy* [Genre and stylistic quest of modern Soviet prose] (Moscow: Nauka Publ., 1971), 120–148.

²⁶ I.S. Yanskaya, and E.V. Kardin, *Predely dostovernosti*, 379.

very important for a women historian or a gender scholar that memoir prose be distinguished as a genre by “a specific frank intonation”.²⁷ The author’s subjectivity becomes a peculiar form of perceiving objective reality. By identifying where exactly the author is trying to hide the personal beginning of the narrative, the analyst can identify these main points and sometimes notice that they are not only not less, but even occasionally more subjectively colored.²⁸

A historian cannot fail to appreciate the opportunity to compare different temporary layers by analyzing oral and written autobiographies. This gives his or her analysis greater depth and objectivity.²⁹ A fixation on authenticity, associativity, chronology, fragmentation, factualism, retrospectiveness, subjectivity, semantic completeness (the embodiment of a certain concept of reality), a sense of uniqueness and unusualness of the lived³⁰ – all these are common features of memoir and autobiographical literature as a whole. As another feature, historians certainly also point out the “inaccuracy of the information reported”, since memory “could have betrayed” the writer of the text.³¹ Such “inaccuracy” can also be caused by other reasons, such as the desire to “embellish” reality, to make up something that never existed in reality³²: there was considered to be no place for “the smoke of legends and rumors” in a scholarly work.³³

A “room of one’s own”: the place of women’s autobiographical texts in the totality of memoirs, and their differences from men’s

Without dwelling on the psychological types of autobiographies, I note that the analysis of life histories makes it possible to distinguish three main types of information that are methodologically important for a historian: (1) content and factual; (2) content and conceptual, and (3) informative.³⁴ The first of these three types prevails in memoirs of the military, which are also characterized by time-space concreteness, exact naming of places, names, etc. In memoirs of scholars, there is a balance between the first and

²⁷ A.Yu. Merezhinskaya, *Memuarno-avtobiograficheskaya proza 70-kh gg. (problematika i poetika)*, 9.

²⁸ I.S. Yanskaya, and E.V. Kardin, *Predely dostovernosti*, 336–387.

²⁹ A.Ya. Ginzburg, *O psikhologicheskoy proze* [About psychological prose] (Leningrad: Khudozhestvennaya literatura (Leningradskoye otdeleniye), 1971), 56. Ginzburg A.Ya. See above. Ginzburg even tended to divide memoirs into “more” and “less subjective” ones, believing that a greater departure from subjectivity is a good and positive trait of recollections.

³⁰ A.Ya. Ginzburg, *O psikhologicheskoy proze*, 10; N.L. Leydenman, *Dvizheniye vremeni i zakony zhanra* [The movement of time and the laws of the genre] (Sverdlovsk: Sredne-Ural’skoye knizhnoye izdatel’stvo, 1982), 15; I.S. Yanskaya, and E.V. Kardin, “Ob’yektivnoye i sub’yektivnoye v memuarakh,” 375; A.Yu. Merezhinskaya, *Memuarno-avtobiograficheskaya proza 70-kh gg. (problematika i poetika)*, 19; L.Ya. Garanin, *Memuarnyy zhanr sovetskoy literatury*, 759.

³¹ Ye.G. Bushkanets, *Memuarnyye istochniki* [Memoir sources] (Kazan: Kazanskiy pedagogicheskiy institute Publ., 1975), 7.

³² I.S. Yanskaya, and E.V. Kardin, *Predely dostovernosti*, 391.

³³ S.A. Makashin, “Predisloviye,” [Foreword] in *M.Ye. Saltykov-Shchedrin v vospominaniyakh sovremennikov* [M.E. Saltykov-Shchedrin in the memoirs of contemporaries] (Moscow: Gos. Izd-vo khudozhestvennoy literatury, 1957), 7; V.V. Veresayev, *Pushkin v zhizni* [Pushkin in the life] (Moscow: Sovetskiy pisatel’ Publ., 1936), 6–7.

³⁴ I.R. Gal’perin, *Tekst kak ob’yekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research] (Moscow: Sovetskiy pisatel’, 1971).

second types. In memoirs of politicians, it is the second type that prevails, which is even more apparent in memoirs of people of art, referred to by researchers as memoirs of “double or maximum subjectivity”.³⁵ At the same time, in the long history of autobiographies, female names are significantly less frequent than those of men...

Women wrote their life histories less often than men; I have already written about the features of female autobiographical prose separately³⁶, so here I will only reiterate the most important aspects...

The ability to write one’s own life history (or part of it – as notes or recollections of some life event) is a psychologically complex action of an individual who has succeeded as a personality. It has always been more difficult for women to become personalities, to be held as personalities. “A devastated, broken, lost person, is incapable of writing a memoir.”³⁷ This theoretical premise is similar to another one: “an autobiography is impossible in such a cultural landscape where there is no self-awareness and self-reflection.”³⁸ However, such a cultural landscape is difficult to even imagine when it comes to women; it is not by chance that the right to self-awareness requires a special state, figuratively speaking, a “room of one’s own” (Virginia Woolf). In addition, a female individual may not be accustomed to verbalizing the reflections of her life experience or be too dependent on restrictive social conditions (when self-reflection and fixation are simply punishable).

Gender history quickly found a common field with another new area in the research of the past – oral history: in the case of an oral account of her life history, a female memoirist does not need to “break herself” in order to overcome embarrassment: making the interviewer pledge the anonymity of the story, she sets out what is not meant for publication, but should simply “serve the science”. That is why the study of the psychology of memory was born in the context of the psychology of emotions³⁹

³⁵ Ye.I. Golubeva, *Lingvostilisticheskiye sredstva vyrazheniya ob “yektivnogo i sub”yektivnogo faktorov v zhanre avtobiografii*, 16; Pushkareva, N.L., “U istokov zhenskoy avtobiografii v Rossii,” [At the origins of women’s autobiography in Russia] *Filologicheskiye nauki*, no. 3 (2000): 62–70.

³⁶ Pushkareva, N.L. “Pishite sebya!” (Gendernyye osobennosti pis’ma i chteniya). [“Write yourself!” (Gender features of writing and reading)] In Ye.A. Vishlenkova. *Sotvoreniye istorii. Chelovek. Pamyat’. Tekst* [The creation of history. Person. Memory. Text]. Kazan’: Master Layn Publ., 2001, 241–274; Pushkareva, N.L. “U istokov zhenskoy avtobiografii v Rossii.” [At the origins of women’s autobiography in Russia] In T. Klimenkova, T. Troynova, and Ye. Trofimova, *Zhenskiy diskurs v literaturnom protsesse Rossii XX v* [Female discourse in the literary process of Russia of the XX century]. Moscow: [S.n.], 2002, <http://elibrary.ru/item.asp?id=22617042>.

³⁷ A.Yf. Gurevich, “Sotsial’naya psikhologiya i istoriya. Istochnikovedcheskiy aspect,” [Social psychology and history. Source study aspect] in Istochnikovedeniye. *Teoreticheskiye i metodologicheskiye problem* [Source study. Theoretical and methodological problems] Moscow: Nauka, 1969, 392; I.S. Yanskaya, and E.V. Kardin, “Ob’yektivnoye i sub’yektivnoye v memuarakh,” 384.

³⁸ G. Gusdorf, “Conditions and Limits of Autobiography (1956),” in J. Olney. *Autobiography: Essays Theoretical and Critical* (Princeton (New Jersey): Princeton University Press, 1980), 30.

³⁹ J.D. Bransford, *Learning, understanding, and remembering* (Belmont (CA): Wadsworth, 1979); G. Goodman, J. Hirshman, D. Hepps, and L. Rudy, “Children’s memory for stressful events,” *Merrill-Palmer Quarterly*, no. 1 (1991): 109–158; G. Bower, “Emotion and memory,” in S.A. Christianson. *Handbook of emotion and memory* (Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1992), 3–31; S.A. Christianson, “Emotional stress and eyewitness memory: A critical review,” *Psychological Bulletin*, no. 2 (1992): 284–309.

and developmental psychology⁴⁰ (it considers plots in connection with the features of childhood memory), sometimes, in the context of cognitive psychology.⁴¹ But alas, it is extremely rare for non-feminist psychologists to bring up the issue of gender differences in such a memory.⁴²

Constructivist approaches to the study of historical memory, which were established in the 1930–1960-ies by F. Bartlett and G. Mead, force contemporary interpreters to pose such questions as “particularities of the memorization situation” (coverage, distance and breadth of the review), the circumstances in which everyday episodes transfer from short-term to long-term memory; ways of integrating what has been remembered into knowledge, and elimination of the contradictions between knowledge and the information obtained; the problem of repetitive experience in similar everyday situations (the so-called “re-episodic memory”) – this is especially important in the analysis of male and female texts about the same historical event or phenomenon.⁴³ Psychologists suggest taking into account the fact that there are gender differences between the ability to vigorously experience an event and the skills of describing it (which is often easier for women); between impression and expression, the ability to be impressed and record what produced the impression.⁴⁴

The problem of everyday memory is primarily the fact that ordinary people do not set themselves the objective of remembering something that is ordinary, not surprising, routine for them. In presenting the ordinary, individuals of both sexes may find something that – in their own opinion, based on individual or social reasons, – should be omitted, not mentioned.⁴⁵ Women are more constrained by this kind of prescriptions, and men are inclined to the so-called “intentional verbal misrepresentation of remembered events”.⁴⁶

When everyday experience is not traumatic, it is rarely subject to critical reflection and selection in recollections. One of the American psychologists divided the standards of truthfulness verification into psychological and epistemological. To the former, he referred to gender, age, character, as well as their groups (gender-age, age-character, etc.); He believed that in all studies with mixed gender groups, women’s memory turned out to be both more complete and more accurate, more saturated with details.⁴⁷ He fur-

⁴⁰ N.L. Stein, and M.D. Liwag, *Parents’ and children’s memory for real-life emotional events* (Chicago: University of Chicago, 1994); K. Nelson, “Remembering and telling: A developmental story,” *Journal of Narrative and Life History*, no. 1 (2–3) (1991): 109–128.

⁴¹ J.M. Mandler, “The development of event memory,” in K. Klix, H. Hagendorf. *Human memory and cognitive capabilities* (Amsterdam: Elsevier, 1986), 459–467.

⁴² M. Ross, and D. Holmberg, “Recounting the past: Gender differences in the recall of events in the history of a close relationship,” in J.M. Olson, and M.P. Zanna. *Self-inference processes. The Ontario Symposium* (Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1990), 135–152.

⁴³ M. Linton, “Transformations of memory in everyday life,” in U. Neisser. *Memory observed* (San Francisco: Freeman, 1982), 77–91.

⁴⁴ A. Huxley, *The genius and the goddess* (New York: Harper and Brothers, 1955), 47.

⁴⁵ N.L. Stein, P. Ornstein, B. Tversky, and C. Brainerd, *Memory for everyday and emotional events. Papers presented at a conference* (Mahwah (New Jersey): Erlbaum, 1997), 57.

⁴⁶ P. Eckman, *Telling lies* (New York: Norton, 1985).

⁴⁷ M. Ross, and D. Holmberg, “Recounting the past: Gender differences in the recall of events in the history of a close relationship,” 135–152.

ther named the context, the desire to remember or lack thereof, the degree of prevalence/routine of the remembered, personal experience and personal memory of the listener/reader, as factors affecting the memory of everyday events.⁴⁸

A number of psychologists studying gender features of memory raised the question of how to reconstruct past events.⁴⁹ Those who remember them link them either to events of public significance (death of the president, governor, the beginning or end of war, etc.), or to calendar dates (year, month, day) related to the individual's private life.⁵⁰ For women, it is not even chronological "bindings", but emotional experiences, which are part of everyday experience, that are more significant for remembering. Researchers often mention them, but only when they say that there are certain cultural and social "rules" governing the understanding and interpretation of everyday ones. I am not talking about "biological heritage", which, from the point of view of traditional (non-gender) psychology, defines "interpretation, evaluation, manifestations of emotions and their construction in social interaction". Sources of emotional reaction, receptors, structure, expression and the experience that follows – such is the "scheme" of any emotional reaction to an event (incident).⁵¹ However, this "scheme" has large ethnocultural, historical, chronological variations.⁵² It is culture and epoch that determine emotional reactions; therefore, the same emotional stimulus can provoke such reactions as anger, fear, pride, or disappointment. There are undoubted gender differences in the types of emotional reactions to the same event⁵³, it is where psychologists look for explanations of discrepancies that discrepancies begin. Supporters of the gender concept believe that the reason consists primarily in different ways of socializing different-sex children, which causes children different types of emotional reactions, and not at all in

⁴⁸ M. Ross, "Validating memoirs," in N.L. Stein, P. Ornstein, B. Tversky, C. Brainerd. *Memory for everyday and emotional events* (Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum Associates Publishers), 51–69.

⁴⁹ For the first time, the need to study this issue was posed in the 1970s. See in: A.D. Baddeley, V. Lewis, and I. Nimmo-Smith, "When did you last...?" in M.M. Gruneberg, P.E. Morris, and R.N. Sykes. *Practical aspects of memory* (New York: Cambridge University Press, 1978), 77–83; N.L. Pushkareva, "Write Yourself!" Objectives of the study of early female autobiographies" in *Gender-Forschung in der Slawistik. Wiener slawistischer Almanach* (Wien: Sonderband 55, 2002), 333–349.

⁵⁰ J.A. Robinson, "Temporal reference systems and autobiographical memory." In D.C. Rubin, *Autobiographical memory* (Cambridge: Cambridge University Press, 1986), 59–188; L.W. Barsalou, "The content and organization of autobiographical memories," in U. Neisser, E. Winograd. *Remembering reconsidered* (New York; Cambridge: Cambridge University Press, 1988), 193–243; N.L. Pushkareva, "Pamyat' o povsednevnom zhenshchin iz sredey nauchnykh rabotnikov," [The memory of everyday women from the scientific community] in *Aktual'nyye problemy iz istoricheskogo poshlogo i sovremennosti v obshchestvenno-gumanitarnykh i sotsio-religiyevedcheskikh naukakh Belarusi, blizhnego i dal'nego zarubezh'ya* [Actual problems from the historical vulgar and modern in the social, humanitarian and socio-religious sciences of Belarus, near and far abroad] (Vitebsk: VGU P. M. Masherova, 2007), 303.

⁵¹ P. Eckman, and W.V. Friesen, "Constants across cultures in the face and emotion," *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 17 (1971): 124–129.

⁵² C. Lutz, "Parental goals, ethnopsychology, and the emotional meaning," *Ethos*, no. 11 (1983): 246–262; C. Lutz, G.M. White, "The anthropology of emotions," *Annual Review of Anthropology*, no. 15 (1986): 405–436.

⁵³ J.G. Alien, D.M. Haccoun, "Sex differences in emotionality: A multidimensional approach," *Human Relations*, no. 29 (1976): 711–722; J. Kuebli, R. Fivush, "Gender differences in parent-child conversations about past emotions," *Sex Roles*, no. 27 (1992): 683–698.

the basic physiological differences between men and women (as “ordinary” researchers believe).⁵⁴

A common feature in the assessments of psychologists of these areas is the conviction that mothers show greater communicative links and greater empathy in relations with daughters (especially when experiencing negative emotions and events that caused them).⁵⁵ Women generally speak (and write) about emotional life more often than men, which also (according to gender psychologists) is a consequence of the development of this psychological need in women by society. It is for the same reason that women are more normative in their reactions⁵⁶ – when they are expected to express “condolences”, they sympathize, when they are expected to cry, they cry, etc.

Men most often talk about work in their autobiographies. The female presence in their stories about the past cannot be called minimal, but it is only included in them to some degree⁵⁷, therefore, according to a German researcher who interviewed Swiss men born in the 1920s–1930s, the female characters in their autobiographies are either secondary, or “vague” in their roles in the “everyday scene”.⁵⁸ A. Lehmann called stories about family life in men’s “life histories” “a black hole in male autobiographies”⁵⁹: men talk primarily about work, the second frequent topic being stories about serving in the army (or, sometimes, thematization of political orientations and preferences) and, finally, (speaking the recollections of men who grew up in the former GDR and are currently living in the territory of the former East Germany), sports.⁶⁰

The gender approach to analyzing collected texts found itself in the initial premises of the interpreter-researchers: they state that both “biography” and “gender” are inseparable social constructs [which, of course, shows that structural functionalism and social constructivism remain their common methodological approach to research]. The consequence of this is the type of teaching ability to talk about oneself which leads to

⁵⁴ P. Davis, *Gender differences in autobiographical memory. Paper presented at the NATO Advanced Research Conference: Theoretical perspectives on autobiographical memory (July 1991)*. London: La Grange, 1991); R. Fivush, “Gender and emotion in mother-child conversations about the past,” *Journal of Narrative and Life History*, no. 1 (1991): 325–334.

⁵⁵ C. Zahn-Waxler, P. Cole, and K. Barrett, “Guilt and empathy: Sex differences and implications for the development of depression,” in J. Garber, and K. Dodge. *The development of emotion regulation and dysregulation. Cambridge studies in social and emotional development* (New York-Cambridge: Cambridge University Press, 1991): 141–164.

⁵⁶ J.G. Alien, and J.H. Hamsher, “The development and validation of a test of emotional styles,” *Journal of Counseling and Clinical Psychology*, no. 42 (1974): 663–668.

⁵⁷ B. Dausien, “Die biographische Konstruktion von Geschlecht,” in N. Schneider, R.A. Mall, and D. Lohmar, *Einheit und Vielfalt. Das verstehen der Kulturen* (Amsterdam: Atlanta, 1998), 256–275; N. Hawkins, “Die Relevanz der Familie in der biographischen Selbstdeutung von Männern,” in M. Kohli, and G. Robert, *Biographie und soziale Wirklichkeit* (Stuttgart: Böhnisch, 1984), 217–238.

⁵⁸ K. Trüeb, “Von der merkwürdigen Absenz der Frauen in männlichen Lebensgeschichten,” in G. Spuchler. *Vielstimmiges Gedächtnis. Beiträge zur Oral History* (Zürich: Chronos, 1994), 79–94.

⁵⁹ A. Lehmann, *Erzählstruktur und Lebenslauf. Autobiografische Untersuchungen* (Frankfurt am Main: Campus Verlag, 1983), 239.

⁶⁰ S. Sholts, “Zabelezhitelnoto otsüstvie na zheni v biografichnite razkazi na iztochnogermanski mützhe,” *Bülgarska etnologiya*, no. 4 (2004): 5–23; S. Scholz, “Männlichkeiten erforschen,” *Potsdamer Studien zur Frauen-und Geschlechterforschung*, no. 1–2 (2000): 6–21.

the results obtained (men do not talk about their emotional, family, private life)⁶¹ – even obvious events of emotional and private life, are ultimately given a different meaning (during subsequent reflection and recollection retelling); the presence of a “tension line” between male hegemony in the existing social order and the destructive tendency of legal equality (equal pay for equal work regardless of gender).⁶²

The second obvious conclusion when comparing male and female autobiographies is the individualization and independence of one’s own *Self* in stories about life: for every man his masculinity is a “competitive structure” in his own recollection stories, and therefore, it assumes that the narrator talks only about himself.⁶³

The third conclusion: the comparability of male ideas about ideal masculinity for each age cohort: with certain personal features, almost all men of all ages include such characteristics as professionalism, realism in the assessment of the surrounding reality, and personal responsibility in the image of the “real man”; and, as if everyone is in collusion, no one tries to assess the degree of masculinity through attitudes towards women. Men’s autobiographies are simply poor in such plots: men even try to answer direct questions (How did you meet your spouse?) evasively, with excuses, briefly. In the case of the interviewer’s perseverance, sometimes it is even not joyful events, which brought together their families in the past and the present, that they recall, but the “problem areas” of family life, e.g., dissatisfaction with the wife’s too high professional engagement. However, we should not forget that the sex of the researcher, the story-collector, is also of importance when accumulating material about men’s lives: when talking to a female interviewer, the narrator describes the same life events differently than in the case with a male interviewer (in the latter case, there is a male community that emerges immediately, and, at the same time, hierarchies typical for relations between men).⁶⁴

Gender aspect of studying the psychology of memory: main results

Difficulties and discrepancies in the interpretation of the results obtained about differences in male and female assessments of events are usually explained by a simplified approach to systematizing the emotional reactions “recorded” in the memory of individuals. In conventional research schemes, they are simply divided into negative and positive, while in reality, emotional reactions are not reducible to a simple scheme or to the two categories indicated above. R. Fivush, who was particularly engaged in the study of emotional experiences in stories about the past by representatives of different generations, noted that almost all women tend to view the “emotional” as the basis of interpersonal constructs, and men tend to assume that it constructs the individual, pri-

⁶¹ B. Dausien, “Die biographische Konstruktion von Geschlecht,” in N. Schneider, R.A. Mall, and D. Lohmar. *Einheit und Vielfalt. Das verstehen der Kulturen* (Amsterdam: Atlanta, 1998), 565.

⁶² H. Keupp, *Identitätskonstruktionen. Das Patchwork der Identitäten in der Spätmoderne* (Herbolzheim: Rowohlt, 2000).

⁶³ M. Meuser, *Geschlecht und Männlichkeit. Soziologische Theorie und kulturelle Deutungsmuster* (Opladen: Leske + Budrich, 1998), 16.

⁶⁴ S. Scholz, *Männlichkeit erzählen. Lebensgeschichtliche Identitätskonstruktionen ostdeutscher Männer* (Münster: Westfaelisches Dampfboot, 2004).

vate world of a person.⁶⁵ In addition, the verbal palette for describing the experiences is incomparably wider in women and girls than in men.⁶⁶

How possible is it to combine individual autobiographical narratives – male or female – for memory analysis? What techniques can be offered here? In order to formalize the material described in autobiographies (life stories, recollections, etc.), some researchers propose to separate individual episodes of biographies (personal memory) and common, “recollected” memory (similar episodes of biographies of representatives of the same social class, generation and so on.) – “a set of similar individual life episodes”⁶⁷, which were not something special, distinguished for memorization, but were firmly imprinted in the memory, as time passed.

An important aspect of the psychological study of memory is the question of *whose* memory the text reproduces, and the answer to it lies in what causes the recollection of this or that event, what is the reason for writing the autobiography, who – in a simpler case – demands, “Recall!” (and consequently, “Forget!” regarding other information). In a broader sense, this is a question of the interaction of an individual and the cultural stereotypes which construct his or her “remembrance” and make him or her omit something that is not essential for society. T. Trabasso, who studied the influence of these stereotypes, came to the conclusion that memorization from this point of view is determined by social roles, knowledge, beliefs, attitudes, values, social connections and relations, the ability to use language to express these experiences (linguistic competence), motivation for respect for one person or another.⁶⁸ In the relationship between an adult and a child, the question of whose memory is reproduced by a recollection is particularly acute; however, in the relationship between, e.g. a journalist and a narrator, an ethnographer and a respondent, this question turns out to be relevant, although more hidden.⁶⁹

⁶⁵ R. Fivush, and J. Kübli, “Making Everyday Events Emotional: The Construal of Emotion in Parent-Child Conversations About the Past,” in N.L. Stein. *Memory for everyday and emotional events* (Chicago: [S.n.], 1997) 239–267.

⁶⁶ S. Engel, “The role of mother-child interaction in autobiographical recall,” in J.A. Hudson, *Learning to talk about the past. Symposium conducted at the Conference on Human Development* (Nashville: Cambridge University Press, 1986); P. Miller, “Narrative practices: Their role in socialization and self-construction,” in U. Neisser, and R. Fivush. *The remembering self: Construction and accuracy in the life narrative* (New York: Plenum, 1994), 158–179.

⁶⁷ W.F. Brewer, “Children’s Eyewitness Memory Research: Implications From Schema Memory and Autobiographical Memory Research,” in N.L. Stein. *Memory for everyday and emotional events* (Chicago: [S.n.], 1997), 453–467; N.L. Pushkareva, “Obshchaya liniya zhizni i reprezentatsiya uspekhov v avtobiografiyakh i avtobiograficheskikh interv’y u zhenshchin-uchenykh,” [General line of life and representation of success in autobiographies and autobiographical interviews of women scientists] *Tractus aevorum*, no. 1 (2014): 15–28.

⁶⁸ T. Trabasso, and S. Suh, “Understanding text: achieving explanatory coherence through on-line inferences and mental operations in working memory,” *Discourse Processes*, no. 16 (1993): 3–34; T. Trabasso, S. Sun, and P. Payton, “Explanatory coherence in communication about narrative understanding of events,” in M.A. Gernsbacher, and T. Givon. *Text coherence as a mental entity* (Amsterdam: John Benjamins, 1995), 189–214.

⁶⁹ “Polovaya differentsiatsiya v zerkale feministskoy psikhologii,” [Sexual differentiation in the mirror of feminist psychology] *Sotsial’nyye i gumanitarnyye nauki. Seriya sotsiologiya*, no. 3–4, 1993;

Finally, the written text of the recollections always contains the author's intention to take them down – it also derives from the factors listed above (values, beliefs, etc.). It is not surprising that, wishing to remove the mediation described above, psychologists (and not at all adherents of feminist anthropology, in which the requirement below is one of the fundamental ones) are now actively proposing to conduct audio and video recording of reported recollections, in order to obtain additional information about what is hidden intentionally or unwillingly, to analyze non-verbal interactions.⁷⁰

Ultimately, the analysis of poorly researched female autobiographies (which are even referred to as *autogynographies* in feminist literature) versus male or autonomous ones is the basis for the tactics of building one of the grounded theory about the functioning of the female community. The unrealized task so far consists not so much in confirming or verifying existing opinions and assessments concerning the texts themselves, but in creating – through testing hypotheses – some mini-theory concerning certain general social female experience or, more precisely, the survival of women in the male community. Of course, the experience of historical analysis, “oral history” helps to fill those pages of women's history that have been documented scarcely and poorly. Therefore, women's autobiographies are a way to create a “databank”, an “archive of women's history”; to enrich the knowledge about the socio-historical context of women's life in different historical eras. Externally similar facts of life, sometimes hide different social meanings of human actions, social behavior of individuals. The discovery of the gender aspect of these differences is a heuristically relevant and important research task.⁷¹

© Пушкарёва Н.Л., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Рукопись поступила: 19 октября 2018 г.

Submitted: 19 October 2018

Библиографический список

Аскин В. Категория будущего и принципы ее воплощения в искусстве // Ритм, пространство и время в искусстве. М.: Наука, 1974. С. 63–73.

Бушканец Е.Г. Мемуарные источники. Казань: Казанский пед. институт, 1975.

Вересаев В.В. Пушкин в жизни М.: Советский писатель, 1936.

Гальперин И.П. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Советский писатель, 1971.

Гаранин Л.Я. Мемуарный жанр советской литературы. Минск: Наука и техника, 1986.

N.L. Pushkareva, “Memuary i avtobiografii zhenshchin kak issledovatel'skiy «poligon» dlya izucheniya “zhenskogo pis'ma”.” [Memoirs and autobiographies of women as a research “testing ground” for the study of ‘female letters’] In *Ye.R. Dashkova i XVIII vek. Traditsii i novyye podkhody* [Ye.R. Dashkova and the XVIII century. Traditions and New Approaches]. Moscow: MGI Ye.R. Dashkovoy Publ., 2012, 224–241.

⁷⁰ T. Trabasso, “Whose memory is it? The Social context of remembering,” in N.L. Stein, *Memory for everyday and emotional events*, 429–445.

⁷¹ S.B. Gluck, and D. Patai, *Women's Words: The feminist Practice of Oral History* (New York: The Feminist Press, 1991); C. Ellis, and A.P. Bocher, *Composing Ethnography: alternative forms of Qualitative Writing* (California: Walnut Creek, CA, 1996), <http://frank.mtsu.edu/~kmiddlelet/history/women.html>.

- Голубцов В.С. Мемуары как источников по истории советского общества. М.: Издательство Московского университета, 1970.
- Голубева Е.И. Лингвостилистические средства выражения объективного и субъективного факторов в жанре автобиографии. Дисс. ... к. фил. н. М.: [Б.и.], 1987.
- Гинзбург А.Я. О психологической прозе. Л.: Художественная литература (Ленинградское отделение), 1971.
- Гуревич А.Я. Социальная психология и история. Источниковедческий аспект // Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М.: Наука, 1969. С. 392.
- Елчинова М. Автобиографичният разказ като самопредставяне // Българският фолклор. 1994. № 6.
- Кестен С.А. Повествовательный стиль автобиографических произведений Рене. Ташкент: Изд-во Ташкентского университета, 1970.
- Кузнецов М. Мемуарная проза // Жанрово-стилистические искания современной советской прозы. М.: Наука, 1971. С. 120–148.
- Ланищев А. Обязанности свидетеля, права художника // Вопросы литературы. 1974. № 4. С. 45–131.
- Левицкий Л. Мемуары // Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 759.
- Левковская Н.А. Категория времени как одно из средств связи текста мемуарного жанра // Сборник научных трудов ин-т им. М.Тореза. М.: Институт им. М.Тореза. 1981. С. 19–25.
- Лейдерман Н.Л. Движение времени и законы жанра. Свердловск: Средне-урал. кн. изд-во, 1982.
- Лежён Ф. Сто лет борьбы с автобиографией // Иностранная литература. 2000. № 4. С. 110–121.
- Макашин С.А. Предисловие // М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М.: Гос. Изд-во художественной литературы, 1957.
- Мережинская А.Ю. Мемуарно-автобиографическая проза 70-х гг. (проблематика и поэтика). Автореф. ... канд. филолог. Наук. Киев: [Б.и.], 1981.
- Подорога В.П. Автобиография. М.: Логос, 2001.
- Покровский М.Н. Мемуары участников революции // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 7–8.
- Пушкарёва Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. 2000. № 3. С. 62–70.
- Пушкарёва Н.Л. «Пишите себя!» (Гендерные особенности письма и чтения) // Е.А. Вишленкова. Сотворение истории. Человек. Память. Текст. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 241–274.
- Пушкарёва Н.Л. «Пишите себя!» Задачи исследования ранних женских автобиографий // Gender-Forschung in der Slawistik. Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 55. Wien: Ges. zur Förderung slawistischer Studien, 2002. P. 333–349.
- Пушкарёва Н.Л. Общая линия жизни и репрезентация успешности в автобиографиях и автобиографических интервью женщин-ученых // Tractus aevorum. 2014. № 1. С. 15–28.
- Пушкарёва Н.Л. Память о повседневном женщине из среды научных работников // Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социо-религиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2007. С. 303–313.
- Пушкарёва Н.Л. Мемуары и автобиографии женщин как исследовательский «полигон» для изучения «женского письма» // Л.В. Тычинина. Е.Р. Дашкова и XVIII век. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2012. С. 224–241.
- Савкина И.Л. Автодокументальные русские тексты первой половины XIX в. Tampere: University of Tampere, 2000.
- Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. М.: Наука, 1980.
- Тартаковский А.Г. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. 1999. № 2–3. С. 35–55.
- Урбан А. Художественная автобиография и документ // Звезда. 1977. № 2. С. 192–208.
- Фридлов Ф.Ф. Литературные силуэты // Новое слово. 1914. № 1. С. 68–75.
- Черноморский М.Н. Мемуары как исторический источник. М.: МГИАН МВО СССР, 1959.
- Черноморский М.Н. Работа с мемуарами при изучении истории КПСС. М.: Высшая школа, 1961.
- Шайтанов И. Непроявленный жанр // Вопросы литературы. 1979. № 2. С. 50–77.

- Шоц С. Забележителното отсъствие на жени в биографичните разкази на източногермански мъже // Българска етнология. 2004. № 2. С. 5–23.
- Янская И.С., Кардин Э.В. Пределы достоверности. Очерки документальной литературы. М.: Советский писатель, 1981.
- Andrew J. Women in Russian Literature, 1780–1863. Basingstoke and London: Macmillan, 1988.
- Alien J.G., Haccoun D.M. Sex differences in emotionality: A multidimensional approach // *Human Relations*. 1976. № 29. P. 711–722.
- Alien J.G., Hamsher J.H. The development and validation of a test of emotional styles // *Journal of Counseling and Clinical Psychology*. 1974. № 42. P. 663–668.
- Aroutunova B. *Lives in Letters: Princess Zinaida Volkonskaya and her Correspondence*. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1994.
- Baddeley A.D., Lewis V., Nimmo-Smith I. When did you last... ? // Gruneberg M.M., Morris P.E., Sykes R.N. *Practical aspects of memory*. New York: Cambridge University Press, 1978. P. 77–83.
- Balina M. Introduction: Russian Autobiographies of the Twentieth Century: Fictions of the Self // *A/B (Auto/Biography Studies)*. 1996. № 2. P. 3–7.
- Barsalou L.W. The content and organization of autobiographical memories // Neisser U., Winograd E. *Remembering reconsidered*. New York – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 193–243.
- Bransford J.D. *Learning, understanding, and remembering*. Belmont (CA): Wadsworth, 1979.
- Brewer W.F. Children's Eyewitness Memory Research: Implications From Schema Memory and Autobiographical Memory Research // Stein N.L. *Memory for everyday and emotional events*. Chicago: [S.n.], 1997. P. 453–467.
- Bower G. Emotion and memory // Christianson S.A. *Handbook of emotion and memory*. Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1992. P. 3–31.
- Christianson S.A. Emotional stress and eyewitness memory: A critical review // *Psychological Bulletin*. 1992. № 2. P. 284–309.
- Davis P. Gender differences in autobiographical memory. Paper presented at the NATO Advanced Research Conference: Theoretical perspectives on autobiographical memory (July 1991). London: La Grange, 1991.
- Dausien B. Die biographische Konstruktion von Geschlecht // Schneider N., Mall R.A., Lohmar D. *Einheit und Vielfalt. Das verstehen der Kulturen*. Amsterdam-Atlanta: [S.n.], 1998. P. 256–275.
- Dausien B. Die biographische Konstruktion von Geschlecht // Schneider N., Mall R.A., Lohmar D. *Einheit und Vielfalt. Das verstehen der Kulturen*. Amsterdam-Atlanta: [S.n.], 1998. P. 565.
- Eckman P. *Telling lies*. New York: Norton, 1985.
- Eckman P., Friesen W.V. Constants across cultures in the face and emotion // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1971. № 17. P. 124–129.
- Engel S. The role of mother-child interaction in autobiographical recall // Hudson J.A. *Learning to talk about the past*. Symposium conducted at the Conference on Human Development. Nashville (TN): Cambridge University Press, 1986. P. 196–206.
- Ellis C., Bocher A.P. *Composing Ethnography: alternative forms of Qualitative Writing*. California: Walnut Creek, 1996. URL: <http://frank.mtsu.edu/~kmiddlet/history/women.html>
- Fivush R. Gender and emotion in mother-child conversations about the past // *Journal of Narrative and Life History*. 1991. № 1. P. 325–334.
- Fivush R., Kübli J. Making Everyday Events Emotional: The Construal of Emotion in Parent-Child Conversations About the Past // Stein N.L. *Memory for everyday and emotional events*. Chicago: [S.n.], 1997. P. 239–267.
- Goodman G., Hirshman J., Hepps D., Rudy L. Children's memory for stressful events // *Merrill-Palmer Quarterly*. 1991. № 1. P. 109–158.
- Glagau H. *Die moderne Selbstbiographie als historische Quelle*. Marburg: Elwert, 1903.
- Gluck S.B., Patai D. *Women's Words: The feminist Practice of Oral History*. New York: The Feminist Press, 1991.
- Gusdorf G. *Conditions and Limits of Autobiography (1956)* // Olney J. *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. Princeton (New Jersey): Princeton University Press, 1980. P. 28–48.

- Harris J.G. Diversity of Discourse: Autobiographical Statements // *Autobiographical Statements in Twentieth-Century Russian Literature*. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1990. P. 14–24.
- Hawkins N. Die Relevanz der Familie in der biographischen Selbstdeutung von Männern // Kohli M., Robert G. *Biographie und soziale Wirklichkeit*. Stuttgart: Böhnisch, 1984. P. 217–238.
- Keupp H. Identitätskonstruktionen. Das Patchwork der Identitäten in der Spätmoderne. Herbolzheim: Rowohlt, 2000.
- Kuebli J., Fivush R. Gender differences in parent-child conversations about past emotions // *Sex Roles*. 1992. № 27. P. 683–698.
- Lehmann A. *Erzählstruktur und Lebenslauf. Autobiografische Untersuchungen*. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 1983.
- Linton M. Transformations of memory in everyday life // Neisser U. *Memory observed*. San Francisco: Freeman, 1982. P. 77–91.
- Huxley A. *The genius and the goddess*. New York: Harper and Brothers, 1955.
- Lutz C. Parental goals, ethnopscyhology, and the emotional meaning // *Ethos*. 1983. № 11. P. 246–262.
- Lutz C., White G.M. The anthropology of emotions // *Annual Review of Anthropology*. 1986. № 15. P. 405–436.
- Mandler J.M. The development of event memory // Klix K., Hagendorf H. *Human memory and cognitive capabilities*. Amsterdam: Elsevier, 1986. P. 459–467.
- Miller P. Narrative practices: Their role in socialization and self-construction // Neisser U., Fivush R. *The remembering self: Construction and accuracy in the life narrative*. New York: Plenum, 1994. P. 158–179.
- Meuser M. *Geschlecht und Männlichkeit. Soziologische Theorie und kulturelle Deutungsmuster*. Opladen: Leske + Budrich, 1998.
- Nelson K. Remembering and telling: A developmental story // *Journal of Narrative and Life History*. 1991. № 1, no. 1. P. 109–128.
- Ranke von L. *Denkwürdigkeiten der Staatskzlers Fursten von Hardenberg (1793–1813)*. Berlin: Dunker & Humblot, 1877.
- Robinson J.A. Temporal reference systems and autobiographical memory // Rubin D.C. *Autobiographical memory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 159–188.
- Ross M., Holmberg D. Recounting the past: Gender differences in the recall of events in the history of a close relationship // Olson J.M., Zanna M.P. *Self-inference processes. The Ontario Symposium*. Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1990. P. 135–152.
- Ross M. Validating memoirs // Stein N.L., Ornstein P., Tversky B., Brainerd C. *Memory for everyday and emotional events*. Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1997. P. 51–69.
- Scholz S. *Männlichkeiten erforschen // Potsdamer Studien zur Frauen- und Geschlechterforschung*. 2000. № 1–2. P. 6–21.
- Scholz S. *Männlichkeit erzählen. Lebensgeschichtliche Identitätskonstruktionen ostdeutscher Männer*. Münster: Westfaelisches Dampfboot, 2004.
- Stein N.L., Liwag M.D. *Parents' and children's memory for real-life emotional events*. Chicago: University of Chicago, 1994.
- Stein N.L. Children's memory for emotional events. Implications for testimony // Pezdek K., Banks W.P. *The recovered memory*. San Diego (CA): Academic Press, 1997. P. 297–311.
- Stein N.L., Ornstein P., Tversky B., Brainerd C. *Memory for everyday and emotional events. Papers presented at a conference*. Mahwah (New Jersey): Erlbaum, 1997.
- Trabasso T., Suh S. Understanding text: achieving explanatory coherence through on-line inferences and mental operations in working memory // *Discourse Processes*. 1993. № 16. P. 3–34.
- Trabasso T., Sun S., Payton P. Explanatory coherence in communication about narrative understanding of events // Gernsbacher M.A., Givon T. *Text coherence as a mental entity*. Amsterdam: John Benjamins, 1995. P. 189–214.
- Trabasso T. *Whose Memory Is It? The Social Context of Remembering* // Stein N.L. *Memory for everyday and emotional events*. Chicago: Chicago University, 1997. P. 429–445.

- Trüeb K. Von der merkwürdigen Absenz der Frauen in männlichen Lebensgeschichten // Spuchler G. Vielstimmiges Gedächtnis. Beiträge zur Oral History. Zürich: Chronos, 1994. P. 79–94.
- Zahn-Waxler C., Cole P., Barrett K. Guilt and empathy: Sex differences and implications for the development of depression // Garber J., Dodge K. The development of emotion regulation and dysregulation. Cambridge studies in social and emotional development. New York-Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 141–164.

References

- Andrew, J. *Women in Russian Literature, 1780–1863*. Basingstoke; London: Macmillan Publ., 1988.
- Alien, J.G., and Haccoun, D.M. “Sex differences in emotionality: A multidimensional approach.” *Human Relations*, no. 29 (1976): 711–722.
- Alien, J.G., and Hamsher, J.H. “The development and validation of a test of emotional styles.” *Journal of Counseling and Clinical Psychology*, no. 42 (1974): 663–668.
- Askin, V. “Kategoriya budushchego i printsipy yeye voploshcheniya v iskusstve.” In *Ritm, prostranstvo i vremya v iskusstve*. Moscow: Nauka Publ., 1974 (in Russian).
- Aroutunova, B. *Lives in Letters: Princess Zinaida Volkonskaya and her Correspondence*. Columbus, Ohio: Slavica Publishers Publ., 1994.
- Baddeley, A.D., Lewis, V., and Nimmo-Smith, I. “When did you last... ?” In M.M. Gruneberg, P.E. Morris, R. N. Sykes. *Practical aspects of memory*. New York: Cambridge University Press Publ., 1978.
- Balina, M. “Introduction: Russian Autobiographies of the Twentieth Century: Fictions of the Self.” *A/B (Auto/Biography Studies)*, no. 2 (1996): 3–7.
- Barsalou, L.W. “The content and organization of autobiographical memories.” In Neisser U., Winograd E. *Remembering reconsidered*. New York; Cambridge: Cambridge University Press Publ., 1988.
- Bower, G. “Emotion and memory.” In S. A. Christianson. *Handbook of emotion and memory*. Hillsdale (NJ): Erlbaum Publ., 1992.
- Bransford, J.D. *Learning, understanding, and remembering*. Belmont (CA): Wadsworth Publ., 1979.
- Brewer, W.F. “Children’s Eyewitness Memory Research: Implications From Schema Memory and Autobiographical Memory Research.” In Stein, N.L. *Memory for everyday and emotional events*. Chicago: [S.n.], 1997.
- Bushkanets, Ye.G. *Memuarnyye istochniki*. Kazan’: Kazanskiy ped.institut Publ., 1975 (in Russian).
- Chernomorskiy, M.N. *Memuary kak istoricheskiy istochnik*. Moscow: MGIAN MVO SSSR Publ., 1959 (in Russian).
- Chernomorskiy, M.N. *Rabota s memuarami pri izuchenii istorii KPSS*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1961 (in Russian).
- Christianson, S. A. “Emotional stress and eyewitness memory: A critical review.” *Psychological Bulletin*, no. 2 (1992): 284–309.
- Dausien, B. “Die biographische Konstruktion von Geschlecht.” In N. Schneider, R.A. Mall, D. Lohmar. *Einheit und Vielfalt. Das verstehen der Kulturen*. Amsterdam: Atlanta Publ., 1998 (in German).
- Davis, P. *Gender differences in autobiographical memory. Paper presented at the NATO Advanced Research Conference: Theoretical perspectives on autobiographical memory (July 1991)*. London: La Grange Publ., 1991.
- Eckman, P., and Friesen W.V. “Constants across cultures in the face and emotion.” *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 17 (1971): 124–129.
- Eckman, P. *Telling lies*. New York: Norton Publ., 1985.
- Engel, S. “The role of mother-child interaction in autobiographical recall.” In J.A. Hudson. *Learning to talk about the past. Symposium conducted at the Conference on Human Development*. Nashville: Cambridge University Press Publ., 1986.
- Ellis, C., and Bocher, A.P. *Composing Ethnography: alternative forms of Qualitative Writing*. California: Walnut Creek Publ., 1996. <http://frank.mtsu.edu/~kmiddlet/history/women.html>
- Fridlev, F.F. “Literaturnyye siluety.” *Novoye slovy*, no. 1 (1914): 68–75 (in Russian).
- Fivush, R. “Gender and emotion in mother-child conversations about the past.” *Journal of Narrative and Life History*, no. 1 (1991): 325–334.

- Fivush, R., and Kübli, J. "Making everyday events emotional: The construal of emotion in parent-child Conversations about the past." In Stein, N.L. *Memory for everyday and emotional events*. Chicago: [S.n.], 1997.
- Gal'perin, I.R. *Tekst kak ob'yekt lingvisticheskogo issledovaniya*. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1971 (in Russian).
- Garanin, L.Ya. *Memuarnyy zhanr sovetskoy literatury*. Minsk: Nauka i tekhnika Publ., 1986 (in Russian).
- Golubtsov, V.S. *Memuary kak istochnikov po istorii sovetskogo obshchestva*. Moscow: Moscow University Publ., 1970 (in Russian).
- Golubeva, Ye.I. *Lingvostilisticheskiye sredstva vyrazheniya ob'yektivnogo i sub'yektivnogo faktorov v zhanre avtobiografii*. PhD (Philology) diss. Moscow: [S.n.], 1987 (in Russian).
- Goodman, G., Hirshman, J., Hepps, D., and Rudy, L. "Children's memory for stressful events" *Merrill-Palmer Quarterly*, no. 1 (1991): 109–158.
- Glagau, H. *Die moderne Selbstbiographie als historische Quelle*. Marburg: Elwert Publ., 1903 (in German).
- Gluck, S.B., and Patai, D. *Women's Words: The feminist Practice of Oral History*. New York: The Feminist Press Publ., 1991.
- Ginzburg, A.Ya. *O psikhologicheskoy proze*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1971 (in Russian).
- Gurevich, A.Ya. "Sotsial'naya psikhologiya i istoriya. Istochnikovedcheskiy aspekt." In *Istochnikovedeniye. Teoreticheskiye i metodologicheskiye problem*. Moscow: Nauka Publ., 1969 (in Russian).
- Gusdorf, G. "Conditions and Limits of Autobiography." In Olney, J. *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. Princeton (New Jersey): Princeton University Press Publ., 1980.
- Harris, J.G. "Diversity of Discourse: Autobiographical Statements." In *Autobiographical Statements in Twentieth-Century Russian Literature*. Princeton (NJ): Princeton University Press Publ., 1990.
- Hawkins, N. "Die Relevanz der Familie in der biographischen Selbstdeutung von Männern." In Huxley, A. *The genius and the goddess*. New York: Harper and Brothers Publ., 1955.
- Kesten, S.A. *Povestvovatel'nyy stil' avtobiograficheskikh proizvedeniy Rene*. Tashkent: Izd-vo Tashkent-skogo universiteta Publ., 1970 (in Russian).
- Keupp, H. *Identitätskonstruktionen. Das Patchwork der Identitäten in der Spätmoderne*. Herbolzheim: Rowohlt. Publ., 2000.
- Kuebli, J., and Fivush, R. "Gender differences in parent-child conversations about past emotions." *Sex Roles*, no. 27 (1992): 683–698.
- M. Kohli, and G. Robert. *Biographie und soziale Wirklichkeit*. Stuttgart: Böhnisch Publ., 1984 (in German).
- Kuznetsov, M. "Memuarnaya proza." In *Zhanrovo-stilisticheskiye iskaniya sovremennoy sovetskoy prozy*. Moscow: Nauka Publ., 1971 (in Russian).
- Lanshchikov, A. "Obyazannosti svidetelya, prava khudozhnika." *Voprosy literatury*, no. 4 (1974): 45–131 (in Russian).
- Levitskiy, L. "Memuary." In *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1967 (in Russian).
- Levkovskaya, N.A. "Kategoriya vremeni kak odno iz sredstv svyazi teksta memuarnogo zhanra." In *Sbornik nauchnykh trudov in-t im. M.Toreza*. Moscow: Institut im. M. Toreza Publ., 1981 (in Russian).
- Leyderman, N.L. *Dvizheniye vremeni i zakony zhanra*. Sverdlovsk: Middle Ural Book Publishing Publ., 1982 (in Russian).
- Lezhon, F. "Sto let bor'by s avtobiografiyey." *Inostrannaya literature*, no. 4 (2000): 110–121 (in Russian).
- Lehmann, A. *Erzählstruktur und Lebenslauf. Autobiografische Untersuchungen*. Frankfurt am Main: Campus Verlag Publ., 1983 (in German).
- Linton, M. "Transformations of memory in everyday life." In U. Neisser. *Memory observed*. San Francisco: Freeman Publ., 1982.
- Lutz, C., and White, G. M. "The anthropology of emotions." *Annual Review of Anthropology*, no. 15 (1986): 405–436.
- Lutz, C. "Parental goals, ethnopsychology, and the emotional meaning." *Ethos*, no. 11 (1983): 246–262.
- Mandler, J. M. "The development of event memory." In K. Klix, H. Hagendorf. *Human memory and cognitive capabilities*. Amsterdam: Elsevier Publ., 1986.

- Makashin, S.A. "Predisloviye." In *M.Ye. Saltykov-Shchedrin v vospominaniyakh sovremennikov*. Moscow: State Fiction Publ., 1957 (in Russian).
- Merezhinskaya, A.Yu. *Memuarno-avtobiograficheskaya proza 70-kh gg. (problematika i poetika)*. PhD (Philology) diss. Kiyev: [S.n.], 1981 (in Russian).
- Meuser, M. *Geschlecht und Männlichkeit. Soziologische Theorie und kulturelle Deutungsmuster*. Opladen: Leske + Budrich Publ., 1998 (in German).
- Miller, P. "Narrative practices: Their role in socialization and self-construction." In U. Neisser, R. Fivush. *The remembering self: Construction and accuracy in the life narrative*. New York: Plenum Publ., 1994.
- Nelson, K. "Remembering and telling: A developmental story." *Journal of Narrative and Life History*, no. 1 (1991): 109–128.
- Podoroga, V.P. "Vopros o metode." In V.P. Podoroga. *Avtobiografiya*. Moscow: Logos Publ., 2001 (in Russian).
- Pokrovskiy, M.N. "Memuary uchastnikov revolyutsii." *Proletarskaya revolyutsiya*, no. 1 (1921): 7–8 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. "U istokov zhenskoy avtobiografii v Rossii." *Filologicheskiye nauki*, no. 3 (2000): 62–70 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. "'Pishite sebya!' (Gendernyye osobennosti pis'ma i chteniya)." In Ye.A. Vishlenkova. *Sotvoreniye istorii. Chelovek. Pamyat'. Tekst*. Kazan': Master Layn Publ., 2001 (in Russian).
- Pushkareva N.L. "'Pishite sebya!' Zadachi issledovaniya rannikh zhenskikh avtobiografii." In *Gender-Forschung in der Slawistik. Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 55*, 333–349. Wien: Ges. zur Förderung slawistischer Studien, 2002 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. "Obshchaya liniya zhizni i reprezentatsiya uspeshnosti v avtobiografiyakh i avtobiograficheskikh interv'yu zhenshchin-uchenykh." *Tractus aevorum*, no. 1 (2014): 15–28 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. "Pamyat' o povsednevnom zhenshchin iz srede nauchnykh rabotnikov." In *Aktual'nyye problemy iz istoricheskogo poshlogo i sovremennosti v obshchestvenno-gumanitarnykh i sotsio-religiyevedcheskikh naukakh Belarusi, blizhnego i dal'nego zarubezh'ya*, 303–313. Vitebsk: VGU imeni P. M. Masherova Publ., 2007 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. "Memuary i avtobiografii zhenshchin kak issledovatel'skiy «poligon» dlya izucheniya 'zhenskogo pis'ma'." In L.V. Tychinina. *Ye.R. Dashkova i XVIII vek*. Moscow: MGI im. Ye.R. Dashkovoy Publ., 2012 (in Russian).
- Ranke, L. von. *Denkwürdigkeiten der Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg (1793–1813)*. Berlin: Dunker & Humblot Publ., 1877 (in German).
- Robinson, J. A. "Temporal reference systems and autobiographical memory." In D.C. Rubin. *Autobiographical memory*. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 1986.
- Ross, M., and Holmberg, D. "Recounting the past: Gender differences in the recall of events in the history of a close relationship." In J.M. Olson, M.P. Zanna. *Self-inference processes: The Ontario Symposium*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publishers Publ., 1990.
- Ross, M. "Validating memoirs." In N.L. Stein, P. Ornstein, B. Tversky, C. Brainerd. *Memory for everyday and emotional events*. Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum Associates Publishers Publ., 1997.
- Savkina, I.L. *Avtodokumental'nyye russkiye teksty pervoy poloviny XIX v.* Tampere: University of Tampere, 2000 (in Russian).
- Scholz, S. *Männlichkeit erzählen. Lebensgeschichtliche Identitätskonstruktionen ostdeutscher Männer*. Münster: Westfaelisches Dampfboot Publ., 2004 (in German).
- Scholz, S. "Männlichkeiten erforschen." *Potsdamer Studien zur Frauen- und Geschlechterforschung*, no. 1–2 (2000): 6–21 (in German).
- Sholts, S. "Zabelezhitelnoto ots'tviye na zheni v biografichnite razkazi na iztochnogermanski m"zhe." *B'lgarska yetnologiya*, no. 2 (2004): 5–23 (in Russian).
- Shaytanov, I. "Neproayavlennyy zhanr." *Voprosy literatury*, no. 2 (1979): 50–77 (in Russian).
- Sholts, S. "Zabelezhitelnoto ot-süstvie na zheni v biografichnite razkazi na iztochnogermanski müzhe." *B'lgarska etnologiya*, no. 4 (2004): 5–23 (in Russian).
- Stein, N. L. *Memory for everyday and emotional events*. Chicago: University of Chicago Publ., 1997.

- Stein, N.L., and Liwag, M.D. *Parents' and children's memory for real-life emotional events*. Chicago: University of Chicago Publ., 1994.
- Stein, N.L., Ornstein, P., Tversky, B., and Brainerd, C. *Memory for everyday and emotional events. Papers presented at a conference, University of Chicago, May 1993*. Mahwah (New Jersey): Erlbaum Publ., 1997.
- Stein, N.L. "Children's memory for emotional events. Implications for testimony." In K. Pezdek, W.P. Banks. *The recovered memory / false memory debate*. San Diego (CA): Academic Press Publ., 1997.
- Veresayev, V.V. *Pushkin v zhizni*. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1936 (in Russian).
- Tartakovskiy, A.G. *1812 god i russkaya memuaristika*. Moscow: Nauka Publ., 1980 (in Russian).
- Tartakovskiy, A.G. "Memuaristika kak fenomen kul'tury." *Voprosy literatury*, no. 2–3 (1999): 35–55 (in Russian).
- Trabasso, T. "Whose memory is it? The social context of remembering." In N.L. Stein. *Memory for everyday and emotional events*. Chicago: Chicago University Publ., 1997.
- Trabasso, T., and Suh, S. "Understanding text: achieving explanatory coherence through on-line inferences and mental operations in working memory." *Discourse Processes*, no. 16 (1993): 3–34.
- Trabasso, T., Sun, S., and Payton, P. "Explanatory coherence in communication about narrative understanding of events." In M.A. Gernsbacher, T. Givon. *Text coherence as a mental entity*. Amsterdam: John Benjamins Publ., 1995.
- Trüeb, K. "Von der merkwürdigen Absenz der Frauen in männlichen Lebensgeschichten." In G. Spuchler. *Vielstimmiges Gedächtnis. Beiträge zur Oral History*. Zürich: Chronos Publ., 1994 (in German).
- Urban, A. "Khudozhestvennaya avtobiografiya i document." *Zvezda*, no. 2 (1977): 192–208 (in Russian).
- Yanskaya, I.S., and Kardin, E.V. *Predely dostovernosti. Ocherki dokumental'noy literatury*. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1981 (in Russian).
- Yelchinova, M. "Avtobiografichniyat razkaz kato samopredstavlyane." *B'lgarskiy folklore*, no. 6 (1994) (in Russian).
- Zahn-Waxler, C., Cole, P., and Barrett, K. "Guilt and empathy: Sex differences and implications for the development of depression." In Garber, J., and Dodge, K. *The development of emotion regulation and dysregulation. Cambridge studies in social and emotional development*. New York; Cambridge: Cambridge University Press Publ., 1991.

Информация об авторе / Information about the author

Пушкарёва Наталья Львовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Президент Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ).

Natalia L. Pushkareva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the sector of ethnic and gender studies, N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, President of the Russian Association for the Study of Women's History (RAIZHI).

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-246-277>

Научная статья / Research article

**«*Душа человеческая разрушается от войны...*»:
письменные источники периода Первой мировой войны
как ресурс гендерно ориентированной истории эмоций**

О.В. Чуракова

Высшая школа социально-гуманитарных наук и международных коммуникаций
Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;
163002, Россия, Архангельск, Набережная Северной Двины, д. 17; koi202@mail.ru

***“Human soul is destroyed by war...”:
written sources of World War I period
as a resource for gender-oriented history of emotions***

Olga V. Churakova

Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
17, Nabereznay Severnoy Dviny, Arkhangelsk, 163002, Russia; koi202@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются проблемы и перспективы использования письменных источников периода Первой мировой войны для проведения гендерной экспертизы российского прошлого в русле истории эмоций как актуального направления культурно-исторической антропологии. Понятия «эмоции» и «чувства» в данном случае рассматриваются как синонимы. Комплекс письменных «гендерно-окрашенных» источников за 1914–1918 гг. достаточно велик и разнообразен и включает в себя архивные материалы, коллекции документов историко-партийных комиссий, мемуары, письма, дневники, женскую прессу, анкеты («самопереписи») слушательниц высших женских курсов. Однако данный корпус свидетельств прошлого неравноценен по степени трансляции чувств и отражению эмоционального фона эпохи. Автором проведено ранжирование эмоциональных сообществ по социальной принадлежности и «слышимости» голосов в истории – репрезентативности источников. К первой категории эмоциональных сообществ относятся представительницы правящего до марта 1917 г. Дома Романовых и аристократки. Их документы личного происхождения опубликованы в достаточной мере, обширные фонды документов находятся в центральных российских и зарубежных архивах. Часть женщин элиты входила в другое эмоциональное сообщество – «фронтовички». Третьей категорией эмоциональных сообществ являются городские жительницы. Их «разноголосоца» представлена частично меморатом, а также отражена в материалах женских журналов, студенческих анкетах, документах региональных архивов. Наименее представлены с точки зрения эмоций самые многочисленные сообщества – крестьянки и солдатки, несмотря на то, что повседневная жизнь и ценностные ориентации последних хорошо исследованы. Для выявления психологической матрицы эпохи важно использовать весь комплекс выявленных источников.

Ключевые слова: история эмоций, история чувств, письменные источники, Первая мировая война, гендерные исследования, эмоциональное сообщество

Для цитирования: Чуракова О.В. «Душа человеческая разрушается от войны...»: Письменные источники периода Первой мировой войны как ресурс гендерно-ориентированной истории эмоций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 246–277. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-246-277>

Abstract: The article analyzes the problems and prospects of using written sources of World War I period for a gender studies approach to Russia's past, in line with the history of emotions in cultural-historical anthropology. The terms "emotions" and "feelings" are viewed as synonyms. The article states that what the historian encounters in the sources is mostly an emotional state or mood (personal or collective) as well as experiences, passions or sensations, rather than "pure" emotions and feelings. The corpus of "gender-marked" written sources of the 1914–1918 period is huge and varied, and includes materials from archives, collections of party commissions, published memoirs, letters, diaries, the women's press, as well as profile documents ("self-census") of female students. However, these sources unevenly reflect the feelings and the emotional background of the era. Following the conceptual framework developed by Barbara Rosenwein, we can speak of several emotional communities defined by the social affiliation and the "audibility" of the particular voices in history, i.e. the representativeness of the sources. The first category of emotional communities comprises the women of the Romanov family and noblewomen more broadly. Russian and foreign archives boast extensive collections of their personal documents. The second category includes "frontovichky" – frontline women-soldiers. Urban women belong to a third category, and are represented by memory-based stories, the women's press, female students' profiles, and documents from regional archives. From the point of view of emotions, the biggest yet least represented community were peasant women. While their everyday life and values have been well researched, only very few notes and diaries from their hands have survived. Letters to the front were partially preserved (esp. those intercepted by the authorities) and are now stored in the State Archive of the Russian Federation). For the identification of the psychological matrix of the era it is crucial to use the full set of these sources.

Keywords: history of emotions, history of feelings, written sources, World War I, gender studies, emotional community

For citation: Churakova, Olga V. " 'The human soul is destroyed by war ...' Written sources of World War I as a resource for a gender-oriented history of emotions," *RUND Journal of Russian History* 18, no. 2 (May 2019): 246–277. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-246-277>

Введение

Антропологический ренессанс научного знания в конце XX в. вызвал к жизни немало новых направлений творческого поиска ученых. Одним из них явилась история эмоций или историческая эмоциология. В начале нынешнего столетия изучение истории эмоций и чувств человека неправомерно было бы назвать «невозделанным полем» научных изысканий. Появившись на Западе в 80-е гг. XX в., данные исследования достаточно быстро завоевали симпатии представителей наук о человеке (социологов, этнологов, философов, историков, лингвистов).

Психологи опередили социологов в изучении феномена эмоций на сто лет. В 1884 г. появилась статья американского психолога и философа Уильяма Джеймса «Что такое эмоция?», и практически в это же время датский физиолог и анатом Карл Георг Ланге исследовал понятия «радость», «страх», «грусть», «гнев», причем не только физиологические реакции эмоций, но и поведенческие их проявления. В XX – начале XXI в. традицию изучения эмоций продолжили целый ряд ученых: американский антрополог из Дьюкского университета Уильям М. Редди («Навигация эмоций»), профессор Калифорнийского университета Даниэль Гросс («Секретная история эмоций»), психолог из Сан-Франциско Пол Экман («Психология эмоций») и другие.

Что касается изучения научной траектории «истории эмоций», то ее начали осваивать параллельно социологи и историки, поэтому исследователи расходятся

во мнении о том, кого следует считать «крестным отцом» данного дискурса. Признанный специалист в области истории эмоций социолог О.А. Симонова полагает, что «Феей-крестной» явилась социолог Арли Хохшильд (A. Hochschild), которая занималась темой эмоциональной культуры еще в 1970-е гг. Однако в 1985 г. в США вышла книга Питера и Кэрол Стренсов «Эмоциология: проясняя историю эмоций и эмоциональные стандарты», в которой ученые объявили о создании новой дисциплины, способной измерять градусы «эмоциональной температуры» «коллективного прошлого»¹. Таким образом, и их можно считать родоначальниками «эмоциологии» как самостоятельной научной дисциплины.

Между тем применительно к изучению прошлого методологические основания исследования истории чувств и эмоций были заложены в работах Йохана Хейзинга и Люсьена Февра, обратившихся к теме «чувствительности в истории» еще в первой половине XX в. Новая волна интереса к истории эмоций пришла на последнее десятилетие XX в. Как полагают исследователи, на грани столетий миллениума в гуманитарном знании в странах Европы, Америке, Канаде произошел «эмоциональный поворот» или даже «переворот». В 1990 г. в Иерусалиме прошла конференция «Historicity of Emotions». В это же время американский профессор истории Барбара Розенвейн (B. Rosenwein) разработала концепцию «эмоционального сообщества» (emotional community), а антрополог из США Уильям Редди (W. Reddy) ввел понятие «эмотив» (emotive).

Но настоящая «золотая лихорадка» охватила ученых-эмоциологов после террористического акта в Нью-Йорке 9 сентября 2001 г. «Ответом» на вызов «9/11» стало усиленное исследование дефиниций «страх», «ужас». В Европе даже начал издаваться журнал «Страх». Особенно много на тему негативных эмоций в начале XXI в. появилось философской и культурологической рефлексии. Например, норвежский историк и философ из Университета Бергена Ларс Свендсен (Lars Fr. H. Svendsen) проанализировал категории «страха» и «ужаса», опираясь на наследие гуманитарного знания в этой области². Еще один профессор философии из Норвегии – Аре Юхан Ветлес (A. Vetlesen) изучил эмоции, связанные с физической и психической природой «боли»³. Следует отметить, российские ученые также предпринимали попытку исследовать «все страхи мира» в прошлом и настоящем: В Санкт-Петербурге в Пушкинском доме в 2014 г. на эту тему состоялась научная конференция. Результатом научного форума стала публикация сборника статей, где авторы, анализируя генезис и специфику образного воплощения «страха», попытались «приблизиться к пониманию механизмов, которых зиждется смысл и власть «ужаса», апеллируя к разным историческим эпохам»⁴.

Следует отметить, что работы, связанные с проявлением эмоций и чувств, создавались философами в Советской России, однако многие из них увидели свет

¹ Винницкий И. Заговор чувств или русская история на «эмоциональном повороте» (Обзор работ по истории эмоций) // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. С. 441–460.

² Свендсен Л. Философия страха. М.: Прогресс-Традиция, 2010.

³ Ветлесен А.Ю. Философия боли. М.: Прогресс-Традиция, 2010.

⁴ Все страхи мира: Ногот в литературе и искусстве. Сб. статей. СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2015.

лишь в годы перестройки. Например, таковой является судьба монографии В.К. Бакшутова «Философия чувств: информационная концепция».

Автор прослеживает процесс становления социальных чувств в истории человечества, выделяя такие периоды, как «социальные чувства древних цивилизаций», «средневековую сентиментальность», «социальные чувства техногенной цивилизации» и др. В поле зрения ученого оказались такие проявления эмоций и чувств, как «страх», «сострадание», «фанатизм», «эгоизм» и другие.

Автор труда затрагивает и этические темы, например, «вырождение любви» в техногенных цивилизациях⁵. В подобном же ключе морально-нравственных конвенций рассматривает норвежский философ Хельге Сваре (Helge Svare) демонстрации чувств и эмоций, которые связаны с понятием «дружба» (восхищение, уважение) и категориями «любовь», «счастье». Кроме того, автор на основе источников проводит «экскурсию» в историю эмоций, предлагая читателю побывать с ним «в саду Эпикура» или «за средневековыми монастырскими стенами». Гендерные аспекты исследования представлены в книге главой «Женская дружба в XVII и XVIII веках»⁶.

Не могли обойти вниманием данное направление и литературоведы. Филологами выпущен учебник с методикой анализа эмоций в тексте. Лингвисты называют данное направление «эмоциологией»⁷.

Таким образом, исследование проявлений эмоций и чувств в контексте развития человечества в современном гуманитарном знании представляет собой разнообразный и разноуровневый интеллектуальный ландшафт.

Ученые даже предлагают назвать культуру XXI в. новым «чувствительным веком» или новым «сентиментальным веком»⁸. Особенно это актуально для российской и европейской культур, где уже была, по выражению академика А.Н. Веселовского, «эпоха чувствительности», пришедшая на смену «рассудочной» культуре века Просвещения⁹.

Исследуя причины появления «взрыва» интереса к эмоциям в науке и повседневной жизни, социолог Ольга Симонова приходит к выводу, что сочетание «рационального отношения к эмоциям и одновременно особое внимание к чувствам, взрывы коллективных эмоций ... характеризуют эмоциональную культуру современности»¹⁰.

⁵ Бакшутов В.К. Философия чувств: информационная концепция. Екатеринбург: УрО РАН, 1996. С. 379–394.

⁶ Сваре Х. Философия дружбы. М.: Прогресс-Традиция, 2010.

⁷ Филимонова О.Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: Учебное пособие. СПб.: Книжный Дом, 2007. С. 7.

⁸ Симонова О. Изучение эмоций как область междисциплинарной интеграции: история и социология в поисках объяснения «эмоционального поворота». К выходу русского перевода криги Яна Плампера «История эмоций» // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. №. 3. С. 356–378.

⁹ Веселовский А.Н. Эпоха чувствительности // Избранные статьи. Л.: Гослитиздат, 1939. С. 487.

¹⁰ O. Simonova, “Capitalist Heart: Rationality, Emotion and Alienation in Late Modern Societies,” in *Power, Violence and Justice: reflections, responses and responsibilities. Book of Abstracts accepted for presentation at the XIX ISA World Congress of Sociology Toronto, Canada, July 15–21, 2018* (Toronto: International Sociological Association), 891.

Социологи констатируют институционализацию социологии эмоций как субдисциплины, однако, все еще сомневаются, «стала ли социология эмоций «принцессой» (как Золушка) современной социологии?»¹¹ Если представители науки об обществе имеют основание полагать, что эмоциология уже «правит бал» в гуманитарном знании, то для историков данное направление научного поиска во многом остается исследовательской лакуной.

Однако следует отметить, что российскими историками еще до провозглашения создания науки об истории эмоций были созданы работы об эмоциях в истории. В 1971 г. в свет вышел сборник «История и психология» под редакцией Бориса Федоровича Поршнева. Б.Ф. Поршнев – автор выдержавшей несколько изданий монографии «Социальная психология и история»¹².

Всплеск интереса к изучению психологических проявлений акторов истории намечился после смены исследовательских парадигм в конце XX – начале XXI в., когда на смену монополии марксистского (с приоритетами изучения политических и социально-экономических сфер) подхода пришел методологический плюрализм. В российской исторической науке появилось много новых подходов к изучению прошлого, в их числе – историко-культурная антропология. Так, в РУДН в 2000 г. был создан Межвузовский научный центр сопоставительных историко-антропологических исследований «Историко-антропологическая компаративистика», объединивший ученых из РУДН, ИВИ РАН, МГУ, РГГУ, ВШЭ и других вузов страны. В публикациях на страницах сборника «Ежегодник историко-антропологических исследований» разрабатывались различные подходы к интерпретации процессов и явлений социокультурной истории России, «специфики мировосприятия и культурно-поведенческих норм и стереотипов различных исторических эпох»¹³.

В тренде современной научной парадигмы с конца XX в. формировалось направление «интеллектуальная история». По мнению О. Нагорной, автора статьи из сборника «Диалог со временем», «история эмоций помогает более точно дать обоснования социальных и индивидуальных исторических феноменов»¹⁴. Лидер направления «интеллектуальная история» Л.П. Репина полагает, что важно, когда в «фокусе ... исследования оказывается внутренний мир человека, его эмоциональная жизнь»¹⁵.

На грани прошлого и нынешнего столетий в России плодотворно развивалась «историческая психология». Самые известные центры исследований: «се-

¹¹ *Симонова О.А.* Базовые принципы социологии эмоций // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2016. Вып. 4. С. 14.

¹² *История и психология.* Сборник. Москва: Наука, 1971; *Поршнев Б.* Социальная психология и история. Рига: Звайгэне, 1982.

¹³ *Козьменко В.М., Керов В.В.* Межвузовский научный центр сопоставительных историко-антропологических исследований «Историко-антропологическая компаративистика» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2002. № 1. С. 118–119, 119.

¹⁴ *Нагорная О.С.* «Полковник беззвучно зарыдал, слезы были на глазах у всех офицеров...» Коммуникация эмоций за колючей проволокой // Диалог со временем. 2011. № 35. С. 195–205.

¹⁵ *Репина Л.П.* История исторического знания. Пособие для вузов. М.: Дрофа: Высшее образование, 2004. С. 266.

верное общество» – Международная ассоциация исторической психологии имени В.И. Старцева (глава ассоциации – д.и.н. С.В. Полтораки) и «южное общество» – Междисциплинарный научный центр историко-психологических исследований (заведующая центром – д.и.н. С.С. Минц).

Наряду с исторической психологией проблемы проявления общественных настроений, коллективных и индивидуальных эмоций исследовали и другие отрасли историко-культурной антропологии: социальная история, новая персональная история или новая биографическая история, военно-историческая антропология, имагология.

Все перечисленные направления анализируют различные аспекты психологической матрицы прошлого, зачастую используя методологические подходы и методический инструментарий смежных дискурсов. Междисциплинарность – несомненный плюс историко-культурной антропологии, частью которой является история эмоций.

Что касается современных «сенсорных» исторических исследований, то превосходным материалом для осмысления прошлого в дискурсе истории эмоций является полная драматизма история нашей страны. На документах российской истории немецкий ученый Уте Фревет (директор Центра по изучению эмоций при Институте человеческого развития Общества Макса Планка) исследовал динамику «возникающих» и «исчезающих» эмоций в истории.

Методология подобных научных изысканий формируется в отечественной историографии¹⁶. обстоятельный обзор данных трудов дан в статьях И. Винницкого¹⁷, работах А. Зорина¹⁸, а также Я. Плампером, Ш. Шахадат и М. Эли в предисловии к сборнику «Российская империя чувств»¹⁹.

Палитра женских чувств и эмоций в российском прошлом

Вне сомнения, наиболее «эмоционально окрашенной» является гендерная и женская история. Поскольку формат статьи не позволяет рассмотреть проявление эмоций и мужчинами, и женщинами в изучаемый период, то автор ограничивается лишь анализом источников, вышедших из-под пера россиянок. Эмоции и чувства женской «половины» человечества в контексте мирового развития исследованы историками и литературоведами, политологами и гендерологами. Многие из них являются членами Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ), которая проводит ежегодные конференции, выпускает сборники статей и материалов научных форумов. Дискуссионной площадкой для осмысления интеллектуальной истории в гендерном измерении являются сборники «Адам и Ева».

¹⁶ Лившин А. Настроения и политические эмоции в Советской России 1917–1932 гг. М.: РОССПЭН, 2010.

¹⁷ Винницкий И. Заговор чувств или русская история на эмоциональном повороте... С. 441–460.

¹⁸ Зорин А. История эмоций. URL: <http://polit.ru/article/2004/06/18/zorin>; Зорин А. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение. 2016.

¹⁹ Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. М.: Новое обозрение, 2010.

Отечественными историками хорошо изучены, прежде всего, такие традиционные психологические проявления женской идентичности, как милосердие, чувственность, сексуальность, и нетипичные, например, природа женской агрессивности.

Вне сомнения, гендерная идентичность строится, в числе многих других параметров, и на эмоциональной дифференциации. Однако, представления о том, какие чувства и эмоции «прилично» демонстрировать мужчинам и женщинам, могут меняться в зависимости от политической обстановки, культурных предпочтений эпохи, под влиянием этноконфессиональных конвенций и пр. Подобную эволюцию проявления чувств и эмоций в историософском ключе представил немецкий философ российского происхождения Иоганн Рай (J. Rau), обосновывая исторический характер человеческих чувств²⁰.

Чтобы приступить в гендерному анализу эмоциональных характеристик эпох, необходимо оговориться, что гендерологи и историки не делают четкого разделения между эмоциями и чувствами, полагая, что всё это – «души изменчивой приметы» (Н.А. Заболоцкий). В этом – принципиальное отличие историков от ученых, занимающихся естественными и общественными науками. Но и в работах психологов и социологов существуют расхождения в понимании дефиниций «эмоции» и «чувства». В отношении чувств ученые сходятся во мнении о том, как их можно структурировать. Прежде всего, это моральные чувства (любовь – ненависть, симпатия – антипатия, уважение – презрение, привязанность – отчуждение, а кроме того, это – совесть, благодарность, дружба и пр.), которые обусловлены социальными коммуникативными практиками, нравственными нормами и устоями в обществе. Еще одна группа – интеллектуальные чувства: удовлетворение, радость, вдохновение, разочарование как «чувство горечи». Самые изысканные – эстетические – чувства направлены на восприятие прекрасного (восторг, душевный подъем) или ужасного. Таким образом, чувства – это душевные состояния, а эмоции – это яркие (иногда очень непродолжительные) проявления чувств – психические свойства.

Предметом острых дискуссий у представителей общественных наук является классификация эмоций. Психологи и социологи дают разные определения эмоций, спорят о том, какие из них являются базисными (и есть ли они вообще «основные» эмоции). Большинство российских и зарубежных психологов все же выделяет базисные эмоции (в разной «комплектации»): «страх», «удивление», «грусть – печаль», «злость», «отвращение», «гнев» «восторг», «радость», «презрение». Иногда к эмоциям причисляют «стыд», «зависть» и даже «любовь». Однако, если быть точным, любовь – это не эмоция, а состояние, в течение которого человек может испытывать различные переживания: радость, умиление, эйфорию, ревность, тоску, грусть. Есть еще одно трудноуловимое эмоциональное состояние – счастье, где палитра ощущений столь же противоречива. Психологи выделяют «чистые эмоции» и «эмоциональные состояния»: переживания, ощущения, настроения, аффекты, страсти, стрессы.

²⁰ *Rau И.* О чувствах и эмоциях как предмете истории, философии и культурологии: очерк комплексной проблемы // Современная научная мысль. 2015. № 4. С. 109–118, 110.

Таким образом, осмелимся предположить, что историк имеет дело чаще всего не с конкретными эмоциями и чувствами, а с эмоциональными состояниями: настроениями, как коллективными, так и с личными, переживаниями, чувствованиями, психологическими мотивами поступков, страстями, ощущениями. Следовательно, историк анализирует «состояние души», если дело касается индивидуума, и «дух времени», «атмосферу эпохи», «настроения», «ожидания» как составляющие менталитета или картины мира. Следует отметить, что у современных гендерологов не возникает сомнений, что женщине всегда была доступна вся палитра чувств и эмоций. Другое дело – могла ли женщина открыто демонстрировать свои психические состояния, или табуирование и предписания лимитировали их содержание и каналы трансляции? Поэтому для изучения гендерной специфики эмоций необходимо обращение к рассмотрению хронотопа, в рамках которого эти душевные переживания появлялись.

Если в отношении атрибуции психических концептов у философов, социологов и историков могут быть разногласия, то все гуманитарии сходятся во мнении, что эмоция – это реакция на внешний стимул, чаще всего на событие. Для историка здесь открывается важное поле деятельности – восстановить тот событийный ряд или ситуацию, которые привели к возникновению эмоций или чувств. Кроме того, необходимо посмотреть на ситуацию «глазами» носителя эмоций. Особенно это касается женщин, и не просто как биологического представителя пола, – во внимание стоит принять все факторы: возраст, социальное положение, этноконфессиональные аспекты и пр. Таким образом, изучать проявление женской «сенсорности» вне исторического, социального, культурного контекста невозможно.

Первая мировая война как предмет изучения историками и гендерологами

Одна из проблем, с которой неизбежно сталкивается исследователь прошлого – это наличие или отсутствие необходимых первоисточников. Кроме того, есть периоды, статичные по эмоциональному проявлению, например, средневековье. Оно достаточно «монотонно» и ритуализовано: в семиотическом плане нужно уметь «прочитать» внешние проявления внутреннего содержания, смысла демонстрируемых чувств. А есть эпохи, когда «страсти накаляются», даже «кипят», и проявление их носит характер «открытого митинга», демонстраций в прямом смысле слова. Самым высоким градусом эмоционального накала обозначен в российской истории, вне сомнения, период Первой мировой войны, особенно ее последний год, когда «термометр» эмоционального нагрева общества буквально «зашкаливало».

Эпоха Первой мировой войны достаточно хорошо осмыслена в отечественной и зарубежной историографии. Историками XX в. детально воспроизведен ход событий, написаны биографии военных и общественных деятелей, прослежены политические, экономические и социальные процессы, сопровождавшие ход военных действий. Переход к антропологической парадигме XXI в. позволил добавить «человеческий фактор», причем даже в полемику по поводу осмысле-

ния такой сложной проблемы, как причины возникновения войны. Приверженцы военно-исторической антропологии среди причин агрессивности и войны стали называть психологические факторы в рамках биоционной и антропоционной концепций воинственности²¹.

Дискурсы военно-исторической антропологии и исторической психологии позволили историкам проследить различные проявления человеческого «Я» в военные годы: альтруизм, патриотические настроения, переживания, проявления военного пафоса. Учеными XXI столетия отмечено, что «переход от истории событий к истории опыта и “маленького человека” является характерной чертой современной историографии войн»²².

Следует отметить, что немало тем, связанных с событиями Первой мировой войны, было рассмотрено в рамках гендерного подхода. Ведущие специалисты по данной теме (Ю.Н. Иванова, П.П. Щербинин, Е.С. Сенявская, Н.Л. Матвеева, И.О. Дементьев, О.В. Большакова, Т.И. Трошина, О.И. Морозова, С.Д. Морозов, И.В. Перельман и другие) проанализировали степень участия женщин в боевых действиях и мобилизации «народного духа», выявили специфику женской благотворительности и особенности повседневной жизни женщин в тылу, проследили эволюцию ценностных ориентаций женского населения России²³. Историками было «возделано» одно из главных проблемных полей женской истории периода мировой бойни: влияние войны на изменение положения женщин в обществе, на так называемый «гендерный порядок»²⁴. Кроме того, очень болезненной и по сию пору дискутируемой является тема гендерных коммуникаций на фронте, в особенности один из ее аспектов – тема «телесности» и мужского насилия (причем не только со стороны врага).

Самое смелое исследование на данную тему проведено американским историком и антропологом Лори Стофф (L. Stoff). В ее последней книге, посвященной деятельности российских сестер милосердия, дан анализ отношения к медицинским сестрам со стороны общества, врачей, офицеров, солдат. Кроме того, исследовательницей представлена панорама визуализации (позитивной и негативной)

²¹ *Караяни А.Г.* Психология войны: постановка проблемы с позиций военно-психологической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник. М.: РОССПЭН, 2002. С. 39–41.

²² *Поршнева О.С.* Человек в условиях российской революции 1917 года: основные тенденции и достижения в изучении проблемы 1917 года в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 50–64, 55.

²³ *Иванова Ю.Н.* Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. М.: РОССПЭН, 2002. С. 87–212; *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX века. Тамбов: Изд-во Юлис, 2004; *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке. М.: РОССПЭН. 1999. С. 161–163; *Морозов С.Д.* Мужчины и женщины в России в годы Первой мировой войны: демографический кризис и потери населения // Женщина в российском обществе. 2014. № 3 (72). С. 10–20; *Морозова О.М., Трошина Т.И.* Женский взгляд на мужскую работу. Революция и гражданская война глазами и в судьбах женщин // Новейшая история России. 2016. № 2. С. 8–30.

²⁴ *Перельман И.В.* Влияние Первой мировой войны на развитие российского гендерного порядка. Феномен Марии Бочкаревой // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (83). С. 142–148.

образов «сестричек», раскрыты другие «острые» гендерные проблемы²⁵. Стоит согласиться с мнением гендерологов, что «российские исторические реалии представляют собой настоящую кладезь для историков гендера, особенно когда речь идет о Первой мировой войне»²⁶. Уникальные документы эпохи представляют материалы периода мировой войны и исследователям истории эмоций.

Источниковая база: проблемы отбора и интерпретации документов

Поскольку исследовательская рефлексия должна основываться, прежде всего, на аутентичной и источниковой базе, цель данной статьи – проанализировать основные проблемы и перспективы использования письменных источников для реконструкции «психологического климата» в российском обществе периода Первой мировой войны с учетом гендерного фактора. Для проведения гендерной экспертизы данного отрезка российского прошлого в русле истории эмоций важно дать анализ основных категорий письменных источников, выявить степень репрезентации и способы трансляции чувств и эмоций в каждом из рассмотренных видов вербализированных (и письменно зафиксированных) свидетельств эпохи мировой войны.

Вне сомнения, для реконструкции гендерной специфики эмоционального ландшафта периода Первой мировой войны следовало бы привлечь все категории источников: устные, письменные, визуальные. Однако, во-первых, рамки статьи не позволяют этого сделать. Кроме того, каждый класс источников нуждается в самостоятельном рассмотрении, в том числе через призму истории эмоций. Поэтому для анализа был выбран самый солидный корпус документов – письменных.

Нарочито упускаем из дискурсивного анализа художественную литературу как вид исторического источника и делаем акцент на документальных свидетельствах. Из них для историков эмоций наиболее ценными являются источники личного происхождения: письма, дневники, записки, мемуары.

Как известно, к воспоминаниям, автобиографиям, мемуарам и иным формам интерпретационных источников отношение у «чистых» историков, историков культуры и литературоведов двойственное: как к источнику информации о прошлом и как к самостоятельному явлению женской письменной культуры. Филологи-востоковеды определяют мемориальный жанр как «женскую дневниковую литературу». Икеда Тцутому называет дневники придворных дам в Китае эпохи Хейан (IX–XII вв.) «ватакуси бунгаку» – «личной», «частной литературой»²⁷. Рос-

²⁵ L.S. Stoff, *They Fought for the Motherland: Russia's Women Soldiers in World War I and the Revolution* (Kansas: University Press of Kansas, 2006); L.S. Stoff, *Russia's Sisters of Mercy and the Great War: more than binding men's wounds* (Kansas: University press of Kansas, 2015); Мицюк Н.А., Пушкарёва Н.Л. «Не только перевязка мужских ран»: историко-антропологическое исследование медицинского сестринства в годы Первой мировой войны // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 244–252.

²⁶ Большакова О.В. Проблемы и перспективы гендерной истории Первой мировой войны. URL: http://legacy.inion.ru/index.php?page_id=534.

²⁷ Гафурова Х.Ш. Некоторые критерии жанровой идентификации средневековых японских дневников // Молодой ученый. 2011. № 6. С. 15–17.

сийской женской мемуаристике присуща особая лиричность, исповедальность, но в то же время и публицистичность. В данном случае для исследователя важны обе данные характеристики. С точки зрения реконструкции событий, по мнению авторитетных ученых-гендерологов, «историку ... всегда важны и более ценны рефлексии по поводу свершившихся событий» самих участников исторической драмы²⁸. А для воссоздания истории женских эмоций важны гендерно-чувствительные свидетельства «из первых уст», причем чем «эмоциональнее» они написаны, тем лучше. Кроме того, для воспроизведения подлинной картины событий, как отмечают те же исследователи, важнее написанные спустя некоторое время воспоминания, где уже «улеглись эмоции» и есть возможность «здро» оценить происходившее, описать его с учетом факторов, о которых автор записок мог и не знать в момент фиксации материала. Для воссоздания сиюминутной атмосферы исторического «момента», напротив, важнее «репортажи с места событий»: дневниковые записи, письма, путевые заметки.

Весьма сложно оценить значимость для данного исследования такого своеобразного, с ярко выраженной гендерной спецификой жанра *ego*-документа, как женские автобиографии, или, как их принято называть в гендерном дискурсе, – «автогинографии». Их анализ детально проведен в публикациях Н.Л. Пушкаревой²⁹. С одной стороны, любая женская автобиография – это демонстрация искусства самопрезентации, следовательно, текст может отображать действительность искаженно, с целью «приукрасить» роль автора в событиях. С другой стороны, поскольку речь идет о собственной персоне, то это, как правило, наиболее наполненный чувствами текст, так как даже дамы с самоиронией, желая преподнести себя «в выгодном свете», дают детальную «отработку эмоций».

Перед исследователем всегда стоит проблема отбора источников. В советское время историки вынужденно проводили ранжирование создателей автодокументальных текстов – от «выдающихся исторических личностей, сумевших отразить мысли и переживания многих людей до людей рядовых, а потому... не слишком интересных»³⁰. Однако для воссоздания картины человеческих переживаний в период социальных катаклизмов важно просмотреть весь спектр репрезентаций, калейдоскоп эмоций, звучащих из дворцов, окопов, госпиталей, деревенской глубинки, заводов, студенческих кампусов. По мнению современных историков, «не столько усилия политической элиты или революционных вождей, сколько социокультурные стереотипы сознания и поведения народных масс ... повлияли на характер трансформации российского общества» в период Первой мировой войны³¹.

²⁸ Пушкарёва Н.Л. Публичное вторжение в частную жизнь (эвристическая ценность устных и письменных эго-документов для гендерной истории) // Запад – Восток. 2018. № 11. С. 161–179, 163.

²⁹ Пушкарёва Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. 2000. № 3. С. 62–70; Пушкарёва Н.Л. Мемуары и автобиографии женщин как исследовательский «полигон» для изучения «женского письма» // Е.Р. Дашкова и XVIII век. Традиции и новые подходы. М.: МГИ им. Е.Р.Дашковой, 2012. С. 224–241.

³⁰ Голубцов В.С. Мемуары как источник по истории советского общества. М.: Издательство Московского университета, 1970. С. 44.

³¹ Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004. С. 3–4.

Между тем комплекс опубликованных источников, которые позволили бы реконструировать ментальные установки и социально-психологическую атмосферу эпохи, представлен неравномерно, в отличие от документальной базы по экономическому и политическому развитию страны. Если вернуться к марксистской классовой концепции, то следует сделать вывод, что большинство источников озвучивает эмоциональный фон только «с одной стороны баррикад». Причина тому – история формирования корпуса источников.

В 1920–1930-х гг. благодаря деятельности зарубежных эмигрантских центров, в частности Русского заграничного исторического архива (РЗИА) при Министерстве иностранных дел Чехословацкой республики, были собраны огромные коллекции документов личного происхождения россиян, оказавшихся за пределами родины. Среди них – дневники, переписка, воспоминания о периоде Первой мировой войны в России. Целью сбора данных документов было желание представить период революции, гражданской войны и период 1914–1918 гг., поскольку мировая война мыслилась неотделимой частью этих событий. Сегодня так называемая «белогвардейская коллекция» Пражского РЗИА находится в Государственном архиве Российской Федерации. Еще более весомая часть семейных архивов и частных коллекций российских эмигрантов хранится в США, в Стэнфордском университете в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира (Hoover Institution Archives Holdings on Russia). На документах данных коллекций строят свои исследования зарубежные историки, реконструируя женские судьбы периода Первой мировой войны³².

Женские «эмоциональные сообщества» в России в 1914–1918 гг.: попытка классификации

Для того, чтобы представить, как «озвучены» эмоции по социальному и иному статусу, попытаемся провести классификацию и отчасти ранжирование женских «эмоциональных сообществ» россиян. Концепция «эмоциональных сообществ» представлена наиболее полно в работах историка-медиевиста Барбары Розенвейн (B. Rosenwein). Исследовательница выделяет сообщества «социальные» (нормативные) и «текстуальные», основанные на единстве идеологии, отмечая при этом, что одни и те же люди могут входить в разные эмоциональные сообщества³³.

Российское общество начала XX в., и в особенности периода Первой мировой войны, действительно, можно представить как галактику эмоциональных сообществ, как гендерно-паритетных, так и моносексуальных, например, женских. Ранжирование или просто классификация по признаку социальной стратификации и «слышимости» голосов в истории, по степени и способам трансляции тек-

³² *Pannaport X.* Дневники княжон Романовых. Загубленные жизни / Пер. с англ. И. Мовчан. М.: Издательство «Э», 2015. С. 588–589; *Pannaport X.* Застигнутые революцией. Живые голоса очевидцев / Пер. с англ. И. Мовчан. М.: Издательство «Э», 2017. С. 495–496.

³³ *Симонова О.* Изучение эмоций как область междисциплинарной интеграции: история и социология в поисках объяснения «эмоционального поворота». К выходу русского перевода книги Яна Плампера «История эмоций» // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. №. 3. С. 356–378. С. 362.

стов эмоций и репрезентативности источников, в которых они зафиксированы, позволяют выделить четыре уровня эмоциональных сообществ россиянок.

К первой категории эмоциональных сообществ следует отнести представительниц правящего до марта 1917 г. Дома Романовых и их аристократическое окружение. Часть женщин из «верхушки общества» входила в другое эмоциональное сообщество – «фронтючки», куда входили и медицинские работники: немногочисленные женщины-врачи, самая массовая группа – сестры милосердия и хозяйственный персонал лазаретов и госпиталей. Из данной статьи намеренно исключен анализ одной из субкультур эмоционального сообщества «фронтючек» – доброволиц, поскольку данная тема достаточно хорошо изучена с точки зрения источниковедения, исследования эмоций самих героинь и по отношению к ним. Таковы закономерности науки: казусы наименьшей, но атипичной группы могут вызывать больший интерес, нежели жизнь самых многочисленных сообществ. Это характерно и применительно к России начала XX в., где работницы и крестьянки представлены с точки зрения эмоций наименее всего. Пролетарки входили особой группой в третью категорию эмоциональных сообществ – городских жительниц, хотя многие из них занимали маргинальное положение, будучи выходцами из крестьян. Кроме того, большинство из них было солдатками. Жительницы сельской местности, на плечи которых легла основная нагрузка военных лет, составляют четвертый уровень, также достаточно неоднородный по составу и восприятию войны. Однако подавляющее большинство крестьянок, наряду работницами и горожанками, входило в сообщество «солдаток».

Мировая война изменила жизнь всех слоев населения России. Возможно, меньше всего физической и психологической нагрузки пришлось на долю женщины высшего общества. Документы личного происхождения данного эмоционального сообщества опубликованы в достаточной мере; обширные фонды материалов находятся в центральных российских и зарубежных архивах. Особенно это касается представительниц императорской семьи: их переписка, мемуары, дневниковые записи помогают воссоздать картину реальных событий и испытываемых чувств и эмоций.

Наиболее детально представлен период 1914–1918 гг. в дневниках вдовствующей императрицы Марии Федоровны³⁴. Это – уникальный источник для выявления отношения самой вдовствующей императрицы к событиям, происходившим в стране и мире. Однако сама война в ее записях – это скорее «отголоски событий». Она воспринимает происходящее опосредованно, через мнения близких ей людей, иногда – из прессы. Кроме того, ее эмоции весьма сдержаны, однолинейны и статусно ангажированы. Она «оживляется» лишь, когда речь заходит о членах ее семьи и друзьях. Все это описано более трогательно, остальное – как бы «по обязанности». При этом к ней, датчанке, в обществе относились лучше, нежели к императрице Александре Федоровне, немке по происхождению.

Из мемуаров других представительниц дома Романовых по степени проявления эмоций в рефлексии войны можно выделить записки великой княгини Ма-

³⁴ Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М.: Вагриус, 2005.

рии Павловны (младшей)³⁵. Ее воспоминания, записанные уже в зрелые годы, многократно переиздавались, сменив «говорящее» название «Education of princess»³⁶ на более нейтральные.

Следует отметить, что Мария Павловна вернулась в Россию накануне мировой войны, пережив личную драму, однако не замкнулась в себе, а напротив, поделилась с согражданами «возвышенный патриотизм». Несмотря на то, что она наблюдала во дворце различное восприятие войны («руки в длинных белых перчатках нервно комкали носовые платочки», «мужчины глубокомысленно хмурили брови, переминаясь с ноги на ногу») Мария, с присущей юной особе романтизмом, была уверена, что «чувство национальной преданности, национального единства было искренним»³⁷.

Мария Павловна провела большую часть военного времени в прифронтовом госпитале в Пскове и потому может быть причислена и ко второму эмоциональному сообществу – «фронтовичек». Ее записки – блестящий источник по истории эмоций. Важно и то, что она писала их собственноручно, в отличие, например, от записок сестры императора великой княгини Ольги Александровны. «Последняя великая княгиня» Романова диктовала свои воспоминания в эмиграции Яну Ворресу³⁸. Еще одна подобная «автобиография», также переданная другим человеком – биография императрицы Марии Федоровны, неоднократно переиздавалась на английском языке, однако материалы данного источника практически не используются отечественными исследователями³⁹. Эти и другие мемуары членов императорской семьи позволяют почувствовать атмосферу дворца, меняющуюся от состояния эйфории в начале войны до ощущения катастрофы и апокалипсиса в конце периода.

Еще одной категорией источника с высокой степенью демонстрации эмоций является переписка. Важно то, что письма фиксируют возникающие эмоции и детали событий, которые, по прошествии времени, могут стереться из памяти. Особенно значимы для историка эмоций женские письма, которые всегда наполнены чувствами и переживаниями, так как функции женской памяти связаны более с эмоциональным восприятием событий, нежели с их сюжетной стороной. Кроме того, в отличие от мемуаров, письма всегда более откровенны, интимны, особенно если они адресованы близкому человеку. Примером такого источника может служить переписка супругов Николая II и Александры Федоровны.

Письма были обнаружены в Екатеринбурге после расстрела царской семьи. Часть писем (копий) попала за рубеж и была в 1922 г. опубликована в Берлине.

³⁵ Дочь великого князя Павла Александровича, сына Александра II и греческой принцессы Александры Георгиевны.

³⁶ *Education of princess. A memoir by Marie, Grand duchess of Russia. Translated from French and Russian under the editorial supervision of Russel Lord* (New York: The Viking press, 1980).

³⁷ Воспоминания великой княгини Марии Павловны. М.: Захаров, 2004. С. 141.

³⁸ *The last Grand-Duchess. Her Imperial Highness Grand-Duchess Olga Alexandrovna. 1 June 1882 – 24 November 1960. Ian Vorres* (London: Hutchinson of London, 1964).

³⁹ Hall, Coryne. *Little mother of Russia: a biography of the Empress Marie Feodorovna (1847–1928)* (London: Shephard-Walwyn, 1999, 2006).

Несмотря на то, что данный источник нуждается в проверке достоверности, переписка широко используется в исторической литературе. Для историка эмоций эти послания интересны, например, возможным выявлением мотивов благотворительной деятельности императрицы. Были ли ее проявления эмпатии к находящимся на излечении в ее образцовых лазаретах бойцам искренни? Ответ на данный вопрос затруднен тем, что императрица была сдержанна в публичном проявлении чувства и эмоции, и зачастую лишь письма передают ее переживания. Историки расходятся во мнении: благотворительная деятельность Александры – это дань ей протестантским и семейным традициям филантропии, попытка завоевать популярность (исторический казус: императрица-немка возглавила женское патриотическое движение – лишь подогрел германофобию в обществе) или проявление истинного сострадания? Александра Федоровна пишет Николаю II, что ее работа в госпитале, особенно уход за тяжелоранеными, – ее утешение⁴⁰. И потому ряд исследователей небезосновательно полагает, что мотивы благотворительной деятельности императрицы заключались «более всего в том, чтобы облегчить свою тоску и печаль»⁴¹. Императрица, действительно, пыталась таким образом «скрасить» свои страдания от разлуки с мужем, однако при этом действительно проявляла милосердие. О масштабах ее помощи фронту и фронтовикам свидетельствуют материалы архивов⁴².

Документы архивов демонстрируют и активное проявление эмпатии сестры императрицы, великой княгини Елизаветы Федоровны⁴³. Деятельность ее комитета поистине беспрецедентна: во время войны Елизаветинский комитет организовывал помощь раненым по всей стране. Документы, связанные с личностью и деятельностью настоятельницы Марфо-Мариинской обители, частично опубликованы⁴⁴.

Следует отметить, что в РГИА, ГАРФ, РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив) находится множество не введенных в научный оборот свидетельств данной эпохи, способных помочь в реконструкции общественных и индивидуальных эмоций данного сообщества: это переписка, фотоальбомы, наброски путевых заметок, камер-фурьерские журналы и многое другое. Все это более «правдивые» и искренние документы, нежели мемуары. Например, можно сравнить опубликованные воспоминания сестры Николая II Ольги

⁴⁰ Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Берлин: Слово, 1922. С. 30.

⁴¹ *Максимова Ю.О.* Письма Александры Федоровны к Николаю II Александровичу как источник для осмысления мотивации благотворительной деятельности императрицы в 1914 г. // *Ars Historica. Проблемы интерпретации исторических источников.* 2017. С. 115–120, 119.

⁴² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 640. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–38; ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–56; Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 525. Оп. 6. Д. 433, 448, 517.

⁴³ *Иванова Е.В.* Реконструкция комплекса архивных материалов о благотворительной деятельности великой княгини Елизаветы Федоровны // *Вестник архивиста.* 2013. № 3. С. 101–112.

⁴⁴ Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы. М.: Сестричество во имя преподобномученицы великой княгини Елизаветы: Отчий дом, 1996.

Александровны и ее письма сестре Ксении из ГА РФ. В мемуарах великая княгиня раскрывает канву событий, а в письмах сестре описывает глаза умирающих «солдатиков». Ольга Александровна работала в госпитале в Киеве, ассистировала на самых сложных операциях и не покидала госпиталь даже после падения самодержавия, когда семья Романовых уже подверглась гонениям. В письмах сестре Ксении в марте 1917 г. – ее тревога за арестованных брата и его семью, но более всего – за судьбу страны.

Ситуация парадокса происходила в годы мировой войны и в эмоциональной жизни Ольги Александровны: она покинула ненавистный дворец, вышла замуж за «простого офицера» и ощутила себя абсолютно счастливой в период государственный катаклизмов, родив одного ребенка в 1917 г., второго – в 1919 г. Таким образом, история личных чувств не всегда совпадает с эмоциями своего сообщества, общественными настроениями и «духом времени».

Еще больше демонстрации удовлетворенностью жизнью и даже счастья, как это не покажется парадоксальным, исследователь найдет в источниках, исходящих из второй группы эмоциональных сообществ, – женщин, непосредственно помогающих фронту, и участниц фронтовой жизни. Это – дамы, которые не только финансировали санитарные поезда и лазареты, но и принимали в их работе непосредственное участие. Но самые ценные «человеческие проявления» находятся на страницах мемуаров сестер милосердия.

В текстах их воспоминаний и записок много элементов документализации – мы можем проследить по ним положение дел «на театре военных действий», настроение офицеров и солдат, увидеть изнанку войны, почувствовать проявление таких не очень свойственных женщинам эмоций, как «злость», «гнев», «ненависть», «отвращение». По социальному происхождению авторы текстов чаще всего аристократки, дворянки, студентки женских курсов, представительницы творческих профессий (актрисы, балерины). Во-первых, в их среде принято было вести дневники и писать письма (а на их основе создавались затем воспоминания). Во-вторых, в силу занятости крестьянки и работницы не могли посвящать свое время волонтерству, они оказывали помощь фронту «профессионально», обеспечивая себя и семью. И уж точно им некогда было писать что-то помимо писем.

Для исследователя такие источники, как записки и воспоминания «фронтвичек», чрезвычайно важны, так как они позволяют проследить эволюцию мироощущения автора на протяжении всего периода войны. За последние десятилетия в российском информационном пространстве появилось немало таких текстов, например, женские фронтовые мемуары⁴⁵. Историк Дарья Болотина, автор вступительной статьи к запискам Х. Семиной, отмечает, что «записки ее достаточно

⁴⁵ Варнек Т.А. Воспоминания сестры милосердия (1912–1922). URL: www.dk1868.ru/history/varnek/varnek1.htm; Семина Х.Д. Записки сестры милосердия: Кавказский фронт. 1914–1918 гг. М.: Кучково поле, Горные технологии. 2016; Игельстром А. Воспоминания о Первой Мировой войне Ольги Григорьевны Федюкиной-Имберх // Проза. Ру. URL: <https://www.proza.ru/2017/08/26/1230> (дата обращения: 12.01. 2019); Записки сестры милосердия Анны Ждановой. Тверь: Триада, 2014; Фармборо Ф. Первая мировая война. Дневники с фронта. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014; Быть сестрой милосердия. Женский лик войны. М.: Алгоритм, 2017.

интимны, ...изображаемые в них события эмоционально окрашены и передаются в индивидуальном восприятии и оценке» и это позволяет «уловить подлинный смысл «живой жизни», который «прочувствован и отражен в личных записках»⁴⁶. Эта характеристика может быть отнесена к произведениям всех авторов.

Свидетельницы событий, авторы мемуаров передают атмосферу времени, например, могут представить историческое пространство как живой организм, транслирующий собственные эмоции: «Москва из патриархального, спокойного, тихого города превратилась в напряженный и мечущийся организм. В воздухе чувствовалось какое-то напряжение, все ждали чего-то необычайного!»⁴⁷.

На деле в Москве происходило то, что петербургский историк Б.И. Колоницкий определил как «демонстрация специфического патриотизма военной поры»⁴⁸, но романтизация – особенная черта женских мемуаров военной поры. Поэтому данную позицию сентиментальной «пишбарышни» интересно сравнить с другим видением войны, транслирующим циничный взгляд зрелой женщины. Для сравнения могут быть выбраны мемуары Татьяны Варнек, юной девушки, отправившейся на фронт в качестве сестры милосердия военного времени, и записки литератора Зинаиды Гиппиус. Например, вот отклик Гиппиус на патриотическую эйфорию первых недель войны: у Зинаиды Гиппиус этот массовый, во многом «показушный», энтузиазм вызывает отвращение: «Мне жалки эти ... “патриотические” демонстрации с хоругвями, флагами и “патретами”. Москва в повальном патриотизме, с погромными нотками». «Москвичи осатанели от православного патриотизма»⁴⁹. Тем не менее ей, наблюдавшей войну из окна своего дома и потому питавшейся зачастую мифами и слухами, не всегда были доступны истинные проявления лика войны, и география ее эмоций не распространяется дальше двух столиц, хотя она часто употребляет понятия «Россия», «страна», «народ». Все же понять, что происходило в стране и на фронте могли лишь те, кто вышел за пределы привычной среды обитания.

В рассмотрении феномена «женщина на фронте» и для историка, и для психолога интерес представляет мотивация поступков героинь. Что влекло в зону риска (в том числе гендерного) женщин в Первую мировую войну: чувство долга, понятие чести, романтика, жажда подвига и славы, тщеславие, любопытство, сенсорный голод? Или многие из них, действительно, отправились на фронт «за женихами»?

Для ответа на данный вопрос представляется интересным сравнить мемуары (такие аспекты, как мотивы мобилизации и эмоции в момент попадания на фронт, особенности повседневной жизни, коммуникативные гендерные практики, восприятие противника и пр.) медицинских сестер, участвовавших в разных войнах России.

⁴⁶ *Семина Х.Д.* Записки сестры милосердия: Кавказский фронт. 1914–1918 гг. М.: Кучково поле; Горные технологии. 2016. С. 5.

⁴⁷ *Игельстром А.* Воспоминания о Первой Мировой войне Ольги Григорьевны Федюкиной-Имберх...

⁴⁸ *Колоницкий Б.И.* Революция 1917 года. М.: Эксмо, 2018. С. 10.

⁴⁹ *Гиппиус З.Н.* Дневники. URL: http://az.lib.ru/g/gippius_z_n/text_0070.shtml (дата обращения: 11.01.2019).

Опыт фронтовой жизни у части россиянок был и до Первой мировой войны. Сестры милосердия под эгидой Красного Креста оказывали помощь воинам на полях сражений в ходе войн России с Турцией, Японией, в ходе Балканских войн 1912–1913 гг. Участвовали женщины как равноправные воины и медицинский персонал в советско-финляндской и Второй мировой и Великой Отечественной войне. Намеренно (по этическим мотивам) исключаем из этого списка войну гражданскую.

Среди авторов, оставивших свои воспоминания о фронте периода Первой мировой, были «патроны» санитарных поездов и военных лазаретов, и рядовые медицинские сестры. Рефлексия последних по поводу войны наиболее важна – они находились в эпицентре событий, как и медицинские сестры периода следующей мировой войны⁵⁰.

Следует отметить, что женщины периода Второй мировой были более подготовлены и физически (их поколение прошло школу «Ворошиловских стрелков»), и психологически. Девушки начала XX в. явно не представляли себе реалий фронта. Они могли наивно радоваться встрече с новой жизнью: «Отъехали под громкие крики «ура!» ... в купе... диваны были завалены шоколадом, конфетами и цветами»⁵¹. Второй вариант – испытывали страх при приближении к линии фронта: «Почему мне как-то жутко? Чем ближе к фронту, тем тоскливее! ...чувствую, ...точно что-то затягивает»⁵². Испытывали страх «сестрички» и во время сражений, рассказывая об этом без стеснения: «Немцы стали отвечать, сначала из ружей, потом из пушек ... и стало страшно по-настоящему. Побежали ... обратно, стараясь не показывать друг другу дрожащие руки». «Было страшно, не скрою, сердце иной раз холодело и останавливалось»⁵³.

Очень часто фигурирует в описаниях состояние нервного напряжения, особенно при работе в полевом госпитале. Маргинальное состояние госпиталя – между экстримом фронта и расслабленностью тыла – позволяло лучше осознавать происходящие события, анализировать отношения между людьми. Однако для медицинских сестер не всегда было понятно, что окружающие их люди – временные; зачастую формировалась привязанность между «сестричками» и ранеными или врачами, а затем следовало болезненное расставание. И эти личные отношения были более важны для женщин, нежели действия самой войны.

Однако госпиталь – это еще и состояние между жизнью и смертью. Непрерывно осуществляющиеся операции, грязь, эпидемии, обстрелы, – все это порождало нервное перенапряжение. «Я была ... взбудоражена от всего этого: ... от человеческих страданий, от запаха крови и гноя»⁵⁴.

⁵⁰ Акишина С.Н., Беланова А.М., Зверкова Н.С., Беляков Н.А. Сестры милосердия в России. Начало XIX – начало XX века. М.: Альянс, 2014.

⁵¹ Варнек Т.А. Воспоминания сестры милосердия...

⁵² Семина Х.Д. Записки сестры милосердия... С. 65.

⁵³ Игельстром А. Воспоминания о Первой Мировой войне Ольги Григорьевны Федюкиной-Имберх...

⁵⁴ Там же.

Механизмы адаптации к реалиям фронтовой жизни у женщин были различны. Во-первых, попытки «забыть весь этот кошмар», «ужас»⁵⁵ или «убрать нервы»: «Нервы на войне были притуплены, и переживалось всё не так, как в обычное время»⁵⁶. Но главное «оружие» фронтовых сестер в борьбе с негативными эмоциями – оптимизм. «Молодость и желание жить заставляли нас легкомысленно относиться ко всему, даже к самым серьезным вещам»⁵⁷.

Кроме его-документов есть и другие источники, которые позволяют реконструировать психологический климат внутри микроколлективов военного времени. Так, в таких архивах, как ГА РФ, РГИА, более всего – РГВИА, хранятся документы, связанные с деятельностью лазаретов и госпиталей. Зачастую это просто «сухие отчеты» по техническому оснащению, финансовому, кадровому положению лазаретов, но иногда и достаточно «живые» источники. Таков, например, отчет врача Любомира Боровского, заведующего лазаретом Доротеи Эдуардовны и Альбрехта Георгиевича Радзвиллов в Несвижском замке. Доктор пишет о том, что женщины готовы служить родине «с великой радостью и сердцем переполненным любовью и нежностью к раненому русскому воину». «С объявления этой чрезвычайно популярной войны... каждая женщина жадно искала приложения накопившейся... общественной энергии... для служения Родине в эту захватывающую историческую минуту»⁵⁸.

Следует отметить, что подобная патетика была присуща документам начала XX в., но, тем не менее, в данном документе отражены общественные настроения женщин в начале войны и отношение к женщинам, которое за годы войны существенно изменилось. Особенно это коснулось тех, кого в начале войны называли «заслуженным и высоким именем сестрицы». Архивные материалы и источники личного происхождения позволяют проследить эволюцию отношения к медицинским сестрам за период войны.

С одной стороны, известно, что в России к медицинским сестрам относились более доброжелательно, нежели в войсках союзников. Это подтверждают мемуары английских сестер милосердия, служивших в России, и архивные материалы. Например, в 1916 г. во Францию был отправлен отряд сестер милосердия для работы в госпиталях, где проходили лечение раненые российские воины. По сообщениям руководительницы отряда, старшей сестры милосердия Общины Св. Георгия Александры Вадимовны Романовой, «отношение сестер к солдатам и уважение и любовь, с которыми солдаты относятся к сестрам, удивляло французов»⁵⁹. Военный антрополог Е.С. Сенявская, исследуя феномен женщины на войне, приходит к выводу, что военные относились в слабому полу неоднозначно: к женщинам, стремившимся попасть на фронт, они испытывали недоверие,

⁵⁵ Семина Х.Д. Записки сестры милосердия... С. 184.

⁵⁶ Игельстром А. Воспоминания о Первой Мировой войне Ольги Григорьевны Федюкиной-Имберх...

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 421. Л. 9.

⁵⁹ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 12651. Оп. 1. Д. 554. Л. 105 об.

скептицизм, а к сестрам милосердия, напротив, проявляли сочувствие, опеку⁶⁰. Мемуары фронтовых медсестер полны воспоминаниями об «обожании, которым окружали» «сестричек» в первые годы войны⁶¹. Тем не менее, кроме восхищения женским подвигом милосердия (предполагалось, что «служение сестер безвозмездно и бескорыстно»⁶²), с течением времени в российском обществе появлялись и другие настроения. В записках сестер милосердия меняется тон: воспоминания последних лет войны сродни репортажам с театра военных действий, где шло не только противостояние врагу, но и «борьба полов», отстаивание чести и преодоление кризисов гендерной идентичности.

Историки называют ряд причин, почему «платье сестры милосердия» стало «знаком измены и разврата»⁶³. Не вступая в дискуссию о «фронтowej женофобии», согласимся с исследователями данной темы в том, что «так порожденные войной чувства вызвали трансформации социума»⁶⁴.

В следующую категорию женских эмоциональных сообществ входили городские жительницы. Спектр данных микро-сообществ достаточно широк: это дворянки, мещанки, студентки, представительницы творческой интеллигенции, работницы заводов и фабрик⁶⁵, служанки и пр. «Разноголосица» их чувств и эмоций в военное время частично представлена записками и воспоминаниями, но в большей степени отражена в материалах женских журналов, студенческих анкетах, документах региональных архивов.

В начале XX в. в России было несколько видов женских изданий. Женские журналы периода мировой войны отличались по степени репрезентации эмоций. Самыми «громкими» были партийные издания для пролетарок («Работница», «Доля Работницы»), где звучала критика существующего порядка, войны и проецировались четкие политические и социальные позиции гражданок. Более умеренными по звучанию были издания феминисток («Женский вестник», «Женская жизнь», «Женское дело»). Они вели летопись женского движения, обсуждали проблемы женского труда, положения женщины в семье, обществе и государстве; публиковали биографии выдающихся женщин, женскую беллетристику и поэзию. В последних разделах журналов помещалась хроника культурной жизни страны. Здесь преобладали «новые» женские ценности: феминизм, суфражизм. Обсуждение вопросов личной жизни переходило в плоскость рассмотрения природы

⁶⁰ Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. С. 145.

⁶¹ Варнек Т.А. Воспоминания сестры милосердия...

⁶² РГВИА Ф. 12651. Оп. 1. Д. 546. Л. 6 об.

⁶³ Колоницкий Б.И. Образ сестры милосердия в российской культуре эпохи Первой мировой войны // Большая война России: социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох: сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 100–126.

⁶⁴ Дементьев И.О. Современная историография о гендерных аспектах истории Первой мировой войны // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2014. №12. С. 84–93.

⁶⁵ Белова Т.В. Социальное положение женщин-работниц в губерниях Верхнего Поволжья в годы первой мировой войны // Женщины и российское общество: научно-исторический аспект. Иваново: изд-во Ивановского Государственного Университета, 1995. С. 77–81.

сексуальности, что было весьма революционно для того времени. Проблемы домашнего быта, фасоны модных нарядов, реклама товаров – все это считалось недостойным размещения в журналах российских «равноправов».

Но была и третья категория изданий, где публиковались «эмоционально окрашенные» материалы на тему войны, положения женщины в семье и обществе. Здесь пропагандировались вечные ценности: любовь к ближнему, подвижничество, вера, смирение и очень осторожно проводилась «линия на освобождение» от зависимости семейного бремени. Именно третья категория женских изданий – журналы для домохозяек периода военного времени – демонстрирует корреляцию автостереотипов и вербальной самоидентификации российских женщин. Стиль статей данных журналов был эмоционален; публикации полны вербальных демонстраций удивления, восхищения примерами героизма российских женщин и их союзниц «на театре войны». Изменился и арсенал вербальной презентации внутреннего самоощущения российских женщин, – все чаще на страницах дамских изданий звучат слова «либеральный», «свободомыслящий», а применительно к себе женщина озвучивает понятие «новая». Под воздействием войны появляется лексика, отражающая психоз, безумие войны (для врага находились самые жесткие эпитеты: «варвар», «зверь», «изверг», «злодей», «скот», «свинья»). В содержании текстов и «способах говорения» много патетики. Материалы таких изданий, как «Мир женщины», «Журнал для хозяек», «Женщина и война», позволяют провести психосемантический анализ текстов и проследить то, как менялась тональность публикаций от 1914 к 1917 гг.⁶⁶

Еще одной группой источников, где были вербализированы «движения души» россиянок, являются «самопереписи» студенток женских курсов. Данный «опыт самообследования» был проведен «статистическим семинарием» Бестужевских курсов в конце октября 1915 г.⁶⁷ В анкетных листах девушки не просто писали об условиях жизни, но и «изливали» свои эмоции.

Анкеты курсисток могут служить превосходным материалом для изучения эмоционального настроения студенческой молодежи и психологических стратегий выживания в период войны. Хроническая финансовая нужда, «квартирный вопрос», дефицит продуктов питания и топлива, чудовищная инфляция, необходимость иметь заработок, – все это приводило к физическим и психологическим перегрузкам и профессиональным заболеваниям – «академическому травматизму».

Основным приемом адаптации к реалиям военного времени была самоирония. Студенки – «одинокие пионерки, захавшие в Петербург», вспоминали, что они «относились к материальным невзгодам с той веселой иронией, которая возможна лишь в лета юности»⁶⁸.

⁶⁶ Синова И.В. «В свободной России не должно быть прежней женщины-рабы», или о чем писали отечественные журналы в 1917 г. // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 3 (72). С. 98–106.

⁶⁷ Слушательницы Петроградских высших женских (Бестужевских) курсов на втором году войны. Бюджет. Жилищные условия. Питание. По данным переписи (анкеты), выполн. Стат. Семинарием в конце окт. 1915 г. Петроград: [Б.и.], 1916.

⁶⁸ Некрасова Е. Из прошлого женских курсов. М.: издание типографии А.А. Карцева, 1886. С. 87–88.

Таким образом, городская среда столиц породила разнородные культурные тексты, позволяющие выявить эмоциональное состояние различных групп жительниц мегаполисов. Менее озвучены женские голоса провинции в год Первой мировой войны, несмотря на большое количество работ по истории отдельных регионов в этот период. Вне сомнения, различались женские переживания в годы войны в приграничных городах и глубоком тылу.

Это подтверждает предположение о том, что, единого, монолитного, эмоционального сообщества горожанок не могло быть несмотря на то, что жили в городах представительницы одинаковых сословий. Неоднородны и введенные в научный оборот источники: достаточно хорошо представлены эго-документы горожанок, которые входили в сообщество «фронтовичек» или взаимодействовали с фронтом; яркие и вполне репрезентативные документы демонстрируют позиции интеллектуалок (студенток, писательниц, журналисток) и практически не озвучены чувства и эмоции жительниц провинциальных городов.

По-своему переживали мировую войну крестьянки. Большую их часть составляли солдатки, и их позиция наиболее значима для оценки гендерной специфики восприятия войны. С одной стороны, на их плечи легла вся тяжесть «продовольственной программы» страны, они лишились привычного уклада жизни. С другой – вместе с финансовой помощью от государства за мужа, ушедшего на войну, солдатки получали финансовую и личную свободу.

Изменение социокультурной ситуации в годы мировой войны порождало новые коммуникативные практики. К сожалению, подобная эмансипация приводила иногда к девиациям в поведении крестьянок, что выражалось и в смене эмоциональных презентаций. Данные аспекты отражены в работах П. Щербинина, В.В. Крайкина⁶⁹. Иллюстрацией к восприятию войны крестьянками может служить эпизод из воспоминаний баронессы фон Ренненкампф. Солдатки винили за отсутствие мужей не государство, не царя, а генерала: «Твой муж, генеральша, забрал наших мужей кормильцев на войну»⁷⁰.

Следует признать, что для характеристики взглядов и настроений крестьянской части населения России, в особенности солдаток, необходимы источники личного происхождения. Однако записок и дневников жительницы деревень практически не оставили, а их письма на фронт введены в научный оборот ограничено, в отличие от писем с фронта⁷¹. Это вполне объяснимо: письма с фронта бережно хранились в домашних условиях, а сохранить письма в условиях военных действий или в госпитале было сложнее. Однако в фондах ГАРФа есть большая коллекция писем, которые не пропустила цензура. В них выражены истинные настроения солдаток. Кроме того, ярким подтверждением неприятия солдатками войны служат феномены бабьих бунтов. Это явление «продукта гендерного режима

⁶⁹ Крайкин В.В. Первая мировая война в восприятии крестьян (по материалам Орловской губернии). Брянск: Брян. гос. пед. ун-т им. И.Г. Петровского, 2009.

⁷⁰ Ренненкампф фон В. Из воспоминаний о Первой мировой войне // Звезда. 2013. № 8. URL: <http://www.zh-zal.ru/zvezda/2013/8/9r.html> (дата обращения: 15.10. 2018).

⁷¹ Асташев А.Б. Русский фронт 1914–1917 гг.: военные письма // Исторический вестник. 2014. Т. 9. № 156. С. 148–167.

двойной нагрузки, возложенной на женщин»⁷² является ярким примером проявления коллективных эмоций.

Услышать голоса и эмоции работниц и крестьянок, с последнего года войны – свободных гражданок Советской России, позволяют документы, собранные в 1920–1930-е гг. историко-партийными комиссиями⁷³. Истпарт был создан в Советской России в ответ на формировавшиеся в российском зарубежье коллекции мемуаров эмигрантов.

Последний год мировой войны для россиянок особенно знаменателен. С одной стороны, он явился самым кризисным по экономической, финансовой, продовольственной ситуации в стране, что порождало у женщин состояние недовольства, переходящего в открытые демонстрации негативных эмоций. С другой стороны, женщины в ходе начавшейся в стране политической перестройки получили долгожданные избирательные права. Апогей ликования по данному поводу – демонстрации женщин весной 1917 г., многократно описанные в прессе и мемуарах⁷⁴. Женщины так самозабвенно радовались, наслаждаясь «сказочно прекрасной действительностью», что одна из них даже поздравила с праздником Свободы (такие проходили по всей стране) находившуюся под арестом в Царском селе императрицу: «Давно желанный час свободы наступил!»⁷⁵. Однако следует согласиться с мнением профессора Гарвардского университета Рошель Ратчайлд, что «1917 – самый изученный год в истории России XX века. Тем не менее ... в рассказах об этом революционном годе звучат... мужские голоса, ... вопрос о роли женщин в самых важных событиях России 1917 г. по-прежнему малоисследован»⁷⁶. Отчасти решить задачу преодоления гендерного дисбаланса в ретроспекции 1917 года могли бы помочь исследования в русле истории эмоций. Например, в рамках данного направления возможно было бы сравнить эмоциональное проявление равноуровневых и даже полярных представителей разных эмоциональных сообществ, сопоставить их гендерные практики и мироощущения.

Политическая и семиотическая революции 1917 г. сопровождалась разрушением традиционного общества. Революция принесла победу одним гражданам обновленной России, вызвав чувства энтузиазма, а другим – «бывшим» – крушение всех надежд. В источниках личного происхождения женщин «верхних» эмоциональных сообществ в это время усиливаются апокалиптические, эсхатологические мотивы, рефреном повторяются слова «катастрофа», «конец» и фразы: «все рухнуло», «все летит в там-тара-рам». Подобные ощущения были и у боль-

⁷² *Перельман И.В.* Влияние Первой мировой войны на развитие российского гендерного порядка. Феномен Марии Бочкаревой // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (83). С. 142–148.

⁷³ *Морозова О.М., Трошина Т.И.* Женский взгляд на мужскую работу. Революция и гражданская война глазами и в судьбах женщин // Новейшая история России. 2016. № 2. С. 8–30.

⁷⁴ *Закута О.* Как в революционное время Всероссийская лига равноправия женщин добивалась избирательных прав для русских женщин. Пг.: Всерос. лига равноправия женщин, 1917. С. 23.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 640. Оп. 2. Д. 62. Л. 1.

⁷⁶ *Ратчайлд Р.* Непослушные женщины и русские революции 1917 года // Женщина в российском обществе. 2017. № 2 (83). С. 35–44, 36.

шинства женщин городских сообществ, особенно у творческой интеллигенции. Зинаида Гиппиус пишет во второй «черной тетради»: «Душа моя полна до краев, и выше краев – льдом. ...Льдом, острым льдом полна моя душа»⁷⁷.

Тем не менее, большинство отверженных россиян продолжают осмысление ситуации через нравственные категории: любовь (к родине), верность (долгу), предательство, измена. Например, сестра императора Ольга Александровна воспринимала вынужденную эмиграцию как предательство Родины. «У меня было такое чувство, что бегство – малодушие с моей стороны. ... меня постоянно мучил стыд», – вспоминала она⁷⁸.

Несмотря на то, что революционной эпохой в истории российских женщин принято считать год 1917-й, на самом деле периодом революционного «перелицевания» наших соотечественниц стал 1918 год – последний год мировой войны. Социалистическая и семиотическая революции изменили облик страны, существенно повлияв на язык, письменность, систему летоисчисления, образный строй искусства, топонимику и т.п.⁷⁹ Женщины страны Советов создали новые эмоциональные сообщества: работницы стали культурными героями, но скорее символами, нежели реалиями эпохи революции. К такому итогу привела женщин России Первая мировая война.

Выводы

Таким образом, гендеро-ориентированная история эмоций таит в себе неисчерпаемый исследовательский ресурс для новых научных изысканий, в том числе для осмысления сложных эпох российской истории. Одним из самых значимых для судьбы России является период Первой мировой войны. За 1914–1918 гг. в стране сменился политический режим, трансформировались социально-экономическая и культурная ситуации, изменился психологический климат. У историка есть уникальная возможность проследить весь спектр человеческих эмоций за годы войны, эволюцию и разнообразие общественных настроений от периода «медового месяца» патриотизма до революционного шквала «дней окоянных» (И. Бунин). Однако для проведения дискурсивного анализа в русле истории эмоций необходимо привлечение аутентичных исторических источников, прежде всего письменных.

Комплекс письменных источников, отражающий период 1914–1918 гг., достаточно велик и разнообразен. Это – архивные материалы, коллекции историко-партийных комиссий, опубликованные мемуары, письма, дневники, анкеты слушательниц высших женских курсов, публикации в женских журналах. Они демонстрируют изменение статуса, социальных ролей и самоидентичности женщин России в период Первой мировой войны, дают возможность провести психосемантический анализ стереотипов женского поведения в обстановке мировой катастрофы. Тем не менее, данный корпус свидетельств прошлого неравноценен по

⁷⁷ Зинаида Гиппиус. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси: Меридиан, 1991. С. 375.

⁷⁸ Ольга Александровна: мемуары. М.: Захаров, 2004. С. 181.

⁷⁹ Котылев А.Ю. «Мальчишка, люби Революцию...» Гендерный аспект развития российской культуры 1917–1933 гг. // Гендер и общество в истории. СПб.: Алетейа, 2007. С. 621.

степени трансляции чувств и отражению эмоционального фона российской истории периода Первой мировой войны.

Кроме того, источники весьма неравномерно распределяются по женским «эмоциональным сообществам». Лучше всего озвучены чувства и эмоции представительниц «высшего света». Опубликованные источники личного происхождения (дневники, записки, письма, мемуары) и находящиеся в российских и зарубежных архивах документы позволяют провести измерение «сенсорных маркеров» элиты российского общества.

За период войны многие представительницы правящей династии поменяли ментальные установки, прошла корреляция их социальной и национальной идентичности. Некоторые из них впервые в жизни почувствовали себя социально востребованными, нашли свое призвание в общественном служении, что сказалось благотворно на их эмоциональном здоровье: они обрели «душевный покой» и даже «смысл жизни».

Письменные источники свидетельствуют, что в период военных потрясений меняются автостереотипы отдельных личностей, эволюционируют ценностные ориентации, расширяются пределы вариативности в отношениях с «чужими», «соседями» (гетеростереотипы), особенно с бывшими «классовыми врагами». Это касается тех эмоциональных сообществ, которые в «мирное время» отличались замкнутостью, были «зажаты» рамками конвенциональной корпоративной культуры с ее жесткой системой нормативных предписаний, межличностных и межгрупповых отношений.

Проведенное автором ранжирование эмоциональных сообществ выявило наиболее яркое по эмоциональным репрезентациям представительство – группу «фронтовичек». В данную корпорацию входили женщины не по социальной принадлежности, а по месту дислокации в период войны. Это были кураторы санитарных поездов, лазаретов, летучих отрядов, врачи и сестры милосердия. Дневники и записки сестер милосердия военного времени – наиболее ценные свидетельства эпохи. Это буквально «репортажи» из горячих точек, причем написанные гендерно-идентично: эмоционально, с неременной долей (но в разных соотношениях) лирики и публицистики.

Третьей категорией набора эмоциональных сообществ являлись городские жительницы. Их эмоции, настроения, переживания, смена внешних маркировок лучше всего транслировались в материалах женских журналов. Дамская пресса свидетельствует, что россиянки сумели сохранить свой мир (внутренний и внешний *Mundus muliebris*) и не допустить марганализации пола даже в годы мировой войны.

На последнем месте по «слышимости» голосов и репрезентативности источников оказались самые многочисленные слои населения – работницы и крестьянки, в том числе – особое эмоциональное сообщество – «солдатки». Их чаяния и восприятие эпохи отражены в так называемых «массовых источниках» – письмах, жалобах, прошениях. Однако, в силу плохой сохранности, именно женские письма, например, по сию пору не стали предметом специального рассмотрения историков. А между тем, гендерная специфика подобных письменных докумен-

тов личного происхождения делает их неоценимым источником для воссоздания внутренних переживаний героев исторического процесса.

Ученые полагают, что невозможно понять исход мировых войн без анализа психологической атмосферы и менталитета различных слоев общества в военный период. Следовательно, новое направление научного поиска – история эмоций – имеет вполне весомый потенциал для раскрытия более полной картины женского мира. В письменных источниках периода мировой войны женские чувства и эмоции представлены широкой палитрой. Необходимо использовать весь комплекс данных свидетельств эпохи для реконструкции сложного эмоционального гендерно-маркированного ландшафта прошлого.

© Чуракова О.В., 2019
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Рукопись поступила: 14 февраля 2019 г.
Submitted: 14 February 2019

Библиографический список

- Акишина С.Н., Беланова А.М., Зверкова Н.С., Беляков Н.А. Сестры милосердия в России. Начало XIX – начало XX века. М.: Альянс, 2014.
- Асташев А.Б. Русский фронт 1914-1917 гг.: военные письма // Исторический вестник. 2014. Т. 9. № 156. С. 148-167.
- Бакуштов В.К. Философия чувств: информационная концепция. Екатеринбург: УрО РАН, 1996.
- Белова Т.В. Социальное положение женщин-работниц в губерниях Верхнего Поволжья в годы первой мировой войны // Женщины и российское общество: научно-исторический аспект. Иваново: изд-во Ивановского Государственного Университета, 1995. С. 77-81.
- Большакова О. В. Проблемы и перспективы гендерной истории Первой мировой войны. URL: http://legacy.inion.ru/index.php?page_id=534
- Варнек Т.А. Воспоминания сестры милосердия (1912–1922). URL: www.dk1868.ru/history/varnek/varnek1.htm
- Винницкий И. Заговор чувств, или Русская история на «эмоциональном повороте» (Обзор работ по истории эмоций) // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. С. 441–460.
- Веселовский А.Ю. Философия боли. М.: Прогресс-Традиция, 2010.
- Веселовский А.Н. Избранные статьи. Л.: Гослитиздат, 1939.
- Воррес Я. Ольга Александровна: мемуары. М.: Захаров, 2004.
- Гафурова Х.Ш. Некоторые критерии жанровой идентификации средневековых японских дневников // Молодой ученый. 2011. № 6. Т. 2. С. 15–17.
- Глафинова В.В., Селунская Е.А., Манилов Р.А. Записки сестры милосердия Анны Ждановой. Тверь: ООО Издательство «Триада», 2014.
- Голубцов В.С. Мемуары как источник по истории советского общества. М.: Издательство Московского университета, 1970.
- Гиппиус З.Н. Дневники. URL: http://az.lib.ru/g/gippius_z_n/text_0070.shtml (дата обращения: 11.01.2019).
- Гиппиус З.Н. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси: Мередиан, 1991.
- Дементьев И.О. Современная историография о гендерных аспектах истории Первой мировой войны // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 12. С. 84–93.

- Денисенко С.В.* Все страхи мира: Ноттог в литературе и искусстве. Сб. статей. СПб.-Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2015.
- Закута О.* Как в революционное время Всероссийская лига равноправия женщин добивалась избирательных прав для русских женщин. Пг.: Всерос. лига равноправия женщин, 1917.
- Зорин А.* История эмоций. URL: <http://polit.ru/article/2004/06/18/zorin>.
- Зорин А.* Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение. 2016.
- Иванова Ю.Н.* Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. М.: РОССПЭН, 2002.
- Иванова Е.В.* О реконструкции комплекса архивных материалов о благотворительной деятельности великой княгини Елизаветы Федоровны // Вестник архивиста. 2013. № 3. С. 101–112.
- Игельстром А.* Воспоминания о Первой Мировой войне Ольги Григорьевны Федюкиной-Имберх // Проза. Ру. URL: <https://www.proza.ru/2017/08/26/1230> (дата обращения: 12.01. 2019).
- Кауфман А.А.* Слушательницы Петроградских высших женских (Бестужевских) курсов на втором году войны. Бюджет. Жилищные условия. Питание. По данным переписи (анкеты), выполн. Стат. Семинарием в конце окт. 1915 г. Петроград: [Б.и.], 1916.
- Караяни А.Г.* Психология войны: постановка проблемы с позиций военно-психологической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник. М.: РОССПЭН, 2002. С. 39–41.
- Козьменко В.М., Керов В.В.* Межвузовский научный центр сопоставительных историко-антропологических исследований «Историко-антропологическая компаративистика» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2002. № 1. С. 118–119.
- Колоницкий Б.И.* Революция 1917 года. М.: Эксмо, 2018.
- Колоницкий Б.И.* Образ сестры милосердия в российской культуре эпохи Первой мировой войны // Большая война России: социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох: сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 100–126.
- Котылев А.Ю.* «Мальчишка, люби Революцию...» Гендерный аспект развития российской культуры 1917–1933гг. // Гендер и общество в истории. СПб.: Алетея, 2007. С. 621–657.
- Кудрин Ю.В.* Дневники императрицы Марии Фёдоровны (1914–1920, 1923 годы). М.: Вагриус, 2005.
- Крайкин В. В.* Первая мировая война в восприятии крестьян (по материалам Орловской губернии). Брянск: Брян. гос. пед. ун-т им. И.Г. Петровского, 2009.
- Лившин А.* Настроения и политические эмоции в Советской России 1917–1932 гг. М.: РОССПЭН, 2010.
- Максимова Ю.О.* Письма Александры Федоровны к Николаю II Александровичу как источник для осмысления мотивации благотворительной деятельности императрицы в 1914 г. // *Arg Historica*. Проблемы интерпретации исторических источников. 2017. С. 115–120.
- Морозов С.Д.* Мужчины и женщины в России в годы Первой мировой войны: демографический кризис и потери населения // Женщина в российском обществе. 2014. № 3 (72). С. 10–20.
- Морозова О.М., Трошина Т.И.* Женский взгляд на мужскую работу. Революция и гражданская война глазами и в судьбах женщин // Новейшая история России. 2016. № 2. С. 8–30.
- Мицюк Н.А., Пушкарёва Н.Л.* «Не только перевязка мужских ран»: историко – антропологическое исследование медицинского сестринства в годы Первой мировой войны // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 244–252.
- Нагорная О.С.* «Полковник беззвучно зарыдал, слезы были на глазах у всех офицеров...» Коммуникация эмоций за колючей проволокой // Диалог со временем. 2011. № 35. С. 195–205.
- Некрасова Е.* Из прошлого женских курсов. М.: издание типографии А.А. Карцева, 1886.
- Палмер Я.* Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. М.: Новое обозрение, 2010.

- Поршнев Б.Ф., Анцыферов Л.И. История и психология. Сборник. Москва: Наука, 1971.
- Поршнев Б. Социальная психология и история. Рига: Звайгэне, 1982.
- Поршнева О.С. Человек в условиях российской революции 1917 года: основные тенденции и достижения в изучении проблемы // 1917 года в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 50–64.
- Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004.
- Первушина Е. Быть сестрой милосердия. Женский лик войны. М.: Алгоритм, 2017.
- Перельман И.В. Влияние Первой мировой войны на развитие российского гендерного порядка. Феномен Марии Бочкаревой // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (83). С. 142–148.
- Пушкарёва Н.Л. Публичное вторжение в частную жизнь (эвристическая ценность устных и письменных эго-документов для гендерной истории) // Запад – Восток. 2018. № 11. С. 161–179.
- Пушкарёва Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. 2000. № 3. С. 62–70.
- Пушкарёва Н.Л. Мемуары и автобиографии женщин как исследовательский «полигон» для изучения «женского письма» // Е.Р. Дашкова и XVIII век. Традиции и новые подходы. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2012. С. 224–241.
- Рау И. О чувствах и эмоциях как предмете истории, философии и культурологии: очерк комплексной проблемы // Современная научная мысль. 2015. № 4. С. 109–118.
- Ранпорт Х. Дневники княжон Романовых. Загубленные жизни. Пер. с англ. И. Мовчан. М.: ООО «Издательство «Э», 2015.
- Ранпорт Х. Застигнутые революцией. Живые голоса очевидцев. Пер. с англ. И. Мовчан. М.: ООО «Издательство «Э», 2017.
- Ратчайлд Р. Непослушные женщины и русские революции 1917 года // Женщина в Российском обществе. 2017. № 2 (83). С. 35–44.
- Репина Л.П. История исторического знания. Пособие для вузов. М.: Дрофа: Высшее образование, 2004.
- Ренненкампф фон, В. Из воспоминаний о Первой мировой войне // Звезда. 2013. № 8. С. 125–141.
- Сваре Х. Философия дружбы. М.: Прогресс-Традиция, 2010.
- Свендсен Л. Философия страха. М.: Прогресс-Традиция, 2010.
- Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. М.: РОССПЭН. 1999.
- Семина Х.Д. Записки сестры милосердия: Кавказский фронт. 1914–1918 гг. М.: Кучково поле, Горные технологии. 2016.
- Симонова О. Изучение эмоций как область междисциплинарной интеграции: история и социология в поисках объяснения «эмоционального поворота». К выходу русского перевода криги Яна Плампера «История эмоций» // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 3. С. 356–378.
- Симонова О.А. Базовые принципы социологии эмоций // Вестник СПбГУ. Сер. 12. Социология. 2016. № 4. С. 12–27.
- Симонова О. Изучение эмоций как область междисциплинарной интеграции: история и социология в поисках объяснения «эмоционального поворота». К выходу русского перевода книги Яна Плампера «История эмоций» // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 3. С. 356–378.
- Синова И.В. «В свободной России не должно быть прежней женщины-рабы», или о чем писали отечественные журналы в 1917 г. // Женщина в российском обществе. 2014. № 3 (72). С. 98–106.
- Фармборо Ф. Первая мировая война. Дневники с фронта. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014.
- Филмонова О.Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: Учебное пособие. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007.

- Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX века. Тамбов: Изд-во Юлис, 2004.
- Coryne Hall. *Little mother of Russia : a biography of the Empress Marie Feodorovna (1847–1928)*. London: Shephard-Walwyn, [1999] 2006.
- Simonova O. *Capitalist Heart: Rationality, Emotion and Alienation in Late Modern Societies // Power, Violence and Justice: reflections, responses and responsibilities*. Book of Abstracts accepted for presentation at the XIX ISA World Congress of Sociology Toronto, Canada, July 15–21, 2018. Toronto: International Sociological Association. P. 891.
- L.S. Stoff, *They Fought for the Motherland: Russia's Women Soldiers in World War I and the Revolution* (Kansas: University Press of Kansas, 2006); L.S. Stoff, *Russia's Sisters of Mercy and the Great War : more than binding men's wounds* (Kansas: University press of Kansas, 2015).

References

- Akishina, S.N., Belanova, A.M., Zverkova, N.S., and Belyakov, N.A. *Sestry miloserdiya v Rossii. Nachalo XIX – nachalo XX veka*. Moscow: Al'yans Publ., 2014 (in Russian).
- Astashev, A.B. "Russkiy front 1914-1917 gg.: voyennyye pis'ma." *Istoricheskiy vestnik*, no. 156 (2014): 148–167 (in Russian).
- Bakshutov, V.K. *Filosofiya chuvstv: informatsionnaya kontseptsiya*. Yekaterinburg: UrO RAN Publ., 1996 (in Russian).
- Belova, T.V. "Sotsial'noe polozenie zhenshchin-rabotnits v guberniyakh Verkhnego Povolzh'ya v gody pervoi mirovoi voyny." In *Zhenshchiny i rossiiskoe obshchestvo: nauchno-istoricheskiy aspekt*. Ivanovo: Ivanovo State University Publ., 1995 (in Russian).
- Bol'shakova, O.V. *Problemy i perspektivy gendernoi istorii Pervoi mirovoi voyny*. http://inion.ru/index.php?page_id=534 (in Russian).
- Coryne, Hall. *Little mother of Russia. A biography of the Empress Marie Feodorovna (1847–1928)*. London: Shephard-Walwyn Publ., 1999.
- Dement'ev, I.O. "Sovremennaya istoriografiya gendernykh aspektov istorii Pervoi mirovoi voyny." *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, no. 12 (2014): 84–93 (in Russian).
- Denisenko, S.V. *Vse strakhi mira: Horror v literature i iskusstve. Sb. statei. SPb*. Tver: izd-vo Mariny Batasovoi Publ., 2015 (in Russian).
- Farmboro, F. *Pervaya mirovaya voyna. Dnevnik s fronta*. Moscow: OLMA Meda Grupp Publ., 2014 (in Russian).
- Filimonova, O.E. *Emtsiologiya teksta. Analiz reprezentatsii emotsii v angliiskom tekste: Uchebnoe posobie*. St. Petersburg: OOO Knizhnyi Dom Publ., 2007 (in Russian).
- Gafurova, Kh.Sh. "Nekotorye kriterii zhanrovoy identifikatsii srednevekovykh yaponskikh dnevnikov." *Molodoi uchenyi*, no. 6 (2011): 15–17. <https://moluch.ru/archive/29/3282/> (Accessed: 17.01.2019) (in Russian).
- Gippius, Z.N. *Zhivye litsa. Vospominaniya*. Tbilisi: Meredian Publ., 1991 (in Russian).
- Gippius, Z.N. *Dnevnik*. Moscow: Zakharov Publ., 2017 (in Russian).
- Glafirova, V.V., Selunskaya E.A., and Manilov, R.A. *Zhdanova, A. A. Zapiski sestry miloserdiya Anny Zhdanovoi*. Tver: Triada Publ., 2014 (in Russian).
- Golubtsov, V.S. *Memuary kak istochnik po istorii sovetskogo obshchestva*. Moscow: Moskovskogo universiteta Publ., 1970 (in Russian).
- Igel'strom, A. *Vospominaniya o Pervoi Mirovoi voine Ol'gi Grigor'evny Fedukinoi-Imberkh*. <https://www.proza.ru/2017/08/26/1230> (in Russian).
- Ivanova, E.V. "About restoration of archive material complex of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna philanthropic activity." *Vestnik arkhivista / Herald of an Archivist*, no. 3 (2013): 101–112 (in Russian).
- Ivanova, Y.N. *Hrabreyshie iz prekrasnyh. Zhenshhiny Rossii v vojnah*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2002 (in Russian).

- Karayani, A.G. “Psikhologiya voyny: postanovka problemy s pozitsii voenno-psikhologicheskoi nauki.” In *Военно-историческая антропология. Ежегодник*. Moscow: Rosspen Publ., 2002 (in Russian).
- Kaufman, A.A. *Slushatel'nitsy Petrogradskikh vysshikh zhenskikh (Bestuzhevskikh) kursov na vtorom godu voyny. Byudzhet. Zhilishchnye usloviya. Pitanie. Po dannym perepisi (ankety), vypoln. Stat. Seminariem v kontse okt. 1915 g.* Petrograd: [S.n.], 1916 (in Russian).
- Kolonitskii, B.I. *Revolyutsiya 1917 goda* Moscow: Eksmo Publ., 2018 (in Russian).
- Kolonitskiy, B.I. “Obraz sestry miloserdiya v rossiyskoy kul'ture epokhi Pervoy mirovoy voyny.” In *Bol'shaya voyna Rossii: sotsial'nyy poryadok, publichnaya kommunikatsiya i nasiliye na rubezhe tsarskoy i sovetkoy epokh: sbornik statey*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2014 (in Russian).
- Kotylev, A.Y. “‘Mal'chishka, lyubi Revolyutsiyu...’ Genderniy aspekt razvitiya rossiiskoi kul'tury 1917–1933 gg.” In *Gender i obshchestvo v istorii*, 621–657. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2007 (in Russian).
- Koz'menko, V.M. and Kerov V.V. “Mezhvuzovskii nauchnyi tsentr sopostavitel'nykh istoriko-antropologicheskikh issledovaniy ‘Istoriko-antropologicheskaya komparativistika’.” *RUDN Journal of Russian History* 1, no. 1 (2002): 118–119 (in Russian).
- Kraikin, V.V. *Pervaya mirovaya voyna v vospriyatii krest'yan (po materialam orlovskoi gubernii)*. Bryansk: Bryansk State Pedagogical University Publ., 2009 (in Russian).
- Kudrina, Y.V. *Mariya Fedorovna, imperatritsa. Dnevnik imperatritsy Marii Fedorovny (1914–1920, 1923 gody)*. Moscow: Vagrius Publ., 2005 (in Russian).
- Kudrina, Y.V. *Dnevnik imperatritsy Marii Fedorovny (1914–1920, 1923 gody)*. Moscow: Vagrius Publ., 2005 (in Russian).
- Livshin, A. *Nastroeniya i politicheskie emotsii v Sovetskoj Rossii 1917–1932 gg.* Moscow: ROSSPEN Publ., 2010 (in Russian).
- Maksimova, Y.O. “Pis'ma Aleksandry Fedorovny k Nikolayu II Aleksandrovichu kak istochnik dlya osmysleniya motivatsii blagotvoritel'noi deyatelnosti imperatritsy v 1914 g.” *Ars Historica Problemy interpretatsii istoricheskikh istochnikov* (2017): 115–120 (in Russian).
- Mitsyuk, N.A., and Pushkareva, N.L. “‘Ne tol'ko perevyazka muzhskikh ran’: istoriko-antropologicheskoe issledovanie meditsinskogo sestrinstva v gody Pervoi mirovoi voyny.” *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, no. 2 (2018): 244–252 (in Russian).
- Morozov, S.D. “Muzhchiny i zhenshchiny v Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny: demograficheskii krizis i poteri naseleniya.” *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3 (2014): 10–20 (in Russian).
- Morozova, O.M., and Troshina, T.I. “Woman’s View at Men’s Work: The Revolution and the Civil War through the Eyes of Women and Through Their Fates.” *Modern History of Russia*, no. 2 (2016): 8–30 (in Russian).
- Nagornaya, O.S. “Polkovnik bezzvuchno zarydal, slezy byli na glazakh u vsekh ofitserov...” *Kommunikatsiya emotsii za kolyuchi provolokoi.* *Dialog*, no. 35 (2011) (in Russian).
- Nekrasova, E. *Iz proshlogo zhenskikh kursov*. Moscow: izdanie tipografii A.A. Kartseva Publ., 1886 (in Russian).
- Palmpfer, Y., Shakhadat Sh., and Eli, M. *Rossiiskaya imperiya chuvstv: Podkhody k kul'turnoi istorii emotsii*. Moscow: Novoe obozrenie Publ., 2010 (in Russian).
- Perel'man, I.V. “Vliyaniye Pervoi mirovoi voyny na razvitie rossiiskogo gendernogo poryadka. Fenomen Marii Bochkarevoi.” *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 9 (2017): 142–148 (in Russian).
- Pervushina, Ye. *Byt' sestroy miloserdiya. Zhenskiy lik voyny*. Moscow: Algoritm Publ., 2017 (in Russian).
- Porshnev, B.F., and Antsyferova, L.I. *Istoriya i psikhologiya. Sbornik*. Moscow: Nauka Publ., 1971 (in Russian).
- Porshnev, B. *Sotsial'naya psikhologiya i istoriya*. Riga: Zvaigene Publ., 1982 (in Russian).

- Porshneva, O.S. "Chelovek v usloviyakh rossiiskoi revolyutsii 1917 goda: osnovnye tendentsii i dostizheniya v izuchenii problem." In *1917 goda v Rossii: sotsialisticheskaya ideya, revolyutsionnaya mifologiya i praktika: sb. nauch. trudov*. Yekaterinburg: Ural University Publ., 2016 (in Russian).
- Porshneva, O.S. *Krest'yanе, rabochie i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. "Publichnoye vtorzheniye v chastnuyu zhizn' (evristicheskaya tsennost' ustnykh i pis'mennykh ego-dokumentov dlya gendernoy istorii)." *Zapad – Vostok*, no. 11 (2018): 161–179 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. "U istokov zhenskoy avtobiografii v Rossii." *Filologicheskiye nauki*, no. 3 (2000): 62–70 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. "Memuary i avtobiografii zhenshchin kak issledovatel'skiy «poligon» dlya izucheniya 'zhenskogo pis'ma'." In *Ye.R. Dashkova i XVIII vek. Traditsii i novyye podkhody*. Moscow: MGI im. Ye. R. Dashkovoy Pub., 2012 (in Russian).
- Rappaport, Kh. *Dnevniky knyazhon Romanovykh. Zagublennyye zhizni. Per. s angl. I. Movchan*. Moscow: E Publ., 2015 (in Russian).
- Rappaport, Kh. *Zastignutyе revolyutsiei. Zhivyye golosa ochevidtsev. Per. s angl. I. Movchan*. Moscow: E Publ., 2017 (in Russian).
- Ratchaïld, R. "Neposlushnyе zhenshchiny i russkie revolyutsii 1917 goda." *Zhenshchina v Rossiiskom obshchestve*, no. 2 (2017): 35–44 (in Russian).
- Rau, I. "O chuvstvakh i emotsiyakh kak predmete istorii, filosofii i kul'turologi: ocherk kompleksnoi problem." *Sovremennaya nauchnaya mysl': Zhurnal NII istorii, ekonomiki i prava*, no. 4 (2015): 109–118, 110 (in Russian).
- Rennenkampf fon, V. "Iz vospominanii o Pervoi mirovoi voine." *Zvezda*, no. 8 (2013): 125–141 (in Russian).
- Repina, L.P. *Istoriya istoricheskogo znaniya. Posobie dlya vuzov*. Moscow: Drofa Publ., 2004 (in Russian).
- Semina, Kh.D. *Zapiski sestry miloserdya: Kavkazskii front. 1914–1918 gg.* Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2016 (in Russian).
- Senyavskaya, E.S. *Psikhologiya voiny v XX veke: istoricheskii opyt Rossii*. Moscow: ROSSPEN Publ., 1999 (in Russian).
- Shcherbinin, P.P. *Voennyi faktor v povsednevnoi zhizni russkoi zhenshchiny v XVIII – nachale XX veka*. Tambov: Yulis Publ., 2004 (in Russian).
- Simonova, O. "Capitalist Heart: Rationality, Emotion and Alienation in Late Modern Societies." *Power, Violence and Justice: reflections, responses and responsibilities. Book of Abstracts accepted for presentation at the XIX ISA World Congress of Sociology Toronto, Canada, July 15–21, 2018*, 891. Toronto: International Sociological Association Publ., 2018.
- Simonova, O. "Izuchenie emotsii kak oblast' mezhdistsiplinarnoi integratsii: istoriya i sotsiologiya v poiskakh ob'yasneniya 'emotsional'nogo povorota'. K vykhodu russkogo perevoda krigi Yana Plampera 'Istoriya emotsii'." *Sotsiologicheskoe obozrenie*, no. 3 (2018): 356–378 (in Russian).
- Simonova, O.A. "Basic principles the sociology of emotions." *Vestnik SPbSU. Series 12. Sociology*, no. 4 (2016): 12–27 (in Russian).
- Sinova, I.V. "V svobodnoi Rossii ne dolzhno byt' prezhnei zhenshchiny-raby', ili o chem pisali otechestvennyе zhurnaly v 1917 g." *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3 (2014): 98–106 (in Russian).
- Stoff, Laurie S. *They fought for the motherland: Russia's women soldiers in World War I and the revolution*. Kansas: University Press of Kansas, 2006.
- Svare, Kh. *Filosofiya druzhby per. s norvezhskogo I. Voronovoy*. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2010 (in Russian).
- Svendson, L. *Filosofiya strakha*. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2010 (in Russian).
- Varnek, T.A. *Vospominaniya sestry miloserdya (1912–1922)*. <http://www.dk1868.ru/history/varnek/varnek1.htm>. (Accessed: 11.01.2019) (in Russian).

- Veselovskii, A.N. *Izbrannye stat'i*. St. Petersburg: Goslitizdat Publ., 1939 (in Russian).
- Vetlesen, A.Yu. *Filosofiya boli*. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2010 (in Russian).
- Vinnitskiy, I. “Zagovor chuvstv ili russkaya istoriya na emotsional'nom povorote. (Obzor rabot po istorii emotsii).” *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 117 (2012): 441–460 (in Russian).
- Vorres, I. *Ol'ga Aleksandrovna. Memuary. Zapis' Ya. Vorresa*. Moscow: Zakharov Publ., 2003 (in Russian).
- Zakuta, O. *Kak v revolyutsionnoe vremya Vserossiiskaya liga ravnopraviya zhenshchin dobivalas' izbiratel'nykh prav dlya russkikh zhenshchin*. Petrograd: Vseros. liga ravnopraviya zhenshchin Publ., 1917 (in Russian).
- Zorin, A. *Istoriya emotsii*. <http://polit.ru/article/2004/06/18/zorin> (in Russian).
- Zorin, A. *Poyavleniye geroya: iz istorii russkoy emotsional'noy kul'tury kontsa XVIII – nachala XIX veka*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2016 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Чуракова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного Арктического Федерального Университета имени М.В. Ломоносова.

Olga V. Churakova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Domestic History of the Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-278-301>

Научная статья / Research article

Гендер в российской истории: обзор новейших исследований

С.И. Реснянский^а, И.С. Амиантова^б

^аМосковский государственный областной университет;
105005, Россия, Москва, ул. Радио, 10а; s-r44@yandex.ru

^бРоссийская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ; 119571, Россия, Москва,
Проспект Вернадского, 84, к. 3, блок 9; politnayka@mail.ru

Gender in Russian history: review of the latest researches

Sergey I. Resnyansky^а, Irina S. Amiantova^б

^аMoscow State Regional University;

10a, Radio St., Moscow, 105005, Russia; s-r44@yandex.ru

^бRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА);
k.3, block 9, 84, Vernadsky Prospekt, Moscow, 119571, Russia; politnayka@mail.ru

Аннотация: В статье представлены результаты обзора исследований по гендерной проблематике, опубликованных за последние тридцать лет. Авторами поставлена задача обобщить и проанализировать историографию вопроса о предпосылках и характере взаимосвязей исторической науки и гендерных исследований. В работе обосновывается идея формирования обновленной концепции гендера на разных исторических этапах страны, уточняются подходы к изложению современной истории становления и развития гендерных исследований и гендерного дискурса. Результаты исследования показывают неравномерную динамику роста числа дескриптивных и эмпирических исследований гендера и связь этого научного направления с социально-экономическими и политическими изменениями на всем историческом пути России. Корреляция отношений динамической эволюции гендера с особенностями исторического пути страны еще недостаточно изучена, но ее рассмотрение может дать возможность и в исторических исследованиях описать и объяснить уникальные модели феномена мужского/женского и его эволюции. В гендерных исследованиях пока мало деталей для того, чтобы выявить, описать и объяснить его национальную специфику, соотнесенную со спецификой национальной истории в хронологических и пространственно-территориальных масштабах. Авторы ставят проблему разработки методологического инструментария и языка взаимодействия в рамках исторического, постструктуралистского и феминистского подходов. Это потребует перехода в исторических исследованиях к изучению новых аспектов данной проблемы, в том числе через изучение истории жизни этносов и народов России на разных этапах их развития, тематические исследования гендера и анализ дискурса.

Ключевые слова: гендер, феминизм, российская история, гендерные исследования

Благодарности: Авторы выражают благодарность внешним рецензентам и редакции журнала «Вестник РУДН. Серия: История России», без критических замечаний и поддержки которых эта работа не была бы опубликована.

Для цитирования: Реснянский С.И., Амиантова И.С. Гендер в российской истории: обзор новейших исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 278–301. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-278-301>

Abstract: The article reviews the works of gender studies published over the past 30 years, with the aim to show and generalize what is proposed in historiography and special literature about the relationship between historical sciences and gender studies. Firstly, the paper offers an updated concept of gender in relation to the different periods of the country's history – tsarist, Soviet and post-Soviet. Secondly, the paper discusses the formation and gradual development of gender studies and gender discourse. The study reveals an uneven growth in the number of descriptive and empirical gender studies, which can be explained in correlation with socio-economic and political changes throughout Russia's historical path. The correlation between the dynamic evolution of gender and the peculiarities of the historical path of the country has not been sufficiently studied; its analysis offers historians the opportunity to describe and explain the unique models of male/female (gender) relations and their evolution. So far gender studies have little to offer that would help identify, describe and explain the national specificity of gender, correlated with the specifics of national history in chronological and spatial-territorial terms. Future historians should also focus on developing methodological tools and a language that can foster interaction between historical, post-structuralist and feminist approaches. This will require a drastic transition in historical research to previously ignored topics and to more innovative, in-depth and qualitative research methods, such as the history of the life of ethnic groups and peoples of Russia at different stages of development of state and society next to case studies of gender and discourse analysis.

Keywords: gender, feminism, Russian history, gender and history

Acknowledgments: We would like to thank editors of *RUDN Journal of Russian History*, and two anonymous referees, for their helpful comments and suggested revisions.

For citation: Resnyansky, Sergey I., Amiantova, Irina S. "Gender in Russian History: review of the latest researches." *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 2 (May 2019): 278–301. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-278-301>

Введение

В 2019 г. самостоятельному научному направлению в гуманитарных и общественных науках в России – гендеру и гендерным исследованиям исполняется тридцать лет. Активное изучение результатов развития этого направления, подведение первых итогов и обобщение опыта, пришлось на первое десятилетие гендерных исследований. В последующее двадцатилетие новой российской истории этот процесс замедлился и не был отмечен какими-то значимыми изысканиями.

Сам термин «гендер» вошел в научный оборот с 60-х гг. XX в. В этот период наблюдается рост гендерных исследований на фоне роста конфликтов, связанных с половыми различиями, когда их разрешение перешло в социальную, экономическую, политическую и культурно-цивилизационную плоскость. В гендерную онтологию проникает радикальный феминизм. Суть столкновения гендерных и феминистских воззрений – нетрадиционное, радикальное расчленение образов вещей и явлений, доселе трактовавшихся как концептуально целостные. Мыслительное и символическое расчленение коснулось не только образов мужского и женского, но и самих полов.

Исторический опыт России, СССР и Российской Федерации вносит в эту закономерность свои особенности и специфику. Гендерная проблематика, до определенного времени не самая популярная и привлекательная в гуманитарных и исторических исследованиях, тем не менее была весьма востребованной в российском обществе. Ее присутствие в жизни, экономике, политике и культуре было очень заметным в условиях, когда общество и его элиты не видели потенциала к развитию в традиционных институтах поддержания гибких отношений между

женщинами и мужчинами, когда делалась ставка на обновление общества и его базовых ценностей. В гендере и гендерных исследованиях, как можно предположить, интеллектуалы разных убеждений и практик стали искать способ объяснить причины возникновения трудностей и ответы на вызовы времени не только с точки зрения современности, но и в разрезе исторических эпох. Гендер и гендерные исследования тогда оказывались не единственным, не самым знаковым, но достаточно привлекательным и востребованным фактором. В 2003 г. исследователь Дашкова Т.Ю. опубликовала статью «Гендерная проблематика: подходы к описанию», с содержанием которой можно познакомиться на сайте «История повседневности». В своей статье автор пишет: «В настоящем же хочется верить, что появление работ, лежащих в русле гендерной историографии, в которых воплощается новое восприятие истории – как процесса, как дисциплины, как формы устройства знания, – дает все основания надеяться на то, что “полезные категории анализа” будут в нашей науке все более востребованными»¹. Вот почему исследователи ищут взаимосвязь гендерной теории и практики с историческим знанием², обращаются к событиям из истории государств и обществ, повседневной жизни мужчин и женщин из разных социальных групп, из отношений матерей и отцов. Не позднее 2000 г. Ллойд Демоз, директор Института психоистории в Нью-Йорке, посчитал интригующим, актуальным и, разумеется, естественным вопрос: «Но кто же в исторических групповых фантазиях отец и кто мать?» При этом сам замечает, что ответ вряд ли будет столь же очевиден³.

Как видим, и различия природного свойства между мужчинами и женщинами, и статус материнства и отцовства, и отношения господства и подчинения в различиях женского и мужского начал пронизывают весь строй умственной работы, все стороны самой жизни. Но уже в XX в., веке социальных революций в мире и в СССР, теоретики социального конструктивизма поставили под сомнение природное происхождение различий между людьми и стали объяснять их социально-культурными и цивилизационными процессами. В непримиримой схватке сцепились представители «биологии как судьбы» и идеологи «гендерного равенства», а по существу – «гендерного неравенства». Схватка воззрений, теорий, концепций, подходов, методов анализа в публичной и научной среде по части гендерной проблематики продолжается.

При всех успехах в развитии гендера как научного направления ни одна из наук не обеспечила прорыва в концептуальной проработке этого феномена⁴, историческая наука не исключение. Вот почему актуально продолжение интеллектуальной работы по выработке прежде всего концепции гендера, и российская

¹ Дашкова Т.Ю. Гендерная проблематика: подходы к описанию. URL: <http://www.el-history.ru/node/431> (дата обращения: 09.02.2019).

² Гендерная теория и историческое знание: материалы Второй научно-практической конференции 3–4 октября. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005.

³ Ллойд Демоз. Психоистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. С. 229.

⁴ Пушкарёва Н.Л. Что такое «гендер»? (Характеристика основных концепций) // Гендерная теория и историческое знание: материалы Второй международной научно-практической конференции. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005. С. 19.

историческая наука могла бы внести свой вклад в разработку этой сложной проблематики. У исторической науки есть свой специфический предмет анализа гендера и свои методы актуализации дискурса. В связи с этим актуальными для исторической науки нужно считать описание и осмысление устоявшихся воззрений на гендерную проблематику; формулирование, проверку, опровержение и переосмысление этой проблематики; выявление постоянных и возможных направлений будущих исследований в этой области.

В фокусе изучения – самые разные по жанру (монографии, обзоры, статьи) публикации российских и зарубежных ученых, представляющих разные научные школы изучения гендера и феминизма. Ядро источниковой базы составили публикации за последние тридцать лет. Примерно 70 публикаций наиболее известных и признанных в научной среде авторов было рассмотрено и отобрано для проведения метаанализа. Отбирался материал, удовлетворявший критериям новизны теоретического и методологического свойства; текст, суждения, оценки и выводы не содержат откровенно ангажированных по идеологическим и пропагандистским соображениям трактовок, ругательных и оскорбительных высказываний в чей бы то ни было адрес.

Теоретико-методологические и институциональные основания гендерных исследований в России: исторический ракурс дискуссии

Нет ничего легче, а в сущности, нет ничего труднее, чем представить обзор специальной исторической литературы о гендере, потому что гендер в исследованиях все еще в состоянии становления. Следует признать, что еще окончательно не сформировался исторический взгляд на гендер в России, не разработана пока, на наш взгляд, и четкая концепция, которая могла бы объяснить разные эпохи и периоды российской истории через призму гендерного подхода или на основе гендерных исследований попытаться найти стержень для объединения разных эпох и разных периодов российской истории. Решение таких задач, изучение этой проблематики требует от исследователя многогранности, творческого подхода, остроты мысли и глубокого историзма.

Если внимательно посмотреть уже опубликованные российскими учеными работы о становлении и развитии гендерной исследовательской практики, то можно заметить, что именно к концу первых десяти лет развития гендера в России стало понятно, что эта проблематика активно изучается. В этот период стали появляться как специальные исследования на эту тему, так и отдельные разделы в составе работ по самым разным аспектам гендера, в которых уделялось внимание вопросам начального этапа в гендерных исследованиях.

Для российской исторической науки гендерная проблематика становится особенно актуальной с 90-х гг. XX в., с эпохи драматичных перемен и надежд на обновление общества, государства, самих основ жизни. В мире и в России в этот период уже издаются специализированные⁵ и тематические журналы⁶, функцио-

⁵ Gender к History. URL: https://www.researchgate.net/journal/0953-5233_Gender_History/2?sort=By=hash (Дата обращения: 04.02.2019).

⁶ <https://womaninrussiansociety.ru/>.

нируют десятки аналитических центров гендерной политики⁷, ежегодно проводятся многочисленные конференции, публикуются сотни монографий и тысячи статей⁸ по истории, историографии и источникам, методам анализа, как по отдельным эпизодам гендерной истории, так и по более широким, методологическим вопросам, имеющим значение для науки в целом и для исторической науки в частности. Зарубежные и российские исследователи отмечают, что ситуация с асимметрией гендера, с нарушением условий равноправия остается тревожной и даже имеет тенденцию к обострению во всем мире⁹.

Что является определяющим для самой науки о гендере? Вопреки многим препятствиям на пути научных изысканий гендер, по мнению большинства исследователей этой темы, – перспективный академический фронт. Исследователь Т.Ю. Дашкова так видит ситуацию: «На наших глазах происходит распространение и освоение сформировавшихся в западном гуманитарном знании способов проблематизации действительности и формирование новых институций, предпринимаются попытки переосмысления прежних дисциплинарных конвенций и открытия новых областей исследования. Рассмотрение этих процессов во всей их сложности и неоднозначности представляет чрезвычайный интерес. Дополнительную интригу исследованию может придать социально-историческая перспектива этого процесса: побеги позднего феминизма прививаются в стране, которая в свое время воспринималась как место, где феминистские идеи были во многом реализованы»¹⁰. Противоречивое по своей природе явление гендера создает противоречия в среде его исследователей, как апологетов, так и противников, но все они соглашаются с тем, что в XX в. гендер инициировал и создал комплекс прорывных в социальной и исторической науке идей: новые представления о субъектности истории, новые концепции социально-экономических и политико-правовых норм на разных этапах исторического развития.

И уже не является политическим и конъюнктурным предубеждением призыв именно историков к тому, чтобы актуализировать не столько описание гендерных проблем и гендерных историй в XXI в., сколько выявление и обнажение проблемы дискриминации по половым признакам как в приватной, так и публичной сферах¹¹. Солидаризируемся с мнением тех, кто вслед за ведущим исследователем

⁷ Курмашев А.В. Гендерные исследования в России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2001. С. 78–80; <http://www.rarwh.ru>.

⁸ Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина исторического прошлого. Очерки, Хрестоматия. М.: РОССПЭН. 2002. С. 106–158.

⁹ Khatun Samia, *The Book of Marriage: Histories of Muslim Women in Twentieth-Century Australia*, <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/1468-0424.12258> (Date of the application: 04.02.2019); Останина Н.А., Слизовский Д.Е., Амiantoва И.С. Феминизм как политика в новых геополитических условиях: международный и российский опыт // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2018. № 4 (163). С. 36–40; Айвазова С.Г. Гендерный дискурс в поле консервативной политики // Женщина в российском обществе. 2017. № 4 (85). С. 3–13.

¹⁰ Дашкова Т.Ю. Гендерная проблематика: подходы к описанию. URL: <http://www.el-history.ru/node/431> (Дата обращения: 09.02.2019).

¹¹ Пушкарёва Н.Л., Котовская М.Г., Мицюк Н.А. Сохраняя традиции, статья современными (Третья Международная научная конференция в Махачкале, Республика Дагестан, 24–28 июня 2018 г.) //

гендерной проблематики на постсоветском пространстве И. Жеребкиной называется это время «гендерные 90-е»¹². Тогда, видимо, впервые российские ученые стали официально пользоваться термином «гендер». Из диссидентских групп, творческих союзов, представителей искусства, женских советов оформляются первые коллективы исследователей и первые центры исследований этой темы.

В числе работ по данной проблематике современная историография располагает работами и текстами, в которых отдельной темой описывается и представляется история создания и развития организационных (институциональных) основ и нового научного языка гендерных исследований. Число авторов и количество работ на данную тему относительно невелико, но в числе тех, что оказались доступны и были проанализированы, можно проследить начало, генезис, структуру и этапы становления гендера и феминизма¹³, географию распространения, основные темы, которые волновали исследователей первой волны. Выявленные работы свидетельствуют о лавинообразном росте интереса к гендерной проблематике с последующим снижением исследовательской активности и о первых попытках обнаружения доказательств универсальности гендера в истории.

В 2000 г. журнал «Общественные науки и современность» знакомит читателей со статьей З.А. Хоткиной «Гендерным исследованиям в России – десять лет». Название статьи уже говорит о главном замысле автора. В работе предпринята попытка подвести итоги десяти лет в жанре исследовательского эссе на основе личного опыта. В незамысловатой манере автор поделился происходящим «в российском женском движении и гендерных исследованиях в последней декаде XX века»¹⁴.

Надо думать, из этой статьи перекочевала и в другие издания идея, что публикация в 1989 г. в журнале «Коммунист» статьи А. Посадской, Н. Римашевской и Н. Захаровой «Как мы решали женский вопрос» стала своего рода «программным документом начальной стадии нового направления в науке и общественном женском движении». Как к заслуживающему внимания стоит отнестись и к упоминанию З.А. Хоткиной о том, что в 1994 г. английские издатели в книге «Women in Russia» назвали происходившее «новой эрой феминизма в России». З.А. Хоткина предстает в своей статье-эссе летописцем пройденного пути, делает попытку остановиться и оглянуться на реконструкции истории развития и институционализации российских гендерных исследований за десять лет.

Ценность этой первой работы об истории институционализации гендерных исследований не в объяснении причин и необходимости развития данных исследований в России, мы видим напряжение мысли в стремлении объяснить перемены в области российской общественной науки, вызванные появлением и развити-

Женщина в российском обществе. 2018. № 4. С. 152. URL: <https://womaninrussiansociety.ru/arxiv-numberov/> (Дата обращения: 04.02.2019).

¹² Заключение. URL: <https://studfiles.net/preview/460646/> (Дата обращения: 09.02.2019).

¹³ Кабайкина О.В. Феминистское движение в исторической перспективе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/feministicheskoe-dvizhenie-v-rossii-v-istoricheskoy-perspektive> (Дата обращения: 10.02.2019).

¹⁴ Хоткина З.А. Гендерным исследованиям в России – десять лет. URL: <https://studfiles.net/preview/407327/> (Дата обращения: 05.02.2019).

ем новых альтернативных теоретических направлений и концепций, пока мысль бьется вокруг оправдания интереса к гендеру в России. Если и обнаруживаем здесь полезный эффект, то он в первом определении, периодизации становления гендерных исследований в российской науке и в самых смелых и решительных интерпретациях содержания каждого из четырех периодов, которые прорисовываются автором.

В 2011 г. социолог А.А. Безрукова в «Новых технологиях» публикует статью «Гендерные исследования в России: проблемы становления и развития»¹⁵. Полагаем, к тому времени уже не несут в себе новизны сведения о том, что гендерные исследования смогли институционализироваться как новое направление российской гуманитаристики, на чем настаивает автор данной работы.

Тем не менее в работе обращает на себя внимание фиксация начального этапа развития гендерных исследований в России, датируемого концом 80-х – началом 90-х гг. XX в., связь между предстартом гендерных исследований в России, первыми переводами и публикациями статей зарубежных ученых в нашей стране и размещением в 1989 г. в самую позднюю эпоху СССР, той самой статьи в журнале «Коммунист».

С публикацией этой знаменитой статьи и образования в 1990 г. Московского центра гендерных исследований все увереннее специалисты и эксперты стали определять официальную дату рождения гендерных исследований и практик¹⁶.

В разделе «Литература» А.А. Безрукова приводит сведения об уже опубликованных работах по истории становления гендерных исследований. Это далеко не полный перечень, но и в нем мы видим девять публикаций разного типа, в которых отражена тема предпосылок становления гендера в России. Среди них антология гендерных исследований с комментариями, составленная Е.И. Гаповой, А.Р. Усмановой (Минск, 2000), статья Р. Хоф о возникновении и развитии гендерных исследований (1999), материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям, статья «Введение в гендерные исследования» О. Ворониной (1997), «Гендерные исследования в России» З.А. Хоткиной (2000), работа Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной, посвященная проблемам женщин и гендерным исследованиям на Западе и в России (1999). Обратим внимание на годы появления этих работ – десятилетний период гендерных исследований демонстрирует живость ума исследователей и продуктивность их усилий.

Если обратиться к параметрам публикационной активности на заданную тему, то можно обнаружить тоже много противоречивого и нуждающегося в дополнительном исследовании. Например, в крупнейшей в России электронной библиотеке научных публикаций eLIBRARY.RU можно получить статистику публикаций: при тематическом запросе «гендер» эта электронная база данных выдает 6639 наименований из 28 498 899. По запросам «гендер и история» и «история и

¹⁵ Безрукова А.А. Гендерные исследования в России: проблемы становления и развития. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/gendernye-issledovaniya-v-rossii-problemy-stanovleniya-i-razvitiya> (Дата обращения: 10.02.2019).

¹⁶ Geum.ru. URL: <http://geum.ru/next/art-242031.leaf-12.php> (Дата обращения: 09.02.2019).

гендер» – всего лишь 72 наименования публикаций разного формата: монографий, статей, очерков, обзоров в сборниках¹⁷.

Число зафиксированных на электронной платформе публикаций невелико – есть ли основания, опираясь на такую статистику, делать вывод о неактуальности темы и ее слабой исследовательской проработке? Такого рода статистика мало что дает для объяснения и понимания существования проблемы с точки зрения исторической науки – полно или слабо тема гендера представлена в истории или насколько история проявляет себя в гендерных отношениях, – и тут не обойтись без привлечения дескриптивного материала, который предлагают многие российские и зарубежные исследователи в области гуманитарных наук.

Если сопоставить статистику крупнейшей электронной библиотеки, описание и разъяснения на этот счет исследователей, можно обнаружить серьезные расхождения количественных данных, характера институционализации гендерной научной дисциплины и оценочных суждений по части качества ее анализа. Ведь в большинстве исследований на эту тему говорится о ее популярности, признании в обществе и среди специалистов, пусть без тенденции к увеличению публикаций, но в значительном их количестве. Это уже устойчивая тенденция, как отмечают специалисты. Если на рубеже 90-х гг. XX в. был даже всплеск публикационной активности, то в дальнейшем наблюдалось снижение исследовательского интереса. Сейчас в исторической науке фиксируется самый низкий уровень исследовательской активности, но есть все признаки ее оживления.

Таким образом, российская гуманитарная наука дала старт гендерным исследованиям первоначально по формальным показателям (количество центров, проектов, программ, курсов, публикаций, исследователей, издательств в бывшем СССР) и неформальным индикаторам (производство новых смыслов в интеллектуальной и исследовательской среде, новых практик в социально-экономической, политической и культурной сферах). Проблема развития инфраструктуры по количественным и сущностным показателям и результатам не исчерпана. Имеет место свертывание гендерных направлений в исследованиях и научных проектах. Намечился новый этап в развитии гендера и как дисциплины, и как формы устройства знания и «полезной категории анализа». Чтобы понимать, куда и в каких направлениях двигаться дальше, остановимся на ключевых моментах периодизации и на содержании каждого из периодов в развитии гендерных исследований в России.

Содержание и смыслы, скрываемые на разных этапах развития гендерных исследований

Парадоксально, но сегодня почти нет острых дискуссий по поводу периодизации становления и развития этого научного направления. Оптимальной и обоснованной некоторыми исследователями признается схема, предложенная Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной в статье, опубликованной ими еще в 1999 г. в журнале «Общественные науки и современность»¹⁸. Есть смысл определиться с тем, кто и

¹⁷ https://elibrary.ru/query_results.

¹⁸ *Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // *Общественные науки и современность*. 1999. № 6. С. 181.

как определяет периодизацию современных гендерных исследований, проводимых в Российской Федерации.

Чтобы лучше и нагляднее уяснить сравнительные характеристики содержания и главные формальные показатели всех известных периодов в развитии гендерных исследований, сравним позиции и оценки известных социологов З.А. Хоткиной и Е.В. Кочкиной, представивших свое видение периодов и содержания каждого из периодов развития гендера в России. Исследователи поставили задачу: 1) определиться с хронологией каждого периода; 2) показать основных участников исследовательской практики, географию ее распространения. Различия же, на наш взгляд, в лексических и смысловых определениях таких позиций, как цели и задачи, решаемые на протяжении каждого из периодов, достигнутые результаты, причины неудач, трудности. Мы руководствуемся в анализе материала не только таким подходом – необходимо, как нам кажется, прежде всего уяснить, принципиально ли важны разночтения в описании указанными исследователями реальности, не скрывается ли за этими разночтениями и интерпретациями какая-то позиция субъективного толка, или это обычные при объяснении допущения в виде догадок, гипотез, неточности в подборе нужных слов, терминов, определений.

Конечно, между реальностью и тем, как она воспроизводится в нашем сознании и описании, тоже есть существенные противоречия. Поэтому разные интерпретации одних и тех же фактов рассматривались нами как свидетельства, требующие дополнительной перепроверки. Тем не менее в историографию вопроса о периодизации гендера в России вошли следующие описания.

З.А. Хоткина выделяет первый этап с конца 1980-х до 1992 г. Это период внедрения новой научной парадигмы. На этом этапе энтузиазма у первопроходцев в области отечественных гендерных исследований было больше, чем теоретических знаний и практического опыта. Основные задачи носили скорее организационный и просветительский, чем исследовательский характер. Е.В. Кочкина определяет первый этап до 1989 г., считает его этапом самоидентификации, не детализируя, что понимается под идентификацией.

Очевидно, что исследователи по-разному определяют начало и финал первого этапа. Есть смысл в будущем провести дополнительное исследование с тем, чтобы определить время самого начала движения российских историков и исследователей других научных направлений к пониманию актуальной повестки гендерной проблематики. Изменение границ, уточнение момента появления интереса к гендерным исследованиям позволит понять уровень готовности ученых к введению данного научного направления в обычную и повседневную практику. Есть шанс развернуть дискуссию о степени зависимости исторической науки на данном отрезке времени и от западной науки, и от своей собственной. И тогда, может быть, будет оправданно видеть проблему в датировании этого этапа с конца 1980-х или без всякой фиксации начала, как это видно у Е.В. Кочкиной (до 1989 г.).

Развернуто объясняется содержание этапа по характеру, числу и масштабам проведенных и проводимых мероприятий разного уровня – и международного и регионально-странового: упоминаются первые международные конференции в

Москве по гендерным исследованиям, организованная ЮНЕСКО, и проведенные соответственно в 1991 и 1992 гг. Первый и Второй независимые женские форумы в Дубне, в некоторых российских городах (Таганрог, Набережные Челны, Москва).

З.А. Хоткина больше сконцентрирована в своих размышлениях на сложностях с публикациями по гендерной проблематике: хотя в журналах «Общественные науки и современность» и «Социологические исследования» в 1991 и 1992 гг. появились соответствующие рубрики, это были скорее исключения из общего правила.

Исследователь упоминает о признаках международного характера развития гендерных исследований, приводит примеры негативного отношения к гендерной проблематике в стране в связи с историей издания книги «Women in Russia» (написанной в 1991 г. учеными и активистками женского движения, большинство из которых были организаторами Первого независимого женского форума), которую никто в России не хотел издавать.

Трудности внедрения в российскую науку и общественные институты новых терминов, понятий и подходов, связанных с гендерной тематикой и методологией, были наиболее сложными проблемами первого этапа. Е.В. Кочкина такие вопросы применительно к данному периоду опускает, возможно, потому что на конференции исследование представлено ею в формате презентации. Тем не менее в ее работе есть убедительные данные и свидетельства о субъектах гендерного движения и исследованиях: диссидентские группы, творческие союзы, практические научные продукты – научные исследования, первые публикации.

Второй этап (1993–1995 гг.) и у З.А. Хоткиной, и у Е.В. Кочкиной (1993–1999 гг.) – это период институционализации российских гендерных исследований. Еще Совмином СССР готовилась концепция государственной программы по улучшению положения женщин, семьи, охране материнства и детства. Это время роста числа гендерных центров и официальной регистрации, как новых, так и ранее созданных научных коллективов, и организаций. Тогда были официально зарегистрированы Московский и Петербургский гендерные центры, создан Московский центр гендерных исследований (МЦГИ), зарегистрированный как общественная организация в Моссовете в 1993 г. и в Минюсте РФ в 1998 г. (деятельность была приостановлена в 2015 г.). Открылись и начали работать Карельский, Ивановский и другие гендерные центры.

Процессу институционализации способствовало появление законодательства РФ об общественных организациях и объединениях, а также начало активной работы в России западных благотворительных фондов. Велась активная подготовка к четвертой Всемирной конференции в Пекине. Тема тогдашней дискуссии – положение женщин. В 1996 г. решением Министерства образования РФ в образовательные программы некоторых вузов страны была введена новая учебная дисциплина – феминология. С 1998 г. программа стала называться «Феминология и гендерные исследования». Наконец, два научных направления – феминология и гендерные исследования смогли вести диалог, хотя различия по ряду теоретико-методологических аспектов сохранялись. Научная работа в гендерных центрах проходила почти изолированно. Дискуссии велись чаще с западными коллегами.

Наиболее острой проблемой второго периода был недостаток научных публикаций на русском языке и на русских материалах, живого общения ученых и преподавателей.

Третий этап (1996–1998 гг.) для З.А. Хоткиной – это этап консолидации ученых и преподавателей российских гендерных исследований. Е.В. Кочкина предлагает целую схему пятилеток развития гендерных исследований в России. Если до 1989 г. – это самоидентификация, в 1990 г. – это время появления запроса и рождение, то последующее развитие гендера в ее представлении – это движение в духе советского планирования, представленное шестью пятилетками, каждая из которых несет в себе смысловое и содержательное отражение исторического процесса в стране и ключевых факторов институционализации гендера. Первая пятилетка – «операционализация дискриминации» (у З.А. Хоткиной это частично первый и второй этапы); вторая пятилетка – «эпоха сетей» (совпадает с третьим этапом у З.А. Хоткиной); третья – «взрывной рост» и «легитимация»; четвертая – «социализация второго поколения»; пятая – «сопротивление»; шестая – «шаг вперед или назад?»¹⁹.

По мнению Е.В. Кочкиной, третий этап – наиболее важный и ответственный период, с которого начинается развитие собственно российских гендерных исследований. Тогда произошел своего рода прорыв, переход в новое качество: проект летних школ дал мощный импульс для перехода к качественно новому этапу развития женских и гендерных исследований в России, к взаимодействию и сотрудничеству ученых и преподавателей из разных городов и университетов для глубокого и всестороннего обсуждения теоретических проблем нового научного направления.

Первым шагом на пути к налаживанию более тесных научных контактов и связей между исследователями гендера из России и стран СНГ стала научная конференция «Гендерные исследования в России: проблемы взаимодействия и перспективы развития», организованная МЦГИ в январе 1996 г.

Важным итогом процессов, происходивших на этом этапе консолидации, явилось создание информационной сети, которая объединила гендерных исследователей и преподавателей России и стран СНГ и по сей день позволяет обмениваться информацией, создавать совместные проекты, приглашать преподавателей для чтения лекций в университеты разных городов. У Е.В. Кочкиной это – вторая пятилетка.

Четвертый этап – с 1998 г. – по настоящее время. Характерной особенностью этого этапа является активизация работы, направленной на легитимацию и более широкое распространение гендерного образования в российских университетах. Для подтверждения этого тезиса Е.В. Кочкина приводит следующие данные. 200 тем охватывает тематическое поле гендерных исследований по всем гуманитарным и общественным наукам. В девяти академических институтах РАН

¹⁹ VII Социологическая Грушинская конференция «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях». Гендерные исследования в России: генезис, достижения и перспективы 28 лет. Секция 5: «Будущее уже рядом – II. Трансформация гендерных ролей: от прошлого к будущему». М., 2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=1049> (дата обращения: 09.02.2019).

работают лаборатории и группы гендерных исследований, сформирован научный совет по гендерным вопросам при Президиуме РАН, организованы гендерные секции в научных профессиональных сообществах (РАПН, РОС и др.). Более чем в 100 вузах читаются курсы по гендерным исследованиям, в 40 вузах существуют структурные подразделения в виде вузовских центров гендерных исследований, 15 гендерных центров осуществляют свою деятельность как НКО. Выходят спецномера журналов ВАК по данной тематике. Только в 2002–2004 гг. защищено более 350 диссертаций по гендерным проблемам по самым разным общественным и гуманитарным наукам, за исключением юриспруденции – по этой дисциплине первая диссертация защищена в 2006 г. Количество исследователей гендера с 2000 по 2004 гг. выросло с 220 до 500. На эти же годы пришелся настоящий бум публикаций по гендерной тематике. В России (в отличие от Украины, где в Харькове уже год как выходил журнал «Гендерные исследования») пока не было налажено регулярное издание отечественного журнала по гендерной тематике, хотя такие попытки предпринимались в Санкт-Петербурге, где вышел в свет первый номер и готовился следующий выпуск «Гендерных тетрадей».

В годы пятой пятилетки – «пятилетки сопротивления» – наметилась негативная динамика в процессе институционализации гендерных исследований (происходит изменение числа вузовских курсов, структурных подразделений в вузах, динамика конференционной и публикационной активности). Были закрыты почти все НКО, проводившие гендерные исследования. В то же время росло числа выпускных работ у студентов-бакалавров и магистерских диссертаций по гендерным исследованиям, повышался научный статус гендерных исследований во всех дисциплинах и во всех научных, профессиональных ассоциациях. Наметились расширение гендерного дискурса во всех сферах культурного производства и формирование феминистских проектов в Интернете, обозначилась дифференциация общественного мнения по гендерной ценностной самоидентификации.

В период шестой пятилетки – «шаг вперед или назад?» – после многочисленных законодательных инициатив за 28 лет, 10 % из которых оказались результативными, 8 марта 2017 г. была принята Национальная стратегия действий Российской Федерации в интересах женщин на 2017–2022 гг. Сможет ли этот документ устранить противоречивость государственной политики в этой сфере, действительно ли национальная стратегия сможет определить основные направления государственной политики в отношении женщин и нацелить на реализацию принципа равных прав и свобод и создание равных возможностей для женщин в соответствии с положениями Конституции Российской Федерации? Этими вопросами задавались многие исследователи.

Достойны уважения и признания исследования Е.В. Кочкиной²⁰, которая в 2017 г. на международной конференции предложила схему поэтапного развития гендерных исследований в России. Заслуживают внимания исторической науки, историков предложенные Е.В. Кочкиной этапы развития гендера и смысловые,

²⁰ Кочкина Е. Гендерные исследования в России: генезис, достижения и перспективы 28 лет // VII Социологическая Грушинская конференция... URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2017/prez/5_kochkina.pdf.

содержательные определения и значения. Последующее развитие гендера будет базироваться на этих результатах, и будущее гендера в России в ближайшей перспективе не избежит влияния специфики и своеобразия исторического процесса в стране и, соответственно, приоритетных факторов социально-политического и культурно-цивилизационного свойства. Российское государство и общество ищет основы для своего будущего. Так не в обогащении ли здоровых российских традиций в сфере отношений между женщинами и мужчинами, женами и мужьями, папами, мамами и детьми и исключении из сферы этих отношений пагубных практик, зафиксированных российской историей, можно и должно обнаружить прочные основания всестороннего развития всех и каждого в новую для страны и российского общества эпоху?

Значимость достигнутого и недостатки приобретенного знания в концепции гендера

Если обратиться к хрестоматийному материалу по гендерным исследованиям²¹, то отчетливо просматривается определенная смысловая и содержательная линия в процессе рождения и развития гендера в мире и на российской территории. И в умах российских адептов гендера и ее последователей большинство текстов хрестоматии – работы ведущих западных теоретиков гендера и феминизма (Джудит Батлер, Розы Брайдотти, Тереза де Лауретис, Люси Иригарэ, Гейл Рубин и т.д.). Эта плеяда ученых сыграла важную роль в создании новой академической социальной дисциплины «Гендерные исследования» в системе западного социального знания. Тексты «Хрестоматии» выполнили и по-прежнему выполняют свое предназначение в качестве общеметодологической основы для западных теорий гендера и феминизма²². Вне сомнения – велика роль этих исследователей и их идей в истории зарождения гендера в России.

На раннем этапе институционализации гендера исследователи этой темы в России получали организационную, методологическую, медийную, финансовую поддержку зарубежных ученых, центров исследований гендера, международных фондов²³. С тех пор исследовательская активность в этой области и институционализация гендера прошли сложный путь от самоидентификации через взрывной рост исследовательской активности до развилки: идти вперед, остановиться на достигнутом или отступить назад.

В условиях популярности гендерной проблематики в общественном восприятии и в научной среде остро стоит задача по прояснению того, в какой степени современные гендерные исследования в России наследуют традициям российской исторической классики. Другое дело, обладает ли современная российская

²¹ Жеребкина И.А. Введение в гендерные исследования. Учебное пособие. Харьков: Харьковский центр гендерных исследований, 2001; Жеребкин С.В. Введение в гендерные исследования. Хрестоматия. Харьков: Харьковский центр гендерных исследований, 2001.

²² Бойченко Л.Д. Введение в гендерные исследования. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2003.

²³ Russia: Gender Issues in Modern Russia (Based on Formal Statistics) (Moscow: Alex Publishers, 2006), https://siteresources.worldbank.org/INTRUSSIANFEDERATION/Resources/305499-1291044797591/gender_statist_eng.pdf (Дата обращения: 04.02.2019).

историческая наука достаточной инфраструктурой, а ученые – строгим мастерством, на базе чего только и можно развивать традиции отечественной науки. Еще острее чувствуется проблема поиска концепции гендера как идейно-теоретического пополнения знания в непрерывном, но разрываемом эпохами историческом процессе. Есть ли у современной российской исторической науки научный аппарат, интеллектуальные и нравственные силы, способные создать цельный эпос о российских мужчинах и женщинах в монархическую, советскую и постсоветскую эпохи? Подобные темы обсуждаются немногими и вяло. Видимо, потому что еще не пришло время для объективного и непредвзятого разговора о ключевых проблемах российской истории и о ее неотъемлемом элементе – гендерных отношениях, частном, но важном процессе исторического развития.

Тем не менее уже есть приемлемый исследовательский и аналитический материал – разные, но вполне определенные версии институционализации гендера на постсоветском пространстве: в Белоруссии²⁴, на Украине²⁵, в России²⁶ и в других странах. Авторитетный исследователь этой проблематики Н.Л. Пушкарёва видит серьезное продвижение как раз в концептуализации гендера: «Значимость гендерной концепции – в том, что она дала новый, интегративный инструмент научного исследования, который оказался релевантен (подходящ) многим общественным наукам и позволил проблематизировать темы, которые ранее считались настолько малозначимыми, что даже не обсуждались на научном уровне»²⁷. Есть ли смысл в еще большем подтверждении этой версии понимания концепта гендера или все же можно и стоит развернуть на эту тему дискуссию? На наш взгляд, есть все основания продолжить дискуссию по существу. Помимо препятствий и трудностей организационного и социально-политического характера, смены творческой атмосферы на бюрократическую и догматическую в ходе дальнейшего развития гендера как научного направления и общественного движения есть и воспроизводятся другие весомые причины торможения в развитии гендера. И они касаются сугубо академической и научной областей.

Российская историческая наука, литература и поэзия задолго до подобных баталий и надвигающихся революций XX в. тоже находились под влиянием различий не только между социальными группами и классами, перенося эти различия и на язык, и на культуру, на типы полового поведения и реакции, разъединяя

²⁴ Соломатина И. История «гендерного маршрута» (2005–2015, Беларусь) // Международная конференция. Гендерные сюжеты в культуре и СМИ на постсоветском пространстве. Гендерная цензура как элемент культуры. Преодоление сексизма. Гендер и интернет. 11–12 апреля 2016 года. М.: [Б.и.], 2016. С. 81–98. URL: <https://coollib.net/b/411969/read> (Дата обращения: 10.02.2019).

²⁵ <http://www.owl.ru/win/women/aiwo/kharkov.htm> (Дата обращения: 12.02.2019). URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/16080037/>.

²⁶ Федеральный образовательный портал – экономика, социология, менеджмент. В разделе «Гендерная социология» есть рубрики «Теория и методология гендерных исследований» и «Гендерная история», в которых печатаются данные о последних поступлениях научной литературы. URL: <http://ecsocman.hse.ru/docs/16000351>.

²⁷ Пушкарёва Н.Л. Что такое «гендер»? (Характеристика основных концепций) // Гендерная теория и историческое знание: материалы Второй международной научно-практической конференции. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005. С. 20.

общество. Но речь идет не о различиях между мужским и женским естеством, а о социальных различиях и виновниках их продуцирования и закрепления – вот что, по мнению российских интеллектуалов, формировало дух разъединения. Отсюда тотальное и перманентное неблагополучие в обществе и государственном устройстве. В. Белинский в свое время уверенно и невозмутимо писал о социальной основе разделенности российского общества: «...У каждого нашего сословия все свое, особенное – и платье, и манеры, и образ жизни, и обычаи, и даже язык»²⁸. Логика такой версии понимания исторического процесса и его движущих сил утвердилась и надолго закрепилась в России, явив себе и всему миру марксистско-ленинскую идеологию и практику, уникальные образцы переосмысления места и роли женщины и мужчины в истории страны в разные эпохи ее развития.

Возведение гендерных отношений в ранг активного субъекта истории не отменило прежних воззрений – субстантивной философии истории, – но приподняло гендер на новую высоту. При этом утверждение гендера в качестве модного течения идейной и научной мысли и активного общественного движения оказалось очень противоречивым. Суть противоречия можно свести к тому, что при возрастающей востребованности в обществе и интереса научного сообщества к гендерной проблематике гендерный подход не стал обязательным элементом стратегии и политики в государственных программах экономического и социального развития, законотворческой деятельности. На волне всеобщего интереса в мире и у нас, в России, гендер занял собственную нишу, не стал мейнстримом ни в гуманитарной науке, в образовании, ни в научных изысканиях. Особенно ярко этот парадокс обнаруживает себя в России. В связи с этим, если мы правильно интерпретируем ситуацию, актуальными являются описание и объяснение самого общего и очевидного свойства сложившихся реалий, поиск ответов на вопросы: в чем причины такого рода проявлений и возможно ли, а если возможно, то как преодолеть препятствия на пути дальнейшего развития гендерных исследований?

Исторические исследования гендера представляют собой набор незначительных и серьезных противоречий, противоположностей, даже странностей. Усугубляет противоречивый характер восприятия и толкования гендера в истории то, что общественный и научный интерес к гендерной проблематике сегодня отчасти провоцируется медийными сообщениями, но даже большую роль играют неурядицы в социальной и экономической сферах и на этом фоне наблюдается сползание общества в архаизацию культурного и поведенческого гендерного режима. Сложившиеся реалии, по крайней мере большинство из них, отражают изменения гендерных отношений и норм и возникающие в связи с этим социально-политические, этнические, бытовые и другие конфликты²⁹.

История гендерных исследований и гендера в истории демонстрирует двоякую сущность: с одной стороны, это научные исследования, тематически и пред-

²⁸ *Белинский В.Г.* Мысли и заметки о русской литературе. URL: http://librebook.me/mysli_i_zametki_o_russkoi_literature/vol1/1 (Дата обращения: 07.02.2019).

²⁹ *Бороздина Е.А., Кондаков А.А., Шторн Е.М.* Современные исследования гендера и сексуальности: теоретические разработки и эмпирические изыскания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20. № 5. С. 7–14.

метно отражающие комплекс социальных и культурных различий между мужчинами и женщинами, с другой – исследования, не связанные с гендером по теме, но проникнутые этими различиями насквозь, окрашенные новыми смыслами, отражающие из этих различий вышедшее сознание. Совершенно очевидно, что эти явления находятся или могут находиться в разных плоскостях.

В человеческом сознании образы мужского и женского изначально являются собой комплекс противоречий, противоположностей, даже странностей. То мужчина и женщина – это прародители человечества, созданные одновременно и равными в господстве над всей землей и живыми существами. То мужчина служит материалом для сотворения женщины, а женщина – подходящим ему помощником, женой. То они безраздельно самовластны в желании присвоить себе право решать, что такое добро и зло, то женщина поддается уговорам нарушить заповеди, совершает проступок. И в таком историко-мифологическом развороте земной жизни создаются основания и условия уже для появления различий в статусе и обязанностях мужчин и женщин: женщине определено «в болезни рожать детей» и находиться в подчинении мужа; мужчине – со скорбью и в поте лица трудиться во все дни жизни его на земле. На этих библейских основаниях, похоже, базируется видение и толкование гендера как исторически первой формы фиксации сети властных отношений у историка Джаны Скотт³⁰.

Бросается в глаза нагромождение дефиниций гендера. То это первичная сеть властных отношений, то социально достигаемый институт, система межличностного взаимодействия. В гендере видят не просто идеологическую систему, а особую идеологию с задачей поддержания принудительной гетеросексуальности. Популярность получило представление о гендере как о технологии и результате представления, перформанса определенных идей. В западной феминологии гендер именуется и способом интерпретации биологического, и процессом и результатом конструирования индивидуальной идентичности³¹. Н.Л. Пушкарёва твердо стоит на толковании гендера как системы отношений и взаимодействий, разделяющих общество на властвующих и подчиненных. В этом смысле гендер подобен классу, расе, возрасту. В этом главное отличие методик гендерной экспертизы социальных явлений от обычных исследований пола, которые велись этнографами, социологами, психологами, – в задачах, которые они ставят, и в целях, которые они преследуют. Традиционная наука описывала разницу в статусах, ролях и иных аспектах жизни мужчин и женщин и находила обоснования взаимодополнительности основных половых ролей. Таким образом, традиционная наука служила идеологии патриархата, обосновывавшей превосходство мужчин³².

Как видим, в сознании и опыте ученых гендер приобретает статус фундаментальных социальных связей, одновременно устойчивых и изменчивых. Гендер

³⁰ J. Scott, "Gender: a Useful Category of Historical Analysis," *American Historical Review*, no. 5 (1986): 1069.

³¹ Пушкарёва Н.Л. Что такое «гендер»? (Характеристика основных концепций) // Гендерная теория и историческое знание: Материалы Второй международной научно-практической конференции. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005. С. 8–20.

³² Там же. С. 18.

позволяет создавать, подтверждать и воспроизводить представление о мужском и женском, наделять властью одних (как правило, мужчин) и понижать статус других (женщин, представителей так называемых сексуальных меньшинств и т.д.). Исследователи ищут универсальное определение гендера и, как ни парадоксально, прилагают мощные интеллектуальные усилия, чтобы показать властную компоненту в описываемых посредством гендера социальных взаимосвязях. И тогда у таких исследователей уже нет сомнений: если до поры до времени и этнология, и социология, и демография, и многие другие науки отказывались признавать системную, всепроникающую природу социополового угнетения в различных обществах³³ и предпочитали говорить о разумности и взаимодополнительности социально-половых ролей, то теперь в центре этих отношений, основа этих отношений – господство мужчин и подчиненное положение женщин.

Неужели термин «гендер» войдет в таком концептуальном разрезе и в историческую науку, и историки станут им широко пользоваться? Всегда ли они будут понимать логику взаимоотношений и пересечений гендера с историей, влияние гендера на историю и – наоборот? Если видеть первопричину различий между женщинами и мужчинами как статусными характеристиками не во взаимовлиянии этих феноменов, а во взаимовлиянии и пересечении господства и подчинения, тогда нет различий между гендерными и социально-классовыми отношениями. В логике подобных рассуждений естественным был и остается вопрос: «Как получиться в мире так могло?». Близкий к другому, более тонкому и гибкому, истинному пониманию многих парадоксов ответ на этот вопрос дает, на наш взгляд, представитель не науки, а искусства – поэт Евгений Евтушенко в стихотворении «Благодарность»:

Как получиться в мире так могло?
Забыв про смысл ее первопричинный,
мы женщину сместили. Мы ее
унизили до равенства с мужчиной.

Какой занятный общества этап,
коварно подготовленный веками:
мужчины стали чем-то вроде баб,
а женщины – почти что мужиками.

При таком исторически сформированном подходе к гендерным отношениям уже не является политическим и конъюнктурным предубеждением призыв именно историков³⁴ к тому, чтобы актуализировать не столько описание гендерных проблем и гендерных историй, сколько выявление и обнажение проблемы дискри-

³³ Ангер Р. Трехстороннее зеркало // Введение в гендерные исследования. СПб.: Алтейя, 2001. С. 447; R.K. Unger, “Looking toward the Past: Social Activism and Social History,” *Journal of Social Issues*, no. 1 (1986): 215–227.

³⁴ Gender к History. URL: https://www.researchgate.net/journal/0953-5233_Gender_History/2?sortBy=hash (Дата обращения: 04.02.2019).

минации по половому признаку как в приватной, так и в публичной сферах³⁵. Основания для такой конфигурации осознания феномена связаны с неравноправием по половому признаку из-за возрождения в ряде регионов мира, во многих странах, и в частности в России, архаических представлений, свода правил поведения, традиций и этических норм, казалось бы, уже ушедших в глубокую историю.

Зарубежные и российские исследователи отмечают, что ситуация с асимметрией гендера, с нарушением условий для равноправия остается тревожной и даже имеет тенденцию к обострению во всем мире³⁶, причем не только по политическим и экономическим причинам, но и по причинам устойчивости в массовом сознании и поведении исторических, культурно-цивилизационных и этических норм, предубеждений и предрассудков³⁷.

Историкам, кажется, можно было бы довольствоваться и таким уровнем анализа и представлений о проблемах и сущности гендера для неспешного и последовательного ведения научных изысканий. Однако оказывается, и в исторической науке в концептуализации содержания и смыслов гендера уже мало выбирать в качестве приоритета политико-экономический либо культурно-исторический фактор. Появляются идеализированные тексты, авторы которых не гнушаются использовать язык упрека, осуждения и ненависти к оппонентам и к объектам исследования.

Не стоит подобные казусы сводить только к институциональным трудностям, как это делают некоторые исследователи³⁸. Канадские ученые, поднагоревшие в неолиберальной интерпретации современных реалий, подбросили свою версию толкования базовых ценностей гендера – равенства и равноправия. Первоначально считалось, что равенство может быть достигнуто путем предоставления политикой и государством через программы и законодательные акты равных возможностей женщинам и мужчинам – и эти действия дадут одинаковые результаты. Теперь же, как они считают, одинаковые возможности не обязательно дают одинаковые результаты, поэтому сегодня концепция равных возможностей при-

³⁵ Пушкарёва Н.Л., Котовская М.Г., Мицок Н.А. Сохраняя традиции, статья современными (Третья Международная научная конференция в Махачкале, Республика Дагестан, 24–28 июня 2018 года) // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 4. С. 152.

³⁶ Khatun Samia, *The Book of Marriage: Histories of Muslim Women in Twentieth-Century Australia*, <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/1468-0424.12258> (Date of the access: 04.02.2019); Медведев Н.П., Слизовский Д.Е., Шуленина Н.В., Амиантова И.С. Феминизм и мировые центры поддержки женских движений развивающихся стран // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2018. № 2. С. 110–125; Слизовский Д.Е., Шуленина Н.В., Амиантова И.С. Политика поддержки женщин-предпринимателей в развивающихся странах: масштаб поддержки и сомнительность успеха // *Евразийский союз: вопросы международных отношений*. 2018. № 1. С. 5–16.

³⁷ Новикова Е.А. Гендерный аспект политического участия женщин (сравнительный анализ). Саратов: Изд-во СГУ, 2013; Захарова О.В. Гендерные стереотипы в современном российском обществе. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014; Новикова Е.А. Гендерные аспекты (основания) экономического регулирования рынка труда и их реализация в территориальной политике. Красноярск: СФУ, 2017; Потехина Е.А. Гендерные модели в культуре: философско-антропологический анализ. СПб.: ГАОУВОЛО, 2018.

³⁸ A. Kondakov, “Teaching Queer Theory in Russia,” *QED: A Journal in GLBTQ Worldmaking*, no. 3 (2016): 107–118.

знает, что женщины и мужчины, преодолевая дискриминационные потери прошлого (в исторически сложившейся культуре и этических нормах, традициях), могут достичь одинаковых результатов и при различных условиях жизни³⁹. Мы предполагаем, что не разные социальные, экономические и политические условия и даже не исторические особенности сопровождают и продуцируют гендерное неравноправие и неравенство. По мнению таких интерпретаторов, мужчина и женщина как тип человека – вот что не устраивает канадскую школу гендерных исследований и ее адептов, поэтому, по их мнению, мужчины и женщины нуждаются в коренной антропологической реформе, при этом лучше, чтобы у женщин и мужчин наиболее яркой чертой стал врожденный и приобретенный имморализм, то есть отсутствие априорных, изначальных представлений о добре и зле, о способах и условиях равноправия и равенства для мужчин и женщин. Но не все так безнадежно.

За последние тридцать лет исследования гендерной проблематики в мире и в России проделали путь от описания явления, лишённого теоретических обобщений, к усилиям по включению его в высококонцептуальные и теоретико-методологические рамки⁴⁰. И чего же добились на этом пути? Изысканиями представителей современных социальных и гуманитарных наук, можно сказать, совершен переворот в теории, методологии и концептуализации мужской и женской субстанций. Теперь стали различать понятия «пол» (sex) и «гендер» (gender). К традиции полагать в различиях по половым признакам анатомо-физиологические особенности (sex) добавилось полагание социальных ролей, экономического статуса, гражданских и политических прав (gender)⁴¹. Предыдущие исследования рассматривали гендер как переменную величину или переменный фактор (gender as a variable). В современных исследованиях уже превалирует подход, согласно которому гендер – фактор влияния (gender as an influence).

Гуманитарная наука, в том числе историческая, остановилась перед необходимостью признать или отвергнуть не только влияние на конструирование гендера исторического и культурного фактора, но и допустимость его изменения, увеличения или уменьшения, в значениях зависимости от культурного и социально-политического контекста, от жизнеутверждающей или пугающей атмосферы переживаемой эпохи.

Выводы

Гендерный фактор стал продвигаться и в историческом сознании и понимании как условие не разделения и разъединения, но объединения и переформатирования различий мужчин и женщин в нечто единое, неразделенное. Не мужчина и женщина остаются и будут базовыми элементами жизнеустройства, а человек,

³⁹ Gender-based analysis: a guide for policy-making. Ottawa, Ontario. Cat. no. SW21-16/1996, http://www.pacificwater.org/userfiles/file/IWRM/Toolboxes/gender/gender_based_analysis.pdf (Accessed: 04.02.2019).

⁴⁰ Colette Henry, Helene Ahl, Lene Foss, “Gender and Entrepreneurship Research: A Review of Methodological Approaches,” *International Small Business Journal*, no. 34 (2015): 217–241.

⁴¹ Воронина О.А. Гендерное равенство // Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. М.; СПб.: Елима, 2006. С. 143–146.

гендер. Более того, в одних обществах слияние, конвергенция полов мыслится как прогресс, в других – это отпадание от традиционных форм и моделей развития и регресс, способный подорвать устои будущего. Конфликт между духом разъединения и объединения пронизывает гендер как модный и популярный феномен современных реалий.

История гендерных отношений в России как полная, свободная от идеологических и политических клише, до сих пор не написана, и сложно предположить, когда это произойдет, поскольку на сегодняшний день до конца не сформирована научным сообществом концепция, на которой можно было бы выстроить историю включенности феномена в историю царистской, советской и постсоветской эпох, каждая из которых продемонстрировала уникальные примеры и модели лучших и негативных практик продвижения норм гендерного равноправия. При этом вопрос о преемственности и наследии истории российского гендера в разные эпохи обсуждается немногими и не так активно, как хотелось бы. В то же время интерес к проблеме сохраняется и есть основания к его удовлетворению.

На наш взгляд, потребуется переосмысление с точки зрения исторической науки самого гендера, его понятийного аппарата, моделей и теорий. Столь же актуальна и другая повестка для исторической науки – формирование способов и приемов включения в исторический текст содержательных и смысловых значений терминов и понятий по данной проблеме, выработанных смежными науками. Необходим новый язык, осторожность и внимательность в обращении с новым инструментарием и научным аппаратом для описания и анализа исторических сюжетов. Конечно, нужны отбор и классификация, более тщательная проработка как общественно значимых, так и совсем мелких историй гендерных проявлений в хронологическом и пространственном развитии. Требуется включение в исторический научный оборот теоретических и методологических достижений современной гуманитарной науки, новой базы источников и методов их анализа.

Исторической науке предстоит бросить вызов разного рода неоконсервативным и ультрарадикальным взглядам на гендерные отношения в истории монархической, советской и постсоветской России и внутри каждой из этих эпох. Исторической науке предстоит еще обратиться к устойчивым наднациональным и национальным основаниям, культурно-цивилизационным традициям многонационального и поликонфессионального народа страны, которые сегодня структурируют содержание и направление отношений между мужчинами и женщинами, отношение к гендеру представителей национальных интеллектуальных сообществ, отстаивающих воззрения, противоположные уже принятым и признанным гендерным основополагающим принципам, или скрывающих свои истинные намерения и взгляды.

Представленный авторами обзор был бы невозможен без существующего массива исследований и огромной интеллектуальной работы, которую проделали за последние тридцать лет десятки и сотни социологов, политологов и, конечно же, историков во многих странах мира, включая государства постсоветского пространства и Россию, развивших гендерные исследования как актуальное направление гуманитарной и социальной науки. Фамилии и имена ряда этих ученых

приведены в списке литературы к данной статье, и еще десятки и сотни нами не упомянутых ведут исследования в общественных женских организациях, в научных центрах и лабораториях, университетах, вузах. Публикации российских и зарубежных исследователей данного научного направления стали основной источниковой базой для обзора, методологическим ориентиром для понимания того, что уже сделано в этой области и в каком направлении можно и должно двигаться дальше. Мы солидарны с теми, кто отстаивает идею поддержки гендерных исследований и способствует всемерному вовлечению в эту работу нового поколения исследователей. Мы солидарны с творческими коллективами, которые, преодолевая академическую косность, бюрократические препятствия и финансовые трудности, издают тематические сборники, номера журналов, посвященные теме гендера. Мы признательны всем, кто взял и возьмет на себя труд откликнуться на размышления, которые представлены нами в этой работе.

© Реснянский С.И., Амиантова И.С., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Рукопись поступила: 17 февраля 2019 г.

Submitted: 17 Februaury 2019

Библиографический список

- Айвазова С.Г.* Гендерный дискурс в поле консервативной политики // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 4 (85). С. 3–13.
- Ангер Р.* Трехстороннее зеркало // *Введение в гендерные исследования*. СПб.: Алтейя, 2001. С. 437–463.
- Безрукова А.А.* Гендерные исследования в России: проблемы становления и развития. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/gendernye-issledovaniya-v-rossii-problemy-stanovleniya-i-razvitiya> (дата обращения: 10.02.2019).
- Белинский В.Г.* Мысли и заметки о русской литературе. URL: http://librebook.me/mysli_i_zametki_o_russkoi_literature/vol1/1 (дата обращения: 07.02.2019).
- Бойченко Л.Д.* Введение в гендерные исследования. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2003.
- Бороздина Е.А., Кондаков А.А., Шторн Е.М.* Современные исследования гендера и сексуальности: теоретические разработки и эмпирические изыскания // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2017. Т. 20. № 5. С. 7–14.
- Воронина О.А.* Гендерное равенство // *Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь*. М., СПб.: Елима, 2006. С. 143–146.
- Дашкова Т.Ю.* Гендерная проблематика: подходы к описанию. URL: <http://www.el-history.ru/node/431> (дата обращения: 09.02.2019).
- Жеребкина И.А.* Введение в гендерные исследования. Учебное пособие. Харьков: Харьковский центр гендерных исследований, 2001.
- Жеребкин С.В.* Введение в гендерные исследования. Хрестоматия. Харьков: Харьковский центр гендерных исследований, 2001.
- Захарова О.В.* Гендерные стереотипы в современном российском обществе. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014.
- Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // *Общественные науки и современность*. 1999. № 6. С. 177–185.
- Кабайкина О.В.* Феминистское движение в исторической перспективе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/feministicheskoe-dvizhenie-v-rossii-v-istoricheskoy-perspektive> (дата обращения: 11.02.2019).
- Курмашев А.В.* Гендерные исследования в России // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки. 2001. С. 78–80.

- Ллойд Демоз. Психоистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.
- Медведев Н.П., Слизовский Д.Е., Шуленина Н.В., Амиантова И.С. Феминизм и мировые центры поддержки женских движений развивающихся стран // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. № 2 (41). С. 110–125.
- Новикова Е.А. Гендерный аспект политического участия женщин (сравнительный анализ). Саратов: Изд-во СГУ, 2013.
- Новикова Е.А. Гендерные аспекты (основания) экономического регулирования рынка труда и их реализация в территориальной политике. Красноярск: СФУ, 2017.
- Останина Н.А., Слизовский Д.Е., Амиантова И.С. Феминизм как политика в новых геополитических условиях: международный и российский опыт // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2018. № 4 (163). С. 36–40.
- Павлов А.А., Семенов В.А. Гендерная теория и историческое знание: материалы Второй научно-практической конференции 3–4 октября. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005.
- Потехина Е.А. Гендерные модели в культуре: философско-антропологический анализ. СПб.: ГАОУВОЛО, 2018.
- Пушкарёва Н.Л. Что такое «гендер»? (Характеристика основных концепций) // Гендерная теория и историческое знание: материалы Второй международной научно-практической конференции. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005. С. 8–20.
- Пушкарёва Н.Л., Котовская М.Г., Мицюк Н.А. Сохраняя традиции, стать современными (Третья Международная научная конференция в Махачкале, Республика Дагестан, 24-28 июня 2018 г.) // Женщина в российском обществе. № 4, 2018. С. 151–154. URL: <https://womaninrussiansociety.ru/argiv-pomerov/> (дата обращения: 04.02.2019).
- Ретина Л.П. Женщин и мужчины в истории: новая картина исторического прошлого. Очерки, Хрестоматия. М.: РОССПЭН. 2002.
- Слизовский Д.Е., Шуленина Н.В., Амиантова И.С. Политика поддержки женщин-предпринимателей в развивающихся странах: масштаб поддержки и сомнительность успеха // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2018. № 1 (23). С. 5–16.
- Соломатина И. История «гендерного маршрута» (2005–2015, Беларусь) // Международная конференция. Гендерные сюжеты в культуре и СМИ на постсоветском пространстве. Гендерная цензура как элемент культуры. Преодоление сексизма. Гендер и интернет. 11–12 апреля 2016 года. М.: [Б.и.], 2016. С. 81–98.
- Хоткина З.А. Гендерным исследованиям в России – десять лет. URL: <https://studfiles.net/preview/407327/> (дата обращения: 05.02.2019).
- Colette Henry, Helene Ahl, Lene Foss. Gender and Entrepreneurship Research: A Review of Methodological Approaches // International Small Business Journal. 2015. Vol. 34. № 3. P. 217–241.
- Khatun Samia. The Book of Marriage: Histories of Muslim Women in Twentieth-Century Australia. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/1468-0424.12258> (Accessed: 04.02.2019).
- Kondakov A. Teaching Queer Theory in Russia // QED: A Journal in GLBTQ Worldmaking. 2016. Vol. 3. № 2. P. 107–118.
- Scott J. Gender: a Useful Category of Historical Analysis // American Historical Review. 1986. № 5. P. 1053–1075.
- Unger R.K. “Looking toward the Past: Social Activism and Social History // Journal of Social Issues. 1986. № 1. P. 215–227.

References

- Ayvazova, S.G. “Gendernyy diskurs v pole konservativnoy politiki.” *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, no. 4 (2017): 3–13 (in Russian).
- Anger, R. “Trekhsstoronnee zerkalo.” In *Vvedenie v gendernye issledovaniya*, 437–463. St. Petersburg.: Altea Publ., 2001 (in Russian).
- Bezrukova, A.A. *Gendernye issledovaniya v Rossii: problemy stanovleniya i razvitiya*. <https://cyberleninka.ru/article/v/gendernye-issledovaniya-v-rossii-problemy-stanovleniya-i-razvitiya> (accessed: 10.02.2019) (in Russian).

- Boychenko, L.D. *Vvedenie v gendernye issledovaniya*. Petrozavodsk: PetrGU Publ., 2003 (in Russian).
- Belinskiy, V.G. *Mysli i zametki o russkoy literature*. http://librebook.me/mysli_i_zametki_o_russkoi_literature/vol1/1 (accessed: 07.02.2019) (in Russian).
- Borozdina, E.A., Kondakov, A.A., and Shtorn, E.M. "Sovremennye issledovaniya gendera i seksual'nosti: teoreticheskie razrabotki i ehmpiricheskie izyskaniya." *Zhurnal sociologii i social'noy antropologii* 20, no. 5 (2017): 7–14 (in Russian).
- Colette, Henry, Helene, Ahl, and Lene, Foss. "Gender and Entrepreneurship Research: A Review of Methodological Approaches." *International Small Business Journal*, no. 34 (3) (2015): 217–241.
- Dashkova, T.U. *Gendernaya problematika: podhody k opisaniyu*. <http://www.el-history.ru/node/431> (accessed: 09.02.2019) (in Russian).
- Hotkina, Z.A. *Gendernym issledovaniyam v Rossii – desyat' let*. <https://studfiles.net/preview/407327/> (accessed: 05.02.2019) (in Russian).
- Kabaykina, O.V. *Feministskoe dvizhenie v istoricheskoy perspective*. <https://cyberleninka.ru/article/v/feministicheskoe-dvizhenie-v-rossii-v-istoricheskoy-perspektive> (accessed: 110.02.2019) (in Russian).
- Kondakov, A. "Teaching Queer Theory in Russia." *QED: A Journal in GLBTQ Worldmaking* 3, no. 2 (2016): 107–118.
- Kurmashev, A.V. "Gendernye issledovaniya v Rossii." *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki* (2001): 78–80 (in Russian).
- Khatun Samia. *The Book of Marriage: Histories of Muslim Women in Twentieth-Century Australia*. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/1468-0424.12258> (accessed: 04.02.2019).
- Lloyd, Demoz. *Psihoistoriya*. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 2000 (in Russian).
- Medvedev, N.P., Slizovskiy D.E., Shulenina, N.V., and Amiantova, I.S. "Feminizm i mirovye centry podderzhki zhenskikh dvizheniy razvivayushchihsya stran." *Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnosheniy*, no. 2 (2018): 110–125 (in Russian).
- Novikova, E.A. *Gendernyi aspekt politicheskogo uchastiya zhenshchin (sravnitel'nyi analiz)*. Saratov: SSU Publ., 2013 (in Russian).
- Novikova, E.A. *Gendernye aspekty (osnovaniya) ekonomicheskogo regulirovaniya rynka truda i ikh realizatsiya v territorial'noi politike: monografiya*. Krasnoyarsk: SFU Publ., 2017 (in Russian).
- Ostanina, N.A., Slizovskiy, D.E., and Amiantova, I.S. "Feminizm kak politika v novykh geopoliticheskikh usloviyakh: mezhdunarodnyy i rossiyskiy opyt." *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problem*, no. 4 (2018): 36–40 (in Russian).
- Pavlov, A.A., and Semenov, V.A. *Gendernaya teoriya i istoricheskoe znanie: materialy Vtoroy nauchno-prakticheskoy konferentsii 3–4 oktyabrya*. Syktyvkar: SyktGU Publ., 2005 (in Russian).
- Potekhina, E.A. *Gendernye modeli v kul'ture: filosofsko-antropologicheskii analiz*. St. Petersburg: GAOUVOLO Publ., 2018 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. "Chto takoe «gender»? (Harakteristika osnovnykh koncepciy)." [What is gender? (Characteristics of the main concepts)] In *Gender theory and historical knowledge: proceedings of second scientific and practical conference. 3^d&4th October*, 8–20. Syktyvkar: SyktGU Publ., 2005 (in Russian).
- Pushkaryova, N.L., Kotovskaya, M.G., and Micyuk, N.A. "Sohranyaya tradicii, stat' sovremennymi (Tret'ya Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya v Mahachkale, Respublika Dagestan, 24–28 iyunya 2018 goda)." *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, no. 4 (2018): 151–154 (in Russian).
- Repina, L.P. *Zhenshchin i muzhchiny v istorii: novaya kartina istoricheskogo proshlogo. Ocherki, Hrestomatiya*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2002 (in Russian).
- Solomatina, I. "Istoriya 'gendernogo marshruta' (2005–2015, Belarus')." In *Mezhdunarodnaya konferentsiya. Gendernye syuzhety v kul'ture i SMI na postsovetskom prostranstve. Gendernaya cenzura kak ehlement kul'tury. Preodolenie seksizma. Gender i internet. 11–12 aprelya 2016 goda*. Moscow: [S.n.], 2016 (in Russian).
- Slizovskiy, D.E., Shulenina, N.V., and Amiantova, I.S. Politika podderzhki zhenshchin-predprinimateley v razvivayushchihsya stranah: masshtab podderzhki i somnitel'nost' uspekha." *Evraziyskiy Soyuz: voprosy mezhdunarodnykh otnosheniy*, no. 1 (2018): 5–16 (in Russian).

- Scott, J. "Gender: a Useful Category of Historical Analysis," *American Historical Review* 91, no. 5 (1986): 1053–1075.
- Unger, R.K. "Looking toward the Past: Social Activism and Social History." *Journal of Social Issues*, vol. 42 (1) (1986): 215–227.
- Voronina, O.A. "Gendernoe ravenstvo." In *Globalistika. Mezhdunarodnyy mezhdisciplinarnyy ehnciklopedicheskii slovar'*, 143–146. Moscow; St. Petersburg: "Elyma" Publ., 2006 (in Russian).
- Zakharova, O.V. *Gendernye stereotipy v sovremennom rossiiskom obshchestve*. Irkutsk: ISU Publ., 2014 (in Russian).
- Zdravomyslova, E.A., and Temkina, A.A. "Issledovaniya zhenshchin i gendernye issledovaniya na Zapade i v Rossii." *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6 (1999): 177–185 (in Russian).
- Zherebkina, I.A. *Vvedenie v gendernye issledovaniya. Uchebnoe posobie*. Har'kov: Har'kovskiy centr gendernykh issledovaniy Publ., 2001 (in Russian).
- Zherebkin, S.V. *Vvedenie v gendernye issledovaniya. Hrestomatiya*. Har'kov: Har'kovskiy centr gendernykh issledovaniy Publ., 2001 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Реснянский Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета.

Sergey I. Resnyansky, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of the Middle Ages and New Time Russian History at Moscow State Regional University.

Амиантова Ирина Сергеевна, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Irina S. Amiantova, Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Political Science and Political Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-302-319>

Научная статья / Research article

Мугаллима: новая социально-профессиональная роль татарской женщины начала XX в.

Л.Р. Габдрафикова

Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан;
420011, Россия, Казань, Батурина, 7; bahetem@mail.ru

Mugallima: Tatar women's new social and professional role in the early 20th century

Liliya R. Gabdrafikova

Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences;
7, Baturina St., Kazan, 420111, Russia; bahetem@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению новой социальной группы татарской светской интеллигенции – учительниц национальных школ (мугаллима), сформировавшейся на рубеже XIX–XX вв., когда в татарском обществе особую актуальность приобретало женское образование. Исследование проведено на основе документов личного происхождения. В статье рассмотрена трансформация роли остазбика (супруги имама, учительницы мусульманского прихода), проведен анализ первых татарских женских школ, установлены источники формирования учительниц-мугаллима. Кроме того, специальное внимание уделено вопросам повышения квалификации мугаллима, юридической регламентации деятельности татарских учительниц, их должностным обязанностям и материальным условиям жизни. С учетом гендерной роли среднестатистической женщины проанализировано положение татарской учительницы в мусульманском обществе, ее повседневное поведение, образ мугаллимы в татарской литературе и восприятие этой профессии разными социальными группами. Автор делает вывод о том, что профессиональный статус мугаллимы в татарском обществе был легализован только в годы Первой мировой войны, а социальное восприятие мугаллимы было амбивалентным. Традиционное общество относилось негативно к независимой женщине, в то время как национальная интеллигенция поддерживала положительный образ мугаллимы. Но вопрос совмещения женщиной педагогической работы и семьи оставался открытым. Татарские феминистки эпохи Первой русской революции видели в работе мугаллимы альтернативу семье и служению общенациональным интересам ставили выше своей частной жизни.

Ключевые слова: история повседневности, татарские женские школы, мусульманская община, феминизм, учительница

Для цитирования: Габдрафикова Л.Р. Мугаллима: новая социально-профессиональная роль татарской женщины начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 302–319. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-302-319>

Abstract: In this article, the author discusses a new social group within the Tatar secular intelligentsia – the female teachers (*mugallimas*) of the national primary schools. The study is based on personal documents, in particular memories and autobiographies. At the turn of the 20th century, the issue of female education became particularly important in Tatar society. The author shows the transformation of the role of the *ostazbika* – the imam's wife who traditionally used to teach the girls of the Muslim

community – and presents an overview of the first Tatar girl schools. Pointing out the sources of the formation of mugallima as a separate social group, the author also identifies an intermediate variant of this social group. Furthermore, attention is paid to the problem of advanced training of the mugallima, the legal regulation of Tatar female teachers' activities, and to their official duties as well as their material conditions. The author studied the mugallima's position in the Muslim society in relation to the gender role of an average woman, considering the everyday behavior of the mugallima, the mugallima's image in Tatar literature as well as the way different social groups perceived this profession. The author concludes that in Tatar society the professional status of the mugallima was legalized only during World War I, and the social perception of the mugallima remained ambivalent. While traditional Muslim society continued to disapprove of independent women, the national intelligentsia supported a positive image of the mugallima. However, the issue of combining pedagogical work and family remained open. Tatar feminists of the revolutionary epoch considered the work of the mugallima as an alternative to family life and put the interests of the nation before their private life.

Keywords: everyday life history, Tatar girls' schools, Muslim community, feminism, female teacher

For citation: Gabdrafikova, Liliya R. "Mugallima: Tatar women's new social and professional role in the early 20th century." *RUND Journal of Russian History* 18, no. 2 (May 2019): 302–319. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-302-319>

Введение

В начале XX в. в татарском обществе учителя составляли значительную группу светской интеллигенции. Их появление было связано как с общероссийскими модернизационными процессами второй половины XIX в., так и с джадидизмом (мусульманским реформаторством). Наряду с религиозными наставниками (мударрис, хальфа, остазбика) в дело народного образования, в том числе в конфессиональных училищах, подключаются мугаллим (учитель) и мугаллима (учительница). Именно они, взявшие на себя функции преподавателей светских дисциплин, стали главными проводниками идей просвещения и национального прогресса (милли тэрэккый) среди широких слоев татарского населения.

Вопросы женского просвещения и общественной деятельности татарских женщин рубежа XIX–XX вв. не раз становились предметом научных исследований. Например, в советские годы увидели свет труды о татарском женском движении и общественно-политической роли женщин Татарии¹. Примечательно, что автор одной из книг, поэтесса и мугаллима Захида Бурнашева, сама являлась активной участницей женского движения начала XX в.

Особое внимание исследователей привлекает Всероссийский съезд мусульманок, прошедший в Казани в апреле 1917 г. Помимо личности Шафики Гаспринской, это событие занимает центральное место в монографии турецких авторов Шенгюл и Незип Хаблеметоглы². Продолжением этой темы является исследование С. Фаизова о борьбе российских мусульманок за свои права в 1917 г.³ Отдельно следует выделить многочисленные публикации Т.А. Биктимировой и А.Х. Махму-

¹ Смирнова В.Н. Женщины Татарии в борьбе за власть советов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1963; Бурнашева З. Татар хатын-кызлары хэрэкэте тарихыннан. Казан: Татарстан китап нэшрияты, 1971.

² Ş. Hablemitoğlu, N. Hablemitoğlu *Şefika Gaspıralıve Rusya'da Türk Kadın Hareketi (1893–1920)*. Ankara: [S.n.], 1998.

³ Фаизов С. Движение мусульманок России за права женщин в 1917 г.: страницы истории. Н. Новгород: Махинур, 2005.

товой, вернувших целый ряд забытых имен татарского женского движения начала XX в.⁴ В целом, гендерные исследования в татароведении занимают периферийное место. За исключением ряда публикаций, затронувших женский аспект социальной жизни⁵, данное направление еще недостаточно интегрировано в общие научные проблемы. Также и история национального образования еще не подвергалась историко-антропологическому анализу. Остается неизученной проблемой повседневная жизнь мугаллимы.

Целью данной статьи является определение социально-профессионального статуса мугаллимы в татарском обществе. Для этого нам необходимо показать источники формирования института татарских учительниц на рубеже XIX–XX вв.; изучить их функции и положение в мусульманском приходе; сравнить образ мугаллимы с другими биографиями представительниц этой профессии.

Основными источниками исследования выступают историко-биографические материалы (воспоминания, автобиографии). Дополнительными источниками являются татарская публицистика и дореволюционная литература начала XX в.

Татарские женские школы на рубеже XIX–XX вв.

Обучение подрастающего поколения всегда было одной из главных задач мусульманской общины. Религиозные знания, а также навыки чтения и письма дети получали в конфессиональных начальных школах (мектебе), работавших при каждой мечети. Однако до конца XIX в. татарские мектебе посещали только мальчики. Татарские девочки ограничивались уроками остазбики (супруги приходского имама), которые она давала у себя дома.

В отличие от широких слоев населения, дочери татарских дворян и чиновников обучались и в русских учебных заведениях. Именно по их инициативе в 1870-е гг. появились попытки организации женских русско-татарских школ. Однако в Казани несколько таких школ проработали лишь короткое время и закрылись из-за малочисленности учениц, желавших обучаться в светской школе⁶.

Но в свете быстро менявшихся условий жизни эпохи модерна становилось очевидным, что такого рода конфессиональные, гендерные ограничения крайне невыгодны всему татарскому обществу. Русско-татарские школы в определенной степени побудили к переформатированию традиционного женского обучения при мечетях. Например, в 1872 г. иркутский купец Загидулла Шафигуллин организо-

⁴ Биктимирова Т.А. Татар хатын-кызлары мэгърифэт юлында. Казан: Печатный Двор, 2001; Махмутова А.Х. Пора и нам зажечь зарю свободы (Джадидизм и женское движение). Казань: Татарское книжное изд-во, 2006.

⁵ Габдрафикова Л.Р. «Нас хотят сделать большевиками, вероотступниками...»: мусульманки Волго-Уральского региона в 1917 году // Человек в революции: Казанская губерния: в 2-х томах. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. Т. 2. С. 245–270; Брилева Д. О женщине и устами женщины: мусульманка в татарской периодической печати начала XX в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 17–36; Гатина-Шафикова Д.Ф., Шафиков И.Ф. Внешний вид женщины в кроссгендерном пространстве мусульманского социума Поволжья и Приуралья: дискурс и практика // Гасырлар авазы. 2018. № 1. С. 179–191.

⁶ Биктимирова Т.А. Ступени образования до Сорбонны. Казань: Татарское книжное изд-во, 2011. С. 79–80.

вал в родной деревне Акзегитово (Цивильский уезд Казанской губернии) женский мектеб. Позднее предприниматель выстроил специальное здание под новое учебное заведение, где занятия продолжала вести оस्ताзбика (супруга муллы).

В 1890-е гг. получает распространение новый звуковой (джадидский) метод обучения. В 1890 г. Магруй Барудия – супруга мударриса казанского джадидского медресе “Мухаммадия” Галимджана Баруди – начинает давать уроки на татарском языке, применяя звуковой метод. Позднее эта инициатива была подхвачена и в других местностях. Например, в селе Болотце (Яубаш) Касимовского уезда Рязанской губернии открыла женскую школу оस्ताзбика Галимательбанат Биктимирова (Сулеймания). Она была родом из Казанского уезда, и еще до замужества ее произведения, в том числе о необходимости развития женского образования (“Тэргыйбелбанат”, 1892), были опубликованы в виде брошюр⁷. В 1897 г. открывается женская школа в селе Иж-Буби (Сарапульский уезд Вятской губернии), которая также работала при новометодном мужском медресе братьев Буби. В дальнейшем школа в Иж-Буби была преобразована в женское медресе. На рубеже XIX–XX вв. в Казани организовала собственную школу Лябиба Хусаиния, одна из учениц и помощниц Магруй Барудии. Так в рассматриваемый период складывалась база для подготовки татарских учительниц нового поколения.

Остазбика – вероучительница приходской школы

Необходимо обозначить некоторые характерные черты оस्ताзбики и мугаллимы.

Остазбика (или абыстай) – это всегда супруга приходского имама (как правило, являлась еще и дочерью муллы), в обязанности которой входило обучение основам ислама девочек своей махалли (прихода). Уроки она давала у себя дома, получала пожертвования от родителей своих учениц, специальных разрешений на ведение преподавательской деятельности от нее не требовалось.

Мугаллима обучала чтению и письму, а также проводила занятия по другим светским предметам в специально отведенном для этого помещении женской школы. Такие учебные заведения организовывались при поддержке богатых предпринимателей, которые являлись попечителями новых мектебов и медресе. Семейный статус мугаллимы, как и социальное происхождение, не играли никакой роли в ее профессиональной жизни. Мугаллима получала фиксированное жалование, назначенное ей попечителями женской школы. При этом она обучала не только девочек своего прихода, но и всех желающих. Могла работать без специального разрешения, хотя у попечителей школы из-за этого возникали проблемы с надзорными органами.

С появлением специальных женских мектебов изменилась и роль оस्ताзбики. Во-первых, для обучения девочек община могла пригласить дополнительную учительницу-мугаллиму, за оस्ताзбикой оставалось лишь право вероучения. Во-вторых, после утраты статуса супруги муллы (например, после его смерти или развода) бывшая оस्ताзбика могла продолжать свою педагогическую деятельность как в школе своего прихода, так и в другом женском мектебе.

⁷ *Бурнашева З.* Татар хатын-кызлары хэрэкэте тарихыннан... С. 31.

Например, такую трансформацию мы видим на примере Мухлисы Буби, сестры братьев Буби. Дочь муллы с. Иж-Буби была выдана замуж за муллу из Мензелинского уезда, но брак оказался неудачным. После развода она вернулась в дом родителей. Мухлиса-ханум посвятила себя педагогической работе в женском медресе. В 1912 г. Мухлиса Буби уехала в Троицк, где работала мугаллимой в женской школе Яушевых; с 1915 г. стала заведующей нового дарелмугаллимата (татарской учительской семинарии).

По-другому сложилась судьба Магруй Музаффари, супруги казанского муллы Ходжихмета-хазрата Музаффарова. Сразу после замужества молодая остазбика начала обучать девочек своего прихода у себя дома, но в 1893 г. ее супруга лишили указа, и он был отстранен от должности имама Сенной мечети. Семья лишилась основного источника дохода. Однако в 1901 г. Магруй Музаффарию пригласили в качестве вероучительницы в новую русско-татарскую женскую школу, где Магруй-ханум работала долгие годы.

Эта русско-татарская женская школа была организована в Казани спустя почти тридцать лет после первых попыток открытия аналогичных школ. Попечительницей учебного заведения стала вдова статского советника Хадича Ахмерова. Русско-татарская школа завоевала доверие широких слоев мусульманского населения во многом благодаря авторитету остазбики Магруй Музаффари и просуществовала вплоть до 1918 г.

Как уже было сказано выше, в первое время в женских школах преподавали остазбика, но, с распространением звукового метода обучения, не все из них справились с новыми учебными задачами. Поэтому попечители-реформаторы приглашали в свои мектебе учительниц, прошедших обучение в новометодных женских школах.

Роль дочерей имамов в развитии женского образования

Как социальная группа татарские мугаллима окончательно сформировались к началу 1910-х гг. Например, в татарской литературе первые образы мугаллима появляются только с 1913 г.

В качестве промежуточной социальной группы между остазбика и мугаллима можно отметить женщин из семей религиозных служителей, получивших домашнее образование и ставших самостоятельными вероучительницами в силу различных семейных обстоятельств. В эту группу входят и Мухлиса Буби (1869 г.р.), и Магруй Музаффария (1873 г.р.), и Лябиба Хусаиния (1880 г.р.).

Лябиба-ханум родилась в семье сельского имама, но была замужем за казанским приказчиком. В школе Лябибы Хусаинии в 1900-е гг. работала Фахира-ханум, тоже происходившая из семьи деревенского муллы. Она была разведена и имела взрослую дочь, а впоследствии уехала из Казани, учительствовала сначала в Нижнем Новгороде, затем в одной из деревень Закамья⁸.

Происхождение из семей духовенства «оправдывало» в глазах традиционного мусульманского общества самостоятельную педагогическую работу этих

⁸ *Рәсулева З., Хужичәхмәтов Ә. Мәгърифәт йолдызлыгында. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1998. С. 98.*

женщин. Например, в 1901 г. в женской школе с. Торбаево Касимовского уезда работала учительницей 26-летняя вдова из Казанского уезда – Сагадат Сулейманова⁹. По всей вероятности, она приходилась родной сестрой Галимательбанат Сулеймани (Биктимировой), являвшейся оразбикой в селе Болотце¹⁰.

Самостоятельная деятельность этих женщин в сфере народного образования была определенным вызовом обществу. Так, по воспоминаниям учениц школы Лябиби Хусаинии, она была зависима от общественного мнения. Некоторые консервативные силы обвиняли ее в том, что в школе развращают учениц, настраивают их против ислама и семьи. Поэтому во избежание лишних разговоров и для поддержания положительного имиджа своего учебного заведения Лябиба-ханум всегда старалась соответствовать социальным ожиданиям широких масс. Например, в 1890–1900-е гг. носила традиционную одежду (на улице покрывалась чапаном), не посещала татарский театр и вечера, не фотографировалась. Между тем, по словам учениц, Лябиба-ханум интересовалась новшествами своего времени, ей были интересны и театр, и фотографирование. А когда уже в 1910-х гг. выход татарской женщины на улицу с чапаном на голове большинством населения считался признаком ее культурной отсталости, она уже оставила этот предмет гардероба¹¹.

Главным достижением рубежа XIX–XX вв. стало признание решающей роли татарской женщины в национальном прогрессе. Их называли матерями нации (миллэт аналары), поэтому набирала популярность идея о развитии женского образования. Учительницами нового поколения (мугаллимой) становились уже не только дочери или жены мулл, а девушки из обыкновенных семей, без соответствующего семейного статуса и происхождения. В их подготовке огромную роль сыграли школа Лябиби Хусаинии, женское медресе в Иж-Буби и многие другие новометодные женские мектебе.

Новым моментом в этой системе образования стало нивелирование социальных границ. Раньше у приходской оразбика учились девочки примерно одного социального круга, так как мусульманские махалля, особенно в городах, делились на богатые и бедные. Например, в приходах Старотатарской слободы г. Казани находилось множество домовладений крупных предпринимателей, а семьи рабочих-татар селились, как правило, в Новотатарской слободе. Неслучайно Лябибу Хусаинию некоторые богатые родители обвиняли в том, что их дочери учатся рядом с детьми бедняков. Но новый принцип работы женских школ с предоставлением всем социальным группам равных возможностей соблюдался неукоснительно. Для этого применялся дифференцированный подход к оплате обучения, соразмерный с доходами родителей учениц. Безусловно, в финансирование женских мектебе вносили огромный вклад попечители. С 1910-х гг. учительницы русских классов стали получать жалованья из земств. Например, так работала женская школа в Акзегитово, татарские классы финансировал З. Шафигуллин.

⁹ Модернизационные процессы в татарско-мусульманском обществе в 1880-е – 1905 гг.: документы и материалы. Казань: Яз, 2014. С. 364–365.

¹⁰ *Фэхреддин Р. Асар*. Казан: Рухият, 2010. С. 334–335.

¹¹ Миллэт аналары: тарихи-документаль һәм биографик жьентык. Казан: Жьен, 2012. С. 351–361.

Иж-Бубинское женское медресе состояло из татарского конфессионального училища и русско-татарской школы, открытой Сарапульским земством в 1907 г.

Краткосрочные педагогические курсы для мугаллима

Иж-Бубинское женское медресе более пяти лет выполняло роль татарской учительской семинарии, но в 1912 г. деятельность учебных заведений под руководством братьев Буби была прекращена из-за обвинений в панисламизме. С закрытием женского медресе в Буби прекратила свое существование и налаженная система подготовки учительниц-мугаллима.

Образовавшийся вакуум в определенной степени заменили краткосрочными летними педагогическими курсами. Например, в открытом письме читательницам казанского женского журнала «Сююмбика» Магруй Музаффария в 1914 г. писала о необходимости организовать летние курсы для подготовки учительниц-мугаллима. Причем нуждались в дополнительном образовании и уже работающие мугаллима. Зимой они учили детей, а летом старались повысить свою профессиональную подготовку и пройти краткосрочные курсы. М. Музаффария отмечала, что сама лично знает несколько мугаллима, которые очень хотели бы пройти такой курс обучения, однако в Казани ничего подобного не было¹².

Особенно много было организовано таких курсов в годы Первой мировой войны, когда выросла потребность в учительницах. В первые годы войны татарские учителя-мугаллимы не имели льгот и призывались на фронт, поэтому некоторые мектебе были под угрозой закрытия. Например, писатель Гаяз Исхаки в одной из своих статей, опубликованной в газете «Иль» 21 августа 1914 г., призывал подключиться к педагогической работе представительниц прекрасного пола¹³.

Слушательницами курсов подготовки мугаллима становились девушки, имевшие начальное образование. На курсах давали дополнительные знания по татарскому языку, арифметике, предметам естественно-научного направления, а также много внимания уделялось вопросам ислама и арабскому языку. Такие курсы работали в Уфе, Оренбурге и других населенных пунктах¹⁴. В 1915 г. в Троицке была организована Татарская учительская семинария под руководством Мухлисы Буби, а в Казани в 1916 г. открылась женская гимназия Фатихи Аитовой, задуманная в том числе как учебное заведение для подготовки учительниц. Курсы по подготовке учительниц-мугаллима в годы войны организовывали и за счет земств.

Если раньше женщины из бедных семей, в силу необразованности и отсутствия квалификации, претендовали лишь на самые низкооплачиваемые должности, то в 1910-е гг. для них открылась новая возможность для профессиональной самореализации. Этот факт еще больше повышал престиж образования и профессии мугаллимы. «...Я мечтала стать учительницей и вести среди людей полезную работу», – писала о себе Былбыл Ильясова, родившаяся в 1898 г. в станице Фор-

¹² Татар педагогик фикере антологиясе: ике томда. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2014. С. 274.

¹³ *Исхакий Г. Эсрэлэр*: унбиш томда. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2005. Т. 6. С. 311–312.

¹⁴ *Бурнашева З.* Татар хатын-кызлары хэрэкэте тарихыннан... С. 55–56.

штад в пригороде Оренбурга. Родители ее развелись в 1906 г., и мать после развода работала прачкой. Воспитывалась Былбыл в семье отца и мачехи. В 1917 г. она поступила на учительские курсы, организованные Оренбургским земством¹⁵.

«Быть мугаллимой – это сегодня промысел, – отмечал в 1916 г. писатель Галимджан Ибрагимов. – Для девушек из небогатых, необразованных семей учеба и работа мугаллимой – это своего рода идеал. Она чувствует, что данная деятельность полезна и для ее жизненного роста. Мы повсюду наблюдаем таких самостоятельных девушек и женщин, которые живут вдали от семьи, на чужбине и обеспечивают свою жизнь работой мугаллимы»¹⁶.

Материальные условия жизни мугаллимы

Доходы учительниц-мугаллима были небольшими. По сведениям З. Бурнашевой, жалованье татарских учительниц составляло около 10–20 руб. в месяц. Оплачивались только учебные месяцы, но некоторые получали еще меньше¹⁷. Так, Кояш Джаббарова, работавшая в 1912 г. помощницей учителя в рабочем поселке Оренбургской губернии, вспоминала, что попечители школы золотопромышленники Рамеевы платили ей 5 руб. в месяц. «Но на руки выдавали только 3 рубля, вычитая ежемесячно по два рубля на покрытие тех расходов, которые были затрачены на мою учебу в Оренбурге», – писала она уже в советские годы. Кояш была дочерью шахтера, мать тоже работала при приисках Рамеевых. В 1911 г. работодатели оплатили способной ученице своего мектеба обучение в татарской женской школе-пансионе в Оренбурге. Кояш считала, что они это сделали только ради собственной выгоды, чтобы подготовить «дешевую» учительницу для своей школы. Но накануне войны К. Джаббарова переехала в Казанскую губернию¹⁸.

Даже в успешных школах, поддерживаемых богатыми предпринимателями, в 1912–1913 гг. учительницы зарабатывали от 240 до 300 руб. в год. Любопытно, что жалованья учительниц татарской женской школы Ф. Аитовой г. Казани были меньше (20 руб. в месяц), чем у мугаллима, работавших в женских школах в с. Акзегитово Цивильского уезда Казанской губернии и с. Болотце Касимовского уезда Рязанской губернии, где оно составляло 25 руб. Возможно, повышенное жалованье было одним из факторов для привлечения мугаллиму в сельскую местность.

Но эти суммы уступали доходам учителей основных предметов земских, государственных и других школ. С 1908 г. для земских учителей был установлен минимальный оклад в 360 руб. в год¹⁹. Учительнице городского русско-татарского женского училища в Казани Марьям Мухутдиновой городская дума определила жалованье в 400 руб. в год²⁰. Значительно выше доходов татарских мугаллима

¹⁵ Государственный архив Республики Татарстан (далее – ГА РТ). Ф. П 30. Оп. 3. Д. 1301. Л. 45, 47.

¹⁶ Бурнашева З. Татар хатын-кызлары хәрәкәте тарихыннан... С. 55–56.

¹⁷ Там же. С. 55.

¹⁸ ГА РТ. Ф. П 30. Оп. 3. Д. 627. Л. 9.

¹⁹ Железнякова Ю.Е. Земская школа в Казанской губернии: 1865–1917 гг. Казань: Изд-во Казанского университета, 2002. С. 155.

²⁰ ГА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 9767. Л. 2.

были и заработки учителей школ при крупных предприятиях. Так, заведующий фабрично-заводским училищем Алафузовых в Казани в 1912 г. получал 840 руб. в год. Он зарабатывал как средний конторщик этой промышленной фирмы. Доходы остальных учителей фабрично-заводского училища Алафузовых были сопоставимы со стандартным годовым жалованьем приказчика (450–540 руб.), а у некоторых учителей вспомогательных предметов (рукоделие, рисование и т.п.) годового доход составлял 240–300 руб.²¹ Таким образом, по сравнению с заработками других работников сферы народного образования доходы татарских мугаллима были весьма скромными.

В какой-то мере небольшие жалованья татарских мугаллима компенсировались вознаграждениями от родителей учениц. Эта традиция была связана с народной практикой оплаты труда остазбеки, когда ученицы приносили своей наставнице различные подношения (продукты питания, дрова и т.д.), в том числе денежные пожертвования (садака). Несмотря на то, что мугаллимы получали фиксированное жалованье, родители продолжали соблюдать эту традицию и приносили садака учительнице. Например, такой порядок был принят в женской школе в Акзегитово²².

Однако попытки перевести традиционную подачу садака учительнице в более прогрессивное русло, заменив фиксированной оплатой обучения, не находили отклика среди широких слоев населения. Как писала З. Бурнашева, «отцы, привыкшие до этого платить абыстай по 5–10 копеек садака, не хотели платить за обучение своих дочерей специальные “школьные деньги”»²³.

Не во всех населенных пунктах женские школы поддерживались богатыми попечителями или земствами. Например, в уфимской газете «Тормыш» в 1915 г. было опубликовано письмо, которое отправила учительница из Бугульминского уезда Самарской губернии Закия Шакирия. Письмо показывало незавидное положение мугаллимы, пытавшейся содержать школу за счет самих учениц.

Закия-ханым отучилась на краткосрочных курсах подготовки учительниц в Белебеевском уезде Уфимской губернии и решила организовать женскую школу в одной из деревень Бугульминского уезда. Она сняла подходящее помещение, где собралось 25 учениц, каждая из которых должна была платить 1 руб. в месяц. Но в итоге учительница не сумела собрать даже половину запланированной суммы. «Что мне делать?» – вопрошала она. В письме мугаллима жалуется не столько на собственные материальные затруднения, сколько говорит о нуждах школы²⁴.

Как следует из этого письма, учительница сама позаботилась о помещении для школы, думала о закупке необходимых материалов для уроков рукоделия. То есть мугаллима часто отвечала не только за процесс обучения, но должна была организовать школьное дело, обеспечивать отопление и освещение школы и т.д.

²¹ *Габдрафикова Л.Р., Измайлов Б.И., Салихов Р.Р.* Фирма Алафузова (вторая половина XIX – начало XX века): промышленная история России. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АНРТ, 2015. С. 137.

²² *Тимершин И.* Акъегет авылы тарихы сәхифәләре. Казан: [S.n.], 2001. Б. 95.

²³ *Бурнашева З.* Татар хатын-кызлары хәрәкәте тарихыннан... С. 55.

²⁴ *Тормыш.* 18 марта 1915. № 208.

В некоторых школах помимо основной работы, мугаллима обязана была топить печь, убираться и выполнять другие обязанности²⁵. «...В этой же школе я выполняла обязанности сторожихи (убирала комнаты, мыла полы, окна, парты), – вспоминала мугаллима Кояш Джаббарова. – За это я получала 4 рубля в месяц. Вся эта работа была непосильна для худенькой слабой девушки, какой я была в то время. Здоровье мое было подорвано...»²⁶.

Правовое регулирование профессии мугаллимы

Кроме материальных трудностей и многочисленных обязанностей, жизнь мугаллимы была осложнена отсутствием официального разрешения на работу. В отличие от учительниц русско-татарских школ, получивших право на преподавание как выпускницы русских учебных заведений (например, женских гимназий), мугаллимы не имели никаких свидетельств. Даже остазбика, работавшие в качестве вероучительниц в русско-татарских школах или открывшие школы при своих приходах, имели официальное право на ведение этой деятельности. Большинство же мугаллима, преподававших светские предметы, не имели свидетельства (шәһадәтнәмә). До определенного времени, когда в новометодных мектебах обучали родственницы мулл и самих попечителей, это не играло особой роли. Большинство женских школ на рубеже XIX–XX вв. вообще существовали неофициально. Когда возникла необходимость в открытии русских классов при них, то в качестве номинальных заведующих выступали учительницы со свидетельствами. Например, в Иж-Бубинском медресе в 1909 г. официальным руководителем значилась Газиза Зялалетдиновна Шамова, выпускница Сарапульской женской гимназии. В реальности школьным делом управляли братья Буби, их сестра Мухлиса Буби и их жены. Все они получили домашнее образование²⁷.

Такая же ситуация была и в женской школе Акзегитово, где помощницами официальной учительницы были младшая дочь Шафигуллина и две его внучки²⁸. Но с ростом числа выпускниц новометодных женских школ и выходом профессии мугаллимы за сословные рамки возникла необходимость в официальном подтверждении квалификации. Любой донос в надзорные органы о том, что мугаллима работает без свидетельства, мог послужить причиной для закрытия школы. Этим пользовались консервативные силы общества, противники женского образования.

Первые шаги по интеграции татарских женских школ в общероссийскую систему образования были сделаны в Иж-Бубинском женском медресе. В 1907–1912 гг. решением Сарапульского училищного совета выпускницам этого медресе выдавали свидетельства о том, что они удостоены «звания учительницы-мугаллимы татарского начального училища»²⁹.

²⁵ Бурнашева З. Татар хатын-кызлары хәрәкәте тарихыннан... С. 55.

²⁶ ГА РТ. Ф. П 30. Оп. 3. Д. 627. Л. 9.

²⁷ Медресе Казанской губернии второй трети XIX – начала XX в.: сборник документов и материалов. Казань: Гасыр, 2012. С. 148–149.

²⁸ ГА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 786. Л. 91–92 об.

²⁹ Махмутова А. Феномен Мухлисы Буби // Гасырлар авазы. 2000. № 1/2. С. 205.

Аналогичные свидетельства выдавались выпускницам краткосрочных курсов, организованных земствами. Но была попытка возродить и опыт Иж-Бубинского женского медресе. Так, в 1915 г. стараниями Мухлисы Буби в Троицке, при поддержке предпринимателей Яушевых, открылась женская учительская семинария (Даррелмугаллимат). «Это большая радость, наконец-то у нас есть школа, где можно будет подготовить способных выпускниц и выдавать и свидетельства, и никто, нигде не сможет препятствовать работе мугаллимы, – говорила на открытии нового учебного заведения Мухлиса-ханым. – До этого дня сколько было случаев, когда из-за отсутствия свидетельства мугаллима не могла устроиться на работу, а когда устраивалась, лишалась места по этой же причине»³⁰.

Действительно, многие мугаллимы часто меняли место работы. В качестве примера можно привести женскую школу в Акзегитово, где в 1908 г. учительницей татарской школы работала некая Малика-ханум. В 1909 г. ее сменила Зайтуна Фахретдинова, которая уехала из Акзегитова, проработав там до 1912 г. После ее отъезда наставницей учениц были местная оस्ताзбика Уммугульсум и Зюйря Салихова (сестра учительницы русских классов Махбирюзы-ханым). В 1913 г. новой учительницей стала Мандаги Камалова. В годы войны ее сменила Манбагуль Адылева. За ней был установлен полицейский надзор, проверяли ее политическую благонадежность. Из-за того, что Манбагуль-ханым являлась выпускницей Иж-Бубинского женского медресе, жандармы приписали в ее характеристику «можно полагать, что она панисламистка». В 1916 г. ее заменила Марьям Ибатуллина. Таким образом, за восемь лет сменилось шесть учительниц. Текучесть педагогических кадров наблюдалась и в русском классе при женской школе, где в течение семи лет успели поработать четыре учительницы³¹.

Мугаллима и гендерное равенство

Постоянные перемещения и смена места работы были связаны не только с отсутствием документов или политической неблагонадежностью учительниц-мугаллима, но и неоднозначным отношением общества к ним.

В 1912–1913 гг. на страницах татарских журналов «Аң» и «Ялт-Йолт» произошла характерная публичная перепалка, отражавшая полярную оценку деятельности мугаллимы в татарском обществе. В центре скандала оказалась Магруй Музаффария. В свете обсуждений вопроса о необходимости открытия татарской женской гимназии мулла и депутат Хади Атласи упомянул и ее имя, рассуждая о недостаточном уровне профессиональной подготовки татарских учительниц. Общественный деятель не указал в своей статье даже полное имя мугаллимы, а ограничился обозначениями «жена Ходжихмета муллы», «вдова казанского имама». Очевидно, что упоминание в прессе в таком уничижительном тоне задело Магруй Музаффарию, которая более десяти лет работала вероучительницей в 1-й русско-татарской женской школе в Казани. В ее защиту выступил

³⁰ Махмутова А. Феномен Мухлисы Буби... С. 211.

³¹ История татарских селений Горной стороны (Акзегитовская волость Цивильского уезда Казанской губернии). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 156–160.

Габдулла Тукай, близкий друг семьи Магруй-ханым. Поэт подчеркивал, что «жена Ходжихамета муллы» – это «знаменитая на всю Казань Магруй Музаффария», которую знают и читатели татарских газет, проживающие за пределами Казани³².

Дело в том, что Магруй Музаффария была известна и своими публикациями в печати, в частности, ее стихотворение «Знаменитые женщины» появилось в газете «Эль-Ислах» еще в 1907 г. В этом произведении она указывала на равноправие женщин и мужчин, а все стереотипы своего времени связывала с недостатком женского образования.

Продолжая полемику в стиле гендерного дискурса Х. Атласи, Тукай называет его «альметьевским муллою» и «мужем некой озазбики Биби» и подчеркивает, что ничто не дает ему права касаться личности ни в чем не повинной ханым. Поэт пытался донести мысль о том, что женская гимназия необходима и педагогические кадры для нового учебного заведения найдутся, но надо с уважением относиться и к учительницам старшего поколения, которые, невзирая на критику, продолжали трудиться на ниве просвещения³³.

Показателем оценки деятельности татарской учительницы является и разница в оплате труда. Например, в Касимовском уезде в с. Болотце (Яубаш) в 1912 г. учитель мужского мектебе получал от попечителей 500 руб. в год, тогда как труд учительницы женского мектебе был оценен лишь в 300 руб.³⁴ Для сравнения: при назначении жалованья от земства половая принадлежность преподавателей мектебов не играла никакой роли. Так, в том же 1912 г. в с. Акзегитово Цивильского уезда труд учителя и учительницы русских классов при мужской и женской школах был оценен одинаково – оба получали по 28 руб. 20 коп. в месяц. Таким образом, отношение официальных органов и мусульманской общины к мугаллимам было разным. Более того, внутри мусульманской общины восприятие мугаллимов тоже отличалось: начиная от уважительного отношения до полного презрения.

Тем не менее, почти каждая татарская активистка женского движения начала XX в. нашла профессиональную реализацию, прежде всего в сфере просвещения. Среди них можно отметить Амину Мухетдинову, Абруй Сайфи, Зухру Баимбетову, Захиду Бурнашеву, Фатиму Девлеткильдееву, Кояш Джаббарову и многих других. «Нашим идеалом должно быть служение прогрессу нации и мы не должны говорить, что «лучше быть шеей большой головы, чем маленькой головой», а наоборот должны считать, что «лучше быть маленькой головой, чем просто шеей большой головы», – писала А. Мухетдинова, перефразируя слова Фатимы из пьесы Г. Исхаки «Мугаллима»³⁵. Однако не все представители татарского общества были готовы принять феминистический призыв А. Мухетдиновой, что понимали и большинство мугаллима.

³² Миллэтаналары: тарихи-документальһәм биографик жыентык. Казан: Жьен, 2012. Б. 184.

³³ Там же. С. 184–185.

³⁴ НА РБ. И–295. Оп. 6. Д. 909. Л. 3–3 об.

³⁵ Мухетдинова А. Кем ул мөгаллимә Фатыйма? // Исхаки Г. Әсэрләр: 15 томда. Т. 8. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2001. С. 207.

Образ мугаллимы в татарской литературе и в жизни

В интеллигентной среде мугаллима вызывала восхищение своей образованностью и бескорыстным служением делу национального прогресса. Именно такими были литературные образы мугаллима – молодых девушек, готовых пожертвовать личным счастьем ради интересов народа.

Одним из первых произведений, где героиня мугаллима Гаухар, стала пьеса Мирхайдара Файзи «Кызганыч» («Жалко»), опубликованная в 1913 г. В центре сюжета – конфликт отцов и детей на фоне любовной истории мугаллимы и сына попечителя женского мектеба. Несмотря на всю прогрессивность взглядов и поддержку дела народного образования, попечитель Сулейман-бай был не готов принять в качестве невестки мугаллиму своей женской школы. «Она же без рода, без племени, бедная девушка. С 15 лет работает мугаллимой, характер совсем уже испортился», – говорит он. В результате Гаухар была вынуждена отказаться от своего возлюбленного³⁶.

В 1914 г. были представлены сразу два произведения – рассказ Габдрахмана Сунгати «Ил фәрештәсе» («Ангел страны») и пьеса Гаяза Исхаки «Мугаллима». Героиня рассказа Г. Сунгати Фатиха после окончания женской школы, не известив родителей, уезжает работать мугаллимой в одну из деревень Касимовского уезда. До этого родители хотели выдать ее замуж. После двух лет учительства Фатиха все же налаживает отношения с родителями, которые принимают ее позицию и не стремятся выдать замуж. Фатиха осталась верна идеалам своей школьной юности, когда вместе с членами молодежного кружка (прообраз кружка татарских гимназистов и шакирдов «Шимба») мечтала о прогрессе нации и служении народу³⁷.

В центре сюжета пьесы «Мугаллима» – внутренняя борьба мугаллимы Фатимы, которая из-за несчастной любви уехала преподавать в далекий сибирский городок, посвятив себя служению народу. Душевные метания у нее вызывает предложение руки и сердца от коллеги-мугаллима. Фатима не может принять это предложение, так как она уже выбрала для себя жизненный путь – учить детей. Если в рассказе Г. Сунгати автор не осуждает такое же стремление своей героини, то в пьесе Г. Исхаки мугаллиму Фатиму одолевают сомнения.

Литературные образы мугаллима имели определенное воздействие на подрастающее поколение, которое воспринимало эти типы как пример для подражания. Например, Былбыл Ильясова так вспоминала о своей юности: «Летом 1914 г. мачеха с моим отцом хотели насильно выдать меня замуж. Я решила не подчиниться им и сказала, что я собираюсь стать учительницей, а если станете насильно выдавать замуж, то я вынуждена буду принять христианство и пусть позор упадет на вас»³⁸. Сбежавшая в 1915 г. из родительского дома Зухра Бурнашева тоже работала в Москве домашней учительницей.

Если в пьесе М. Файзи мугаллиму посчитали недостойной купеческого сына, то в жизни сами учительницы могли рассуждать иначе. Например, Зайнаб

³⁶ Файзи М. Пьесалар. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2017. С. 68.

³⁷ Сунгати Г. Шигырләр һәм прозалар. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2017. С. 145–180.

³⁸ ГА РТ. Ф. П 30. Оп. 3. Д. 1301. Л. 18.

Амирханова (двоюродная сестра писателя Фатиха Амирхана) вспоминала о том, как она пренебрежительно отнеслась к сватовству молодого купца, образование которого ограничивалось знаниями, полученными в медресе. А будущая невеста к тому времени была выпускницей Ксенинской гимназии. «Как же я учительница пойду за какого-то купца... Он, наверное, торгует кожей? Фу. И ничего не знает об алгебре и геометрии...», – подумала тогда Зайнаб³⁹.

В целом, образ мугаллимы в народном сознании был самым радикальным, в первую очередь, из-за ее независимого социального статуса, диссонирующего с традиционными установками мусульманской общины. В то время, когда большинство женщин проводили свои дни в женской половине дома, появились молодые незамужние девушки, выбравшие для себя иной образ жизни. Отличались они и своим внешним видом. Например, героиня рассказа Г. Сунгати – мугаллима Фатиха перед поездкой в деревню тщательно подбирает новый гардероб, меняет городские наряды на традиционные. В итоге остазбика и деревенское общество принимает ее как свою. Соответствующая социальным ожиданиям одежда, действительно, могла сыграть определенную роль. Выпускница гимназии Фатима Девлеткильдеева приехала в Казань в начале 1910-х гг. и пыталась устроиться домашней учительницей. По ее словам, ни в одном татарском богатом доме ее так и не приняли на работу. Она считала, что всех смутила ее «бедная одежда»⁴⁰. Но вполне вероятно, что одежда Девлеткильдеевой сильно отличалась от традиционного вида татарских женщин. Ведь впоследствии она устроилась заведующей в русско-татарскую женскую школу Х. Ахмеровой⁴¹.

Поведенческие стратегии мугаллимы

Для того, чтобы избежать различных пересудов и обвинений в аморальном поведении, мугаллимы старались хоть как-то соответствовать социальным ожиданиям. Например, одна из учительниц Акзегитовской женской школы Малика-ханым приехала в это село вместе со своей матерью. Они жили в специальном доме, построенном для учительниц. Заменявшую ее в 1909 г. Зайтуну Фахретдинову попечители школы поселили в своем доме, т.к. она приехала в Акзегитово одна, без сопровождения⁴². Такое решение было связано как с безопасностью молодой мугаллимы, так и с желанием избежать негативного общественного мнения.

О трудной жизни сельских мугаллима часто писали в татарских газетах; печатали они и корреспонденции от самих учительниц. Так, одна из них Джихан Юсуфия сообщала в 1915 г., что деревенские мугаллима помимо тяжелого ежедневного труда, который начинается в 7–8 утра, вынуждены постоянно терпеть различные обвинения и оскорбления от необразованного народа⁴³.

³⁹ *Эмирханова З.* Абыем турында // Казан утлары. 1986. № 1. С. 71–72.

⁴⁰ Национальный архив Республики Башкортостан (далее – НА РБ). Ф. Р-4767. Оп. 1. Д. 2. Л. 219.

⁴¹ Адрес-календарь и справочная книга Казанской губернии на 1916 год. Казань: [Б.и.], 1916. С. 268–269.

⁴² *Тимершин И.* Акъегет авылы тарихы сәхифәләре. Казан: [Б.и.], 2001. Б. 94.

⁴³ Тормыш. 1915 г. 18 марта.

«Мне было 19 лет. Произошла революция, а здесь в Утяшеве по-прежнему властвовал главный мулла – “досточтимый Хакимжан – хазрет”. Он встретил меня в штыки, чинил всякие препятствия в открытии школы <...> Он не хотел сдавать своих позиций, говорил верующим в мечети, что я крещеная и собираюсь открыть миссионерскую русскую школу, чтобы обратить детей мусульман в православную веру...», – вспоминала учительница Ханиса Габитова.

В 1917 г. она окончила Месягутовскую прогимназию и была назначена Златоустовским земством на должность учительницы в новую школу в селе Утяшево. На первые занятия пришли всего несколько мальчиков, девочек вообще не было. Кроме детей уроки посещали и бдительные родители. Лишь после того, как взрослые убедились в том, что ничего предосудительного в школе не происходит, они стали отпускать детей на занятия⁴⁴. В сельской местности почти каждую учительницу ожидали подобные трудности адаптации.

Если в сельской местности приехавшие учительствовать мугаллимы встречали часто враждебное отношение, то в городах их профессиональная деятельность вызывала меньше негативных отзывов. Однако их частная жизнь ограничивалась негласными предписаниями общества. Например, в Казани в мае 1917 г. образовался учительский профсоюз «Союз учащихся мусульман». Но активистке движения Фатиме Девлеткильдеевой не удалось собрать на общие собрания учительниц-мугаллима. «В Казани многие учительницы татарки бывших религиозных школ никогда не участвовали на собраниях совместно с мужчинами, как в бытовых условиях, так и в обществе, поэтому они сразу не решались посещать собрания учащихся[ся] вместе с учителями»,⁴⁵ – вспоминала позднее Ф. Девлеткильдеева. Такое поведение было вызвано боязнью негативных общественных оценок.

Выводы

Таким образом, мугаллимы занимали в татарском обществе двойственное положение. Прогрессивными слоями общества признавалась актуальность их профессиональной роли и необходимость повышения квалификации, что выражалось в организации учебных заведений и различных курсов. Однако в отличие от мугаллимов, которые получали свидетельства на право преподавания в Оренбургском магометанском духовном собрании, профессиональная квалификация мугаллимы не получила официального подтверждения в том же учреждении. Только одно учебное заведение – Иж-Бубинское женское медресе при поддержке Сарапульского училищного совета в 1907–1912 гг. выдавало мугаллимам свидетельства на право преподавания в татарских начальных школах. Подготовка татарских учительниц была окончательно легализована лишь в годы Первой мировой войны. С этим фактом связан и рост количества мугаллима в татарском обществе, которые сыграли важную роль в женском движении эпохи Русской революции.

Романтика национального прогресса увлекала молодых девушек, и они выбирали себе стезю мугаллимы. Эта профессия стала для некоторых альтернативой

⁴⁴ Женщины Башкирии. Сборник материалов. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1968. С. 129–130.

⁴⁵ НА РБ. Ф. Р-4767. Оп. 1. Д. 2. Л. 221.

нежелательному замужеству. Социальная роль мугаллимы была темой литературных произведений, где поднимались вопросы выбора между семейным счастьем и служением народу. Однако должностные обязанности мугаллимы оценивались довольно скромно, что в определенной степени было связано с распространенной в широких слоях населения стереотипной оценкой роли женщины в общественной жизни. Тяжелые материальные условия и проживание молодых девушек вне своей семьи не способствовали повышению престижа этой профессии в глазах традиционного татарского общества.

© Габдрафикова Л.Р., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Рукопись поступила: 20 февраля 2019 г.

Submitted: 20 February 2019

Библиографический список

- Әмирханова З.* Абыем турында // Казан утлары. 1986. № 1. С. 71–72 (на татарском яз.).
- Бурнашева З.* Татар хатын-кызлары хәрәкәте тарихыннан. Казан: Татарстан китапнәшрияты, 1971 (на татарском яз.).
- Биктимирова Т.А.* Татар хатын-кызлары мәгърифәт юлында. Казан: Печатный Двор, 2001 (на татарском яз.).
- Биктимирова Т.А.* Ступени образования до Сорбонны. Казань: Татар. книжн. изд-во, 2011.
- Брилева Д.* О женщине и устами женщины: мусульманка в татарской периодической печати начала XX в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 17–36.
- Вафина Х.М., Кисилева А.Н.* Женщины Башкирии. Сборник материалов. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1968.
- Габдрафикова Л.Р.* «Нас хотят сделать большевиками, вероотступниками...»: мусульманки Волго-Уральского региона в 1917 году // Человек в революции: Казанская губерния: в 2-х томах. Т. 2. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. С. 245–270.
- Габдрафикова Л.Р., Измайлов Б.И., Салихов Р.Р.* Фирма Алафузова (вторая половина XIX – начало XX века): промышленная история России. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АНРТ, 2015.
- Гатина-Шафикова Д.Ф., Шафиков И.Ф.* Внешний вид женщины в кроссгендерном пространстве мусульманского социума Поволжья и Приуралья: дискурс и практика // Гасырлар авазы. 2018. № 1. С. 179–191.
- Гибатдинов М.М., Солтанов Ф.М.* Татар педагогик фикере антологиясе: ике томда. Казан: Татар. кит.нәшр., 2014 (на татарском яз.).
- Горохова Л.В.* Медресе Казанской губернии второй трети XIX – начала XX в.: сборник документов и материалов. Казань: Гасыр, 2012.
- Железнякова Ю.Е.* Земская школа в Казанской губернии: 1865–1917 гг. Казань: Изд-во Казанского университета, 2002.
- Загидуллин И.* Модернизационные процессы в татарско-мусульманском обществе в 1880-е – 1905 гг.: документы и материалы. Казань: Изд-во «Яз», 2014.
- Исхакий Г.* Әсәрләр: унбиш томда. Т. 6. Казан: Татар. кит.нәшр., 2005 (на татарском яз.).
- Махмутова А.Х.* Пора и нам зажечь зарю свободы (Джадидизм и женское движение). Казань: Татар. книжн. изд-во, 2006.
- Махмутова А.Х.* Милләт аналары: тарихи-документаль һәм биографик жыентык. Казан: Жыен, 2012 (на татарском яз.).

- Махмутова А.Х. Феномен Мухлисы Буби // Гасырлар авазы. 2000. № 1/2. С. 203–214.
- Мухетдинова А. Кем ул мөгаллимә Фатыйма? // Исхаки Г. Әсәрләр: 15 томда. Т.8. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2001. Б. 207 (на татарском яз.).
- Ногманов А.И. История татарских селений Горной стороны (Акзегитовская волость Цивильского уезда Казанской губернии). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018.
- Рәсулева З., Хужичәкмәтов Ә. Мәҗрифәт йолдызлыгында. Казан: Татар. кит. нәшр., 1998.
- Смирнова В.Н. Женщины Татарии в борьбе за власть советов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1963.
- Сәнгати Г. Шигырьләр һәм прозалар. Казан: Татарстан китапнәшрияты, 2017 (на татарском яз.).
- Тимершин И. Акъегет авылы тарихы сәхифәләре. Казан: [Б.и.], 2001 (на татарском яз.).
- Фаизов С. Движение мусульманок России за права женщин в 1917 г.: страницы истории. Н. Новгород: НИМ «Махинур», 2005.
- Фәхредин Р. Асар. Казан: Рухият, 2010 (на русском и татарском яз.).
- Фәйзи М. Пьесалар. Казан: Татарстан китапнәшрияты, 2017 (на татарском яз.).
- Hablemitoğlu Ş, Hablemitoğlu N. Şefika Gaspıralıve Rusya'da Türk Kadın Hareketi (1893–1920). Ankara: [S.n.], 1998 (на турецком яз.).

References

- Amirkhanova, Z. “Abyem turynda.” *Kazan utlary*, no. 1 (1986): 69–72 (in Tatar).
- Biktimirova, T.A. *Stupeni obrazovaniya do Sorbonny*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2011 (in Russian).
- Biktimirova, T.A. *Tatar khatyn-kyzлары мәҗрифәт йулында*. Kazan: Pechatnyi Dvor Publ., 2001 (in Tatar).
- Burnasheva, Z. *Tatar khatyn-kyzлары khәрәкәте тарихынан*. Kazan: Tatarstan kitap nәshriyaty Publ., 1971 (in Tatar).
- Brileva, D. “Women Talking About Women: A Muslim Woman in the Tatar Periodical Press of the Early 20th Century,” *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 2 (2018): 17–36 (in Russian).
- Faizov, S. *Dvizhenie musul'manok Rossii za prava zhenshchin v 1917 g.: stranitsy istorii*. Nizhny Novgorod: Makhinur Publ., 2005 (in Russian).
- Fәхредин, R. *Asar*. Vol. 3–4. Kazan: Ruhiyat Publ., 2010 (in Tatar and Russian).
- Фәйзи, М. *P'esalar*. Kazan: Tatarstan kitap nәshriyaty Publ., 2017 (in Tatar).
- Gabdrāfikova, L.R. “‘Nas hotyat sdelat’ bol'shevikami, verootstupnikami...’: musul'manki Volgo-Ural'skogo regiona v 1917 godu.” In *Chelovek v revolyucii: Kazanskaya guberniya*. Vol. 2. Kazan: Institut istorii AN RT Publ., 2017 (in Russian).
- Gabdrāfikova, L.R., Izmailov, B.I., and Salikhov, R.R. *Firma Alafuzova (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka): promyshlennaya istoriya Rossii*. Kazan': Institut istorii Mardzhani AN RT Publ., 2015 (in Russian).
- Gatina-Shafikova, D.F., and Shafikov, I.F. “A woman's appearance in the cross-gender space of the Muslim society of the Volga and Cisural regions: discourse and practice.” *Gasyrlar avazy*, no. 1 (2018): 179–191 (in Russian).
- Gibatdinov, M.M., and Soltanov, F.M. *Tatar pedagogik fikere antologiyase*. Vol. 1. Kazan: Tatarstan kitap nәshriyaty Publ., 2014 (in Tatar).
- Gorohova, L.V. *Medrese Kazanskoy gubernii vtoroy treti XIX – nachala XX v.: sbornik dokumentov i materialov*. Kazan: Gasyr Publ., 2012 (in Russian).
- Hablemitoğlu, Ş., and Hablemitoğlu, N. *Şefika Gaspıralı ve Rusya'da Türk Kadın Hareketi (1893–1920)*. Ankara: [S.n.], 1999 (in Turkish).
- Iskhakyy, G. *Әсәрләр*. Vol. 6. Kazan: Tatarstan kitap nәshriyaty Publ., 2005 (in Tatar).
- Mahmutova, A.H. *Pora i nam zazhech' zaryu svobody (Dzhadidizm i zhenskoe dvizhenie)*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2006 (in Russian).
- Makhmutova, A. “Fenomen Mukhlisy Bubi.” *Gasyrlar avazy*, no. 1/2 (2000): 203–214 (in Russian).
- Mahmutova, A.H. *Millät analary: tarihi-dokumental' һәм biografik әңгәнтәк*. Kazan: Jyenne Publ., 2012 (in Tatar).

- Mukhetdinova, A. “Kem ul mögallimə Fatyima?” In Iskhakyy G. *Əsərlər*: Vol. 8. Kazan: Tatarstan kitap nəshriyatı Publ., 2001: 203–207 (in Tatar).
- Nogmanov, A.I. *Istoriya tatarskikh selenii Gornoi storony (Akzigitovskaya volost' Tsvil'skogo uезда Kazanskoi gubernii)*. Kazan: Institut istorii Mardzhani AN RT Publ., 2018 (in Russian).
- Rəşyeva, Z., Нуҗиәһмәтов, Ә. *Мәг'рифәт joldyzlygynda*. Kazan: Matbugat jorty Publ., 1998 (in Tatar).
- Smirnova, V.N. *Zhenshchiny Tatarii v bor'be za vlast' sovetov*. Kazan: Kazan University Publ., 1963 (in Russian).
- Səngati, G. *Shigyrlər hәм prozalar*. Kazan: Meddok, 2017 (in Tatar).
- Timershin, I. *Ak'egət avyly tarikhы səkhifələre*. Kazan: [S.n.], 2001 (in Tatar).
- Vafina, H.M., and Kisileva, A.N. *Zhenshchiny Bashkirii. Sbornik materialov*. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1968 (in Russian).
- Zagidullin, I. *Modernizacionnye processy v tatarsko-musul'manskom obshchestve v 1880-e – 1905 gg.: dokumenty i materialy*. Kazan: YAz Publ. 2014 (in Russian).
- Zheleznyakova, Yu.E. *Zemskaya shkola v Kazanskoi gubernii: 1865–1917 gg*. Kazan: Kazan University Publ., 2002 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Габдрафикова Лилия Рамилевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов Республики Татарстан Института истории имени Ш. Марджани АН РТ.

Liliya R. Gabdratikova, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Historical and Cultural Heritage of the Tatarstan Republic's Peoples of Sh. Marjani Institute of History under Tatarstan Academy of Sciences.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-320-354>

Научная статья / Research article

«Безвластная власть»: статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в.

В.А. Веременко

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; 196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское ш., д. 10; v.a.veremenko@yandex.ru

“Powerless power”: The status of female domestic workers in Russia in the second half of the 19th – early 20th century

Valentina A. Veremenko

A. S. Pushkin Leningrad State University; 10, Peterburgskoye shosse, Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia; v.a.veremenko@yandex.ru

Аннотация: В предлагаемой статье исследуется специфика социального положения женской домашней городской прислуги в пореформенной России. На основании широкого круга источников, включающего статистические материалы, публицистику, пособия по домоводству и эго-документы, автор делает вывод о наличии среди данной категории населения двух групп, принципиально отличавшихся по своему статусу в господской семье. В пореформенный период в России труд служанок не был нормирован, отсутствовали какие-либо гарантии со стороны работодателей как по условиям работы, так и на случай увольнения и потери трудоспособности. Значительный приток в город крестьянских девушек создавал гигантское предложение. Вместе с тем подавляющее большинство претенденток не имело никакого понятия о той деятельности, которую им предстояло осуществлять. Те же, кто смог выдержать несколько лет мучений, обзаводились не только профессиональными умениями, но обучались жизни в городе, способности защищать себя от посягательств. По мере роста образования крестьянской женской молодежи, знакомства ее с судебными учреждениями и активизации деятельности разного рода организаций, занимавшихся помощью служанкам в получении образования и организации найма, женская прислуга чувствовала себя все более защищенной и готовой отстаивать свои права. В результате несмотря на казалось бы гигантское предложение, в действительности подобрать в дом подходящую прислугу оказывалось крайне сложно. Имевшийся у хозяев выбор сводился к двум вариантам – покладистая неумеха или знающая себе цену и требующая учета своих интересов прислуга.

Ключевые слова: пореформенная Россия, женская прислуга, крестьянки, город, организация найма, хозяева.

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках исследовательского проекта № 19-09-00297.

Для цитирования: Веременко В.А. «Безвластная власть» – статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 320–354. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-320-354>

Abstract: The proposed article investigates the specifics of social status of urban female domestic servants in post-reform Russia. On the basis of a wide range of sources, including statistical materials, printed press, household manuals and ego-documents, the author distinguishes between two groups in this category of population that were fundamentally different in their status in the master’s family. In the

post-reform period in Russia, the work of maidservants was not standardized, there were no guarantees from hirers regarding both working conditions and cases of dismissal and disability. Widespread sexual harassment and abuse seriously worsened the position of maidservants. A significant influx of peasant girls, who considered themselves fully prepared for the work of domestic servants, into the city, created a gigantic supply. At the same time, the overwhelming majority of the job seekers did not have any idea about the activities that they were to carry out. Making endless blunders, the clumsy peasant girl acquired professional skills and learned to live in the master's family, suffering insults and harassment and working hard only to avoid being kicked out. As a result, those girls who had been able to endure several years of torment, acquired not only professional skills, but were trained to live in the city, to use their position to earn money, to protect themselves from encroachment, or to use their attractiveness as a weapon. With the growth of education of female peasant youth, their increasing familiarity with judicial institutions, and the intensification of the activities of various organizations involved in helping those women with education and employment, female domestic servants felt more secure and ready to defend their rights. As a result, despite the seemingly gigantic supply, it was, in fact, extremely difficult to find a suitable maidservant for the household. The choice available to the owners was limited to two options – a docile slouch, or a maid knowing her worth and requiring consideration of her interests.

Keywords: post-reform Russia, female domestic servants, peasant women, city, hiring organization, masters

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No. 19-09-00297.

For citation: Veremenko, Valentina A. “‘Powerless power’: The status of female domestic workers in Russia in the second half of the 19th – early 20th century.” *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 2 (2019): 320–354. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-320-354>

Введение

Во второй половине XIX в., на фоне крупномасштабных модернизационных процессов, происходивших в России, значительно возросла доля женщин, вынужденных выйти из сферы домашнего производства и начать самостоятельно изыскивать средства к существованию, став наемными работницами. В число тружениц, объединенных одним фактом найма, входили представительницы самых разных сословий – от потомственных дворянок до их бывших крепостных. Также разнообразен был и выбор занимаемых ими должностей, включавший и чиновниц, служивших в государственных учреждениях, и представительниц интеллигентских профессий, и фабрично-заводских работниц. Наиболее распространенной формой женского заработка, по общему мнению, не требовавшего особых умений и доступной буквально каждой, являлась работа прислугой. Недаром данная категория населения по официальным, как признавали сами составители, сильно заниженным, данным Всеобщей переписи населения 1897 г., составляла почти 1,3 млн чел., или 41 % всего «самостоятельного» женского населения¹.

Несмотря на очевидную потребность исследования социального положения такой значительной категории населения империи, места ее в социальной и экономической структуре страны, изучения степени вовлеченности в миграционные, общественно-политические и культурные процессы, интерес к анализу состояния женской прислуги в пореформенной России проявился только в самые последние годы.

¹ Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской Империи 28 января 1897 года / [с предисл. Н. Тройницкого; сост. и обзор данных В.В. Степанова]. СПб.: типография Н.Л. Ныркина, 1905. С. 6–7.

Характерно, что первой работой, специально посвященной положению женщин, работавших в услужении, стал труд немецкой исследовательницы А. Рустемейер, опубликованный в конце прошлого столетия². В нем исследовательница анализирует различные аспекты жизни столичный домашней прислуги в период, ограниченный отменой крепостного права и революционными событиями 1917 г. По мнению автора, институт домашней прислуги в России оставался «бастионом доиндустриального общества», сохранившим патриархальные отношения, характерные для эпохи крепостного права.

В отечественной историографии первые работы, посвященные положению пореформенной женской прислуги, появились только в 2010-е гг. В этих исследованиях давалась классификация домашних работниц³, характеризовались условия их труда и состояние здоровья⁴, оценивались требования работодателей и возможности прислуги удовлетворить этим требованиям⁵, обращалось внимание на специфику девиантного поведения данной категории населения⁶. Только в 2018 г. вышла работа, обращающаяся к исследованию положения женской прислуги на региональном – Оренбургском – материале⁷, до этого данный институт подвергался характеристике без учета территориальной специфики или исключительно на основе опыта столиц⁸. В целом, отечественные авторы, в отличие от немецкой исследовательницы, не склонны абсолютизировать доиндустриальный характер пореформенного домашнего найма, обращая внимание на то, что патриархальные отношения предполагают не только жесткую эксплуатацию, но и ответственность господ за своих слуг, что в модернизирующейся России встречалось все реже и реже⁹.

² *Rustemeyer A., Siebert D. Alltagsgeschichte der unteren Schichten im russischen Reich (1861–1914): Komment. Bibliogr. zeitgenössischer Titel u. Ber. über die Forschung.* Stuttgart: [S.n.], 1997.

³ *Веремченко В.А. «Дура в доме» – женская домашняя прислуга в дворянских семьях России второй половины XIX – начала XX в. // Альманах гендерной истории «Адам и Ева». 2013. № 21. С. 241–273.*

⁴ *Веремченко В.А. Женская домашняя прислуга в России второй половины XIX – начала XX в.: состояние здоровья и факторы профессиональной заболеваемости // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19. № 3–1. С. 37–40.*

⁵ *Веремченко В.А. Хозяйка на кухне: адаптационные практики в жизни российской дворянской семьи во второй половине XIX – начале XX в. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): материалы междунар. науч. конф., 16–18 марта 2017 г. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2017. С. 315–323.*

⁶ *Карпущина Ю.Е. Проституция среди женской домашней прислуги в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. // Модернизация в России: история, политика, образование. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. С. 101–105; Самарина Л.А. «Мерзавцы все крали»: воровство среди домашней прислуги в России второй половины XIX в. // История повседневности. 2017. № 1. С. 77–89.*

⁷ *Бурдуцкая (Банникова) Е.В. «...Прислуга, крайне здесь избалованная, живет по-своему». Домашние работницы в провинции пореформенной эпохи // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2018. № 4. С. 77–86.*

⁸ *Вахромеева О.Б. Социально-экономическое положение женщин в Санкт-Петербурге в конце XIX – начале XX вв. СПб.: [Б.и.], 2009; Демидович Д.М. Доходные дома Петербурга: организация, взаимодействие с государственными и коммерческими структурами, повседневность (1870-е гг. – начало XX века). СПб.: [Б.и.], 2018.*

⁹ *Веремченко В.А. На острие домашнего пространства: хозяева и прислуга в дворянских семьях России (XIX – начало XX в.) // Российская история XIX – XX веков: Государство и общество. События и люди. Сб. статей. СПб.: Лики России, 2013. С. 58–77.*

Как видим, изучение данной социальной группы только начинается...

В предлагаемой статье анализу подвергается статус женской домашней прислуги, предполагавший не только ее крайне бесправное положение в хозяйском доме, но и при определенных обстоятельствах, связанных как с личными качествами конкретных людей, так и с объективными, вызванными реалиями пореформенной России условиями, прямо противоположное положение. Речь идет о так называемом «всевластии» прислуги, о котором постоянно писала пореформенная пресса, которым пугали своих читательниц многочисленные пособия по домоводству, наконец, упоминания о котором содержатся в большинстве дневников российских дворян и особенно дворянок.

«Униженная и оскорбленная»

Если задаться вопросом о том, кого в пореформенной России можно назвать самым забытым существом, кто, не имея ни минуты свободного времени, трудился без продыху по 20 часов в сутки, кто постоянно подвергался разным формам унижения, от бесконечных словесных оскорблений до вполне реальных изнасилований, ответ напрашивается сам собой – это, конечно, женская домашняя прислуга. То, что это действительно так, подтверждают материалы судебных заседаний и врачебных освидетельствований, данные пособий по домоводству и частных домовых книг, наконец, не напрямую, но, вполне очевидно, подобные факты отражены и в дневниках самих хозяев этих домашних работниц.

Недаром бесправное положение прислуги вызывало жалость даже у проститутки, почти половина из которых, знала, о чем говорит, не понаслышке, так как перешла к данному ремеслу, не вынеся каторжного труда и придинок на службе в господской семье¹⁰. Так, героиня повести А.И. Куприна «Яма» – Эльза следующим образом отзывалась о работе служанки: «вообразите себе, какое унижительное положение быть в доме прислугой! Всегда зависеть от каприза или расположения духа хозяев! И хозяин всегда пристает с глупостями. А хозяйка ревнует, придирается и бранится»¹¹.

Подробный список того, что в праве требовать господа от своих домашних слуг, содержался в соответствующих разделах пособий по организации и ведению домашнего хозяйства. Характерно, что, несмотря на кардинальные перемены, произошедшие в российском обществе в результате отмены крепостного права, данный перечень изменился только по форме, оставшись практически неизменным по существу.

Приведем несколько выдержек из дореформенного пособия для хозяев, вышедшего в свет в 1858 г.:

«Вы в праве требовать: 1) чтобы они ни в какое время, даже и в праздничные дни, без дозволения вашего, не отлучались от двора; 2) чтобы они были скромны,

¹⁰ 40–45 % всех проституток в России вышли из рядов служанок. В домах терпимости находилось 47,2 % бывшей прислуги, а из числа занимавшихся «одиночным» промыслом к числу «переквалифицировавшихся» домашних слуг относилось 43,2 %. Статистика Российской империи. XIII. Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. СПб.: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1890. С. 33

¹¹ *Куприн А.И.* Яма. СПб.: Интерполиграфцентр, 1992. С. 187.

молчаливы, вежливы равно со всеми не позволяли между собой ссор, не обременяли вас жалобами друг на друга и не позволяли себе никакого самоуправства; 3) чтобы не пересказывали посторонним ничего, касающегося до семейных дел; 4) чтобы не имели знакомства с людьми дурного поведения; 5) чтобы не предавались, не только никаким порокам, но и чтобы во время отдохновения, не оставались праздными; самое лучшее в подобное время, заставлять их делать, что-нибудь для самих себя, или заниматься какой-нибудь легкою работой; и 6) чтобы они исполняли обязанности христианина, ходили в церковь, молились Богу, и если знают грамоте, то читали бы молитвы, или какую-нибудь нравоучительную книгу»¹².

Далее следовало более подробное раскрытие этих пунктов. Например, раздел «Указания касательно отправления ежедневной службы в доме» содержал, среди прочего, следующие положения:

«Если слугителя спрашивают о чем-нибудь хозяин или хозяйка дома, или кто-нибудь из членов семейства, он никогда не должен отвечать просто: да или нет, но всегда приговаривать: точно так сударь, никак нет, сударыня.

Обращаясь к лицам, пользующимся княжеским или графским титулом, он обязан прибавлять наименование титула; напр.: точно так, ваше сиятельство и проч.

Разговаривая со своими хозяевами или с гостями, посещающими их, он должен обращаться к ним в 2-м и 3-м лице множественного числа, напр.: что вам угодно? им угодно и проч. Только в необходимых случаях слугитель может первым заговорить со своими хозяевами.

Когда разговаривают с слугителем, то он должен стоять и отвечать почтительно...

Если хозяин делает выговор, то слугитель не должен отвечать ему грубо или нетерпеливо ...»¹³.

Удивительно, но вышедшее спустя 30 лет пособие, несколько менее витиевато, но, по сути, ДОСЛОВНО! повторяет приведенный выше раздел из книги по домоуправлению времен крепостного права:

«Если прислугу спрашивает о чем-нибудь хозяин или хозяйка дома, или кто-нибудь из членов семьи, то она никогда не должна отвечать просто *да* или *нет*, но всегда должно добавлять: барин, барыня, барышня.

Обращаясь к лицам, пользующимся княжеским или графским титулом, прислуга обязана прибавлять наименование титула; напр. точно так, ваше сиятельство и проч.

Разговаривая с своими хозяевами или с гостями, посещающими их, прислуга должна обращаться к ним во 2-м или 3-м лице множественного числа, напр. что вам угодно? Им угодно и проч.

Когда разговаривают с прислугой, то она должна отвечать почтительно.

Если хозяин делает выговор, прислуга не должна отвечать ему грубо или нетерпеливо.

¹² Наставление для управления домашнею прислугою, с верными указаниями для отопления и освещения комнат. СПб.: М.О. Вольфа, 1858. С. 10.

¹³ Наставление для управления домашнею прислугою... С. 30–32.

Прислуга не должна никогда сидеть в присутствии своих хозяев»¹⁴.

Пожалуй, единственное принципиальное различие в этих двух документах заключается в общем наименовании лица, находящегося в услужении. Если в более раннем тексте речь шла о «служителях» и использовалось местоимение «он», то в новых реалиях применялось обобщенное наименование «прислуга», а вместе с ним и местоимение «она». Подобные изменения в языке отражали реальную ситуацию – гигантский перекося количества женщин над мужчинами в составе домашних работников, ставший следствием попыток хозяев сократить внутрисемейные расходы за счет отказа от более дорогой мужской рабочей силы¹⁵.

Подготовленный же в 1910 г., но так и не ставший законом, проект «Положения о найме домашней прислуги» содержал простое перечисление мероприятий, возлагавшихся на домашний персонал. Для создания представления о степени загруженности прислуги, особенно в тех случаях, когда она работала в господском доме одна, достаточно ознакомиться с приведенным в этом документе перечнем ее функций. Список дел домашних работников включал следующие мероприятия: «все вызываемые хозяйственным распорядком нанимателя работы по дому, двору, огороду или саду, как и работы вне дома, связанные с удовлетворением жизненных потребностей, а также уход за ... домашними животными и присмотр за сохранностью и ценностью хозяйского имущества». К домашним услугам причислялся уход за хозяевами и членами их семейств, а также их гостями или посетителями¹⁶.

Попытка возложить все это на одного человека приводила к вполне очевидным последствиям, описаниями которых переполнена публицистика начала XX в. Приведем типичный пример обязанностей единственной прислуги хозяйки, жившей за счет сдачи комнат в петербургском пригороде (отметим, что данный список вполне укладывается в требование проекта закона). Девушка должна была «в третьем часу выпустить корову в стадо, вычистить коровник, сходить в лавку за провизией, убрать комнаты, поставить самовар, вычистить платье хозяев и квартирантов, готовить завтрак и обед и стирать белье». Не удивительно, что после лета бесконечного труда 20-летняя прислуга попросила расчет и, «нарумянив щеки», вышла на Невский проспект¹⁷.

То, что подобный рабочий день казался вполне нормальным не только составителям проекта о найме, но и господам, предполагавшим, что все вышеназванное вполне выполнимо, а недоработки прислуги связаны только с ее ленью и неумением, отражают дневники хозяев. Так, например, только после того,

¹⁴ Правила светской жизни и этикета. Хороший тон. Сборник советов на всякий случай домашней и общественной жизни. СПб.: тип. В.А. Тихонова, 1889. С. 322–323.

¹⁵ По данным всероссийской переписи населения 1897 г. из 1 556 987 чел., показавших работу в частном услужении как свое основное занятие, женщин оказалось 1 288 797 чел. или на 100 работавших в данной сфере мужчин приходилось 480,5 женщин. См: Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской Империи 28 января 1897 года [с предисл. Н. Тройницкого; сост. и обзор данных В.В. Степанова]. СПб.: [б.и.], 1905. С. 6–7; *Веремченко В.А.* На острие домашнего пространства: хозяйка и прислуга в дворянских семьях России (XIX – начало XX в.) ... С. 58–77.

¹⁶ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), Ф. 1286. Оп. 1. Д. 921. Л. 20.

¹⁷ *Попов Н.А.* Хозяйка и прислуга. СПб.: Тип. СПб., 1907. С. 10–11.

как одна из гостей обратила внимание «передовой» дочери сенатора Зарудного на то, что их бедной прислуге «просто жизни нет от всевозможных нужных и ненужных поручений, переменчивых и капризных приказаний, криков, неудовольствий и т.п.», либеральная девица вдруг увидела то, что спокойно и незаметно проходило перед ней каждый день. Ульяша «ложиться спать после всех, т.к. должна убрать чай, вымыть посуду, уложить детей и барышень спать, а утром в 2–3 часа она должна уже быть на ногах, чтобы сварить папе кофе, убрать комнаты и сделать все нужные приготовления для барышень к тому времени, когда они проснутся. Затем целый день она бегает с завтраками и обедами ... и ни одной минутки ей нет отдыха! А к вечеру все недовольны ею: что ты не пришла ко мне когда я тебя звал! Что ты не пришла мне пуговицу»¹⁸.

Часто ко всему этому прилагались еще моральные и физические издевательства со стороны господ и их детей, а также сексуальные домогательства. Причем служанку преследовали «и дома, и на улице. Дома – сам хозяин, взрослый сын, учитель, гости, наконец, свой брат-лакей, кучер и дворник. Пошлют в лавочку – пристаёт приказчик, отнести письмо – пристаёт прохожие»¹⁹. Пресса начала XX в. регулярно публиковала сообщения о пострадавшей прислуге. Вот пример подобной заметки, появившейся в газете «Русское слово» в 1909 г.: проживающий в Нововилейске младший контролер Сидорчук ночью пытался изнасиловать живущую у него в качестве прислуги 16-летнюю девушку Анну Васильчук. Несчастная вырвалась и убежала. Когда на другой день она потребовала паспорт, барин сделал на нем пометку «неблагонадежная». Дело передано судебному следователю²⁰.

Итак, в пореформенный период хозяева пытались руководствоваться в отношении прислуги заветами, выработанными еще в период крепостного права, надеясь найти в своей служанке безгласное существо, готовое за небольшое вознаграждение выполнять гигантский фронт работ, молча сносить оскорбления и сексуальное рабство. Вместе с тем мечты хозяев разбивались о реальность, очень часто не имевшую ничего общего с описанным выше образом «униженной и оскорбленной» прислуги.

«...вопрос о прислуге для нас давно стал вопросом “проклятым”»

Причины появления в пореформенной России значительной и постоянно возрастающей категории женской прислуги, отличавшейся, по мнению окружающих, «грубым и вздорным характером», позволявшей себе крайне фамильярное отношение не только к своим господам, но и к их гостям, демонстративно пренебрегавшей своими обязанностями и постоянно выманивавшей, а нередко и просто крадшей у своих господ деньги, многообразны и отражают специфику российского социально-экономического уклада, причудливо сочетавшего черты традиционализма и модернизации.

¹⁸ Институт русской литературы Российской академии наук (далее – ИРЛИ РАН) (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 7. Л. 118 об. – 119.

¹⁹ *Ленская Л.Н.* О прислуге. Доклад, читаемый во 2-ом женском клубе в Москве в феврале 1908 г. М.: Тип. Вильде, 1908. С. 16.

²⁰ *Неблагонадежная* // *Русское слово*. 1909. 28 июля.

В определенной степени подобные персонажи (правда, не столь одиозные и значительно менее распространенные) встречались еще в дореформенный период. Недаром в конце 1850-х гг. на страницах периодической печати развернулась (но так ничем и не закончилась) общественная дискуссия по вопросу о взаимоотношениях хозяев и прислуги. Зачинателями обсуждения выступили недовольные наниматели, гневно вопрошавшие с газетных страниц о том, «Кто такие наши наемные слуги?» И тут же сами себе отвечавшие, что это «толпы гуляк (разумея здесь и мужчин, и женщин), поступающих к вам на службу не с тем, чтобы служить, но чтобы вас объедать, обпивать, обманывать и, наконец, обкрадывать. Это бы еще не беда, но вот беда, что они все это нередко делают безнаказанно... Это перекатная голь, которая что у вас заработала, то в другом месте пропила; которая не пашет, не сеет, а живет, как птицы небесные, не думая о завтрашнем дне...»²¹.

Однако подобные однозначные оценки встретили отповедь «защитников прислуги», часть из которых ссылалась на тяжелое положение служащих, в то время как другие обращали внимание на ответственность самих нанимателей, связывая поведение слуг с наследством уходящей эпохи. Так, автор статьи, помещенной 25 апреля 1859 г. в «Экономическом указателе», прямо заявлял: «...ошибаются те, которые думают улучшить одну часть общества, не улучшив другой – уничтожить разврат в наемных слугах тогда, как сами наниматели часто отвлекают их примером своим от добродетели... Избалованные крепостною обстановкой, господа часто забывают, что наемный отдает в найм не себя, а – свой труд, и при том труд известного рода, и вот от кучера требуют услуг истопника или лакея, от кухарки – услуг няньки и т.п., не выговорив этого ясно при найме, и потом удивляются, что их приказания не исполняются, что им грубят!»²².

Уже после крестьянской реформы, в 1864 г., в «Известиях Санкт-Петербургской городской общей Думы» была напечатана статья о найме прислуги. В ней говорилось, что в одном из докладов комиссий в Думе прозвучали положения о недобросовестной и порочной прислуге. Автор выразил мнение, что домашняя прислуга как социальная группа образовалась при обстоятельствах, неблагоприятных для ее нравственного развития и материального благосостояния. Группа эта сложилась преимущественно из бывших «дворовых». «Отторженные от семейств, и от их первобытного состояния земледельцев люди эти поступали в дворню, за нравственным развитием которой никто не следил. В этом положении класс дворовых пережил столетия, и так как ничто не подвигало его к трудолюбию и трезвой добропорядочной жизни, то последствием этого было распространение в среде их всех пороков, которыми так богато ныне сословие бывших дворовых людей»²³.

Таким образом, предполагалось, что в новой, отказавшейся от рабства России, вместе с исчезновением тунеядствующей дворни с одной стороны и крепостнической психологии дворянства с другой восторжествует достойная оценка

²¹ В.П. О сословии Петербургских наемных служителей // Санкт-Петербургские ведомости. 1859. 1 февраля.

²² По поводу вопроса о наемных слугах // Указатель политико-экономический. Статист. и промышл. журн. 1859. № 121. С. 378–379.

²³ Известия С.-Петербургской городской общей думы. СПб., 1864. № 9. С. 514–517.

каждого честного труда, установится взаимная заинтересованность труженика и нанимателя, а значит и сформируются вполне нормальные отношения между хозяевами и домашними работниками. На деле же, и в новых условиях, переведа взаимные контакты на отношения купли-продажи и найма, дворянская интеллигенция, вместе с тем, ждала от своих слуг личной преданности, любви, *добровольной* помощи, и очень возмущалась, что имела дело с «наемным человеком»²⁴.

В этой связи можно было бы подумать, что реально никакого «всевластия» женской прислуги не было. Просто требуя от служанки слишком многого и столкнувшись с невозможностью получить желаемое, хозяева любую попытку оправдаться истолковывали как грубость, а оставшуюся по объективным причинам невыполненную работу – как сознательную леность и саботаж. Тем более, что крайне отрицательный портрет прислуги предстает перед нами, прежде всего, со страниц хозяйских дневников и воспоминаний.

Вполне возможно, что в отдельных случаях именно так все и было...

Вместе с тем невозможно не заметить в сфере организации домашнего труда нескольких, на первый взгляд, взаимоисключающих тенденций: значительное предложение, в сочетании с постоянным неудовлетворенным спросом и удивительно высоким уровнем текучести кадров.

В начале XX в. в крупных центрах России появились посреднические конторы – частные, общественные (благотворительные) и существовавшие на средства городов. Статистика этих учреждений дает определенное представление о числе лиц, только с помощью подобных учреждений, осуществлявших поиск работы по домашнему найму.

В Санкт-Петербурге городская посредническая контора начала функционировать с 1 августа 1901 г.²⁵ Уже в конце сентября «С.-Петербургские ведомости» засвидетельствовали ее «заметное развитие» и постоянное увеличение числа клиентов. «Ежедневно записывается не менее 100 нанимателей. Общее число сделок, совершенных за два месяца, доходит до 3 200. Зарегистрировано в этот период свыше 7 500 заявлений от ищущих места и предлагающих таковые. Среди нанимающихся преобладает женская прислуга; мужчины (дворники и швейцары) составляют 15 %»²⁶. В Москве наибольшее значение в деле домашнего найма имели частные конторы. В течение годичного промежутка времени с 1 ноября 1902 г. по 1 ноября 1903 г. в эти учреждения по приисканию мест обратилось 12 666 чел. прислуги, из которых мужчин – 1 384 чел., а женщин – 11 282²⁷.

В 1905 г. варшавское благотворительное общество опубликовало статистические сведения о спросе и предложении труда прислуги в Варшаве за предшествовавший год. Характерно, что число кандидатов, искавших работу домашней прислуги, – 3 084 оказалось меньше числа мест для кандидатов, которыми располагало отделение, – 4 550. Однако число мест, занятых подходящими канди-

²⁴ Веремenco В.А. «Дура в доме» – женская домашняя прислуга в дворянских семьях России второй половины XIX – начала XX в... С. 261–262.

²⁵ Трудовая помощь. 1901. № 6. С. 156.

²⁶ С.-Петербургские ведомости. 1901. 30 сентября.

²⁷ Частные конторы по приисканию работы в Москве // Трудовая помощь. 1904. № 1. С. 125.

датами – 1 514 – оказалось в два раза меньше предложивших свои услуги и в 2,5 раза меньше имевшихся вакансий. Сами авторы исследования объясняли данный феномен тем, что большинство «кандидатов явились неподготовленными для тех мест, которые желали получить»²⁸.

Собственно, последнее положение и объясняет главную причину отмеченного выше сочетания постоянно неудовлетворенного спроса на фоне гигантского предложения. Работа прислугой считалась несложной, большинство трудоустроивающихся полагало, что обучиться ей можно на месте, поэтому в города прибывало огромное количество крестьянок, которые пытались устроиться на эту должность. Однако необученные городской жизни и обязанностям прислуги женщины не были способны удовлетворить даже элементарные требования работодателей. Крестьянки не знали, как вести себя в доме и на улице, не умели ухаживать за домашними вещами и одеждой, очень часто нанося им непоправимый ущерб²⁹, наконец, они не были способны приготовить даже самый «легкий» городской обед³⁰. Именно эти неумехи готовы были терпеть любые унижения, только бы их взяли и оставили на службе. Однако, спустя годы появлялись необходимые навыки и те из девушек, кто сумел выдержать несколько лет мучений, обучился умению выживать в самых диких условиях, приспособился к брани и сексуальным домогательствам, в общем, прошел эту стадию, мог уже считаться прислугой «рафинированной, претендующей на опытность»³¹. Таким образом, опыт в данной сфере означал не только, а может и не столько, собственно необходимые знания в той или иной области домашнего труда, сколько умение «выживать»³², которое предполагало навыки самозащиты, хотя бы в форме ответной грубости, способов получения дополнительного заработка (через вымогательства и/или мелкие кражи), наконец, умение «расслабиться», очень часто реализуемое в форме пьянства.

²⁸ Отделение для приискания занятий Варшавского благотворительного общества // Трудовая помощь. 1905. № 3. С. 331–332.

²⁹ По разным вопросам // Трудовая помощь. 1903. № 3. С. 268–281; *Н.К.* Из наблюдений сотрудницы попечительства // Трудовая помощь. 1901. № 4. С. 472–478.

³⁰ Принципиальное различие городской и деревенской кухни стало одним из самых тяжелых испытаний для подростков – участников сельскохозяйственных дружин, оказывавших помощь семьям запасных в период Первой мировой войны. См. *Карпова В.А.* Повседневная жизнь участников трудовых ученических дружин в России (1915–1916 гг.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 4. № 3. С. 48–55; *Она же.* Работа трудовых огороднических ученических дружин в 1916 г. // История повседневности. 2016. № 1. С. 105–116.

³¹ Об улучшении быта и трудовой подготовки прислуги // Трудовая помощь. 1902. № 1. С. 97–103.

³² В обучении новеньких значительную роль могли сыграть, находящиеся рядом, более опытные товарки. Так, например, в фельетоне «Война кухарки с барыней, или нашла коса на камень» приведена, судя по всему, вполне типичная история – совершенно замордованную хозяйкой кухарку Марью научила правилам взаимоотношения с господами ее знакомая «безместная кухарка» Степанида, которая «и бывала частенько без места», так как хотя и «очень хорошо знала свое дело, и ей уж указывать в нем было нечего», но «была не прочь и выпить на выгаданные от покупки провизии деньги, и не стеснялась часто принимать у себя своих знакомых – любо или нелюбо было это ее господам; при чем, была еще порядочна зубаста и груба». См.: *Война кухарки с барыней, или нашла коса на камень*. М.: Универ. тип., 1866. С. 13.

Итак, перед хозяевами, принимавшими решение о найме прислуги, стояла практически неразрешимая задача: взять тихую, готовую выполнять все работы за самую низкую плату, но совершенно ничего не умеющую девушку из деревни, или опытную специалистку, за значительно бóльшие деньги, да еще с обязательным шлейфом в виде наглости, умения разными способами нажиться за счет хозяев, а возможно еще и с аморальным поведением. В первом случае необходимо было контролировать каждый шаг неумелой прислуги, быть готовым к получению несъедобного обеда, испорченной одежды, разбитой посуды и т.д. Во втором отказываться от контроля было также невозможно, так как в этом случае значительные семейные средства могли перекачивать в карман опытной служанки, а вся работа, которая не проверялась, грозила быть не выполнена. При любом из раскладов прислуга вносила массу проблем, неудобств и дополнительных расходов в жизнь семьи.

Складывался замкнутый круг: в поисках очередного «хорошего варианта» в доме появлялась новая служанка, вскоре либо она оказывалась «совершенно неподходящей», либо сама уходила, неудовлетворенная условиями. Средний срок пребывания прислуги в одной семье, как правило, не превышал нескольких месяцев³³, и снова и тот и другой участник найма оказывались перед необходимостью поиска «хорошего варианта».

«И будут мне говорить, что все люди равны!»

Многочисленные пособия по домоводству настоятельно рекомендовали хозяевам лучше брать на службу неумелых, но «честных и порядочных», отказывая опытным, но грубым и вороватым пьяницам. Авторы подобных изданий постоянно напоминали своим читателям, что не стоит рассчитывать «...получить хорошую прислугу, как товар из магазина, с ручательством, совсем готовую; заведи ее, она и пошла». Ведь, «слуги – тоже люди, а не машины». И вместо того, чтобы надеяться на «аттестаты, бюро и справки», хозяева сами должны озаботиться воспитанием, прежде всего, нравственным, своих слуг³⁴.

Некоторые, действительно, предпочитали такой вариант. Причем важным фактором здесь служила не только «молчаливость» и «духовное здравие» приехавших в город крестьянских девушек, но и дешевизна их услуг. Целый ворох проблем принесла в дом офицера Генерального штаба И.И. Меницкого девушка Проня, привезенная хозяевами из деревни в столицу. В своих мемуарах жена офицера – О.М. Меницкая отводит ей и вызванным ее поведением злоключениям несколько страниц: «Она была неграмотная настоящая деревенская, угрюмая дура, но работающая безропотная, пассивная, как заводная кукла. Пробовала я ее учить грамоте, но ничего не вышло. Она складывала кубики и больше всего любила складывать «ю п к а» тыча пальцем в пространство. В поезд она не рещалась влезть и все от-

³³ Согласно, проведенному Д.М. Демидович анализу домовых книг С.-Петербурга, «средний срок пребывания горничных в должности составлял 125 дней, то есть горничные меняли место работы приблизительно раз в четыре месяца». *Демидович Д.М. Доходные дома Петербурга* С. 153.

³⁴ *Спиридонова Е.* Отчего испортилась наша прислуга // Семья православного христианина. Сборник проповедей, размышлений, рассказов и стихотворений. СПб.: тип. Монтвида, 1906. С. 602–608.

скакивала назад. Мне пришлось держа на руках ребенка поддать ей в зад коленкой, чтобы она, наконец, влезла. В поезде сидела, держа вещи двумя руками, боясь положить на скамейку. Много мы с ней намучались, пока приучили выходить на улицу и в магазин, так она боялась всего и всех. Это был второй ребенок трудно сгибаемый. В баню водила с собой и сама мыла. Настоящий первобытный человек. Видно скучала без деревни и людей своего общества... всегда недовольная, голодная, т.к. господская пища ей не нравилась...». Несмотря на все перечисленные недостатки, хозяева не спешили ее увольнять. Судя по всему, главным стимулом к этому было, то, что получала она всего 4 р. в месяц³⁵, в то время как в те же 90-е гг. XIX в. зарплата деревенской неумехи в С.-Петербурге была не ниже 6 руб.

Вообще попытки учить свою прислугу грамоте, а то и заниматься с ней школьной программой, в интеллигентской среде встречались нередко. Правда, причины этого подчас не имели ничего общего с желанием оказать услугу самой девушке. Так, например, Р.И. Сементковский, писавший в начале 1870-х гг. диссертацию о возможности и важности предоставления женщинам такого же образования, как и мужчинам, решил проверить ее положения на служившей у него в качестве помощницы прислуги 13-тилетней неграмотной девочке. Он стал обучать ее в свободное время и прошел с ней значительную часть курса мужской классической гимназии. Но, судя по всему, ученица оказалась не особо благодарна учителю за неожиданно упавшие на нее знания. По крайней мере, автор закончил эту часть своих воспоминаний следующей довольно неясной сентенцией: «Но в конечном результате она дала мне крупное разочарование, смягченное только сознанием исполненного долга, наслаждением, которое человеку доставляет искание правды, наконец, сочувствием уважаемых людей»³⁶.

Но далеко не все хозяева были готовы вешать себе на шею еще одного ребенка в лице прислуги, предпочитая опытную работницу. Как правило, наниматели понимали, что, скорее всего, придется столкнуться с «человеком с характером», но надеялись «умаслить» свою служанку подарками.

Обычай давать слугам подарки к большим праздникам еще в дореформенную эпоху «обратился почти в неприменимое правило»³⁷. Причем тогда награждали не только наемную прислугу, но и крепостных. Это могли быть как вещи, так и деньги. Так, например, в честь свадьбы старшей дочери князя Кропоткина, Елены Алексеевны, новобрачные были вынуждены одарить ее дворню значительной суммой. Причем накануне отъезда супруги долго обсуждали сколько надо выделить, пока не сошлись на том, что «дворня ... большая; менее 15 р. нельзя было дать»³⁸.

В пореформенное время ограничиться подарками только по большим праздникам в отношении опытной прислуги не имелось никакой возможности. В надежде на ответную доброту хозяева беспрестанно делали знавшим себе цену специа-

³⁵ «Я вышла замуж за любимого...» мемуары О.М. Меницкой-Зоммар // История повседневности. 2017. № 1. С. 132.

³⁶ Сементковский Р.И. Среди отошедших (Из моих воспоминаний) // Исторический вестник. 1917. Апрель. С. 127–128.

³⁷ Наставление для управления домашнею прислугою... С. 22.

³⁸ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 601. Д. 1196. Л. 95.

листкам мелкие подарки или отдавали старые платья, белья или обувь, а те нередко не только не бывали за это благодарны, но, как и предсказывали авторы пособий по домоводству, считали «такие подарки за должное» и начинали требовать их³⁹. В свою очередь, предполагавшие совсем другую реакцию хозяева никак не могли понять такой наглости. Вот как описала в дневнике свои чувства О.Г. Базанкур:

«Начались истории с прислугой! Чем вы с ними лучше, ближе, ласковее – тем хуже. Нынче, после того как я после жалованья подарила Аннушке ситец на кофточку, да отправила ее в театр – та уже окончательно одурела от глупости и злости... Вчера она уже форменно начала кричать на меня. Завтра ставлю ультиматум: или она ведет себя прилично, или убирается ко всем чертям... Досаднее всего не сами факты, а что приходится считаться с ними...»

Такая молоденькая девочка – и столько наглости и злости! И будут мне говорить, что все люди равны! Да никогда... А моя к тому же глупа невероятно, все делает совсем не думая и не соображая о том, что делает и потому все портится и гадится⁴⁰.

В качестве действительно надежного средства поддержания домашнего порядка книги по домоводству считали не бесконечные задаривания, а правильно организованное общение с прислугой. Оно должно было происходить с одной стороны «добродушно, однако, вместе с тем, не унижая и собственного достоинства», избегая «всякой фамильярности», следовало «никогда не называть прислугу уменьшительным именем». В особенности же рекомендовалось не вступать «в спор с прислугой и лучше всего отказывать ей от должности, без дальнейших неприятностей»⁴¹.

Анализ дворянских дневников свидетельствует, что в реальной жизни только «уменьшительным именем» прислугу и называли. Со страниц этих документов перед нами проходит нескончаемый ряд Настён, Марусь, Глаш и т.д. Мало того, отдельные хозяева, готовы были мириться и с фамильярностью со стороны служанок и даже считать ее «милой», если за прислугой не числилось другого более серьезного криминала. Так, в своем дневнике О. Яфа с очевидной симпатией упоминала «добродушную толстую» горничную Машу, которая была «со всеми на “ты”», а зачавшего в дом гостя – студента во всеуслышание и «не стесняясь» называла «женихом» хозяйской дочери, чем вызывало очевидное смущение самой барышни⁴².

И действительно, на фоне возможных обчетов всего лишь легкая фамильярность со стороны прислуги могла казаться даже очень симпатичной... Прослужив несколько лет, прислуга приходила к мысли, что размер официального жалования не может, да и не должен определять ее уровень благосостояния. Недаром многие из нанимавшихся на работу служанок сразу оговаривали в качестве условия право осуществлять те или иные закупки не по «книжке» от магазина, а за «живые» деньги. Хозяева, в свою очередь, также были в курсе возможности обчета их со стороны прислуги. Н.А. Лейкин в фельетоне «Прислуга из конто-

³⁹ Наставление для управления домашнею прислугою... С. 22–23.

⁴⁰ ИРЛИ РАН. (Пушкинский дом). Ф. 15. Д. 2. Л. 61–62 об.

⁴¹ Правила светской жизни и этикета. Хороший тон. С. 321–322.

⁴² ОР РНБ. Ф. 163 Второвы. Д. 323. Л. 10 об.

ры» в юмористической форме продемонстрировал попытки прислуги гарантировать себе дополнительный доход, а хозяев – лишить слуг такой возможности. Вот, например, как описывался найм на службу кухарки:

«...– Вы должны рассчитывать на жалованье. Желаете оставаться на наше жалованье – оставайтесь, нет, не надо.

...– Нельзя-же барин, кухарки без халтуры. Ведь уж для того по местам служим. Иначе-бы жили в деревне... Из двенадцати рублевого жалованья много не скопишь. Мясник дает, лавочник дает, рыбак дает, зеленщик ...

... Вот что еще, самое главное я забыла спросить. Провизию буду, разумеется, я закупать?

– Да, да ... У нас в мясную книжка, в зеленую книжка и в мелочной лавке тоже будите на книжку брать.

– На книжку-у? – протянула кухарка и покачала головой. – Вот уж на таких местах я не люблю жить, где на книжке надо брать.

– А не любите, так можете и не жить...

– Хотите кухарку за повара иметь, а сами двенадцать рублей, провизию на книжку, сами платить будете, да еще весы в кухне для проверки повесили. Нет уж, это не место!»⁴³

Итак, взяв «опытную» прислугу, надо либо было быть готовым к постоянным «домашним войнам», когда «...то у кухарки был запой, а прачка оказалась не чиста на руку, и с ней пришлось расстаться; то горничная нагрубилась и без спросу ушла со двора ...»⁴⁴, либо отдаться «всецело в руки Маши, Глаши, Поли», предоставить «самовластнице» делать все что она хочет, принимать то, что она «подчас капризничает, постоянно обсчитывает, носит барынино белье...»⁴⁵.

В борьбе за свои права...

Пореформенное время ознаменовалось не только широким распространением «домашних войн» как способом борьбы прислуги за создание себе приемлемых условий существования. Рост образования и информированности крестьянских женщин, знакомство их с судебными учреждениями и даже определенные навыки защиты своих прав в волостных судах⁴⁶ и, наконец, опыт жизни в городе, способствовали появлению среди служанок тех, кто готов был обращаться со своими проблемами в судебные инстанции. Конечно, случаи, когда хозяева признавались судом виновными, были, скорее, исключением, но сам факт появления подобных сообщений в прессе давал прислуге надежду на возможность выиграть судебный процесс или, по крайней мере, получить с господ деньги за причиненный ущерб.

⁴³ *Лейкин Н.А.* Прислуга из конторы // Хлебный вопрос. Юмористические рассказы. СПб.: тип. С.П. Худекова, 1896. С. 256–260.

⁴⁴ ОР РНБ. Ф. 163. Второвы. Д. 313. Л. 56.

⁴⁵ *Поваринская В.В.* О приучении девочек к домашнему хозяйству // Энциклопедия воспитания и обучения. Вып. Л. СПб.: Захарьевская, 1902. С. 9.

⁴⁶ *Мухина З.З.* Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начала XX века). СПб.: Дмитрий Буланин, 2018.

Так, много шуму наделала «великий курьез», произошедший с «очень почтенной особой», которая наняла кухарку, а та ей постоянно грубила. Один раз барыня, держа в руках пустую тарелку, сделала работнице замечание, последняя ответила грубостью. Хозяйка «вышла из терпения, уронила тарелку на пол и, отскочивший осколок поранил лицо кухарки, она начала иск против хозяйки. Барыне угрожал скандальный процесс в окружном судье, пришлось примириться с кухаркой, заплатив ей сумму денег»⁴⁷.

В феврале 1912 г. газета «Трудовая копейка» написала об еще более удивительной истории, когда прислуга обвинила хозяйку в краже. Нанявшаяся в «молодую и прогрессивную семью (студент и курсистка) женщина служила исправно», ее одаривали подарками и похвалами. Но после того, как соседская горничная «просветила» хозяйку, сообщив, что прислуга последней якобы сплетничает и плохо отзывается о барыне, отношения в доме испортились. «Курсистка в приливе негодования взломала сундук своей служанки, вынула подарки и отдала их вестнице. И мировой судья привлек барыню за воровство. Так и обратился на заседании к ней и горничной: «Вы, воровки, обе встаньте рядом!» Курсистка от стыда упала в обморок»⁴⁸.

Важным индикатором роста самосознания прислуги и понимания ею необходимости создания специальных структур, которые могли бы гарантировать права служанок и, хотя бы частично, обеспечивать их в период отсутствия работы, стало появление, в начале нового столетия, первых профессиональных организаций. Артели, объединявшие мужскую прислугу, начали складываться еще в 1870-е гг.⁴⁹ К началу XX в. – времени зарождения первых женских объединений – число мужских учреждений подобного рода только в столице измерялось десятками⁵⁰. Во многом это было связано с тем, что в то время как женская прислуга продолжала заниматься домашним трудом, мужская – положила начало сфере услуг – формируя новую отрасль общественного производства.

Главными задачами объединений являлись «улучшение быта женской прислуги, приискание для них мест», а также оказание помощи в случае болезни или неспособности к труду. На средства общества, формируемые за счет взносов членов, преимущественно состоявших из самой прислуги, создавались убежища для больных и престарелых участников, выдавались пособия потерявшим место, открывались классы по обучению «различным рукоделиям», знание которых увеличивала шансы женщин по трудоустройству⁵¹.

⁴⁷ Попов Н.А. Хозяева и прислуга. С. 10.

⁴⁸ Тяжкое обвинение // Трудовая копейка. 1912. № 38.

⁴⁹ Устав общества «домашняя обеспеченная прислуга» (проект). М.: [б.и.], 1871; Устав первой С.-Петербургской артели посыльных (Утвержден управляющим министерством внутренних дел 6-го января 1879 г.). СПб.: [Б.и.], 1904; Устав Московской артели полотеров (утв. 4 августа 1882 г.). М.: [Б.и.], 1882.

⁵⁰ Самарина Л.А. Артельная организация работы прислуги в России в конце XIX – начале XX вв. (на примере уставов артелей посыльных, перевозчиков и переносчиков) // XIX Царскосельские чтения: материалы международной научной конференции 21–22 апреля 2015 г. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина. Т. 1. С. 62–69.

⁵¹ Устав общества католической женской прислуги имени св. Зиты. Вильно: [Б.и.], 1907.

Наличие подобных организаций, как и деятельность Домов трудолюбия⁵² и других благотворительных структур, гарантировавших потерявшей место прислуге приют, делала ее более уверенной в себе, готовой смело отвечать хозяевам на их претензии и легко разрывать трудовые отношения, если условия казались ей не подходящими.

Выводы

Женская домашняя прислуга занимала, пожалуй, одну из самых низких ступеней в социальной иерархии страны. Труд служанок не был нормирован и ограничен, отсутствовали какие-либо гарантии со стороны работодателей как по условиям работы, так и на случай увольнения и потери трудоспособности. Серьезно ухудшали положение прислуги повсеместно встречавшееся сексуальное домогательство и жестокое обращение, противостоять которым девушки имели очень мало возможности.

Несмотря на крайне неблагоприятные условия жизни в господском доме ежегодно десятки тысяч искательниц счастья из деревни приходили на заработки в город. Подавляющее большинство из них считало себя вполне подготовленным к работе прислугой, так как, занимаясь с детства домашним трудом, не думало, что нужны еще какие-либо особые умения для исполнения этих обязанностей. На деле весь прежний образ жизни деревенских девушек, начиная от манеры общаться и умения ориентироваться на местности и заканчивая привычками в еде и отношении к чистоте, противоречил тому, что хотели получить взявшие их на работу хозяева. Совершая бесконечные промахи, крестьянская неумеха училась жить, пропуская мимо ушей оскорбления, терпя домогательства, работая на износ, только бы ее не выгнали.

Но далеко не всегда хозяева готовы были тратить свои силы на обучение служанки и постоянный контроль за ней. Да и жаль было подвергать опасности имущество, отдавая его в неопытные руки. И как бы не была готова девушка сносить все выпавшие на ее долю испытания, она нередко оказывалась на улице, предоставленная ее влиянию и помощи более опытных товарок. Многие из лишившихся места, не найдя другого или не имея больше сил терпеть, обзаводились «желтым билетом». Хозяева же начинали бесконечные поиски умелой прислуги...

Складывались противоречивые реалии рынка труда прислуги – гигантское и непрерывно растущее предложение, значительный неудовлетворенный спрос и постоянная текучка кадров.

Вместе с тем те девушки, которые смогли выдержать несколько лет мучений, обзаводились не только профессиональными умениями, но обучались жизни в городе, умению использовать свое положение для получения «наживы», защи-

⁵² О деятельности Домов трудолюбия по организации обучения прислуги и посреднических контор для приискания ей места см.: Витебский дом трудолюбия // Трудовая помощь. 1898. № 11. С. 519; Яковлев А. Самарский Дом трудолюбия // Трудовая помощь. 1898. № 12. С. 620–622; Статистические сведения о призываемых в Нижегородском доме трудолюбия имени Михаила и Любови Рукавишниковых за время с 25 ноября 1897 по 25 мая 1898 гг. // Трудовая помощь. 1899. № 1. С. 58; Посредническая контора при Доме трудолюбия в Одессе // Трудовая помощь. 1899. № 3. С. 298.

щать себя от посягательств или использовать свою привлекательность как оружие. И чем более опытной, во всех смыслах, была служанка, тем менее она была настроена подчиняться своим хозяевам, постепенно становясь «самовластницей» в господском доме. Конечно, хозяева могли ее уволить, но кого бы они взяли взамен? В конце концов, выбор сводился к двум вариантам – покладистая неумеха и вздорная, вороватая специалистка.

По мере же того, как последствия Великих реформ вплетались в повседневную жизнь представителей самых разных социальных групп, увеличивалась доля женской деревенской молодежи, которая, обучившись грамоте уже только по приезду в город, изначально не была готова безмолвно сносить град сыпавшихся на нее оскорблений. Зная, хотя бы на уровне слухов, о существовании судебных учреждений, о неких успешных примерах «побед» прислуги над своими господами в этих инстанциях, они могли действительно пытаться к ним апеллировать или, по крайней мере, угрожать иском своим господам. Появление же первых профессиональных организаций женской прислуги, как и расширявшаяся деятельность разного рода благотворительных учреждений, гарантировавших девушкам помощь в получении необходимых навыков и трудоустройстве, еще более стимулировала служанок к защите своих прав, что вынуждало хозяев либо учитывать интересы прислуги, либо пытаться обойтись без нее.

ENG

Introduction

In the second half of the 19th century, amid its large-scale modernization processes, Russia saw a significant increase in the proportion of women forced to leave the sphere of household production and start independently seeking out livelihoods by becoming hired workers. The number of female workers united by the mere fact of being hired included representatives of the most different classes – from hereditary noblewomen, to their former serfs. The positions held by them also varied, including civil servants who served in state institutions, representatives of intellectual professions, as well as factory workers. The most typical form of female earnings, which, according to the common opinion, did not require special skills and was accessible to literally everyone, was the job of a domestic servant. No wonder that this category of the population was represented by almost 1.3 million people, or 41% of the total “independent” female population, according to the official data of the 1897 General Census, which, as the census takers themselves admitted, were greatly underestimated.¹

Despite the obvious need to research the social status of such a significant category of the empire’s population and its place in the social and economic structure of the country, to study the degree of its involvement in migration, socio-political and cultural

¹ N. Troynitskiy, V.V. Stepanova, *Raspredeleniye rabochikh i prislugi po gruppam zanyatiy i po mestu rozhdeniya na osnovanii dannykh pervoy vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy Imperii 28 yanvarya 1897 goda* [Distribution of workers and servants by groups of occupations and by place of birth on the basis of data of the first General census of the population of the Russian Empire on January 28, 1897] (St. Petersburg: [S.n.], 1905), 6–7.

processes, it is only in the most recent years that interest in analyzing the state of female domestic servants in post-reform Russia has been manifested.

It is distinctive that the first work specifically devoted to the position of women working as maidservants was the work by the German researcher A. Rustemeyer, published at the end of the past century.² The author analyzes various aspects of the life of domestic servants of the capital city in the period from the abolition of serfdom to the revolutionary events of 1917. According to the author, the institution of domestic servants in Russia remained the “bastion of the pre-industrial society”, which preserved the patriarchal relations characteristic of the era of serfdom.

It was only in only in the 2010s that the first works on the status of post-reform female domestic servants appeared in Russian historiography. These studies offered a classification of domestic workers³, characteristics of their working conditions and health status,⁴ evaluation of hirers' requirements and the ability of maidservants to meet these requirements.⁵ Attention was also paid to the specifics of deviant behavior in this category of population.⁶ It was not until 2018 that a work addressing the study of the status of female domestic servants on the basis of a regional (Orenburg) material,⁷ came out. Before then, this institution had been subjected to characterization without due account of territorial specificity or solely on the basis of the experience of capitals.⁸ In general, Russian authors, unlike the German researcher, do not tend to absolutize

² A. Rustemeyer, D. Siebert, *Alltagsgeschichte der unteren Schichten im russischen Reich (1861–1914): Komment. Bibliogr. zeitgenössischer Titel u. Ber. über die Forschung* (Stuttgart: [S.n.], 1997).

³ V.A. Veremenko, “Dura v dome” – zhenskaya domashnyaya prisluga v dvoryanskikh sem'yakh Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.,” [“The fool in the house” – female domestic servants in noble families of Russia of the second half of 19th – early 20th century] *Al'manakh gendernoy istorii «Adam i Yeva»*, no. 21 (2013): 241–273.

⁴ V.A. Veremenko, “Zhenskaya domashnyaya prisluga v Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.: sostoyaniye zdorov'ya i factory professional'noy zabolevayemosti,” [Female domestic workers in Russia in the second half of the 19th – early 20th century: health status and occupational morbidity factors] *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, no. 3 (2017): 37–40.

⁵ V.A. Veremenko, “Khozyayka na kuchne: adaptatsionnyye praktiki v zhizni rossiyskoy dvoryanskoy sem'i vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.,” [Hostess in the kitchen: adaptation practices in the life of the Russian noble family in the second half of 19th – early 20th century] in *Ekstremal'noye v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (k 100-letiyu russkoy revolyutsii 1917 g.): materialy mezhdunar. nauch. konf., 16–18 marta 2017 g.* [Extreme in the daily life of our Russia: history and modernity (k to the 100th anniversary of the Russian revolution 1917 g.): Materials of the international scientific conference, March 16–18, 2017] (St. Petersburg: [S.n.], 2017), 315–323.

⁶ Yu.E. Karpuhina, “Prostituciya sredi zhenskoy domashney prislugi v Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.,” [Prostitution among female domestic workers in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century] in *Modernizatsiya v Rossii: istoriya, politika, obrazovanie* [Modernization in Russia: history, politics, education] (St. Petersburg: LGU im. A.S. Poushkina, 2015), 77–89.

⁷ E.V. Burluckaya (Bannikova), “...Prisluga, krajne zdes' izbalovannaya, zhivet po-svoemu». Domashnie rabotnicy v provincii poreformennoy ehpoi,” [“...The servants, extremely spoiled here, live in their own way.” Domestic workers in the province of the post-reform era] *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal*, no. 4 (2018): 77–86.

⁸ O.B. Vahromeeva, *Social'no-ehkonomicheskoe polozhenie zhenshchin v Sankt-Peterburge v konce XIX – nachale XX vv.*, [Socio-economic status of women in St. Petersburg late 19th – early 20th century] (St. Petersburg: [S.n.], 2009).

the pre-industrial nature of the post-reform domestic hired labor, paying attention to the fact that patriarchal relations imply not only hard exploitation of servants by their masters, but also the responsibility of the latter for the former, which was increasingly infrequently the case in modernizing Russia.⁹

As it can be seen, the research on the social group in question is only at its start...

The proposed article analyzes the status of female domestic servants, which implied not only their extremely powerless position in the master's house, but the exact opposite position, under certain circumstances related both to personal qualities of specific people and to objective conditions caused by the realities of post-reform Russia. This implies the so-called "omnipotence" of servants, which the post-reform press constantly wrote about, which scared the readers of numerous books on housekeeping and, finally, which is mentioned in most diaries of the Russian nobility, especially noblewomen.

The 'humiliated and insulted' woman

If one asks who can be called the most browbeaten creature in post-reform Russia, who used to work without rest or a single minute of free time for 20 hours a day, who was constantly subjected to various forms of humiliation, from endless verbal insults to real rape, the answer which naturally suggests itself is, of course, the female domestic servant. The fact that this is indeed the case can be confirmed by materials of court proceedings and medical examinations, by the information from housekeeping manuals and private household registers. Finally, similar facts are reflected, although not directly, but quite obviously, in diaries of the masters themselves, who had female domestic workers.

It is not without a reason that even prostitutes had pity for maidservants because of the rightlessness of the latter. Almost half of those prostitutes knew what female domestic workers were talking about not by hearsay, since the former had switched to their job due to the inability to bear the backbreaking work and faultfinding when serving the master's family.¹⁰ Thus, Elsa, the heroine of the story *The Pit* by A.I. Kuprin, talked about the maid's labor as follows: "Imagine how humiliating it is to be a servant in the house, to always depend on the whim or the mood of the masters! The master is always pestering you with silly things. And the mistress is jealous, nagging and scolding."¹¹

A detailed list of what masters were entitled to demand from their domestic servants was contained in the relevant sections of manuals on the organization and keeping of the household. It is distinctive that, despite the cardinal changes that occurred in

⁹ V.A. Veremenko, "Na ostrie domashnego prostranstva: hozyaeva i prisluga v dvoryanskikh sem'yah Rossii (XIX – nachalo XX v.)," [At the edge of the home space: the owners and servants in the noble families of Russia (19th – early 20th century)] in *Rossiyskaya istoriya XIX – XX vekov: Gosudarstvo i obshchestvo. Sobytiya i lyudi. Sb. Statey* [Russian History of the 19th – 20th century: State and society. Events and people. Digest of articles] (St. Petersburg: Liki Rossii, 2013), 58–77.

¹⁰ 40–45% of all prostitutes in Russia came from the circles of maids. 47.2% of the former domestic servants were in accommodation houses, 43.2% of the "re-qualified" domestic servants were engaged in "single-person business". *Statistika Rossiyskoy imperii. Prostituciya po obsledovaniyu na 1 avgusta 1889 g.* [Statistics of the Russian Empire. Prostitution on inspection on August 1, 1889] (St. Petersburg.: Centr. stat. kom. M-va vn. Del, 1890), 33.

¹¹ A.I. Kuprin, *Yama [Pit]* (St. Petersburg: Interpoligrafcentr, 1992), 187.

Russian society following the abolition of serfdom, this list only changed in its form, remaining essentially unchanged in essence.

Here are a few excerpts from the pre-reform manual for masters, published in 1858:

“You have the right to demand: 1) that at any time, even on holidays, they do not leave the house without your permission; 2) that they be modest, quiet, polite, and that they do not allow themselves to quarrel, just like everyone else, that they do not burden you with complaints about each other and do not let any arbitrariness happen; 3) that they do not tell anything related to family matters to strangers; 4) that they have no acquaintance with people of bad behavior; 5) that they not only avoid indulging in any vices, but also that they do not remain idle during rest; the best thing at this time is forcing them to do something for themselves, or to do some light work; and 6) that they fulfill the duties of a Christian, go to church, pray to God, and that, if they are literate, they read prayers, or some moral book.”¹²

This was followed by a more detailed elaboration on these items. E.g., the section *Guidelines regarding the exercise of daily service in the household* contained, among other things, the following provisions:

“If the master or mistress, or any member of the family, asks the servant [T.N. – from this point on: Rus. *служитель*, masc.] about something, he must never answer simply *yes* or *no*, but always add: *just so, sir; no way, madam*.

When addressing persons having a princely or earl’s title, he is obliged to add the name of the title; e.g., *just so, your Excellency*, etc.

When talking to the masters or to guests visiting them, he must address them in the 2nd and 3rd person plural, e.g.: *what would You* [T.N. – 2nd person pl., the formal *you*] *like? would they like?* etc. Only if necessary, the servant may be the first to start speaking with the masters.

When talked to, the servant must stand and respond respectfully...

If reprimanded by the master, the servant must not respond rudely or impatiently...”¹³

Surprisingly, the manual that came out 30 years later is somewhat less flowery, but in essence, it LITERALLY! repeats the above-cited section from a housekeeping book of the period of serfdom:

“If asked about something by the master or mistress, or by one of the family members, the servant [T.N. – from this point on: Rus. *прислуга*, fem.] must never answer simply *yes* or *no*, but she must always add: *sir, lady, young lady*.

Addressing persons with a princely or earl’s title, the servant is obliged to add the name of the title, e.g., *just so, your Excellency*, etc.

When talking to their masters or to guests visiting them, the servant must address them in the 2nd or 3rd person plural, e.g. *what would You* [T.N. – 2nd person pl., the formal *you*] *like? would they like?* etc.

When talked to, she must respond respectfully.

¹² *Nastavlenie dlya upravleniya domashneyu prislugoyu, s vernymi ukazaniyami dlya otopeniya i osveshcheniya komnat* [Instruction for the management of domestic servants, with the correct instructions for heating and lighting rooms] (St. Petersburg: M.O. Vol’fa, 1858), 10.

¹³ *Ibid.*, 30–32.

If reprimanded by the master, the servant must not respond to him rudely or impatiently.

The servant must never seat in the presence of her masters.”¹⁴

Perhaps, the only fundamental difference between these two documents lies in the common name for the person in service. Whereas the earlier text used the Russian masculine form of the word *servant* and the pronoun *he*, in the new reality the generalized name for *servant* was used, referred to as *she*. Such changes in the language reflected the real situation – a huge imbalance in the number of women over men in the domestic workforce, which was the result of attempts by the masters to reduce family expenditures by abandoning the more expensive male labor force.¹⁵

Designed in 1910, but not yet turned into law, the draft *Provisions on the Hiring of Domestic Servants* contained a simple list of measures assigned to domestic workers. To have an idea of the level of the workload of a female servant, especially in the cases where she worked alone in the masters’ home, it is enough to become familiar with the list of her functions provided in this document. The list of chores for domestic servants included the following: “all the work about the house, yard, garden, indicated in the hirer’s household schedule, as well as work outside the household related to meeting vital needs, and also looking after... domestic animals, and overseeing the safety of the master’s property.” Household services also included taking care of the masters and their family members, as well as their guests or visitors.¹⁶

Attempts to charge one person with all this work led to quite obvious consequences, the descriptions of which were abundant in the print media of the early 20th century. Below is a typical example of the duties of the only servant of a mistress who lived off renting rooms in the suburbs of St. Petersburg (it should be noted that this list fits well with the requirement of the draft law). The maid had to “turn the cow to pasture at around 3 o’clock in the morning, clean the barn, go to the store for provisions, clean the rooms, heat the samovar, clean the clothes of the masters and the tenants, make breakfast and lunch and do laundry”. It is not surprising that after a summer of endless labor, the 20-year-old maid asked to be dismissed and, “having rouged her cheeks”, went out onto Nevsky Prospect.¹⁷

The fact that such a working day seemed quite normal not only to the drafters of the hiring project, but also to the masters, who assumed that all of the above was doable

¹⁴ *Pravila svetskoy zhizni i etiketa. Horoshiy ton. Sbornik sovetov na vsyakiy sluchay domashney i obshchestvennoy zhizni* [Rules of social life and etiquette. Good form. Collection of tips just in case of home and social life] (St. Petersburg: tip. V.A. Tihonova, 1889), 322–323.

¹⁵ According to the 1897 All-Russian census, out of 1,556,987 people who indicated private service work as their primary occupation, 1,288,797 were women, or there were 480.5 women for every 100 men working in this field. See: N. Troynitskiy, V.V. Stepanova, *Raspredeleniye rabochikh i prislugi po gruppam zanyatiy i po mestu rozhdeniya na osnovanii dannnykh pervoy vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy Imperii 28 yanvarya 1897 goda* [Distribution of workers and servants by groups of occupations and by place of birth on the basis of data of the first General census of the population of the Russian Empire on January 28, 1897] (St. Petersburg: [S.n.], 1905), 58–77.

¹⁶ Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arhiv [Russian state historical archive – RGIA], f. 1286, op. 1, d. 921, l. 20.

¹⁷ N.A. Popov, *Hozyaeva i prisluga* [Hosts and servants] (St. Petersburg: Tip. SPb., 1907), 10–11.

and that the maidservant's shortcomings were only due to her laziness and lack of skill, is reflected in masters' diaries. E.g., it was only after one of the guests had drawn the attention of the "best" daughter of Senator Zarudny to the fact that their poor servant "simply could not endure all sorts of necessary and unnecessary errands, changeable and capricious orders, shouts, displeasure, etc." that the liberal maiden suddenly saw what was quietly and imperceptibly going on in front of her every day. Ulyasha "goes to bed after everyone else, because she must clean up after the teatime, wash the dishes, put the children and the young ladies to sleep, and in the morning, at 2–3 o'clock, she must already be on the move to make coffee for dad, clean the rooms and make all the necessary preparations for the young ladies before they wake up. Then she keeps running all day making breakfasts and dinners... and she does not have a single minute for a rest! And by the evening, everyone is still displeased with her: you did not come when I called you! You did not sew on a button for me!"¹⁸

Oftentimes, this was also accompanied by moral and physical harassment by the masters and their children, as well as sexual harassment. The maid was harassed "both at home and on the street. At home – by the master himself, by his grown-up son, by the teacher, by the guests, and finally, by the likes of her – the lackey, the coachman, and the janitor. They send her to the shop – the clerk harasses her; they send her to post a letter – the passers-by do."¹⁹ The early XX century press regularly published reports about harmed female servants. Here is an example of such a report that was published in the *Russkoye Slovo* newspaper in 1909: "Last night, the Novovileisk junior inspector Sidorchuk tried to rape the 16-year-old girl Anna Vasilchuk living with him as a maidservant. The poor girl pulled away and ran off. When the next day she requested her passport back, the master put the note *unreliable* on it. The case has been transferred to the court investigator."²⁰

Therefore, in the post-reform period, the masters tried to apply the covenants developed during the era of serfdom to their female domestic servants, seeking to see the maid as a mute being ready to carry out a gigantic amount of work for a small reward, while silently enduring insults and sexual slavery. At the same time, the masters' dreams were destroyed by the reality, which very often had nothing to do with the above-described image of a "humiliated and insulted" maidservant.

"...the question of female servants has long been a 'cursed' one for us"

It is for diverse reasons that the significant and constantly growing category of female servants, who, in the opinion of others, were notorious for their "rude and foolish character", allowed themselves to show an extremely familiar attitude not only towards the masters, but also towards the guests of the latter, defiantly neglected their duties, and constantly extorted and often simply stole money from their masters, emerged in post-reform Russia. These reasons reflect the specifics of the Russian

¹⁸ Institut russkoy literatury Rossiyskoy akademii nauk [Institute of Russian literature of the Russian Academy of Sciences] (thereafter – IRLI RAN), f. 445, d. 7, l. 118 ob. – 119.

¹⁹ L.N. Lenskaya, *O prisluge. Doklad, chitaemyy vo 2-om zhenskoy klub v Moskve v fevrale 1908 g.* [The servants. Report, read in the 2nd women's club in Moscow in February 1908] (Moscow: [S.n.], 1908), 16.

²⁰ "Neblagonadezhnaya," [Unreliable] *Russkoe slovo* (July 1909).

socio-economic structure, which fancifully combined features of traditionalism and modernization.

To a certain extent, such characters (although not so odious and much less common) could be encountered even in the pre-reform period. No wonder that in the late 1850s, a public discussion of the relations between masters and their female domestic workers was developed (but never ended in any way) on the pages of the periodical press. The discussion was initiated by displeased hirers, angrily asking on the newspaper pages: “Who are our hired servants?” They then proceeded with answering their own question by saying that the servants were “crowds of revelers (both men and women) who come to your household not to serve you, but to eat and drink at your expense, to deceive and, finally, to rob you. Even this would not be a big trouble, but the trouble is that they often get away with impunity... They are a pack of riffraff, who will drink away somewhere else what they earned from you; who neither plow nor sow, but live like fowls of the air, without thinking about tomorrow...”²¹

However, such unequivocal judgements were met with a rebuff by “advocates of domestic servants”, part of whom referred to the plight of the latter, while others drew attention to the responsibility of the hirers themselves, linking the behavior of servants with the legacy of the passing era. Thus, the author of the article, published in *Ekonomicheskyy Ukazatel* on April 25, 1859, stated bluntly that “...those who hope to improve one part of society without improving the other – to eradicate depravity in hired servants, while hirers themselves often distract them from virtue by their own example – are wrong... The masters, who are spoiled by serfdom, often forget that it is not people that are hired, but their labor, and that labor is of a certain kind; and then a coachman is required to perform the services of a stoker or a lackey, and a kitchen maid is expected to work as a nanny, etc. This is not clearly set out during the hiring process, and after that, the masters are surprised that their orders are not executed and that they are treated rudely!”²²

It was already after the peasant reform, in 1864, that an article about hiring servants was published in *Izvestiya Sankt-Peterburgskoy Gorodskoy Dumy*. It said that in one of the reports by the Duma’s commissions, there were statements about unscrupulous and vicious domestic servants. The author expressed the opinion that the social group of domestic servants had been formed under circumstances unfavorable for its moral development and material well-being. This group had been formed mainly from the former “house serfs”. “Separated from their families and from their primitive condition of farmers, these people had come to serve as serfs, whose moral development was not watched by anyone. The class of house serfs had lived through centuries in this state, and since nothing had been prompting them to industriousness, and sober and honest life, the consequence was the spread in their community of all kinds of vices that the class of the former house serfs is now so rich in.”²³

²¹ V.P., “O soslovii Peterburgskikh naemnykh sluzhiteley,” [On the estates of St. Petersburg hired servants] *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, no. 2 (February 1859).

²² “Po povodu voprosa o naemnykh slugah,” [About the question of hired servants] *Ukazatel’ politiko-ekonomicheskij. Statist. i promyshl. zhurnal*, no. 121 (1859): 377–379.

²³ *Izvestiya S.-Peterburgskoy gorodskoy obshchey dumy*, no. 9 (1864): 514–517.

Thus, it was assumed that the new Russia, which had given up slavery, would see the prevalence of decent assessment of every honest work, the mutual interest of workers and hirers and, consequently, the establishment of completely normal relations between masters and domestic workers; along with the disappearance of the parasite-like house serfs, on the one hand, and of the feudal psychology of the nobility, on the other hand. In reality, even in the new conditions, having transferred mutual contacts to buying and selling, and hiring relations, the noble intelligentsia, at the same time, expected personal devotion, love, and *voluntary* help from servants, and were very indignant that they had to deal with the “hired man”.²⁴

In this regard, one would think that there was really no “omnipotence” of the female domestic servant. Simply demanding too much from the maid, and faced with the inability to get what they wanted, the masters interpreted any attempt of excuse as rudeness, and any work that remained unfulfilled for objective reasons as conscious laziness and sabotage. Moreover, it is primarily on pages of the masters’ diaries and memoirs that servants are portrayed in an extremely negative way.

It is quite possible that in some cases, this was exactly what happened ...

At the same time, it is impossible to overlook several tendencies in the organization of domestic work which are, at first glance, mutually exclusive: significant supply combined with constant unsatisfied demand and surprisingly high levels of personnel turnover.

At the beginning of the 20th century, large cities of Russia saw the emergence of intermediary offices – private, public (charity), and those existing at the expense of cities. The statistics of these institutions created a certain idea of the number of persons who looked for housekeeping jobs only with the help of such offices.

In St. Petersburg, the city intermediary office began to operate on August 1, 1901.²⁵ It was already at the end of September that *Sankt-Peterburgskie Vedomosti* noted its “visible development” and the constant increase in the number of clients. “At least 100 hirers are recorded daily. The total number of deals made within two months reaches 3,200. More than 7,500 applications from those seeking jobs and offering them have been registered during this period. Female job-seekers prevail among those hired; men (janitors and doorkeepers) make up 15%.”²⁶ In Moscow, it was private offices that had the greatest importance in the matter of domestic hired labor. During the one-year period from November 1, 1902 to November 1, 1903, 12,666 domestic servants sought jobs through these institutions, of whom 1,384 were men and 11,282 were women.²⁷

In 1905, the Warsaw Charitable Society published statistical data on the supply and demand regarding domestic hired labor in Warsaw for the preceding year. It is noteworthy that the number of candidates who were looking for work as domestic servants –

²⁴ V.A. Veremenko, ““Dura v dome”– zhenskaya domashnyaya prisluga v dvoryanskikh sem’yakh Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.,” 241–273.

²⁵ *Trudovaya pomoshch’*, no. 6 (1901): 156.

²⁶ *S.-Peterburgskie vedomosti* (1901): 268.

²⁷ “Chastnye kontory po priiskaniyu raboty v Moskve,” [Private offices for seeking work in Moscow] *Trudovaya pomoshch’*, no. 1 (1904): 125.

3,084 – turned out to be less than the number of jobs available for candidates – 4,550. However, the number of jobs taken by suitable candidates – 1,514 – was twice as low as the number of those who offered their services, and 2.5 times as low as the number of available vacancies. The authors of the study themselves explained this phenomenon by the fact that the majority of the “candidates were unprepared for the positions that they wanted to get.”²⁸

Basically, the latter statement explains the main reason for the above-noted combination of constantly unsatisfied demand against the background of gigantic supply. The job of a domestic servant was considered uncomplicated, the majority of those who were hired believed that it was possible to learn on the spot, therefore, a huge number of peasant women who arrived in cities tried to get this kind of job. However, women who were not adjusted to urban life and to servant duties were unable to satisfy even the elementary demands of employers. Peasant women did not know how to behave in the house and on the street, they did not know how to take care of household items and clothes, often causing them irreparable damage²⁹; finally, there were unable to cook even the “simplest” urban dinner.³⁰ It was these slouches who were ready to tolerate any humiliation, as long as they were hired and kept in the service. However, a few years later, the necessary skills were acquired, and those girls who had managed to endure several years of torment, developed the ability to survive in the wildest conditions, adapted to the scolding and sexual harassment, – in general, those who had “passed that stage”, could already be considered “refined, claiming to be experienced.”³¹ Thus, experience in this field meant not only, and perhaps not so much, the actual necessary knowledge in a particular area of domestic work, as the ability to “survive”,³² which implied self-defense skills, at least in the form of rude response, ways of earning additional

²⁸ “Otdelenie dlya priiskaniya zanyatii Varshavskogo blagotvoritel’nogo obshchestva,” [Department for finding sessions of the Warsaw charitable society] *Trudovaya pomoshch’*, no. 3 (1905): 331–332.

²⁹ “Po raznym voprosam,” [On different issues] *Trudovaya pomoshch’*, no. 3 (1903): 268–281; N.K., “Iz nablyudeniya sotrudnitsy popechitel’stva,” [From the observations of the employee of guardianship] *Trudovaya pomoshch’*, no. 4 (1901): 472–478.

³⁰ The fundamental distinction between urban and rural cuisine became one of the most difficult trials for adolescents – members of agricultural squads, who had assisted families of the reserve during the First World War. See: V.A. Karpova, “Povsednevnyaya zhizn’ uchastnikov trudovykh uchenicheskikh družin v Rossii (1915–1916 gg.),” [The daily life of the student members of the labor brigades in Russia (1915–1916)] *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, no. 4, 3 (2015): 48–55; “Rabota trudovykh ogorodnicheskikh uchenicheskikh družin v 1916 g.,” [The work of labor vegetable garden student squads in 1916] *Istoriya povsednevnosti*, no. 1 (2016): 105–116.

³¹ “Ob uluchshenii byta i trudovoy podgotovki prislugi,” [About improvement of life and labor training of servants] *Trudovaya pomoshch’*, no. 1 (1902): 97–103.

³² More experienced companions could play a significant role in the training of new maidservants. Thus, e.g., the feuilleton *The War of the Kitchen Maid with the Mistress, or the Scythe Struck a Stone* presents, as it appears, quite a typical story. The kitchen maid Marya, completely tormented by her mistress, was instructed by her acquaintance Stepanida how to behave with the masters. Stepanida, who was often jobless, because, although “she knew her business very well, and she really did not need any prescriptions in it”, she “was not averse to drinking away the money sneaked after purchasing provisions, and often did not hesitate to receive her acquaintances – whether her masters liked it or not; what was more, she was also quite full-throated and rude”. See: *Voyna kuharki s baryney, ili nashla kosa na kamen’* [The cook’s war with the mistress, or found a scythe on a stone] (Moscow: univer. tip., 1866), 13.

income (through extortion and/or petty theft), and, finally, the ability to “relax”, very often manifested in the form of excessive drinking.

Therefore, the masters who made the decision to hire a servant were faced with an almost insoluble problem: either to hire a quiet village girl, ready to do all the work for the smallest payment, but completely incapable, or to hire an experienced specialist, fitted with impudence, the ability to gain profit at the masters’ expense in different ways, and, perhaps, also having immoral behavior, – for much more money. In the first case, it was necessary to control every step of the unskillful servant, be ready to end up with an inedible dinner, spoiled clothes, broken dishes, etc. In the second case, it was also impossible to give up control, since otherwise, significant family funds could resurface into the pocket of the experienced maid, and all unchecked work risked to remain undone. By any measure, maidservants caused families a lot of problems, inconveniences and additional expenses.

This created a vicious circle: as a result of the search of another “good option”, a new maid appeared in the household, who soon either turned out to be “completely inappropriate” or left the masters herself due to being dissatisfied with the conditions. The average tenure of maidservants in the same family, as a rule, did not exceed several months,³³ and both participants of the hiring process were again faced with the need to find a “good option”.

“And they will tell me that all people are equal!”

Numerous housekeeping manuals strongly recommended that the masters hire unskillful, but “honest and decent” people, refusing experienced, but rude and thieving drunkards. Authors of such publications constantly reminded their readers that they should not expect “...to get a good servant, like a product from a store, with a guarantee, completely ready – turn her on and there she goes”. After all, “servants are also people, not machines”. And instead of relying on “certificates, bureaus and references”, the masters themselves should take care of the education of their servants, above all, their moral education.³⁴

Some, indeed, preferred such an option. Moreover, an important factor here was not only the “quietness” and “spiritual health” of peasant girls who moved to cities, but also the cheapness of their services. The young girl Pronya, brought by the masters from the village to the capital, caused a whole bunch of problems to the household of the General staff officer I. Menitsky. In her memoirs, the officer’s wife, O. Menitskaya, devotes a few pages to her and to the misadventures caused by her behavior: “She was a true illiterate village girl, a sullen goose, but hard-working, uncomplaining, passive, like a windup doll. I tried to teach her to read and write, but unsuccessfully. She would put together alphabet blocks, and most of all she liked to spell “s k u r t” by pointing her finger into space. She

³³ According to the analyses of household registers of St. Petersburg conducted by D.M. Demidovich, “the average tenure of maids in service was 125 days, that is, maidservants changed jobs about once every four months.” D.M. Demidovich, *Dohodnye doma Peterburga*, 153.

³⁴ E. Spiridonova, “Otchego isportilas’ nasha prisluga,” [Why is our servant spoiled] in *Sem’ya pravoslavnogo hristianina. Sbornik propovedey, razmyshleniy, rasskazov i stihotvoreniy* [Family Orthodox Christian. Collection of sermons, reflections, stories and poems] (St. Petersburg: tip. Montvida, 1906), 602–608.

hesitated to get on the train, and kept jumping back all the time. I had to kick her in the butt with my knee while holding a child in my arms so that she could finally get on. When on the train, she was holding her things with both hands, afraid to put them on the bench. We had a hard time teaching her to go outside and to the shop, since she was so scared of everything and everyone. She was like the second child, barely flexible. She would take us with her to the bath-house and wash us herself. A true primitive person. It was evident that she missed the village and the people of her society... She was always dissatisfied, hungry, because she did not like the master's food...". Despite all these shortcomings, the masters were in no hurry to dismiss her. Apparently, the main incentive for this was the fact that she received only 4 rubles per month,³⁵ while in the 1890s, the salary of a village slouch in St. Petersburg was at least 6 rubles.

In general, attempts to teach their servants to read and write, or even engage them in school curriculum, were frequent with the intellectual class. However, the reasons for this sometimes had nothing to do with the desire to do a favor to the girl herself. Thus, e.g., R. Sementkovsky, who in the early 1870s wrote his dissertation on the possibility and importance of providing women with the same education as men, decided to check its provisions on the 13-year-old illiterate girl who served as his maid. He began to teach her in his spare time and covered a significant part of the men's classical gymnasium curriculum with her. But apparently, the student was not particularly grateful to the teacher for the unexpected knowledge that fell on her. At least, the author finished this part of his recollections with the following rather obscure sentence: "But in the end, she caused me a major disappointment, softened only by the awareness of the duty performed, the pleasure that the search of truth can bring a person, and finally, the sympathy of respected people."³⁶

But not all the masters were ready to burden themselves with another child embodied in a servant, preferring to have an experienced worker instead. As a rule, hirers understood that, most likely, they would have to deal with a "person with an attitude", but hoped to "please" their servant with presents.

It was already in the pre-reform era that the custom of giving presents to servants on big holidays "almost turned into a cast-iron rule."³⁷ And it was not only hired servants, but also serfs who were given presents, which could be both things and money. Thus, e.g., in honor of the wedding of Prince Kropotkin's eldest daughter Elena Alekseevna, the newlyweds had to bestow the house serfs with a considerable sum of money. Moreover, on the eve of their departure, the spouses had a long discussion about how much to give until they agreed that "the house serfs are... numerous; it was impossible to give less than 15 rubles."³⁸

In the post-reform time, there was no possibility of giving presents only to experienced servants on major holidays. Hoping for kindness in response, the masters inces-

³⁵ "Ya vyshla zamuzh za lyubimogo..." memuary O.M. Menickoy-Zommar," ["I married my beloved ..." memoirs by O.M. Menitskaya-Sommer] *Istoriya povsednevnosti*, no. 1 (2017): 109–150.

³⁶ R.I. Sementkovskiy, "Sredi otoshedshih (Iz moih vospominiy)," [Among the departed (from my memories)] *Istoricheskiy vestnik*, no. 4 (1917): 115–144.

³⁷ *Nastavlenie dlya upravleniya domashneyu prislugoyu...*, 22.

³⁸ Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB), f. 601, d. 1196, l. 95.

santly presented specialists who knew their worth with small gifts or gave them their old dresses, underwear or shoes. Oftentimes, the maids not only failed to thank the masters, but, as predicted by authors of housekeeping manuals, took “such presents for granted” and began to demand them.³⁹ In turn, the masters, who had expected a completely different reaction, could not understand such impudence. This is how O. Bazankur described her feelings in her diary:

“Problems with servants have begun! The better you treat them, the closer, the tenderer you are to them, the worse it gets. Today, after I gave Annushka some chintz when paying her salary, I sent her to the theater – she has completely lost her mind due to stupidity and anger... Yesterday she literally started screaming at me. Tomorrow I will give her an ultimatum: either she behaves herself decently, or gets the hell out of here... It is not the facts themselves that are annoying, but the matter of having to deal with them...

Such a young girl – and so much arrogance and anger! And they will tell me that all people are equal! They will never be... And mine is also incredibly stupid, she does everything without thinking at all and without knowing what she is doing, and therefore, everything goes bad and rotten.”⁴⁰

It was not endless showering with presents that housekeeping books considered a truly reliable means of maintaining home order, but properly organized communication with servants. It was supposed to be, on the one hand, “amiable, however, at the same time, not derogatory to one’s own dignity”. One was advised to avoid “all familiarity” and to “never call the servant a diminutive name”. In particular, it was recommended not to “initiate an argument with the maid” and noted that “it would be best to refuse her the position without further trouble.”⁴¹

An analysis of diaries of the nobility shows that in real life, only “diminutive names” were used to call a servant. The pages of these documents feature an endless list of Nastyonas, Marusyas, Glashas, etc. Moreover, certain masters were willing to put up with the familiarity of the maidservants and even to consider them “nice”, if the maidservant had not been caught in any other serious crime. Thus, in her diary, O. Yafa with obvious sympathy mentioned the “good-natured fat” maid Masha, who was “on first-name terms with everyone”, and who publicly and without hesitation called the student who came to their house as a guest the “groom-to-be” of the master’s daughter, which obviously made the young lady feel embarrassed.⁴²

And indeed, amid obvious cheating, even a slight familiarity on the part of the housemaid could seem very pretty... After serving for several years, the maid came to the conclusion that the size of her official salary could not, and should not, determine her level of welfare. It is not without reason that many of the maidservants who were hired, immediately stipulated the right to make certain purchases not using the “book” from

³⁹ *Nastavlenie dlya upravleniya domashneyu prislugoyu...*, 22–23.

⁴⁰ IRLI RAN, f. 15, d. 2, l. 61–62 ob.

⁴¹ *Pravila svetskoy zhizni i etiketa. Horoshiy ton. Sbornik sovetov na vsyakiy sluchay domashney i obshchestvennoy zhizni* [Rules of social life and etiquette. Good form. Collection of tips just in case of home and social life] (St. Petersburg: tip. V.A. Tihonova, 1889), 321–322.

⁴² OR RNB, f. 163, d. 323, l. 20 ob.

the shop, but for “real” money. The owners, in turn, were also aware of the possibility of cheating on the part of maids. In his feuilleton *A Maid from the Office*, N. Leykin in a humorous form demonstrated the maids’ attempts to secure themselves an additional income, and the masters’ efforts to deprive the servants of such an opportunity. E.g., this is how he described the hiring of a kitchen maid:

“... – You must count on the salary. If you are willing to live on our salary, stay with us, if not, you don’t have to.

... – But sir, it is impossible for a kitchen maid to live without side work. After all, this is why we work at other people’s places. Otherwise, we would be living in the country... Making twelve rubles in salary, one cannot save a lot. The butcher pays us a little, the shopkeeper does, the fisherman does, the greengrocer does...

...One more thing, I forgot to ask the most important question. It is, of course, me, who will be buying provisions, isn’t it?

– Yes, yes... We pay by book at the butcher’s, at the greengrocer’s, you will be also paying by book at the junk shop.

– By bo-ok? the cook asked in disappointment and shook her head, – I don’t like living in such places where I need to pay by book.

– Well, if you don’t like it, you don’t have to...

– You want to have a kitchen maid for a cook, and you will be paying twelve rubles, you will be paying for provisions yourselves according to the book, and you have also put scales in the kitchen to check on me. No, this is not the right place!”⁴³

Thus, having hired an “experienced” maid, one option was to be prepared for constant “home wars”, when “...either the kitchen maid had a fit of hard drinking, and the laundress proved to be light-fingered and had to be dismissed; or the maid was rude and left the house without asking...”⁴⁴ The other option was to entrust oneself “completely to a Masha, a Glasha, a Polya”, to let the “headstrong woman” do whatever she wants, to accept the fact that she “is sometimes naughty, is constantly cheating, wears the mistress’s underwear...”⁴⁵

In the struggle for their rights...

The post-reform time was marked not only by the widespread “home wars” as a way for the maidservants to create acceptable living conditions for themselves. The growth of the education and awareness of peasant women, their increasing familiarity with judicial institutions, and even certain skills of protecting their rights in volost courts⁴⁶, and, finally, the experience of living in the city, contributed to the appea-

⁴³ N.A. Leykin, “Prisluga iz kontory,” [Servants from the office] in *Hlebnyy vopros. Yumoristicheskie rasskazy* [Bread issue. Humorous stories] (St. Petersburg.: tip. S.P. Hudekova, 1896), 256–260.

⁴⁴ OR RNB, f. 163, d. 313, l. 56.

⁴⁵ V.V. Povarinskaya, “O priuchenii devochek k domashnemu hozyaystvu,” [On the domestication of girls] in *Enciklopediya vospitaniya i obucheniya* [Encyclopedia of education and training] (St. Petersburg: Zahar’evskaya Tip., 1902), 9.

⁴⁶ Z.Z. Muhina, *Russkaya krest’yanka v poreformennyi period (vtoraya polovina XIX – nachala XX veka)* [Russian peasant woman in the post-reform period (the second half of 19th – early 20th century)] (St. Petersburg: Dmitriy Bulanin tip., 2018).

rance of maids who were ready to carry their problems to court. Of course, cases where the owners were found guilty by the court were rather an exception, but the fact that such reports appeared in the press gave servants hope to win the trial or, at least, to get money from the masters for the damage suffered.

Thus, a lot of noise was caused by the “great curiosity” that happened to a “very respectable person” who had hired a kitchen maid who was always rude to her. One day, the lady, holding an empty plate in her hands, made a remark to the maid, to which the latter responded rudely. The mistress “lost patience, dropped the plate on the floor and a broken off piece injured the kitchen maid’s face; the latter then started a lawsuit against the mistress. The mistress was facing a scandalous process in the district court, and she had to reconcile with the kitchen maid by paying her a sum of money.”⁴⁷

In February 1912, the newspaper *Trudovaya Kopeika* published an even more surprising story, when a servant accused her mistress of theft. The young woman hired by a “young and progressive family (a student couple) served properly” she was presented with gifts and praises. But after the neighbor’s maid had “enlightened” the mistress by saying that the servant of the latter was allegedly gossiping and speaking badly about the mistress, the relations in the household deteriorated. “In a tide of indignation, the girl student broke the chest of her maid open, took the gifts and gave them to the informer. And the magistrate charged the mistress with theft. This is how he addressed her and the maid during the trial: “You thieves, you both stand next to me!” The girl student fainted with shame.”⁴⁸

An important indicator of the growth of female domestic servants’ self-awareness and their understanding of the need for special structures that could guarantee the rights of maidservants and, at least partially, assist them in the absence of work, was the appearance of the first professional organizations at the beginning of the new century. It was already in the 1870s that artels uniting male servants began to emerge.⁴⁹ By the beginning of the 20th century – the time of the emergence of the first women’s associations – the number of male institutions of this kind was measured in dozens only in the capital.⁵⁰ This was largely due to the fact that while female servants continued to do domestic work, male servants marked the beginning of the service sector by forming a new branch of social production.

The main tasks of the associations were “improving the life of female domestic servants, seeking jobs for them”, as well as providing assistance in the event of illness or dis-

⁴⁷ N.A. Popov, *Hozyaeva i prisluga* [Hosts and servants] (St. Petersburg: [S.n.], 1907), 10.

⁴⁸ “Tyazhкое обвинение,” [Heavy charge] *Trudovaya kopeyka*, no. 38, (1912).

⁴⁹ *Ustav obshchestva «domashnyaya obespechennaya prisluga» (proekt)* [The company’s Charter “home provided workers” (draft)] (Moscow: [S.n.], 1871); *Ustav pervoy S-Peterburgskoy arteli posyl’nykh (Utverzhden upravlyayushchim ministerstvom vnutrennikh del 6-go yanvara 1879 g.)* [Charter of the first St. Petersburg artel of messengers (Approved by the Manager of the Ministry of internal Affairs on January 6, 1879)] (St. Petersburg: [S.n.], 1904); *Ustav Moskovskoy arteli poloterov (utv. 4 avgusta 1882 g.)* (Moscow: [S.n.], 1882).

⁵⁰ L.A. Samarina, “Artel’naya organizatsiya raboty prislugi v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. (na primere ustavov arteley posyl’nykh, perevozchikov i perenoschikov),” [The artel organization of work of servants in Russia at the end of 19th – early 20th century (on the example of charters of artels of messengers, carriers and carriers)] in *XIX Tsarskosel’skiye chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 21–22 aprelya 2015 g.* (St. Petersburg: [S.n.], 2015), 62–69.

ability. The funds of the society formed by contributions from members, who were mainly maidservants themselves, were used to create shelters for sick and elderly members of the society, to provide benefits for those who had lost their jobs, to open classes for teaching “various crafts”, the knowledge of which increased the chances of employment for women.⁵¹

The availability of such organizations, as well as the activities of the Houses of industriousness⁵² and other charitable organizations which guaranteed shelter to jobless maidservants, made them more self-confident, ready to boldly respond to the masters’ claims and to easily break workplace relationships, if the conditions seemed inappropriate.

Conclusions

Female domestic servants occupied, perhaps, one of the lowest levels in the country’s social hierarchy. The work of the maidservant was not standardized or limited, there were no guarantees from the hirers, both in terms of working conditions and in case of dismissal or disability. The situation of maidservants was seriously worsened everywhere by sexual harassment and abuse, which the maids had very little opportunity to resist.

Despite the extremely unfavorable living conditions in the masters’ house, thousands of village girls seeking happiness came to work in the city each year. The overwhelming majority of them considered themselves fully prepared to work as servants, since, having done household chores since childhood, they did not think that they needed any special skills to perform those duties. In reality, the whole old way of life of village girls, starting from the way of communicating and having a sense of direction, and ending with eating habits and attitudes towards cleanliness, contradicted the expectations of the masters. Making endless mistakes, the peasant slouch learned to live, letting insults go by, enduring harassment, working to the point of exhaustion, only in order not to be kicked out.

But it was far from always that the masters were ready to spend their effort on training the maidservant and exercising constant control over her. It was a pity to put the property at risk by committing it to inexperienced hands. And no matter how ready the girl was to endure all the trials that fell to her lot, she often found herself on the street, subjected to its influence and the help of more experienced companions. Many of those who had lost their jobs, and never found another one, or no longer had the power to carry on, acquired a “yellow ticket”. As for the masters, they started an endless search for a skilled servant...

⁵¹ *Ustav obshchestva katolicheskoy zhenskoy prislugi imeni sv. Zity* [Charter of the society of Catholic female servants named after St. Zita] (Vilno: [S.n.], 1907).

⁵² On the activities of Houses of industriousness regarding the organization of training of servants, and the activities of intermediary offices aimed at finding jobs for them see.: “Vitebskiy dom trudolyubiya,” [Vitebsk house for the homeless] *Trudovaya pomoshch'*, no. 11 (1898): 519; “Statisticheskie svedeniya o prizrevaemykh v Nizhegorodskom dome trudolyubiya imeni Mihaila i Lyubovi Rukavishnikovyh za vremya s 25 noyabrya 1897 po 25 maya 1898 gg.,” [Statistical information about the charity people in Nizhny Novgorod home for the homeless named after Mikhail and Lyubov Rukavishnikova since 25 Nov 1897 25 may 1898] *Trudovaya pomoshch'*, no. 1 (1899): 58; “Posrednicheskaya kontora pri Dome trudolyubiya v Odesse,” [Intermediary office at the house of diligence in Odessa] *Trudovaya pomoshch'*, no. 3 (1899): 298.

This formed the controversial realities of the labor market of female domestic servants – a gigantic and continuously growing supply, a significant unsatisfied demand and a constant turnover of personnel.

At the same time, those girls who had been able to endure several years of torment, acquired not only professional skills, but got accustomed to living in the city, using their position to earn money, protecting themselves from encroachment, or using their attractiveness as a weapon. And the more experienced, in all senses, the maid was, the less determined she was to obey her masters, gradually becoming a “headstrong woman” in the master’s house. Of course, the masters could kick her out, but who would they hire in return? In the end, the choice was reduced to two options – a docile slouch and a foolish, thievish specialist.

As the consequences of the Great Reforms interweaved into the everyday life of representatives of the most diverse social groups, there was a growing increase in the proportion of female rural youth who, having learned to read and write only after their arrival in the city, were not ready to silently put up with storms of abuse. Knowing, at least through the grapevine, about the existence of judicial institutions, about some successful examples of “victories” of maidservants over their masters in these institutions, they could, indeed, try to appeal to them or at least threaten their masters with a lawsuit. The appearance of the first professional organizations of female servants, as well as the expanding activities of various charitable institutions that guaranteed the maids assistance in obtaining the necessary skills and employment, further stimulated the maidservants to protect their rights, which forced the owners to either take into account the interests of the former or try to do without them.

© Веремченко В.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Рукопись поступила: 19 февраля 2019 г.

Submitted: 19 Febraury 2019.

Библиографический список

- Бурлуцкая (Банникова) Е.В.* «...Прислуга, крайне здесь избалованная, живет по-своему». Домашние работницы в провинции пореформенной эпохи // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2018. № 4. С. 77–86.
- Вахромеева О.Б.* Социально-экономическое положение женщин в Санкт-Петербурге конце XIX – начале XX вв.: Дисс. ... д.и.н. СПб.: [Б.и.], 2009.
- Веремченко В.А.* «Дура в доме» – женская домашняя прислуга в дворянских семьях России второй половины XIX – начала XX в. // Альманах гендерной истории «Адам и Ева». 2013. № 21. С. 241–273.
- Веремченко В.А.* Женская домашняя прислуга в России второй половины XIX – начала XX в.: состояние здоровья и факторы профессиональной заболеваемости // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19. № 3–1. С. 37–40.
- Веремченко В.А.* Хозяйка на кухне: адаптационные практики в жизни российской дворянской семьи во второй половине XIX – начале XX в. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): материалы междунар. науч. конф., 16–18 марта 2017 г. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2017. С. 315–323.

- Веремченко В.А. На острие домашнего пространства: хозяева и прислуга в дворянских семьях России (XIX – начало XX в.) // *Российская история XIX–XX веков: Государство и общество. События и люди. Сб. статей.* СПб.: Лики России, 2013. С. 58–77.
- Демидович Д.М. Доходные дома Петербурга: организация, взаимодействие с государственными и коммерческими структурами, повседневность (1870-е гг. – начало XX века). СПб.: РГПУ, 2018.
- Каминский В.В., Веремченко В.А. «Я вышла замуж за любимого...» Мемуары О.М. Меницкой-Зоммар (01.03.1874–31.01.1967) // *История повседневности.* 2017. № 1. С. 109–151.
- Карпухина Ю.Е. Проституция среди женской домашней прислуги в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. // *Модернизация в России: история, политика, образование.* СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. С. 101–105.
- Карпова В.А. Работа трудовых огороднических ученических дружин в 1916 г. // *История повседневности.* 2016. № 1. С. 105–116.
- Карпова В.А. Повседневная жизнь участников трудовых ученических дружин в России (1915–1916 гг.) // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.* 2015. Т. 4. № 3. С. 48–55.
- Куприн А.И. Яма. СПб.: Интерполиграфцентр, 1992.
- Ленская Л.Н. О прислуге. Доклад, читаемый во 2-ом женском клубе в Москве в феврале 1908 г. М.: [Б.и.], 1908.
- Лейкин Н.А. Прислуга из конторы // *Хлебный вопрос. Юмористические рассказы.* СПб.: тип. С.П. Худекова, 1896. С. 256–260.
- Мухина З.З. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начала XX века). СПб.: Дмитрий Буланин, 2018.
- Нестеров А.К. Война кухарки с барыней, или нашла коса на камень. М.: Универ. тип., 1866.
- Попов Н.А. Хозяева и прислуга. СПб.: [Б.и.], 1907.
- Поваринская В.В. О приучении девочек к домашнему хозяйству // *Энциклопедия воспитания и обучения.* СПб.: Захарьевская, 1902. Вып. Л. С. 9.
- Самарина Л.А. «Мерзавцы все крали»: воровство среди домашней прислуги в России второй половины XIX в. // *История повседневности.* 2017. № 1. С. 77–89.
- Самарина Л.А. Артельная организация работы прислуги в России в конце XIX – начале XX вв. (на примере уставов артелей посыльных, перевозчиков и переносчиков) // *XIX Царско-сельские чтения: материалы международной научной конференции 21–22 апреля 2015 г.* СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина. Т. 1. С. 62–69.
- Сементковский Р.И. Среди отошедших (Из моих воспоминаний) // *Исторический вестник.* 1917. Апрель. С. 127–128.
- Степанова В.В. Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской Империи 28 января 1897 года. СПб.: Типография Н.Л. Ныркина, 1905.
- Спиридонова Е. Отчего испортилась наша прислуга // *Семья православного христианина. Сборник проповедей, размышлений, рассказов и стихотворений.* СПб.: Типография Монтвида, 1906. С. 602–608.
- Яковлев А. Самарский Дом трудолюбия // *Трудовая помощь.* 1898. № 12. С. 620–622.
- Rustemeyer A., Siebert D. *Alltagsgeschichte der unteren Schichten im russischen Reich (1861–1914): Komment. Bibliogr. zeitgenössischer Titel u. Ber. über die Forschung.* Stuttgart: [S.n.], 1997.

References

- Burluckaya (Bannikova), E.V. “ ‘...The servants, who are extremely spoiled here, live in their own way.’ Female domestic workers in the province during the post-reform period.” *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, no. 4 (2018): 77–86 (in Russian).
- Demidovich, D.M. *Dohodnye doma Peterburga: organizatsiya, vzaimodeystvie s gosudarstvennymi i kommercheskimi strukturami, povsednevnost’ (1870-e gg. – nachalo XX veka).* St. Petersburg: RGPU Publ., 2018 (in Russian).

- Kaminsky, V.V., and Veremenko, V.A. “‘...I was married to a loved one ...’” *Memoirs of O.M. Menitskaya-Zommar (01.03.1874–31.01.1967)*.” *History of Everyday Life*, no. 1 (2017): 109–151 (in Russian).
- Karpova, V.A. “Daily life of participants of pupils’ labor squads in Russia (1915–16).” *Vestnik of Pushkin Leningrad State University* 4, no. 3 (2015): 48–55 (in Russian).
- Karpova, V.A. “Rabota trudovykh ogorodnicheskikh uchenicheskikh družhin v 1916 g.” *History of Everyday Life*, no. 1 (2016): 105–116 (in Russian).
- Karpuhina, Yu.E. “Prostituciya sredi zhenskoy domashney prislugi v Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.” In *Modernizatsiya v Rossii: istoriya, politika, obrazovanie*. St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina Publ., 2015 (in Russian).
- Kuprin, A.I. *Yama*. St. Petersburg: Interpoligrafcentr Publ., 1992 (in Russian).
- Lenskaya, L.N. *O prisluge. Doklad, chitaemyy vo 2-om zhenskom klube v Moskve v fevrale 1908 g.* Moscow: [S.n.], 1908 (in Russian).
- Leykin, N.A. “Prisluga iz kontory.” In *Khlebnyy vopros. Yumoristicheskie rasskazy*. St. Petersburg.: S.P. Hudekov Press, 1896 (in Russian).
- Mukhina, Z.Z. *Russkaya krest’yanka v poreformennyy period (vtoraya polovina XIX – nachala XX veka)*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2018 (in Russian).
- Nesterov, A.K. *Voyna kuharki s baryney, ili nashla kosa na kamen’*. Moscow: Universitetskaya tipografiya Press, 1866 (in Russian).
- Popov, N.A. *Khozyaeva i prisluga*. St. Petersburg: [S.n.], 1907 (in Russian).
- Povarinskaya, V.V. “O priuchenii devochek k domashnemu hozyaystvu.” In *Enciklopediya vospitaniya i obucheniya*. St. Petersburg: Zakhar’evskaya Publ., 1902 (in Russian).
- Rustemeyer, A., and Siebert, D. *Alltagsgeschichte der unteren Schichten im russischen Reich (1861–1914): Komment. Bibliogr. zeitgenössischer Titel u. Ber. über die Forschung*. Stuttgart: [S.n.], 1997 (in German).
- Samarina, L.A. “Artel’naya organizatsiya raboty prislugi v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. (n aprimere ustavov arteley posyl’nykh, perevozchikov i perenoschikov).” In *XIX Tsarsko-sel’skiye chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoykonferentsii, 21–22 aprelya 2015 g.* St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina Publ., 2015 (in Russian).
- Samarina, L.A. “‘Bastards stole all’: theft among domestic workers in Russia in the second half of the XIX century.” *Istoriya povsednevnosti*, no. 1 (2017): 77–89 (in Russian).
- Sementkovskiy, R.I. “Sredi otoshedshikh (Iz moikh vospominaniy).” *Istoricheskiy vestnik*, no. 4 (1917): 115–144 (in Russian).
- Spiridonova, E. “Otchego isportilas’ nasha prisluga.” In *Sem’ya pravoslavnogo hristianina. Sbornik propovedey, razmyshleniy, rasskazov i stihotvoreniy*. St. Petersburg: tip. Montvida Publ., 1906 (in Russian).
- Stepanova, V.V., and Troynitskiy, N. *Raspredeleniye rabochikh I prislugi po grupпам zanyatiy i po mestu rozhdeniya na osnovanii dannykh pervoy vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy Imperii 28 yanvarya 1897 goda*. St. Petersburg: [S.n.], 1905 (in Russian).
- Vakhromeeva, O.B. *Social’no-ekonomicheskoe polozhenie zhenshchin v Sankt-Peterburge konce XIX – nachale XX vv.* Diss. ... Dr. in Histiry. St. Petersburg: [S.n.], 2009 (in Russian).
- Veremenko, V.A. “Na ostrie domashnego prostranstva: hozyaeva i prisluga v dvoryanskih sem’yah Rossii (XIX – nachalo XX v.).” In *Rossiyskaya istoriya XIX – XX vekov: Gosudarstvo i obshchestvo. Sobyitiya i lyudi. Sb. Statey*. St. Petersburg: Liki Rossii Publ., 2013 (in Russian).
- Veremenko, V.A. “‘Dura v dome’ – zhenskaya domashnyaya prisluga v dvoryanskikh sem’yakh Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.” *Al’manakh gendernoy istorii «Adam i Yeva»*, no. 21 (2013): 241–273 (in Russian).
- Veremenko, V.A., “Hostess in the kitchen: adaptation practices in the Russian noble family life in the second half of 19th – early 20th centuries.” In *Ekstremal’noye v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost’ (k 100-letiyu russkoy revolyutsii 1917 g.): materialy mezhdunar. nauch. konf., 16-18 marta 2017 g.* St. Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina Publ., 2017 (in Russian).

- Veremenko, V.A. “Female domestic workers in Russia in the second half of XIX – early XX centuries: the health condition and factors of occupational diseases.” *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, no. 3 (2017): 37–40 (in Russian).
- Yakovlev, A. “SamarSKIY Dom trudolyubiya.” *Trudovaya pomoshch'*, no. 12 (1898): 620–622 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Веремченко Валентина Александровна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории России Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Главный редактор журнала *История повседневности*.

Valentina A. Veremenko, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Russian History of Leningrad State University, A.S. Pushkin. Editor-in-Chief of *History of Everyday Life*.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-355-373>

Научная статья / Research article

Использование женского труда Морским министерством Российской империи на рубеже XIX – XX вв.

И.В. Синова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет;
191023, Россия, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21; s-irina@yandex.ru

Female labor applying by the Maritime Ministry of the Russian Empire at the turn of the 19th – 20th centuries

Irina V. Sinova

Saint Petersburg state University of Economics;
191023, Russia, St. Petersburg, Sadovayastreet, 21; s-irina@yandex.ru

Аннотация: В статье на основе преимущественно неопубликованных ранее документов, хранящихся в Российском государственном архиве Военно-Морского флота, и материалов периодической печати исследованы вопросы, связанные с изменениями в отношении использования женского труда на государственной службе на рубеже XIX – начала XX в. на примере Морского министерства. Следствием борьбы общественности были отдельные уступки со стороны власти, связанные с расширением прав женщин в деле устройства на работу в ряде сфер, которые испытывали в условиях интенсивного буржуазного развития недостаток в кадрах определенной квалификации, включая государственную службу. Возможности женского труда были ограничены как отсутствием законодательного регулирования, так и сложившимися традициями, в частности это касалось предпринимательства, политики и государственной службы. В статье проанализированы правовые акты, регламентирующие труд женщин, прежде всего в сфере государственной службы. Показано, как изменения, происходившие в социальной политике Российской империи, повлияли на трансформацию социально-экономического положения женщин. Практика Морского министерства является весьма показательной для характеристики процесса привлечения женщин на государственную службу. В статье выявлено отношение руководителей подразделений министерства на поступление женщин на государственную службу, а также их мнение относительно степени необходимости для самой службы в привлечении лиц женского пола. Рассмотрены аргументы противников приема женщин на работу, в частности, мужчин – руководителей подразделений Морского министерства, связанные с опасениями негативного влияния трудовой деятельности женщин на их семейную жизнь, воспитание детей и проч.

Ключевые слова: женский труд, женский вопрос, государственная служба, женское равноправие, Морское министерство

Для цитирования: Синова И.В. Использование женского труда Морским министерством Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 355–373. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-355-373>

Abstract: The article deals with the issues related to the evolution of the use of women in the civil service at the turn of the 19th – 20th centuries on the example of the Maritime Ministry on the basis of previously unpublished documents stored in the Russian state archive of the Navy and periodical press materials. The study of gender issues can be of scientific interest on the basis of its documents,

as practically not in demand in research related to the women's issue. As a result of the struggle of the public, there were some concessions on the part of the authorities related to the expansion of women's access to fill certain positions in a number of areas that experienced a lack of certain qualifications, including public service, in the conditions of intensive bourgeois development. The article analyzes the legal acts regulating the work of women, especially in the public service. It is shown how the changes that took place in the Russian Empire influenced the transformation of the socio-economic situation of women in General, and, also, became a reflection of the social policy of the state. The article reveals the attitude of the heads of departments of the Ministry to the admission of women to the public service, as well as their opinion on the degree of necessity for the service itself in attracting women to it. The article deals with the arguments of men – heads of departments of the Ministry, related to the impact of women's work on home life, on the family and on itself, which differed largely by philistine assessments, rather than progressive views. In fact, on the part of the authorities, concessions to women were more imaginary and forced than the result of an objective assessment of their equal opportunity to serve in the public system.

Keywords: women's work, women's issue, public service, women's equality, gender

For citation: Sinova, Irina V. "Female labor applying by the Maritime Ministry of the Russian Empire at the turn of the 19th – 20th centuries." *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 2 (May 2019): 355–373. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-355-373>

Введение

Процесс развития капитализма в России во второй половине XIX в. сопровождался продвижением общественными и благотворительными организациями, прогрессивной печатью и интеллигенцией «женского вопроса», который включал в себя широкий спектр проблем, требовавших своего разрешения как на законодательном и ментальном уровнях, так и в повседневной жизни.

В дореволюционной историографии «женского вопроса» в публицистических изданиях и научных исследованиях анализировались социальные аспекты трудовых отношений и организации труда в России, которые привлекали внимание ученых и общественных деятелей не только с теоретической точки зрения, но и с целью практического влияния на сложившееся положение дел¹. Юристы в отечественной публицистике прорабатывали вопросы правовой регламентации труда женщин². Результатом этого воздействия на власть стало создание в России с 1882 по 1903 г. фабрично-заводского законодательства, регламентировавшего на государственном уровне отношения между работниками и работодателями.

Место женщины в системе трудовых ресурсов, их социально-экономическое положение, проблемы занятости, охраны труда и его оплаты стали объектом внимания в работах экономистов, а также в трудах представителей общественно-

¹ Коллонтай А.М. Социальные основы женского вопроса. СПб.: Знание, 1909; Покровская М.И. Женский труд в России // Женский вестник. 1913. С. 113–115; Она же. Женский труд в России: фабрично-заводская работница // Женский вестник. 1913. № 7–10. С. 155–160; 178–182; 203–209; Она же. Женский труд в России: приказчицы // Женский вестник. 1914. № 3. С. 79–83; Она же. Женский труд в России: прислуга // Женский вестник. 1914. № 1. С. 11–14.

² Быков А.Н. Фабричное законодательство и развитие его в России. СПб.: Правда, 1909; Джанишев Г.А. «Бабы стоны» и новое уложение // Журнал гражданского и уголовного права. 1883. Кн. 3. С. 52–66; Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1900; Луц М.Г. Из истории фабричного законодательства, фабричной инспекции и рабочего движения в России: сборник статей. М.: Печатное дело, 1909; Тютрюмов Р. Фабричное законодательство в России. М.: Польза, 1908; и др.

сти, борющейся за гендерное равенство³. Очень малочисленны в публицистике и среди научных исследований обращения к изучению как с правовой, так и с социально-экономической точек зрения женщин – государственных служащих⁴.

В 1920–50-е гг. ученые изучали разнообразные аспекты решения «женского вопроса», проблемы женского труда и социальной борьбы женщины за свои права⁵. В 1960–80-е гг. положение женщин в дореволюционной России анализировалось историками в контексте состояния рабочего вопроса и в связи с развитием рабочего движения. При этом специальных исследований по изучению условий труда и жизни фабричных работниц не проводилось. Работы носили политизированный характер; в них косвенно затрагивалось неравноправное положение женщины на рынке труда⁶.

В современных российских исследованиях вопросы женского труда на рубеже XIX – XX вв. разрабатывают ученые разных областей знаний. Историки, социологи, экономисты с учетом определения объекта и предмета, а также используемых методов изучают правовые, экономические, психофизические, профессиональные особенности трудовой деятельности с учетом гендерной принадлежности участников процесса. Юристы рассматривают вопросы формирования трудовой дееспособности женщин, эволюцию законодательного регламентирования их трудовой деятельности с учетом сферы профессиональной деятельности, семейного и сословного положения. Анализируются факты нарушений законодательства в отношении женщин, трудившихся на фабриках и заводах, работавших в качестве гувернанток, домашней прислуги и учительниц⁷. Анализ рынка труда

³ Вернадская М.Н. Женский труд // Экономический указатель. 1858. Вып. 8. С. 98–102; Она же. Аристократический труд; Еще раз о женском труде; Свобода выбора труда // Собр. соч. покойной М.Н. Вернадской, урожденной Шигаевой. СПб.: Департамент уделов, 1862; Дементьев Е.М. Женский фабричный труд в России // Промышленность и здоровье. 1903. № 3. С. 7–8; Янжул И.И. Детский и женский фабричный труд в Англии и России: общее санитарное состояние промышленных заведений // Отечественные записки. 1880. № 3. С. 97–126; Она же. Женщины-матери на фабриках. Очерки и исследования. В 2 т. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1884; Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем: историко-экономическое исследование. СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1898. Т. 1.

⁴ Русская женщина на государственной и общественной службе. Сборник постановлений и распоряжений правительства, определяющих права и обязанности русских женщин по службе, с приложением уставов и положений казенных и частных вспомогательных касс и обществ, услугами которых может пользоваться женщина / Сост. А. Полянский. М. 1901. Ч. 1–2; О служебных правах женщин // Женский вестник. 1910. № 1; Щеглов В.Н. Женщина-телеграфист в России и за границей. СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1894; и др.

⁵ Балобанов М. Женский и детский труд (Текстильщик: история, быт, борьба). М.: Экономическая жизнь, 1925; Браун Л. Женский вопрос: его историческое развитие и его экономическая сторона. М.: Госиздат, 1922; Столянский П.Н. Жизнь и быт Петербургской фабрики за 240 лет ее существования, 1704–1914 гг. Л.: Издательство Ленинградских губернских советских профессиональных союзов, 1925; Куделли П.Ф. Работница в 1905 г. в Петербурге. Л.: Прибой, 1926.

⁶ Рабочий класс России от зарождения до начала XX века / Отв. ред. Ю.И. Кирьянов, М.С. Волин. М.: Наука, 1989; Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. М.: Наука, 1966; Рашин А.Г. Формирование рабочего класса в России: историко-экономические очерки. М.: Экономическая литература, 1958.

⁷ Ворошилова С.В. Законодательное регулирование женского фабричного труда в России и Западной Европе в XIX – начале XX века // Вестник Саратовской государственной юридической

на рубеже XIX – XX вв. с учетом гендерной принадлежности акторов представляется также интерес для экономистов⁸.

В исторической науке объектами исследований преимущественно являются работницы фабрик и заводов, гувернантки и учительницы или в целом социальные проблемы женщин⁹. Гораздо реже исследования связаны с женщинами-предпринимателями и ремесленницами¹⁰. Интерес ученых связан с условиями труда, нарушениями прав женщин, социальной защитой работниц промышленных предприятий, вопросами повседневной жизни. Фундаментальный вклад в изучение социально-экономического и правового положения женщин Санкт-Петербурга в конце XIX – начале XX в., особенностей условий их труда внесла О.Б. Вахромеева¹¹.

Проблемы использования женщин на государственной службе остаются лакуной в гендерных исследованиях; в публикациях затрагиваются лишь отдельные аспекты темы¹².

академии. Государство и право. Юридические науки 2012. № 2. С. 24–30; *Таубекова И.Ю.* Правовое положение женщины, занятой трудом в промышленной сфере в России в конце XIX века // Право и политика. 2008. № 10. С. 2524–2528; *Она же.* Правовые основы трудовой деятельности женщин Российской Империи конца XIX века // Актуальные проблемы российского законодательства. 2009. № 1. С. 44–50; *Ярмонова Е.Н.* Формирование трудовой дееспособности женщин (конец XIX – начало XX века) // Юридическая наука. 2013. № 2. С. 6–8.

⁸ *Сачук Т.В.* Рынок труда в России последней трети XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 1998.

⁹ *Веременко В.А.* Домашняя прислуга в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. История. Исторические науки. 2013. Т. 4. № 1. С. 181–192; Женщины в социальной истории России: сборник научных трудов. Тверь: Тверской государственный университет, 1997; *Северцева О.В.* Социальная защита работниц промышленных предприятий Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в. как один из аспектов женской истории повседневности // Самарский научный вестник. История. Исторические науки. 2018. Т. 7. № 3. С. 287–293; *Она же.* Образование, воспитание и мечты женщин-работниц фабрик и заводов Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в. // История повседневности. 2016. № 2. С. 26–32.

¹⁰ *Барышников М.Н.* Женщина в структуре российского предпринимательства в начале XX в. // Факты и версии. СПб.: Имисп, 2001. Кн. 2.; *Мельников М.В.* Женское предпринимательство в период социально-экономических трансформаций: опыт второй половины XIX начала XX в. // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2012. № 3. С. 46–51; *Юрина Н.В.* Женское предпринимательство в провинциальных городах (вторая половина XIX – начало XX в.) // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв.: материалы международной конференции (май 2002 г.). Тамбов: ТГУ, 2002.

¹¹ *Вахромеева О.Б.* Женщина в системе трудовых ресурсов в России на рубеже XIX–XX вв. СПб.: Знаменитые универсанты, 2009. *Она же.* Положение петербургских фабричных работниц в конце XIX – начале XX в.: социально-экономический аспект (по материалам ЦГИА СПб) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2009. Вып. 1. С. 101–106; *Она же.* Особенности фабричного труда женщин в Санкт-Петербурге на рубеже XIX–XX вв. // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. Всеобщая история. 2011. № 5. С. 42–64.

¹² *Ворошилова С.В.* Правовая политика России в XIX – начале XX в. по привлечению женщин к государственной службе // Правовая политика и правовая жизнь. Саратов; М.: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2011. № 2. С. 89–95; *Синова И.В.* Профессиональная занятость горожанок во второй половине XIX – начале XX вв.: от предпринимательства к государственной службе // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных про-

Среди работ зарубежных авторов, затрагивающих трудовую деятельность женщин на рубеже XIX–XX вв., интерес представляют публикации, связанные с изучением социальной истории России в целом, отдельных сословий, гендерных проблем и истории семьи¹³.

В качестве источников при проведении исследования выступили документы, хранящиеся в Российском государственном архиве Военно-Морского флота в фондах Главного Военно-Морского судного управления Морского министерства (Ф. 407), Канцелярии Морского министерства (Ф. 410), Главного Морского штаба (Ф. 417), Инспекторского департамента Морского министерства, Инспекторского департамента Главного Морского штаба Е.И.В. (Ф. 283), Севастопольского порта (Ф. 920). При этом документы Морского министерства практически не были еще востребованы исследователями при проведении гендерных исследований. Автором использовались также материалы радикальной периодической печати, в частности, журнала «Женский вестник», на страницах которого регулярно обсуждались условия труда, нарушение прав женщин в России и другие вопросы.

Законодательное регулирование вопросов трудовой занятости женщин

Во второй половине XIX в., несмотря на модернизационные изменения, происходившие в российском обществе, у значительной части населения продолжал сохраняться патриархальный взгляд на традиционные роли и ценности семьи, в которой женщины должны были оставаться хранительницами домашнего очага, а не формироваться как самостоятельная, самодостаточная и активная личность.

Прогрессивная общественность и сами женщины заявляли о необходимости и готовности к отстаиванию равных с мужчинами прав на освоение профессии и труд. В условиях промышленного кризиса начала 1880-х гг. произошел пересмотр российского законодательства о труде. 3 июня 1885 г. вышел закон о воспрещении ночной работы подросткам и женщинам на некоторых производствах. В целом, в период с 1882 по 1903 гг. в России было создано фабрично-заводское законодательство, отразившее первые попытки регламентировать на государственном уровне отношения между работниками и промышленниками. При этом отсутствовало законодательное регулирование женского труда, в первую очередь в таких сферах, как предпринимательство, политика и государственная служба. Ускоренные темпы развития экономики страны, особенно в период промышленного кризиса на рубеже XIX–XX вв., способствовали увеличению спроса на дешевый женский труд, что приводило к снижению и без того низкой заработной платы работниц.

цессах урбанизации XIV–XXI веков Материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. Нижний Новгород. 2018. С. 20–22.

¹³ L. Edmondson, “Women’s rights, gender and citizenship in tsarist Russia, 1860–1920: the question of difference,” in *Women’s Rights and Human Rights: International Historical Perspective* (Houndmills; Basingstoke; Hampshire: Palgrave, 2001), 153–167; T. Fedor, *Patterns of Urban Growth in the Russian Empire during the Nineteenth Century* (Chicago, 1975); B.A. Engle, *Between the Fields and the City. Women, Work and Family in Russia, 1861–1914* (Cambridge, 1994); R. Stites, *The Women’s Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930* (Princeton, 1978).

Вопрос о допуске женщин на государственную службу впервые был поднят в 1864 г. главноуправляющим путями сообщения и публичными зданиями инженером-генералом Мельниковым, который с учетом опыта Англии, Швеции и Швейцарии и «встречая затруднения в приискании для Финляндии телеграфистов, владеющих немецким и французским языками... представил комитету министров предположение о дозволении в виде опыта в течение трех лет допускать в Финляндии женщин на должности телеграфистов»¹⁴.

20 ноября 1864 г. император Александр II собственноручно написал: «Полагаю, что со временем можно было бы допустить женщин и в Империи»¹⁵, и в 1865 г. мера, принятая для Финляндии, была распространена в виде опыта и на телеграфные управления по всей стране. Успех этого опыта побудил министра внутренних дел внести в Комитет Министров ходатайство о распространении этой меры и на почтовое ведомство империи, но оно было отклонено из-за необходимости законодательного регулирования данного вопроса.

Но прошло еще несколько лет, прежде чем в июле 1869 г. Александр II внес вопрос о замещении должностей телеграфистов и сигнальщиков женщинами на постоянной основе на обсуждение Государственного Совета, который и рассмотрел его в 1870 г.¹⁶

Женщин допустили на должности по бухгалтерской части. Было решено, что условия, «на которых лицам женского пола могут быть предоставляемы известного рода должности, в главных основаниях должны быть одинаковы для всех частей управления, в коих возможен женский труд»¹⁷.

На заседании Комитета Министров в декабре 1870 г. министр внутренних дел словесно объяснил, что внесение общих соображений в Государственный совет «останавливается за недоставлением некоторыми Министрами затребованных от них сведений»¹⁸.

Начиная с 1871 г. женщинам была разрешена служба в общественных и правительственных учреждениях. «Государь император, признав необходимым положительно определить круг полезной для государства и общества служебной деятельности лиц женского пола, 14 минувшего Января высочайше повелеть соизволил: 1. Всеми мерами содействовать распространению и преуспеянию правильно устроенных, отдельных для женщин курсов акушерских наук и к привлечению на оные как можно более слушательниц, для того, чтобы дать возможность наибольшему числу женщин приискать себе акушерские занятия во всех частях государства, столь скудно еще наделенных представительницами этой необходимой отрасли... 3. Поощрять женщин на поприще воспитательном... 4. Допускать женщин: а) телеграфному ведомству к занятию мест сигнальщиков и телеграфистов

¹⁴ Российский государственный архив Военно-Морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 410. Оп. 2. Д. 2903. Л. 73.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 73 об.

¹⁸ Там же.

лишь в определенной МВД пропорции общего числа этих должностей, и б) по счетной части и в женских заведениях ведомства IV отделения СЕИВК...»¹⁹.

Вместе с тем законодательство из-за своей новизны отличалось противоречивостью и двусмысленностью формулировок, что приводило к необходимости длительных бюрократических разъяснений и обращению в вышестоящие инстанции и даже за особым разрешением императора, особенно при внимательном изучении его профессионалами или чиновниками, не решавшимися брать на себя какую-либо ответственность.

В письме от 2 мая 1897 г. в Главный Морской штаб от начальника счетного отдела Главного управления кораблестроения и снабжения Н. Симакина говорится: «В виду статьи 156 тома III Свода Законов, Устава о службе гражданской изданного в 1896 г., бухгалтером Бакинского порта возбужден был вопрос о том, могут ли женщины служить в портовой бухгалтерии в качестве конторщиков по вольному найму. По сделанному по этому вопросу сношении с юрисконсультком Морского Министерства, помощник юрисконсультанта Надворный Советник Радкович сообщил, что по точному смыслу закона, женщины не могут быть принимаемы на службу в портовые бухгалтерии до испрошения чрез Комитет Министров на основании п. 2 статьи 25 Учр. Ком Министров, изд. 1892 г., особаго на то Высочайшего разрешения»²⁰. Таким образом, в соответствии с новым законодательством предусматривалось рассмотрение индивидуальных обращений о приеме на государственную службу.

В решении Комитета Министров, принятого 7 октября 1897 г., говорилось: «Допустить в учреждениях Морского министерства лиц женского пола к занятиям по счетной и письменной частям исключительно по вольному найму, без предоставления им каких-либо прав и преимуществ государственною службою приобретаемых, а равно права на замещение штатных должностей»²¹. 19 октября 1897 г. Император Высочайше утвердил положение Комитета. В соответствии с ним в случае приема на действительную службу на данные должности женщины пользовались бы правами по чинопроизводству X класса и по пенсии VII разряда. Но несовершенство законодательства случайное или умышленное не позволяли это делать.

По закону 1 мая 1914 г. (Собрание Узаконений Ст. 1283) женщины могли быть «определяемы с правами государственной службы на должности до 8 класса включительно во всех учреждениях Государственного Контроля. Соответствующие законоположения состоялись в отношении учреждений государственного Банка, Управления Государственных Сберегательных Касс и подведомственных им учреждений, по ведомству казенных палат, по Министерству Торговли и Промышленности, по главному Управлению Почт и Телеграфов, по Министерству путей сообщения, по ведомству Православного вероисповедания, по Главному управлению Здравоохранения и по Министерству Юстиции»²².

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 1006. Л. 1.

²⁰ Там же. Ф. 417. Оп. 6. Д. 136. Л. 1.

²¹ Там же. Л. 6.

²² Там же. Ф. 410. Оп. 3. Д. 2830. Л. 11–11 об.

Только в феврале 1917 г. Морскому министерству было предложено определить условия допущения лиц женского пола к занятию низших должностей по Морскому ведомству с предоставлением им прав государственной службы²³. В ответ на это Главный морской штаб представил на рассмотрение Адмиралтейств Совета представление, в котором говорилось: «Определяемые на государственную службу лица женского пола пользуются одинаковыми с занимающими соответствующие должности лицами мужского пола служебными правами и преимуществами, за исключением прав на производство в чины и на награждение орденами, причем на них возлагаются одинаковые с лицами мужского пола по службе обязанности и ответственность»²⁴. Таким образом, как видим, активистам борьбы за права женщин удавалось добиваться не радикальных изменений, а постепенных, незначительных уступок со стороны власти.

Практическое привлечение женщин на службу в Морское министерство

Практика Морского министерства является весьма показательной для характеристики процесса привлечения женщин на государственную службу. Документы, хранящиеся в Российском государственном архиве Военно-Морского флота, свидетельствуют, что с присущей военным организованностью и исполнительской дисциплиной распоряжения относительно привлечения женщин выполнялись оперативно, так как никто не мог открыто препятствовать их реализации. Руководителям подразделений было «предоставлено право определить, в какие именно из учреждений, в каком количестве и для исполнения каких работ могут быть женщины допущены»²⁵.

В соответствии с приказом по Морскому ведомству от 20 февраля 1898 г., подписанным Управляющим Морским министерством вице-адмиралом П. Тыртовым, было признано возможным «допускать женщин только к исполнению обязанностей конторщиков и писцов, в числе не более 10 % общего числа их»²⁶. Уже сама такая постановка вопроса свидетельствует не просто о формальном подходе к реализации закона, но и о создании бюрократических препятствий. Некоторые командиры, исходя не только из объективных факторов, но и из собственной субъективной позиции, способствовали ограничению приема женщин на службу как по численности, так и по условиям труда и заработной платы.

Весьма показательным является отношение руководителей подразделений Морского министерства в ответных письмах по вопросу о количестве привлечения женщин и должностях, на которых они могут работать. В них также порой демонстрируется личное отношение мужчин-чиновников к самому факту, что рядом будут трудиться женщины.

Главный командир Кронштадтского порта докладывает в главный Морской штаб о возможности принять на службу женщин. Из десяти подразделений порта

²³ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 3. Д. 2830. Л. 11.

²⁴ Там же. Л. 11 об.

²⁵ Там же. Ф. 417. Оп. 6. Д. 136. Л. 55.

²⁶ Там же.

только пять готовы принять лиц женского пола в количестве всего 20 человек. Одно подразделение сообщает об отсутствии штатных единиц, а четыре информируют о том, что «допущение женщин не желательно» (среди них – канцелярия Прокурора, Морское техническое училище Императора Николая I, морская астрономическая и компасная обсерватория, архив Кронштадтского порта)²⁷. Военно-морской прокурор Н. Матвиенко объясняет, что «по роду дела составляющих предмет занятий чинов военно-морского прокурорского надзора допущение женщин к участию в этих занятиях, хотя бы лишь и в качестве вольнонаемных писцов, представляется ... не желательным»²⁸. Какие-либо аргументы по этому поводу и объяснения отсутствуют, но их никто и не требовал.

Главный командир Черноморского флота и портов Черного моря 27 ноября 1897 г. уведомил Главный Морской штаб о том, что женщины могут быть допущены во вверенные ему учреждения «по вольному найму к переписке бумаг, бухгалтерии, а также маячными служащими на береговых маяках из состава семейства служащих». Далее он добавляет: «Причем я полагал бы определять женщин в самом ограниченном числе, не более 10 % от числа мужчин и исключительно для занятий по переписке бумаг, счетной части и маячными служащими»²⁹. Руководители подразделений Морского министерства проявляли единодушие по вопросу о численном составе женщин на службе и за редким исключением о должностях, которые они могли занимать.

Главный военно-морской прокурор 7 января 1898 г. проинформировал об отсутствии штатных единиц, а следовательно, о невозможности принять женщин на службу. Он пишет: «...Имею честь уведомить Главный морской штаб, что, по моему мнению, женщины могли бы быть допущены к занятиям в канцеляриях морского судного управления и Военно-морских судебных учреждений лишь по переписке бумаг, если бы в таковых канцеляриях оказались свободными вакансии служащих по вольному найму писцов»³⁰. По форме это был фактический отказ, только обличенный в объективную причину.

В некоторых подразделениях Морского министерства, наоборот, видели преимущества в службе женщин. Командир Севастопольского порта считал, что «женский персонал является большею помощью для скудных канцелярских средств Портовой конторы, которая при недостаточной писцовой сумме, если бы ограничивалась писцами-мужчинами, обыкновенно получающими в месяц жалованья до 30 руб. и более, была бы поставлена в крайнее затруднение, из которого дают некоторый выход занимающиеся перепиской женщины, т.к. последние, имея сравнительно высший образовательный ценз, довольствуются меньшею платою, что дает возможность усилить численный состав рабочей силы»³¹. Факты неравной оплаты за одинаковый труд мужчин и женщин даже на государственной службе не скрывали и считали вполне закономерной подобную ситуацию.

²⁷ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 136. Л. 30.

²⁸ Там же. Л. 36 об.

²⁹ Там же. Ф. 920. Оп. 5. Д. 428. Л. 10.

³⁰ Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 2178. Л. 47.

³¹ Там же. Ф. 920. Оп. 5. Д. 428. Л. 6.

В деле, хранящемся в архиве ВМФ, содержится письмо начальника штаба Кронштадтского порта контр-адмирала Веселаго от 29 декабря 1897 г., который следующим образом пытается объяснить Морскому министру причину ограничения приема на службу женщин: «Во вверенном мне Штабе имеются вольнонаемные только писцы, которые наравне с писарями несут суточное дежурство в Штабе по роду своих обязанностей, имеют соприкосновение почти исключительно с нижними чинами, являющимися в Штаб иногда и в нетрезвом виде, а потому допущение женщин на обязанности писцов считаю невозможным. Во вверенный мне Штаб может быть допущена на службу одна женщина, для печатания на пишущей машинке Ремингтона. Но за неимением средств и таковую принять на службу невозможно»³². Поскольку все правовые акты, связанные с допущением женщин на государственную службу, носили даже не рекомендательный, а разрешительный характер, то каждый мужчина-руководитель стремился максимально оградить себя от возможных проблем, которые могли возникнуть.

Изменения в кадровом составе государственных служащих по гендерному признаку повлекло за собой необходимость создания бытовых условий для работы женщин. Контр-адмирал, капитан над Кронштадтским портом в докладе от 23 декабря 1897 г. обращает внимание на то, что «при поступлении к занятиям на указанные обязанности женщин, придется устроить особое для них помещение: дамская уборная, как при портовой конторе, так и в Пароходном заводе»³³.

Отзывы от руководителей подразделений на службу женщин были исключительно положительные. В частности, дирекция маяков и лоции Черного и Азовского морей в письме в штаб Черноморского флота от 22 ноября 1897 г. отмечала, что в канцелярии «для переписки бумаг на скоропишущих машинах допущено два лица женского пола, кои исполняют свои обязанности весьма добросовестно и успешно»³⁴, и одновременно сообщалось, что «кроме того на маяках... лица женского пола, допускаются к исполнению обязанностей маячных жителей по вольному найму, но исключительно из состава семейств прочих служащих, при чем замечается, что содержание осветительных аппаратов на таких маяках отличается особою чистотою и исправностью»³⁵. В документе министерства отмечалось, что «многолетний опыт применения женского труда как по морскому ведомству, так и по другим ведомствам свидетельствует, что во многих областях правительственной службы труд этот представляется весьма полезным»³⁶. Немаловажное значение для расширения сфер труда играло «добросовестное отношение женщин к своему делу, их трудолюбие, трезвость и порядочность»³⁷.

Были и другие мнения «относительно пользы для самой службы от участия в ней женщин», которая считалась «весьма незначительной»³⁸. Все же суще-

³² РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 6. Д. 136. Л. 32.

³³ Там же. Л. 33 об.

³⁴ Там же. Ф. 920. Оп. 5. Д. 428. Л. 8.

³⁵ Там же. Л. 8 об.

³⁶ Там же. Ф. 410. Оп. 3. Д. 2830. Л. 11.

³⁷ *Покровская М.И.* Женский труд // Женский вестник. 1904. № 4. С. 114.

³⁸ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2903. Л. 75 об.

ственным препятствием оставалось отсутствие закрепленных на законодательном уровне прав для женщин государственных служащих и основ пенсионного обеспечения, что являлось одной из форм дискриминации по половому признаку, так в полном объеме и не искорененной до 1917 г.

Весьма показательным в этом смысле является письмо Главного начальника III Отделения Собственной Его Величества Канцелярии, генерал-адъютанта графа П.А. Шувалова, в котором высказана его позиция не только как чиновника высокого ранга, но и как мужчины, придерживавшегося патриархально-консервативных взглядов в отношении положения женщины в обществе. Шувалов в этом вопросе посчитал необходимым разграничить две стороны: «1. Влияние (хорошее или дурное), которое поступление женщины на государственную службу будет иметь на домашнюю жизнь нашего общества, на семью и на ее самую. 2. Степень необходимости для самой службы в привлечении к ней лиц женского пола»³⁹.

Дискуссия в печати по этому вопросу автором рассматривается как «искусственная агитация», успевшая «увлечь за собою многих женщин, которые начали просить о допущении их к прохождению курсов в высших учебных заведениях, требовать женских университетов, наконец, прав государственной службы»⁴⁰. Шувалов пишет, что имеет место «постоянно увеличивающееся между женщинами домогательство мест и должностей, занимаемых до сих пор исключительно мужчинами»⁴¹.

Уже употребление в данном контексте слова «домогательство» свидетельствует об устоявшейся негативной позиции чиновника. При этом он допускает возможность того, что, «если правительство намерено заместить известные должности женщинами, то следует предоставить им возможность, действительно, приготовиться к этому непривычному для них поприщу; если же оно не имеет такого намерения, то жаль было бы оставить женщин в неведении, при котором многие из них, посвятив себя на достижение каких-то неопределенных идеалов, не могли бы свыкнуться с обыкновенными скромными занятиями и погибли бы для честной жизни и труда»⁴². Чиновник подчеркивает, что стремление женщин к государственной службе является «непривычным для них поприщем» и ведет к «достижению неопределенных идеалов».

При этом сравнение целей и методов борьбы женщин за равноправие в России и за рубежом делается графом Шуваловым явно ни в пользу соотечественниц и отличается откровенным неуважением и даже цинизмом: «Передовые женщины других государств старались выбиться из подавляющей всевластности мужчины, желали соперничать умом и образованием с профессорской кафедрой или клинического амфитеатра, добивались народного представительства, права голоса в делах государственных и т.д. Наша же, так называемая, передовая женщина мечтает только о том, чтобы иметь возможность отвергать все уважаемое, не признавать

³⁹ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2903. Л. 74.

⁴⁰ Там же. Л. 74 об.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

ни законов, ни церкви, вести жизнь безнравственную, говоря, что слово нравственность изобретено деспотизмом мужчин. При полнейшем собственном невежестве, отбросив всякую скромность они открыто провозглашают о своей независимости, обширности взгляда на условия жизни, возможности и умения бороться со всем тем, что признано людьми святым и незабываемым»⁴³. Причины чиновник видел в нигилизме, присущем российским женщинам, результатом чего, по его мнению, стало одновременно и «невежество», и отсутствие «скромности».

И уж совсем патриархально звучит из уст государственного чиновника вопрос о предназначении женщины в обществе: «Выйти замуж, быть супругой, матерью и воспитательницей своих детей»⁴⁴, а ограниченный доступ женщин к государственной службе представляется как благо, иначе «жены, являющиеся просить дозволение жить отдельно от жестоких мужей, указывают, как на возможность существовать без помощи мужей, что им обещано место. Весьма вероятно, что часть этих жен не помышляла бы оставлять свою семью, не имея в виду этого нового поприща»⁴⁵.

Главным аргументом ограничения доступа женщины к правительственным должностям было, по мнению генерал-адъютанта П.А. Шувалова, их «вредное влияние, как на замужних женщин, так и на девиц». «Может ли быть хорошею матерью и доброю хозяйкою та женщина, – задавал вопрос граф Шувалов, – которая станет проводить половину дня в канцелярии, или конторе, наполненной мужчинами, где непременно образуются известные связи и породится деморализация? Домашний очаг и воспитание детей сделаются для подобной матери предметами второстепенными и будущие поколения ощутят на себе весь вред такого извращенного направления обязанностей женщины. Самые ревностные защитники женского труда, приискивая разные средства к улучшению быта и положения женщин, работниц, – добиваются, как необходимого условия, чтоб женщина работала дома среди семьи, а не в мастерской, которая всегда и везде имеет самое растлевающее действие на нравственность и самое губительное влияние на состояние семьи»⁴⁶.

Поступление женщины на государственную службу, по мнению Шувалова, могло «возбудить постоянные семейные раздоры из-за супружеской зависимости»; породить «случай, когда муж будет требовать присутствие жены дома, а жена в оправдание своего отсутствия, станет приводить – служебные обязанности, отчего пострадают или семейные отношения, или польза службы»⁴⁷.

П.А. Шувалов всячески продвигал мысль о том, что разрешение занимать женщинам «места, предоставленные исключительно мужчинам, непременно должно отозваться вредными последствиями как на самих женщинах, так и в особенности на их семействах»⁴⁸. Поэтому часть чиновников считали, что «женский труд незаменим именно в должностях воспитательниц детей и повивальных

⁴³ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2903. Л. 75.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Л. 75 об.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Л. 76.

бабок, чувствуется совершенный недостаток, доходящий почти до размеров общественного бедствия; поэтому правительству гораздо полезнее употребить свое старание на возможное привлечение женщин к занятиям, вполне соответствующим как их полу, так и их назначению»⁴⁹.

Такова была официальная позиция правительства, поэтому широкая программа, направленная на гендерное равенство в обществе, даже не рассматривалась. Использование труда женщин на государственной службе или в другой сфере, требовавшей достаточной квалификации, происходило часто через преодоление бюрократических препятствий и формальностей.

В 1898 г. было Высочайше утверждено мнение Государственного Совета о даровании прав государственной службы женщинам-врачам, «окончившим образование на упраздненных курсах при Николаевском военном госпитале, а также выдержавшим испытание при российских университетах и военно-медицинской академии»⁵⁰. В постановлении отмечалось: «1. Женщины-врачи, занимающие медицинские должности, пользуются всеми, за исключением производства в чины, разряда по шитью на мундир и награждения орденами, правами государственной службы, предоставленными этими должностями по своду уставов о службе гражданской, врачам-мужчинам, с соблюдением нижеследующих особых правил. 2. Прогонные и подъемные деньги, производимые соответственно чину, в коем состоит должностное лицо, назначаются женщинам-врачам по чину, соответствующему классу занимаемой должности. 3. Пенсии, приобретенные женщинами-врачами лично службою, не прекращаются выходом в замужество. 4. Дети женщин-врачей пользуются правом на пенсии и единовременные пособия при условии круглого сиротства или если им за службу отца таковых выданы не следует. 5. Осиротевшим детям женщины-врача, отец и мать коих оба выслужили право на пенсию, присваиваются определенные по закону, части из сих двух пенсий»⁵¹. При этом дискриминационными оставались ограничения по производству женщин в чины и поощрениям за заслуги.

На практике привлечение женщин в качестве врачей на службу в госпитали происходило скорее в виде исключения, чем являлось нормой, и часто было сопряжено с длительной бюрократической волокитой. Показательным примером являются вопросы согласования порядка производства, размера содержания, определения прав на пенсию врача Анастасии Вержбицкой. Переписка велась между Морским министерством, Министерством финансов, Правительствующим Сенатом, Государственным советом, морским министром вице-адмиралом И.К. Григоровичем.

В письме морского министра вице-адмирала И.К. Григоровича от 14 августа 1911 г. говорится: «В Николаевском морском госпитале, в Кронштадте из общего состава больных около 1000 человек имеется, обыкновенно, от 150 до 300 женщин и детей, при чем больные женщины преимущественно гражданского ведомства. Для обслуживания этого отделения назначаются ординаторы из морских врачей.

⁴⁹ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2903. Л. 76.

⁵⁰ Там же. Оп. 3. Д. 857. Л. 3.

⁵¹ Там же. Л. 3–3 об.

В виду значительного числа больных женщин является необходимостью отвлекать врачей от службы в других отделениях, где занятия непосредственно связаны с подготовкой к военно-морскому медицинскому делу, а потому всеподданнейше испрашиваю соизволения Вашего императорского Величества о назначении для исполнения обязанностей ординатора в женском отделении Николаевского морского госпиталя в Кронштадт женщину-врача на вакансию младшего ординатора с присвоенным этой должности содержанием»⁵².

Решение по такому вопросу принималось на уровне императора, а соответственно переписка и согласования продолжались месяцами или даже годами, особенно если имелись разногласия, прежде всего, касавшиеся жалования и пенсионного обеспечения. В данном случае министр финансов настаивал на «начислении пенсии не по-военному, а по общему законодательству», но Сенат его не поддержал⁵³.

Определение Правительствующего Сената последовало 5 июня 1912 г. о том, что «врачи-женщины, занимающие медицинские должности, пользуются в отношении пенсий и единовременных пособий, правами, предоставляемыми этими должностями врачам-мужчинам»⁵⁴. Указ Николая II морскому министру датируется 30 апреля 1913 г.⁵⁵

Выводы

На рубеже XIX–XX вв. в российском обществе шла активная борьба за женское равноправие. Ее результатом были отдельные уступки со стороны властей в вопросе расширения доступа женщин на должности в ряде сфер, включая государственную службу, которая нуждалась в квалифицированных кадрах. При этом законодательно сохранялись дискриминационные ограничения по производству в чины и поощрению женщин, занятых на государственной службе.

Руководители подразделений Морского министерства проявляли единодушие по вопросу о численном составе женщин на службе, который не должен превышать 10–15 %, и ограничивали должности, которые они могли занимать при достаточно высоких требованиях к образовательному уровню. Аргументы мужчин-руководителей подразделений Морского министерства, связанные с влиянием трудовой деятельности женщин на домашнюю жизнь, на семью и на нее саму отличались в большей степени обывательскими оценками, а не прогрессивными взглядами.

В целом, результатом борьбы за права женщин в Российской империи были некоторые уступки со стороны власти, связанные с расширением женщинам доступа к замещению отдельных должностей в ряде сфер, включая государственную службу, которые испытывали в условиях интенсивного буржуазного развития потребность в кадрах соответствующей квалификации. Сделанные уступки были обусловлены также изменениями в социальной по-

⁵² РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 3. Д. 857. Л. 5.

⁵³ Там же. Л. 18.

⁵⁴ Там же. Л. 35.

⁵⁵ Там же. Л. 38.

литике государства на рубеже XIX–XX вв., которые, в свою очередь, привели к трансформации социально-экономического положения женщины в российском обществе.

© Синова И.В., 2019
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Рукопись поступила: 15 февраля 2019 г.

Submitted: 15 February 2019

Библиографический список

- Балобанов М.* Женский и детский труд (Текстильщик: история, быт, борьба). М.: Экономическая жизнь, 1925.
- Барышников М.Н.* Женщина в структуре российского предпринимательства в начале XX в. // Факты и версии. СПб.: Имисп, 2001. С. 51–64.
- Браун Л.* Женский вопрос: его историческое развитие и его экономическая сторона. М.: Госиздат, 1922.
- Быков А.Н.* Фабричное законодательство и развитие его в России. СПб.: Правда, 1909.
- Вахромеева О.Б.* Женщина в системе трудовых ресурсов в России на рубеже XIX–XX вв. СПб.: Знаменитые универсанты, 2009.
- Вахромеева О.Б.* Положение петербургских фабричных работниц в конце XIX – начале XX в.: социально-экономический аспект (по материалам ЦГИА СПб) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. № 1. С. 101–106.
- Вахромеева О.Б.* Особенности фабричного труда женщин в Санкт-Петербурге на рубеже XIX–XX вв. // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. Всеобщая история. 2011. № 5. С. 42–64.
- Ворошилова С.В.* Законодательное регулирование женского фабричного труда в России и Западной Европе в XIX–начале XX века // Вестник Саратовской государственной юридической академии. Государство и право. Юридические науки. 2012. № 2. С. 24–30.
- Вернадская М.Н.* Женский труд // Экономический указатель. 1858. № 8. С. 98–102.
- Вернадская М.Н.* Аристократический труд. Еще раз о женском труде. Свобода выбора труда // Собрание сочинений покойной М.Н. Вернадской, урожденной Шигаевой. СПб.: Департамент уделов, 1862. С. 94–146.
- Веремко В.А.* Домашняя прислуга в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. История. Исторические науки. 2013. Т. 4. № 1. С. 181–192.
- Ворошилова С.В.* Правовая политика России в XIX – начале XX в. по привлечению женщин к государственной службе // Правовая политика и правовая жизнь. Саратов; М.: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2011. № 2. С. 89–95.
- Джанишев Г.А.* «Бабы стоны» и новое уложение // Журнал гражданского и уголовного права. 1883. № 3. С. 52–66.
- Дементьев Е.М.* Женский фабричный труд в России // Промышленность и здоровье. 1903. № 3. С. 7–8.
- Иванов Л.М.* Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. М.: Наука, 1966.
- Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. СПб.: Знание, 1909.
- Кирьянов Ю.И., Волин М.С.* Рабочий класс России от зарождения до начала XX века. М.: Наука, 1989.
- Куделли П.Ф.* Работница в 1905 г. в Петербурге. Л.: Прибой, 1926.
- Литвинов-Фалинский В.П.* Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1900.

- Луц М.Г. Из истории фабричного законодательства, фабричной инспекции и рабочего движения в России: сборник статей. М.: Печатное дело, 1909.
- Мельников М.В. Женское предпринимательство в период социально-экономических трансформаций: опыт второй половины XIX – начала XX в. // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2012. № 3. С. 46–51.
- Покровская М.И. Женский труд в России // Женский вестник. 1913. № 7–10. С. 113–115.
- Покровская М.И. Женский труд в России: фабрично-заводская работница // Женский вестник. 1913. № 7–10. С. 155–160, 178–182, 203–209.
- Покровская М.И. Женский труд в России: приказчицы // Женский вестник. 1914. № 3. С. 79–83.
- Покровская М.И. Женский труд в России: прислуга // Женский вестник. 1914. № 1. С. 11–14.
- Покровская М.И. Женский труд // Женский вестник. 1904. № 4. С. 114.
- Полянский А. Русская женщина на государственной и общественной службе. Сборник постановлений и распоряжений правительства, определяющих права и обязанности русских женщин по службе, с приложением уставов и положений казенных и частных вспомогательных касс и обществ, услугами которых может пользоваться женщина. М.: Изд. С. Скирмунта, 1901.
- Рашин А.Г. Формирование рабочего класса в России: историко-экономические очерки. М.: Экономическая литература, 1958.
- Сачук Т. В. Рынок труда в России последней трети XIX – начале XX в. СПб.: [Б.и.], 1998.
- Северцева О.В. Социальная защита работниц промышленных предприятий Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в. как один из аспектов женской истории повседневности // Самарский научный вестник. История. Исторические науки. 2018. Т. 7. № 3. С. 287–293.
- Северцева О.В. Образование, воспитание и мечты женщин-работниц фабрик и заводов Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в. // История повседневности. 2016. № 2. С. 26–32.
- Синова И.В. Профессиональная занятость горожанок во второй половине XIX – начале XX вв.: от предпринимательства к государственной службе // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах урбанизации XIV–XXI веков. Материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. Нижний Новгород: ИЭА РАН, 2018. С. 20–22.
- Столянский П.Н. Жизнь и быт Петербургской фабрики за 240 лет ее существования, 1704–1914 гг. Л.: Издательство Ленинградских губернских советских профессиональных союзов, 1925.
- Ташбекова И.Ю. Правовое положение женщины, занятой трудом в промышленной сфере в России в конце XIX века // Право и политика. 2008. № 10. С. 2524–2528.
- Ташбекова И.Ю.. Правовые основы трудовой деятельности женщин Российской Империи конца XIX века // Актуальные проблемы российского законодательства. 2009. № 1. С. 44–50.
- Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем: историко-экономическое исследование. СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1898.
- Тютрюмов Р. Фабричное законодательство в России. М.: Польза, 1908.
- Щеглов В.Н. Женщина-телеграфист в России и за границей. СПб.: Тип. т-ва Общественная Польза, 1894.
- Юрина, Н.В. Женское предпринимательство в провинциальных городах (вторая половина XIX – начало XX в.) // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII – XX вв.: материалы международной конференции (май 2002 г.). Тамбов: ТГУ, 2002.
- Янжул И.И. Детский и женский фабричный труд в Англии и России: общее санитарное состояние промышленных заведений // Отечественные записки. 1880. № 3. С. 97–126.
- Янжул И.И.. Женщины-матери на фабриках. Очерки и исследования. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1884.
- Ярмонова Е.Н. Формирование трудовой дееспособности женщин (конец XIX – начало XX века) // Юридическая наука. 2013. № 2. С. 6–8.
- Edmondson L. Women's rights, gender and citizenship in tsarist Russia, 1860–1920: the question of difference // Women's Rights and Human Rights: International Historical Perspective. Houndmills; Basingstoke; Hampshire: Palgrave, 2001. P. 153–167.

- Engle B.A. *Between the Fields and the City. Women, Work and Family in Russia, 1861–1914*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Fedor T. *Patterns of Urban Growth in the Russian Empire during the Nineteenth Century*. Chicago: University of Chicago, 1975.
- Stites R. *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930*. Princeton: Princeton University Press, 1978.

References

- Balobanov, M. *Zhenskiy i detskiy trud (Tekstil'shchik: istoriya, byt, bor'ba)*. Moscow: Ekonomicheskaya zhizn' Publ., 1925 (in Russian).
- Baryshnikov, M.N. "Zhenshchina v structure rossiyskogo predprinimatel'stva v nachale XX v." *Fakty i versii. Historical and cultural anthology. Research and materials*. St. Petersburg: Imisp Publ., 2001 (in Russian).
- Braun, L. *Zhenskiy vopros: ego istoricheskoe razvitiye i ego ekonomicheskaya storona*. Moscow: Gos. izd-vo Publ., 1922 (in Russian).
- Bykov, A.N. *Fabrichnoye zakonodatel'stvo i razvitiye ego v Rossii*. St. Petersburg: Pravda Press Publ., 1909 (in Russian).
- Dement'ev, E.M. "Zhenskiy fabrichnyy trud v Rossii." *Promyshlennost' i zdorov'e*, no. 3 (1903): 7–8 (in Russian).
- Dzhanshiev, G.A. "‘Bab'i stony' I novoe ulozhenie." *Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava*, 3 (1883): 52–66 (in Russian).
- Edmondson, L. "Women's rights, gender and citizenship in tsarist Russia, 1860–1920: the question of difference." In *Women's Rights and Human Rights: International Historical Perspectives*, 153–167. Houndmills; Basingstoke; Hampshire: Palgrave Publ., 2001.
- Engle, B.A. *Between the Fields and the City. Women, Work and Family in Russia, 1861–1914*. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 1994.
- Evstaf'ev, P. "Zhenshchina s fabriki (glavy iz istorii «Oktyabr'skoy fabriki», byvshei Sampson'evskoi manufakturny)." *Zvezda*, no. 2 (1936): 165–170 (in Russian).
- Fedor, T. *Patterns of Urban Growth in the Russian Empire during the Nineteenth Century*. Chicago: University of Chicago Publ., 1975.
- Ivanov, L.M. *Rabochiy klass i rabochee dvizheniye v Rossii. 1861–1917*. Moscow: Nauka Publ., 1966 (in Russian).
- Kollontay, A.M. *Social'nye osnovy zhenskogo prosa*. St. Petersburg: Znanie Publ., 1909 (in Russian).
- Kudelli, P.F. *Rabotnica v 1905 g. v Peterburge*. Leningrad: Priboy Publ., 1926 (in Russian).
- Kir'yanov, Yu, I., and Volin, M.S. *Rabochiy klass Rossii: ot zarozhdeniya do nachala XX veka*. Moscow: Nauka Publ., 1989 (in Russian).
- Litvinov-Falinskiy, V.P. *Fabrichnoye zakonodatel'stvo i fabrichnaya inspekciya v Rossii*. St. Petersburg: A.S. Suvorin Press Publ., 1900 (in Russian).
- Lunc, M.G. *Iz istorii fabrichnogo zakonodatel'stva, fabrichnoy inspekicii I rabochego dvizheniya v Rossii: sbornik statey*. Moscow: Pechatnoye delo Press Publ., 1909 (in Russian).
- Mel'nikov, M.V. "Zhenskoye predprinimatel'stvo v period social'no-ehkonomicheskikh transformatsiy: opyt vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv." *Vestnik NGTU im. R.E. Alekseeva. Seriya: Upravleniye v social'nykh sistemakh. Kommunikativnyye tekhnologii*, no. 3 (2012): 46–51 (in Russian).
- Rashin, A.G. *Formirovaniye rabochego klassa v Rossii: istoriko-ehkonomicheskie ocherki*. Moscow: Economic literature Publ., 1958 (in Russian).
- Rozova, K.L. *Istoriya perykh russkikh zhenshchin – vrachey*. Moscow: St. Petersburg University Publ., 1945 (in Russian).
- Sachuk, T.V. *Rynok truda v Rossii posledney treti XIX – nachale XX vv. Avtoferat dissertatsii*. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ., 1998 (in Russian).
- Severceva, O.V. "Education, training and dreams of women-workers of St. Petersburg factories and plants in second half XIX – early XX centuries." *History of Everyday Life*, no. 2 (2016): 26–32 (in Russian).

- Severceva, O.V. "Social'naya zashchita rabotnic promyshlennykh predpriyatiy Sankt-Peterburga vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. kak odin iz aspektov zhenskoy istorii povsednevnosti." *Samarskiy nauchnyy vestnik. Istoriya. Istoricheskie nauki*, no. 3 (2018): 287–293 (in Russian).
- Shcheglov, V.N. *Zhenshchina – telegrafist v Rossii i za granitsej*. St. Peterburg: Obshchestv. pol'za Press Publ., 1894 (in Russian).
- Sinova, I.V. "Professional'naya zanyatost' gorozhanok vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.: ot predprinimatel'stva k gosudarstvennoy sluzhbe." In *Gorozhanki I gorozhane v politicheskikh, ehkonomicheskikh i kul'turnykh processakh urbanizatsii XIV–XXI vekov. Materialy Odinnadcatoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, 20–22. Nizhniy Novgorod: RAIZHI; IEHA RAN Publ., 2018 (in Russian).
- Stites, R. *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930*. Princeton: Princeton University press Publ., 1978.
- Stolpyanskiy, P.N. *Zhizn' i byt Peterburgskoy fabрики za 240 let ee sushchestvovaniya, 1704–1914 gg.* Leningrad: Leningradskikh gubernskikh sovetetskikh professional'nykh soyuzov Publ., 1925 (in Russian).
- Tashbekova, I.Yu. "Pravovoe polozhenie zhenshchiny, zanyatoy trudom v promyshlennoy sfere v Rossii v konce XIX veka." *Pravo i politika*, no. 10 (2008): 2524–2528 (in Russian).
- Tashbekova, I.Yu. "Pravovye osnovy trudovoy deyatel'nosti zhenshchin Rossiyskou Imperii konca XIX veka." *Aktual'nye problem rossiyskogo zakonodatel'stva*, no. 1 (2009): 44–50 (in Russian).
- Tugan-Baranovskiy, M.I. *Russkaya fabrika v proshlom i nastoyashchem: istoriko-ekonomicheskoe issledovanie*. Vol. 1. St. Petersburg: L.F. Panteleev Press Publ., 1898 (in Russian).
- Tyutryumov, R. *Fabrichnoe zakonodatel'stvo v Rossii*. Moscow: Pol'za Publ., 1908 (in Russian).
- Vasil'eva, M.V. *Zhenskoe dvizhenie v Rossii v 60-h godakh XIX v.: avtoref. diss. kand. ist. nauk*. Moscow: [S.n.], 1951 (in Russian).
- Vahromeeva, O.B. *Zhenshchina v sisteme trudovykh resursov v Rossii na rubezhe XIX–XX vv.* St. Petersburg: Znamenitye universitety Publ., 2009 (in Russian).
- Vahromeeva, O.B. "Zhenshchiny-predprinimateli v Sankt-Peterburge na rubezhe XIX–XX vv." *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, no. 1 (2008): 68–73 (in Russian).
- Vahromeeva, O.B. "Polozhenie peterburgskikh fabrichnykh rabotnits v kontse XIX – nachale XX v.: social'no-ekonomicheskii aspekt (po materialam CGIA SPb)." *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, no. 1 (2009): 101–106 (in Russian).
- Vahromeeva, O.B. "Osobennosti fabrichnogo truda zhenshchin v Sankt-Peterburge na rubezhe XIX–XX vv." *Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vseobshchaya istoriya*, no. 5 (2011): 42–64 (in Russian).
- Veremenko, V.A. "Domashnyaya prisluga v dvoryanskikh sem'yah Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v." *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Istoriya. Istoricheskie nauki* 4, no. 1 (2013): 181–192 (in Russian).
- Vernadskaya, M.N. "Zhenskiy trud." *Ekonomicheskii ukazatel'*, no. 8 (1858): 98–102 (in Russian).
- Vernadskaya, M.N. "Aristokraticheskiy trud; Eshche raz o zhenskom trude; Svoboda vybora truda." In *Sobranie sochineniy pokoynoy M.N. Vernadskoy, urozhdennoy Shigaevoy*. St. Petersburg: Departament udelov Press Publ., 1862 (in Russian).
- Voroshilova, S.V. "Pravovaya politika Rossii v XIX – nachale XX v. po privlecheniyu zhenshchin k gosudarstvennoy sluzhbe." *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, no. 2 (2011): 89–95 (in Russian).
- Voroshilova, S.V. "Zakonodatel'noe regulirovanie zhenskogo fabrichnogo truda v Rossii I Zapadnoy Evrope v XIX – nachale XX veka." *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. Gosudarstvo i pravo. Yuridicheskie nauki*, no. 2 (2012): 24–30 (in Russian).
- Yurina, N. V. "Zhenskoe predprinimatel'stvo v provincial'nykh gorodakh (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)." *Social'naya istoriya rossiyskoy provintsii v kontekste modernizatsii agrarnogo obshchestva v XVIII – XX vv.: materialy mezhdunarodnoy konferentsii (mai 2002 g.)*. Tambov: TGU Publ., 2002 (in Russian).
- Yanzhul, I.I. "Detskiy i zhenskiy fabrichniy trud v Anglii i Rossii: obshchee sanitarnoe sostoyanie promyshlennykh zavedeniy." *Otechestvennye zapiski*, no. 3 (1880): 97–126 (in Russian).

Yanzhul, I.I. *Zhenshchiny-materi na fabrikah. Ocherki i issledovaniya*. Moscow: A.I. Mamontov & K^o Press Publ., 1884 (in Russian).

Yarmonova, E.N. “Formirovanie trudovoy deesposobnosti zhenshchin (konets XIX – nachalo XX veka).” *Yuridicheskaya nauka*, no. 2 (2013): 6–8 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Синова Ирина Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Член совета по истории Управления Федерального казначейства по Ленинградской области. Член Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ).

Irina V. Sinova, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of St. Petersburg State University of Economics. Member of the Council on the History of the Federal Treasury Department of the Leningrad Region. Member of the Russian Association of Female History Researchers (RAIZHI).

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-374-411>

Научная статья / Research article

«Труд как свобода, труд как бремя»: о ранних страницах женской занятости в России

О.М. Морозова^а, Т.И. Трошина^б, Е.А. Ялозина^с

^аДонской государственной технической университет;

344000, Россия, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1; olgafrost@gmail.com

^бСеверный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова;

163004, Россия, Архангельск, Набережная Северной Двины, 17;

Северный государственный медицинский университет;

163000, Россия, Архангельск, Троицкий пр-т, 51; tatr-arh@mail.ru

^сФинансовый университет при Правительстве Российской Федерации;

125993, Россия, Москва, Ленинградский просп., 49; EAYalozina@fa.ru

“Labor as freedom, labor as burden”: on the early period of women’s professional employment in Russia

Olga M. Morozova^а, Tatyana I. Troshina^б, Elena A. Yalozina^с

^аDon State Technical University;

1, pl. Gagarina, Rostov-on-Don, 344000, Russia; olgafrost@gmail.com

^бNorthern (Arctic) Federal University named after M. Lomonosov;

17, Severnaya Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163004, Russia;

Northern State Medical University;

51, Troitsky Ave., Arkhangelsk, 163000, Russia; tatr-arh@mail.ru

^сFinancial University under the Government of the Russian Federation;

49, Leningradsky Prospect, Moscow, 125993, Russia; EAYalozina@fa.ru

Аннотация: В данной статье авторы ставят целью показать процесс оформления типа российской работающей женщины, занятой в сферах, требующих умственного квалифицированного труда в период со второй половины XIX в. до 30-х гг. XX века. В России образованные женщины вошли в сферу общественно значимого труда во время Великих реформ. Пройденный с тех пор путь во многом объясняет положение работающей женщины в современной России, что актуализирует избранную авторами проблему исследования. Источниками для написания статьи стали делопроизводственные документы учреждений царского и советского времени, статистические сведения, материалы печати, мемуары. Среди факторов, повлиявших на формирование класса работающей россиянки в дореволюционный период, авторы выделяют общественное движение за развитие женского образования, появление специальных женских учебных заведений профессионального образования, земскую реформу, промышленную индустриализацию и, наконец, Первую мировую войну. В статье показаны изменения в характере занятости советской женщины после революции 1917 г. При этом авторы приходят к выводу о том, в 1920-е гг. не произошло коренных изменений в условиях быта, и в результате советская женщина-интеллигентка оказалась «бойцом двух фронтов» – трудового и бытового. В 1930-е гг. авторы фиксируют бурный рост женского участия во всех сферах народного хозяйства СССР, среди которых лидирующими стали здравоохранение, образование и работа в аппарате советских, партийных и хозяйственных органов. В результате в этот

период окончательно сформировались профессиональные черты трех основных групп советской работницы: женщины-врача, женщины-учителя и женщины-функционерки.

Ключевые слова: Женское профессиональное образование в России, женская занятость, женщины-медики, женщины-учителя, советские женщины

Благодарности: Статья написана в рамках исследования, поддержанного грантом Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-00-00814-КОМФИ (18-00-00813).

Для цитирования: Морозова О.М., Трошина Т.И., Ялозина Е.А. «Труд как свобода, труд как бремя»: о ранних страницах женской занятости в России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2019. Т. 18. № 2. С. 374–411. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-374-411>

Abstract: This article discusses the emergence of the Russian working woman employed in skilled labor from the second half 19th century until the 1930s. In Russia, educated women entered the sphere of socially significant labor during the Great Reforms. The subsequent development largely explains the position of the working woman in modern Russia – hence the topicality of the present paper. Sources for this article are record-keeping documents of tsarist and Soviet institutions, statistical information, press materials as well as memoirs. Among the factors that influenced the formation of the Russian female working class in the pre-revolutionary period were a social movement for the development of female education, the emergence of special vocational schools for women, the Zemstvo reforms, industrialization and, eventually, World War I. The article shows changes in the nature of the employment of women after the 1917 Revolution. The authors document the rapid growth of women’s participation in all spheres of the USSR’s national economy in the 1930s, in particular health care, education, and work in the apparatus of state, party and economic bodies. As a result, during this period the professional traits of the three main types of Soviet female workers were formed: the woman-doctor, the woman-teacher and the woman-functionary. At the same time, the authors come to the conclusion that Soviet rule brought no fundamental changes in the conditions of everyday life, so that the Soviet woman-intellectual turned out to be a “fighter of two fronts” – labor and domestic.

Keywords: Female vocational education in Russia, female employment, medical women, female teachers, Soviet women

For citation: : Morozova, Olga M., Troshina, Tatyana I., and Yalozina, Elena A. “ ‘Labor as freedom, labor as burden’: on the early period of women’s professional employment in Russia.” *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 2 (May 2019): 374–411. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-374-411>

Каким верным, сильным, пронзительным умом одарена женщина от природы! И этот ум остается без пользы для общества, оно отвергает его, оно подавляет его, оно задушает его, а история человечества пошла бы в десять раз быстрее, если бы этот ум не был опровергаем и убиваем, а действовал бы.

Чернышевский Н.Г. Что делать?

Введение

Комплекс проблем, связанных с женской социальной активностью, с появлением в России женских профессиональных групп, давно разрабатывается российскими и зарубежными учеными. Первоначально «борьба за образование» напрямую связывалась с включением женщин в освободительное движение. Современных исследователей интересуют как общие вопросы феминизма с русским

лицом¹, так и частные, как бы узкопрофессиональные темы. Наиболее «традиционными» являются вопросы женского образования², постепенного освоения женщинами таких видов профессиональной деятельности, как медицина³, школьное дело⁴, воспитание и социальная работа⁵, а также – академическая наука⁶. При этом исследовательский акцент смещается в сторону специфических черт повседневной жизни женщин, занимающихся профессиональным трудом, под влиянием политических, социальных и демографических обстоятельств⁷. Примечательно, что исследователи, как правило, не выделяют женщин из профессионального учительского сообщества в силу значительного роста их численности в первые советские десятилетия⁸, рассматривая этот процесс как цель и результат государственной гендерной политики⁹. Исследования в области «гендерной специфики» профессиональной деятельности получили развитие благодаря научному обмену на ежегодных конференциях Российской ассоциации исследователей женской истории, проводимых под руководством Н.Л. Пушкаревой, которая сама является инициатором новых направлений в данной области¹⁰.

Предметом данной статьи является процесс становления типа российской работающей женщины во второй половине XIX в. – 1930-е гг., занятой в сферах, требующих умственного квалифицированного труда. Этот процесс завершился формированием, пожалуй, самой многочисленной группы занятого населения

¹ *Staitis P.* Женское освободительное движение в России. Феминизм. Нигилизм и большевизм 1860–1930. М.: РОССПЭН, 2004; N.L. Pushkareva, “Russian feminism. Two Centuries of History,” *Homme*, no. 1 (2006): 7; N.L. Pushkareva, “Clever but Poor” (Women-Scientists in Post-Soviet Folklore),” *Българска етнология*, no. 2–3 (2007): 37–56; N.L. Pushkareva, “Women’s History in Russia: Status and Perspective between Eastern Traditionalism and Western Feminism,” in *Post-Communist Transition and Women’s Agency in Eastern Europe Central and East European Studies Series* (Dordrecht: Republic of Letters, 2014), 27–39.

² *Днепров Э.Д., Усачева Р.Ф.* Женское образование в России. М.: Дрофа, 2009; *Зимин И.В.* Женское медицинское образование в России (вторая половина XVIII – начало XX в.). СПб: [Б.и.], 1999.

³ *Ковалева М.Д.* Женщины в медицине: монография. Волгоград: изд-во ВолГУ, 2004.

⁴ C. Ruane, *Gender, Class, and the Professionalization of Russian City Teachers, 1860–1914* (Pittsburgh: [S.n.], 1994); *Солодянкина О.Ю.* Гувернатки в русских дворянских семьях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2003. № 2. С. 38–44.

⁵ V.V. Tevlina, “Formation of an Educational and Training System for Social Work in the Russian Empire, 1860s to the early 1900s,” *Social History*, no. 3 (2008): 299–316.

⁶ N.L. Pushkareva, “Privated and Public Aspects Daily Life of the First Russian Women Historians (1810 – 1914),” in *Revue de l’Institut des Langues et Cultures d’Europe, Amerique, Afrique, Asie et Australie*, no. 29 (2017), 3–13.

⁷ *Груздева Е.Б., Чертихина Э.С.* Труд и быт советских женщин. М.: Политиздат, 1983; *Морозова О.М., Трошина Т.И.* Красные делегатки как вариант советского феминизма // Адам к Ева. Альманах гендерной истории. 2014. № 22. С. 124–146.

⁸ *Белова Н.А.* Повседневная жизнь учителей. М.: ИЭА РАН, 2015; *Юинг Э.Т.* Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2011; *Ялозина Е.А.* Повседневность сельского учительства в 1920-е гг. // Преподавание истории в школе. 2011. № 1. С. 74–77.

⁹ *Холмс Л.* Школьная реформа сверху и снизу: комплексный метод // Советская педагогика. 1990. № 3. С. 118–124; *Он же.* Социальная история России: 1917–1941. Ростов н/Д.: РГУ, 1994.

¹⁰ *Пушкарёва Н.Л., Мицюк Н.А.* Повивальные бабки в истории медицины России (XVIII – середина XIX вв.) // Вестник Смоленской государственной академии. 2018. Т. 17. № 1. С. 179–189.

России. Крестьянский труд или фабрично-заводской, пусть даже требующий знаний и квалификации, во внимание не принимался, потому что все же не он определяет содержание современного женского труда в России. При этом мы не берем представительниц творческих профессий из-за отличительных особенностей их труда и уникальности каждой такой биографии.

Авторы намеривались ответить на вопрос, как сформировались сильные и слабые черты работающей россиянки. Тут речь идет не столько о системе ценностей и базовых установках самой образованной работницы, сколько о «привычках» государства и общества по использованию труда женщин. Этот процесс предполагается рассматривать в рамках веберовского подхода, так как женщина в куда большей степени, чем мужчина, имеет сопутствующие обстоятельства, влияющие на выполнение ею трудовых и общественных обязанностей. Освобождение от них в силу объективных и продуцированных традицией условий идет по типу усиления рационалистических черт социального действия.

Трудное начало женского профессионального труда в России

В силу специфики самой профессии и самого нашего прошлого первые женщины, занимающиеся общественно значимым профессиональным трудом, были труженицы родовспоможения¹¹. Впервые законы, регулирующие их обязанности, были приняты еще в XVIII в. В то время различали повитуху, повивальную бабку и акушера. Повитухой была городская или сельская жительница, обладавшая прикладными навыками родовспоможения. А вот повивальной бабкой – выпускница повивальной школы, куда часто определялись воспитанницы сиротских домов. Их деятельность регулировалась высочайше утвержденным Уставом повивального искусства от 30 июня 1811 г.

В отличие от акушера бабка не имела права лечить, назначать сложные лекарства и использовать инструменты. Ко всем им предъявлялись требования благопристойного поведения и трезвой жизни, чтобы в любой момент могли отправиться на вызов к роженице. Кроме частнопрактикующих были повивальные бабки, находившиеся на государственной службе. Так, врачебная управа войска Донского имела в 1830-е гг. в штате пять бабок¹².

Вероятно, на просторах Российской империи первыми женщинами, получавшими жалования за интеллектуальный труд, были англичанки, француженки, немки, приехавшие в далекую Россию в качестве гувернанток дворянских дочерей. Вспомнить хотя бы «мадам» из пушкинской повести «Барышня – крестьянка» – «мисс Жаксон, сорокалетнюю чопорную девицу, которая белилась и сурмила себе брови, два раза в год перечитывала Памелу, получала за то две тысячи рублей и умирала со скуки в этой варварской России». Так продолжалось до принятия в 1834 г. Положения о домашних наставниках и учителях, согласно которому они

¹¹ Пушкарёва Н.Л., Мицюк Н.А. Повивальные бабки в истории медицины России... С. 179–189; Они же. У истоков медиализации: основы российской социальной политики в сфере репродуктивного здоровья (1760–1860 гг.) // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 4. С. 515–530.

¹² Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 446. Оп. 1. Д. 1. Л. 20–21, 81.

в обязательном порядке должны были быть российскими подданными. Источником таких кадров стали закрытые учебные заведения. Первоначально институты благородных девиц предполагали своим выпускницам два поприща – замужество и оставление в стенах института в качестве воспитательниц и преподавательниц. В царствование Николая I к ним прибавилась работа по найму у частных лиц, в семьях чиновников, помещиков, военных чинов и состоятельного купечества.

Многолетняя изолированность порождала у воспитанниц немалую наивность в житейском плане. В связи с этим будет понятна та охота, с которой воспитанницы старались дольше оставаться в ставших родными стенах. Но стезя гувернантки в частном доме выбиралась под давлением тяжелых материальных обстоятельств, которые усугублялись в пореформенное время.

Дамы-филантропки, движимые состраданием к малоимущим, создавали общества вспомоществования бедным. Среди прочих их мероприятий было учреждение школы для подготовки девушек разных сословий к сдаче экзаменов на гувернантку или домашнюю учительницу, которой руководила А.К. Европеус. Читать для женской аудитории лекции на безвозмездной основе для университетских профессоров стало честью. В частных домах организовывались научные курсы для женщин. Объем читаемых на акушерских курсах дисциплин уже начинал догонять университетский уровень. В эти годы несколько девушек добились права посещать лекции и занятия в лабораториях Военно-медицинской академии в Петербурге на правах вольнослушательниц, что продолжалось всего несколько месяцев.

В биографии первой русской женщины-врача Н.П. Суловой причиной прекращения занятий женской группы называется запрещающее распоряжение военного министра. Но, по-видимому, еще до получения министерского приказа ее тяготила сама атмосфера в учебных аудиториях. Сестра Суловой Аполлинария записала в дневнике 22 октября 1863 г.: «Сестра пишет, что нет возможности оставаться в академии от пошлых выходок студентов, и просит узнать, можно ли слушать лекции в Париже. Кажется, будет можно»¹³. Надежда Сулова в 1864–1867 гг. прошла курс и получила диплом доктора медицины в Цюрихском университете.

Цюрихский вариант был все же элитарным. Не у всех хватало твердости, самонадеянности, а главное средств, чтобы уехать учиться за границу.

В России первые женские курсы были Аларчинские, открытые в 1869 г. у Аларчина моста в здании 5-й гимназии в Петербурге, и Лубянские – в Москве, где шла подготовка к экзаменам на звание фельдшерицы и домашней учительницы на уровне среднего профессионального образования. Позднее, в ходе борьбы за высшее образование женщин, были организованы совместные для мужчин и женщин публичные лекции, которые по месту их чтения – Владимирского уездного училища – получили название Владимирских высших женских курсов (1870–1875). Они были сформированы из слушательниц Аларчинских курсов, пожелавших получать образование по уровню университетского. Возможность получить высшее образование для женщин в России была впервые реализована на Высших женских

¹³ Сулова А.П. Годы близости с Достоевским: дневник – повесть – письма. Репринт. М.: РУССЛИТ, 1991. С. 65–66.

курсах профессора В.И. Герье (открыты в Москве в 1872 г., в Казани – в 1876 г., в Киеве – в 1878 г.) с двумя отделениями – гуманитарной и естественнонаучной направленности. В 1878 г. были открыты знаменитые высшие женские Бестужевские курсы, во главе которых стал профессор К.Н. Бестужев-Рюмин.

Женщины, вовлеченные в общественно-полезный труд земской реформой – народные учительницы, врачи и фельдшерицы.

Отличие между этапами институток и земских служительниц было в степени их соприкосновения с миром работающих мужчин и открытым обществом вообще. В дореформенное время бывшая институтка попадала в закрытый мир семьи или женского учебного заведения, сохраняя свой подобный монашескому статус, обрекая себя на безбрачие и покидая должность после замужества. В пореформенное время число женщин, живших собственным трудом, в том числе и умственным, сильно увеличилось, что было связано не только с разрушением помещичьего быта, подтачиванием сословного устройства, демографическими факторами, но и изменением объема и структуры рынка труда в связи с реформами.

Судьба работающей женщины пореформенного времени нашла отражение в воспоминаниях Е.И. Козлининой¹⁴.

Екатерина Ивановна прожила долгую жизнь. Основным ее занятием была переписка судебных документов. Эту работу вначале ей помогал получить дядя, сенатский секретарь. Обычно она работала не менее 14 часов в сутки, в течение которых писала не менее 20 сенатских листов, за которые ей в начале карьеры переписчицы платили из казенных сумм 5 коп. за лист. Выйдя замуж, работу переписчицы не бросила, а в возрасте 22 лет, овдовев и имея на руках трех детей, поступила на работу в сенатский суд.

Екатерина Ивановна брала переписку бумаг у присяжных поверенных. Ей уже платили по 30–40 коп. за лист или 5–10 руб. в месяц. Со временем она стала представлять интересы в мировом суде. Платой было то, что присуждали проигравшей стороне за ведение дела и на судебные издержки.

Она пыталась использовать демократический потенциал судебной реформы с тем, чтобы сделать адвокатский труд доступным женщинам, и подала прошение министру юстиции о выдаче ей свидетельства наравне с другими частными поверенными. Ответом стал циркуляр о полном запрете женщинам на занятие адвокатурой¹⁵. Уже в конце жизни, в 1913 г., Е.И. Козлинина писала, что о подлинной эмансипации русской женщины говорить не приходится: общее и профессиональное образование развивалось чрезвычайно медленно. По ее мнению, нужно было два-три поколения, пропущенных через школу молодых людей, чтобы получить способных усвоить университетскую программу.

Тем не менее, к этому времени женское профессиональное и, в частности, медицинское образование проделало большой путь. Н.П. Сулова и М.А. Бокова первыми из русских женщин получили диплом врача в Цюрихе и вернулись в

¹⁴ Козлинина Е.И. За полвека. 1862–1912 гг.: Воспоминания, очерки и характеристики. М.: Тип. ТД Н. Бердоносов, Ф. Пригорин и К^о, 1913.

¹⁵ Там же. С. 72–73, 210–211, 214–216.

Россию в 1867 г. Третья, В.А. Кашеварова, получила диплом благодаря покровительству своего мужа профессора М.М. Руднева.

Первые женские врачебные курсы в России были открыты 2 ноября 1872 г. при Медико-хирургической академии, благодаря содействию военного министра Д.А. Милютин и денежному пожертвованию Л. А. Родственной-Шанянской. Первоначально курсы были четырехлетними для приготовления «ученых акушерок». Вскоре программу расширили до пяти лет по программе для медицинских факультетов университета. 7 февраля 1878 г. состоялся первый выпуск из 30 женщин. Им был вручен значок «Ж. В.». Но в 1886 г. курсы были закрыты. Жена видного кадета А.А. Кизеветтера передала аргументацию против женщин в медицине, принадлежавшую одному «прогрессивно думающему» господину: «...Вот зубодерши. Выдерут вместо больного здоровый зуб, что с ней делать? Доктора-то выругаешь, а то так и в физиономию дашь, ну а даме нельзя!..»¹⁶.

Дипломированным специалистам непросто было найти место, но их приняла земская медицина. Вопреки ожиданиям крестьяне быстрее начальства привыкли к «докторикам». Затем питерская столичная дума приняла решение о приеме женщин в думские врачи.

Интенсивность труда женщин-врачей была выше, чем у коллег-мужчин, о чем свидетельствует статистика. За 1887 г. в Московской губернии на одну из пяти женщин-врачей приходилось 5,5 тыс. проходящих больных и 249 коечных; у мужчин – 4,77 тыс. проходящих и 241 коечных. В Санкт-Петербурге думские врачи-мужчины приняли в том же году у себя на дому по 6,8 тыс. больных и посетили на домах по 2 тыс. больных; женщины-врачи – по 9,4 и по 2,3 тыс. больных соответственно. В 1913 г. из 25.927 русских врачей женщины составляли 8 %, то есть 2193 чел. В Германии женщин в медицинской сфере было в то время менее 0,5 %, т. е. около 150 чел. По закону женщинам были доступны все гражданские врачебные места, кроме должности старшего врача, что и определило факт того, что 80 % женщин-врачей практиковали в земских губерниях¹⁷. Но в связи с тем, что работа женщин в государственных учреждениях была под запретом, то и казенные врачебные должности были им недоступны. Уже в 1880-е гг. в частные и земские медицинские заведения приходят сотрудницы, остающиеся там на постоянную работу. Так, списки персонала Ростовской-на-Дону еврейской больницы за 1886 г. содержат фамилии младших врачей, дантистов и фельдшерниц, которые значатся в отчетах за 1913 и 1914 гг.¹⁸

Распространение среднего медицинского образования сделало массовыми профессии дантистов, акушерок, фельдшерниц, массажисток среди женщин. К началу XX в. стоимость обучения на таких курсах была вполне доступной даже для лиц со скромным доходом. Для поступающих необходимо было как минимум трехклассное городское или сельское училище. Приобретя свидетельство об окончании курсов, человек, тем не менее, не становился частью образованной элиты.

¹⁶ Кизеветтер Е.Я. Дневник 1905–1907 гг. Российский архив. Т. 5. М.: Студия ТРИТЭ, 1994. С. 350.

¹⁷ Жбанков Д.Н. Русская женщина-врач. Практический врач // 1913. № 14. С. 216; № 15. С. 233.

¹⁸ ГАРО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 1, 4, 6.

Полученная профессия давала возможность не умереть от голода и, что важно, была спасением для множества женщин разных сословий, вынужденных искать самообеспечения.

Среди женщин, занимающихся оказанием медицинской помощи населению, было немало представительниц иудейского вероисповедания. Для женщин-евреек, которые предпочитали полную лишений и неопределенности самостоятельную жизнь замужеству за уважаемым талмудистом, был один общий мотив: избежать повторения судьбы своих матерей, тянувших воз всех мирских забот вместо погруженных в древнюю мудрость (или иное витание в эмпириях) мужей. Об этом пишут биографы народоволки Геси Гельфман, и напрямую свидетельствуют о себе Вера Швейцер и Цецилия Зеликсон-Бобровская¹⁹.

Пересечение путей-дорог живущих своим трудом женщин и членов различных антиправительственных групп и партий может быть объяснено не только тем, что до революции этот факт интересовал охранку и таким способом отложился в ее документах, и что позже позволило революционным писателям фиксировать свое внимание на этом обстоятельстве. Вероятно, была и объективная составляющая этого содружества. Одинокая, проживавшая отдельно от родных женщина, не дающая никому отчета о своих контактах и посетителях, была прекрасным адресом для нелегально передвигавшихся по стране. Надежда Митрофановна Стопани, сестра соратника Н.Э. Баумана и В.И. Ленина, будучи дипломированной фельдшерницей и проживая в Иваново-Вознесенске, держала на своей квартире и на свой счет целую когорту нелегалов (среди них были М.В. Фрунзе, А.С. Бубнов и даже две женщины – Цецилия Зеликсон и пропагандистка Маруся, впоследствии вышедшая замуж за Бубнова). Во время ее отсутствия на службе квартиранты были способны лишь поставить самовар. И только по воскресеньям домовитая хозяйка готовила им горячий обед.

А.М. Коллонтай утверждала, что «революция породила новый тип женщины». Это была уверенная в себе незамужняя девушка, которая обычно живет одиноко, работает и самостоятельно выбирает себе партнеров. Новая женщина ставит на первый план не чувства, а разум; карьеру выше семьи. Романтические отношения такой женщины всегда равноправные. Это женщина способна была оставить нелюбимого мужа²⁰.

Написанные после революции мемуары партийных функционеров отличаются от переписки женщин, которые находились под негласным наблюдением полиции. В первых текстах присутствует определенность оценок и осознание исторической правоты. Во вторых нашла отражение неустроенность личной жизни, частые смены места жительства, неурядицы с родными, попытки согреться у костра кружковой деятельности.

¹⁹ *Иохельсон В.* Гесья Мироновна Гельфман. Биографический очерк. URL: http://saint-juste.narod.ru/Gelfman.html#_ftnrefXIII (Дата обращения: 14.04.2016); РГАСПИ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 4. Л. 21–24; *Зеликсон-Бобровская Ц.* За первые 20 лет: Записки рядового подпольщика. М.: Старый большевик, 1932. С. 5–6.

²⁰ *Стаймс Р.* Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М.: РОССПЭН, 2004. С. 245.

Ростовский розыскной пункт отслеживал переписку местных социал-демократов и эсеров. Розалия Лихтер, 34-х лет, по профессии повивальная бабка, служившая в городской еврейской больнице, оказалась в связи с этим в зоне внимания полиции. 1 февраля 1914 г. она писала фельдшернице земской больницы в Юзовке Софье Броварской об Алексее Ивановиче Лобове, их общем знакомом по социал-демократическому кружку в Саратове. Оказывается, Розалия проводит у него ночи, свободные от дежурства в больнице, и чувствует себя помолодевшей, хотя знает, что скоро все закончится: он уедет. Он женат, хотя, как можно догадаться, говорит Розалии, что с женой уже разъехался, их связывает только сын. Розалия восхищается зрелостью его суждений и выросшим партийным статусом: «...Он человек сильный, и все наши страдания и переживания ему непонятны. Крепкая, цельная русская натура, которую не жизнь, а он ее ломает»²¹. Но в 1917 г. после опубликования Комиссией по обеспечению нового строя списков тайных агентов Охранки Лобов был выявлен как провокатор, арестован, дважды пытался бежать, но безуспешно. Был расстрелян по решению суда²².

Одинокая воронежская учительница Зинаида Денисьевская отразила в своем дневнике такую же готовность привязаться ко всякому, кто приблизится: «Почему мы, девушки-работницы, самостоятельно живущие, так сиротливо беспомощны? Ни семьи, ни любви. Поневоле тоскуешь-тоскуешь и бросаешься искать забвения в увлечении»²³.

Одной из причин высокой доли незамужних женщин, имеющих профессиональную подготовку, можно считать устойчивость сословного устройства в матримониальной сфере. Ставшая в дальнейшем большевичкой С. Васильченко описала расклады, принимавшиеся в расчет при выборе подходящей партии для девушки. Ее, поповну, окончившую епархиальное училище, отец хотел выдать за дьякона из богатого прихода. Офицер или чиновник не подходил, поскольку считался ее родителем менее обеспеченным, чем духовное лицо. А на партию с купцом рассчитывать не приходилось, ибо купцы женились между собой, на капитале²⁴. Не брали и за крестьянина: к ведению хозяйства не приучена. Так и трудились тысячи таких полубарышень-полумещанок на должностях учительниц, библиотекарей, переписчиц бумаг, продавщиц, приказчиц, зарабатывая на кусок хлеба.

Достигнув желанных целей, молодежь переживала разочарование. 19-летняя курсистка, бывшая одной из корреспонденток земского деятеля, журналиста «Русского богатства» А.В. Пешехонова, упрекала старшее поколение прогрессив-

²¹ ГАРО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 282. Л. 30, 37, 38.

²² *Артемов С.* Жизнь и смерть за копейку // Личное дело. 2002. № 6. URL: <http://www.pgrc.ru/gazeta/51/copeck.shtml> (Дата обращения: 21.07.2016); *Кошель П.* История сыска в России. Минск: Литература, 1996. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/koshel/05.php (Дата обращения: 7.06.2016).

²³ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 752. Оп. 2. Д. 2. Л. 21.

²⁴ Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 12. Оп. 3. Д. 185. Л. 95.

ных деятелей за «обманки», то есть ложные цели, которые на деле оказывались лишь иллюзией решения проблем жизнеустройства²⁵.

К началу XX в. оформились и набирали численный состав группы женщин, получивших образование, и работниц ручного тяжелого труда – без образования, но имеющих статус кадровых. Пару слов можно сказать и о них.

Высокая смертность, производственный травматизм, отходничество привели к большому числу неполных семей. Уже в раннем детстве девочки поступали на работу. Если в хорошую семью нянькой, значит, повезло. Но случилось, что сразу попадали на промышленные производства.

В Ростове-на-Дону женской специальностью считалось производство папирос на одной из имевшихся в городе табачных фабрик. Уже с двенадцати лет девочки вручную крутили папиросы, а на станках работали взрослые женщины²⁶.

Женщина, имеющая профессию котельщика паровых машин, появилась в фирме Е.Т. Парамонова задолго до Первой мировой войны²⁷.

Потребность во вместительных женских отделениях тюрем с 1860-х гг. привела к росту такой специфической женской занятости, как надзирательницы. Еще раньше стали набирать женскую прислугу для женских отделений домов для умалишенных. До 1830-х гг. там служили отставные солдаты и казаки, но потом начальство посчитало, что это неуместно²⁸.

Первая мировая война призвала на места ушедших на фронт офицеров военного времени канцеляристок, чертежниц, телеграфисток, машинисток пишущих машин. Летом 1915 г. ростовская газета «Приазовский край» как о событии из ряда вон выходящем сообщала о появлении новой профессии: «Кондукторша – это очень грубо, гораздо приятнее звучит кондуктрисса. Называют же начальниц женских гимназий директриссами...»²⁹.

Надо отметить, что крупные южнороссийские фирмы вместо призванных в действующую армию проводников, мойщиков вагонов, стрелочников, трамвайных кондукторов брали на их места их жен. В этом администрация видела свой патриотический долг перед мобилизованными. Освобождались рабочие места в ремесленно-кустарном производстве, и появились женщины-сапожники³⁰. Любопытно, что к ремеслу парикмахеров и цирюльников женщин долго не допускали: этому как безнравственному явлению сопротивлялось руководство союза городов и земского союза.

С 1916 г. прием женщин на промышленные производства приобрел еще более широкие масштабы. Они работали помощниками слесарей, разметчицами, браковщицами, фасовщицами. После эвакуации балтийских заводов в Таганрог на постройку новых корпусов принимать начали и крепких женщин³¹. Этого

²⁵ ОР РГБ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–2.

²⁶ ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 303. Л. 1–6.

²⁷ Там же. Д. 1330. Л. 141–142.

²⁸ ГАРО. Ф. 446. Оп. 1. Д. 1. Л. 211.

²⁹ ГАРО. Ф. Р-2599. Оп. 1. Д. 53. Л. 162.

³⁰ Там же. Д. 3608. Л. 7.

³¹ ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 650. Л. 1–2; Д. 1328. Л. 32.

требовали нужды обороны, но серьезные мужчины не готовы были поступиться своими принципами. Когда в мае 1916 г. директор Петроградского женского политехнического института Н.Л. Щукин обратился к заведующему Главными мастерскими Владикавказской железной дороги с просьбой о предоставлении для слушательниц института возможности пройти там летнюю практику, чиновники компании занялись поиском наиболее убедительных причин для отказа, остановившись после обсуждения вариантов на необходимости срочного выполнения государственного оборонного заказа, который не позволит предоставить практиканткам опытных наставников³².

В 1917 г. по мере возвращения с солдат с фронта началось выдавливание женщин с рабочих мест, особенно с не требующих особой квалификации и трудозатрат, типа контролер, выбраковщик, разметчик, трамвайный и поездной кондуктор. Отбор кандидаток на увольнение проходил по принципу справедливости: в случае наличия кормильца или другого источника доходов. Впрочем, решение о наличии таковых принималось комиссией на основании собственной информации. Случалось, что женщина оказывалась на улице совершенно без средств. Активными проводниками этих мер были советы солдатских депутатов тыловых городов.

В «передовых рядах строителей коммунизма»

В 1917 г. в двух главных областях женской трудовой занятости – в образовании и медицине – нарастала безработица. Перепроизводство специалистов проявило себя уже тогда. В 1918 г. в Ростовской городской больнице сокращения происходили при любых властях – и при Донской советской республике, и при Донском казачьем правительстве. Правила увольнения, выработанные собранием врачей больницы, не принимали в расчет гендерные моменты. Увольнялись те, кто поступил на службу в больницу позже других. Женщины-врачи, которых было трое из 16 врачей, уволены не были³³. Число безработных учителей в области войска Донского исчислялось сотнями. Ситуацию в центре страны усугубляли педагоги, эвакуированные из западных губерний в 1915–1916 гг.

После разделения страны фронтами Гражданской войны трудоустройство учителей зависело от территориальных органов власти – от районных отделов народного образования, от станичных правлений, от сельских сходов: учить детей хотели при всех властях. Но достать место было сложно. Также сложно было его сохранить.

Судя по синхронным документам, верность казачьим идеалам была важнейшим требованием к исполняющему должность учителя в станичной гимназии на Дону. На этой почве случались конфликты, политический характер которым придавался усилиями администрации.

Аполитичная З.А. Денисьевская, учительница из Воронежской губернии, всю войну провела на территории, подконтрольной советам. Она жаловалась на

³² ГАРО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.

³³ Там же. Ф. 157. Оп. 1. Д. 13. Л. 9, 18–19.

голод, холод, скуку, приближающуюся старость, но главное, что ее тревожило, так это неумная страсть коммунистов к реформам и реорганизациям. Она боялась слияний, перемещений, расформирований. Но, в целом, все обходилось минимальными издержками. Политическими воззрениями педагогов большевики в тот момент не интересовались.

В 1918 г. учительство приветствовало большевиков за введение единой советской трудовой школы, ведь таким образом епархиалки и сдавшие экзамен на звание народного учителя выпускники сельских училищ уравнивались в профессиональном плане с выпускниками университетов.

Вот история Руфины Ивановой, известная по ее сохранившемуся дневнику. Летом 1917 г. она была выпущена из Казанского епархиального училища. Руфа – сирота, жила на иждивении тетки-вдовы, поэтому остро нуждалась в заработке. В декабре 1918 г. ей потребовалось всего одна поездка в отдел народного просвещения в Лаишево, чтобы из монархистки стать сочувствующей советам. В своем дневнике она написала: «Советская Россия оказалась совсем не та, как ее окрашивают “буржуи”. Самое симпатичное впечатление призвали на меня все “красные”, начиная с комиссаров и кончая простым солдатом. Что-то радостное, светлое, бодрящее чувствуется везде, и несмотря ни на что, ни на ужасающую дороговизну, ни на недостачу всего, нужду во всем самом необходимом – душа переполняется огромным, дивным чувством свободы и великой любви ко всем обездоленным, несчастливым. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»³⁴. Через месяц она получила назначение в Ошняковское сельское училище и зажила насыщенной профессиональной жизнью. По два раза на неделю собирались волостные учительские собрания, по сути, это были вечеринки с самодеятельными спектаклями и концертами, танцами, шарадами, карточками флирта, игрой в фанты. Среди учителей были и молодые мужчины, поэтому там была заведена мода на поцелуи, которыми «наказывались» по любому случаю. К слову, дневник Денисьевской в похожих красках рисует трудовые будни советского учительства в годы Гражданской войны.

После отражения колчаковского наступления на Казань весной 1919 г. Руфа записалась в Красную армию в формирующийся батальон санитаркой. В 1920 г. побывала в плену у поляков, но была вместе с другими отбита у неприятеля. Последняя запись дневника сделана 25 июля 1920 г. в Житомире. Она совсем короткая, всего в три строки. Возможно, что Руфа уже заболела тифом и вскоре умерла, а дневник попал к одному из ее товарищей, который сделал на обложке надпись: «Человеческий документ перехода девицы из “епархиалки” в большевичку».

Тот факт, что тетрадь потом оказалась в составе Пражской коллекции (имеется ее штамп), а после этого в коллекции видного деятеля белой эмиграции А.М. Амфитеатрова, позволяет считать ее трофеем, захваченным кем-то из врангелевцев во время удачного августовского наступления 1920 г.

³⁴ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 34. Оп. 2. Д. 176. Л. 44.

Участие женщин в Гражданской войне чаще всего состояло в исполнении обязанностей санитарок и медицинских сестер. Необходимые для этого знания получались на практике или на краткосрочных курсах, как до революции, например, при Обществе Красного креста, так и на организованных советской властью при исполкомах, заводах, вооруженных отрядах.

В обеих армиях сестры милосердия были желанным трофеем. Как правило, им сохраняли жизнь, если они не оказывали сопротивления, не пытались бежать. А в этих случаях с ними поступали куда строже, чем с пленными мужчинами.

Страшный конец сестры милосердия одного из отрядов Терского совнаркома вспоминал спустя многие годы бывший красногвардеец Р. Битемиров. Это события августа 1918 г. во Владикавказе. Уже после того, как многочисленная рабочая дружина из 300 чел. была разоружена офицерско-казачьим отрядом и заключена под стражу, в том же самом здании продолжала сопротивляться девушка-сестра. Она отстреливалась до последнего патрона, а когда они закончились, облила подступавших казаков какой-то едкой жидкостью. Они ее застрелили, и еще живую, изнасиловали. Все это сквозь стеклянные витражи наблюдали оторопевшие красногвардейцы³⁵.

Существовала еще одна категория женской занятости в годы Гражданской войны, которую нельзя обойти вниманием. Это канцелярская работа в различных учреждениях. Это был действительно революционный процесс, потому что при порядках царского режима государственная служба для женщин была закрыта.

Сам факт раскола страны между властями означал многократное умножение аппаратных вертикалей. Грамотных людей на замещение должностей не хватало, поэтому были возможны различные казусы, как например, инцидент, случившийся летом 1918 г. в стенах Царицынского совета народного хозяйства. Расследование самоубийства председателя этого учреждения тов. Бабака установило, что причиной стало безответное чувство, которое он питал к своей секретарше княжне Крымшамхаловой³⁶.

В аппарате Всевеликого войска Донского, в отделе внутренних дел, в финансовом отделе и в других структурных подразделениях трудились женщины и девушки, которые должны были занять места мобилизованных в армию мужчин. Судя по сохранившимся личным делам служащих, треть низовых работников (канцелярских чиновников, делопроизводителей, телефонистов, писарей, отдельно: «для работы на пишущей машине») составляли женщины. Их было бы больше, если бы не острое соперничество с отлынивающими от призыва военнообязанными коллегами, в том числе с молодыми, здоровыми, имеющими воинские чины.

Вызывает подозрения случай с Пелагеей Алексеевой. Она была уволена из канцелярии финансового отдела после ареста контрразведкой по подозрению в связи с подпольем: на нее поступил донос якобы из-за сходства с разыскиваемой

³⁵ Научный архив Североосетинского института гуманитарно-социальных исследований. Ф. 21. Оп. 1. Д. 125. Л. 7.

³⁶ ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 485.

большевичкой. Но после выяснения недоразумения на службу она не вернулась: место уже было занято³⁷.

Достаточно массовое участие женщин в работе ревтрибуналов и чрезвычайных комиссий связано с тем же распространенным явлением привлечения их к аппаратной работе. Первоначально они как образованные люди исполняли обязанности делопроизводителей, состояли на должностях секретарей (часто при мужьях-председателях), потом вырастали до следователей и председателей комиссий, иногда сменив на этом посту своих умерших или заболевших мужей. Пожалуй, классическим можно признать случай Нины Торской. Вместе со своим мужем, анархистом-коммунистом, она оказалась в Ростове весной 1918 г. в момент отступления советских отрядов с Украины. Торский возглавил Донскую чрезвычайную комиссию, а его жена стала секретарем. В феврале 1919 г. Торский погиб во время страшного бурана в Астраханской степи, уничтожившего XI армию. У Нины началась новая жизнь, в Астрахани она заняла должность «начпоарма» – начальника политотдела армии, стала близкой сотрудницей С.М. Кирова, в 1920–1930-е гг. ее ждала успешная юридическая карьера, затем арест и расстрел.

С началом боевых действий Гражданской войны проблема безработицы медицинского персонала была снята. В 1919 г. Донской войсковой круг поручал военно-санитарному инспектору Всевеликого войска Донского разработать план мобилизации женщин-врачей, фельдшер и слушательниц Донского университета и Женских медицинских курсов для работы в лазаретах³⁸. Если в период иррегулярных частей командование было согласно держать в отрядах непрофессиональных «медработников», то с переходом к регулярным армиям командование предпринимало попытки упорядочить половой состав персонала санчастей. Присутствие женщин-фельдшеров в ротах считалось уже излишним, но в госпиталях и лазаретах женщины могли, хотя и с условиями, занимать должности врачей и фельдшеров³⁹.

В этом отношении женщины-медики оказались в том же положении, что и женское население обозов и сотрудницы культпросветотделов, созданных в 1919 г. под патронажем политотделов дивизий РККА. Знакомая с Анной Фурмановой, В.И. Чапаев сразу понял, чем она будет заниматься: «А, культуру, значит, садить будет»⁴⁰.

Перед культпросветотделами стала задача политического и общего просвещения мобилизованных красноармейцев.

С 1920 г. система ликвидации неграмотности среди военнослужащих была двухступенчатой: на двухнедельных курсах ликвидаторов неграмотности нередко преподавали женщины, а вот непосредственным обучением солдат грамоте занимались их сослуживцы-мужчины, окончившие эти курсы⁴¹.

³⁷ ГАРО. Ф. 857. Оп. 2. Д. 36.

³⁸ Там же. Ф. 858. Оп. 1. Д. 64. Л. 171; Ф. 861. Оп. 1. Д. 103. Л. 191.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 467. Л. 20.

⁴⁰ ОР РГБ. Ф. 320. Оп. 17. Д. 2. Л. 20.

⁴¹ Государственный архив Латвии. Ф. РА-44. Оп. 1. Д. 17. Л. 36; Д. 29. Л. 141.

После окончания боев Гражданской войны увольняемые из армии претендовали на должности в гражданских структурах. Для налаживания мирной жизни, для работы в многочисленных главках, совнархозах, исполкомах нужны были грамотные люди. Ни на социальное происхождение, ни тем более на пол никто не смотрел. Н.Т. Кропоткину, жену племянника П.А. Кропоткина и внучатую племянницу М.А. Бакунина, проучившуюся один год на историко-филологическом отделении Бестужевских курсов, тверские большевики хотели привлечь к работе в качестве судебного следователя. Но она не захотела вести дела самогонщиков и укрывателей хлеба и устроилась в больницу фельдшером, так как имела свидетельство сестры милосердия, выданное Земским союзом⁴².

В 1920-е гг. приток женщин в различные сектора общественного производства стимулировался системой делегатского движения и профессионального обучения, созданием коммунальных форм быта и т.д. Начиная с 1919 г. большевики интуитивно нашли гениальный способ решения проблем, наиболее чувствительных для женской части населения – снабжения продовольствием и мануфактурой, здравоохранения, социального обеспечения. Они привлекли к их решению самих женщин, которые превратились из потенциального взрывоопасного элемента тыла в опору новой власти. Наиболее активные и способные делегатки направлялись в качестве практиканток в отделы социального обеспечения, народного образования, здравоохранения с тем, чтобы в дальнейшем перейти в штаты учреждений. Это решение сотрудница Псковского губернского женотдела Берзинь объясняла так: эти отделы заполнены «саботирующей обывательщиной, несознательной, бюрократической мелкобуржуазной массой», которая составляет лишь декорацию советских учреждений. Туда, в это гнилое болото должна устремиться новая трудящаяся женщина, чтобы своей добросовестностью и исполнительностью рассеять затхлую атмосферу, но требуется знание дела, грамотность, чтобы занять место заведующей или инструктора в любом отделе⁴³.

Советская статистика зафиксировала бурный рост женского присутствия во всех сферах народного хозяйства в межвоенное время. В 1936 г. лидирующими стали здравоохранение (72 % от числа всех работающих в отрасли), просвещение (56 %), крупная промышленность (39 %), «прочие учреждения» (31 %), т. е., по-видимому, управленческая прослойка.

По Всесоюзной школьной переписи 1927 г. из общей численности учительства (315148 чел.) женщины составляли 60 % (216402 чел.). По отдельным республикам Союза удельный вес учителей-женщин выражался в различных, но внушительных величинах: РСФСР – 64 %, УССР – 55 %, БССР – 53 %, ЗСФСР – 41 %⁴⁴.

Идеология трудовых армий была перенесена и на отношение государства к учительству. Исходя из нужд наркомата просвещения, практиковалась дирек-

⁴² НИОР РГБ. Ф. 549. Оп. 1. Д. 4. Л. 148 об. –149.

⁴³ Государственный архив новейшей истории Псковской области. Ф. 1. Оп. 4. Д. 549. Л. 16.

⁴⁴ Всесоюзная школьная перепись 15 декабря 1927 г. Государственное планово-хозяйственное издательство. Т. I. Социальное воспитание. Ч. III. Преподаватели. М.: Государственное плановое хозяйство, 1930. С. 23.

тивная переброска учителей в отдаленные населенные пункты, где отсутствовали школьные кадры⁴⁵. Правовое основание для этого заложили статьи Уголовного кодекса, вступившего в действие в июне 1922 г. Профсоюз не мог дать защиту прав работника, а руки местного руководства были развязаны в случае конфликта с учителем⁴⁶.

Отчасти природа претензий властей к учительству была наследием Гражданской войны. Волна зеленого повстанчества 1920–1922 гг. нередко возглавлялась (наряду с разочаровавшимися командирами РККА) сельскими интеллигентами – агрономами, библиотекарями, учителями. С тем, чтобы сделать учительство действительно советским, в начале 1920-х гг. проводились «чистки» руками создаваемых для этого «проверкомов».

Положение молодых учительниц, командированных на новое место и не имеющих поддержки родных, было крайне уязвимым. Они подвергались домогательствам со стороны местных начальников. Случаи насилия над учительницами фиксировались по всей стране. Об этом говорил А.В. Луначарский на V Всероссийском съезде заведующих губоно в мае 1926 г. и называл посягавших на беззащитных женщин мерзавцами и негодьями⁴⁷, но и в последующие годы ситуация не исправилась. Отраслевые издания «Народное просвещение», «Учительская газета» писали в 1929–1930 г. об участившихся случаях самоубийств среди учитель⁴⁸. Мода на связь с учительницей была распространенным поветрием среди низовой партийно-советской номенклатуры. «Совпомпадурам» нужна была подруга нового типа – образованная, с культурным обхождением, к чему не была способна старая жена из неграмотных крестьянок или мещанок. Несогласных на подобные предложения увольняли в связи с профессиональной непригодностью.

Учительница 1920-х гг. была не только бесправна, она еще и голодна. В докладе 26 сентября 1920 г. на III сессии ВЦИК VII созыва нарком просвещения А.В. Луначарский признавал: «Нет более голодного, забитого человека в России, как учитель. Одна учительница, которую я встретил на съезде учителей и говорил с нею о том, что на следующем съезде будет разработка этого вопроса, сказала: “Вряд ли мне удастся быть на этом съезде, вы знаете, как мы мрем”»⁴⁹.

До эпохи нэпа все повышения жалования съедала инфляция. А в середине 1920-х гг. установилась достаточно типичная ситуация с заработной платой в отрасли. Очередной перетарификацией и утверждением новых ставок оплаты труда вводилась значительная разница в оплате труда между рядовыми школьными работниками и просвещенцами из управленческих структур. Заврайоно получал

⁴⁵ Ялззина Е.А. Социально-экономические проблемы развития отечественной школы в 1920-е гг.: государственная политика и историческая реальность. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2009. С. 98–108.

⁴⁶ Народное просвещение. 1925. № 10–11. С. 117–118.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д.193. Л. 41.

⁴⁸ Народное просвещение. 1929. № 12. С. 50–52, 1930; № 7–8. С. 8–9; Учительская газета. 1929. 10 сентября.

⁴⁹ А.В. Луначарский о народном образовании. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1958. С. 139.

200–210 руб., его замы и заведомыми 165–140 руб. Кроме этого, существовавшая система льгот и пособий для сотрудников аппарата управления народным образованием предусматривала получение ими ежегодных пособий, к примеру, на курортное лечение. Во время Всесоюзной школьной переписи, проводившейся 15 декабря 1927 г., были получены сведения о размере заработной платы 315 тыс. учителей. Так, учителя городских школ 1-й ступени получали в среднем 60 руб., 2-й ступени – 102 руб., заработная плата сельских учителей составляла в среднем 52–85 руб. Причем это был не размер учительской ставки. Эти цифры представляют собой совокупный доход от совместительства в нескольких школах по предметам или должностям, от репетиторства и других приработков⁵⁰.

К 1930/31 учебному году зарплата учителей школ 1-й ступени немного выросла: до 68–75 руб.⁵¹ Для сравнения: в условиях разворачивающейся индустриализации средняя зарплата административно-технического персонала в промышленности составляла 210–240 руб.; средняя зарплата промышленных рабочих – 94–108 руб.⁵² И это при том, что усилия по советизации сельского учительства к моменту начала коллективизации возымели результат. По-советски думающим учителям кулаки объявляли «экономический бойкот», не продавая им продукты питания. Школы становились ареной классово-борьбы с использованием всех доступных средств⁵³. На заседании президиума Северо-кавказской краевой контрольной комиссии ВКП(б) 22 октября 1929 г. отмечалось: «Положение учительницы-активистки на селе тяжелое, классовый враг использует многие методы борьбы: обычное преследование, клевету, травлю, “развращенность”»⁵⁴.

Забегая далеко вперед, мы можем констатировать, что, несмотря на постоянно возрастающую роль российских женщин во всех сферах общественного производства, включая управление и науку, их вклад не получал должной оценки, становясь объектом иронии⁵⁵.

Женщины, работающие в различных советских учреждениях, из числа имеющих заслуги в установлении советской власти, имели тот же характер трудовой занятости, что и их товарищи-мужчины. Они параллельно исполняли по несколько должностей и общественных нагрузок, их регулярно бросали с одного фронта работы на другой, они меняли места жительства и сферы деятельности, не успев увидеть результатов своего труда. Участницы революции и Гражданской войны

⁵⁰ Всесоюзная школьная перепись. 15 декабря 1927 года. Т. I. Ч. I. Социальное воспитание. М.: Государственное плановое хозяйство, 1930.

⁵¹ Коммунистическое просвещение. 1931. № 24. С. 46; РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 169. Л. 37; Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 30. Д. 1040. Л. 68–70; Народное просвещение. 1930. № 7–8. С. 9.

⁵² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 30. Д. 1040. Л. 66.

⁵³ Народное просвещение. 1929. № 12. С. 46, 48, 51; Там же. 1930. № 7–8. С. 8; Красный север (Вологда). 1929. 26 апреля; Набат (Серпухов). 15 октября.

⁵⁴ ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 934. Л. 29.

⁵⁵ N.L. Pushkareva, “ ‘Women Scientists Resemble Guinea Pigs...’ Anecdotes about Women-Scientists in Soviet and Post-Soviet Russia,” *Gender Forum*, no. 33 (2011), <http://www.genderforum.org/issues/gender-and-humour/women-scientists-resemble-guinea-pigs>.

младшего поколения, то есть рожденные в 1890-е гг., были важной составляющей частью новой советской интеллигенции, учась и работая одновременно.

Большевичка Екатерина Украинская состояла в рядах Красной Армии с 1918 по 1921 гг. В 1918 г. она отступала с Таманской армией, зимой 1921 г. в составе 18-й кавдивизии преодолевала Кодорский перевал. В 1929 г. Екатерина занимала несколько чрезвычайно ответственных и трудозатратных постов в станице Тимашевской и в Краснодаре одновременно: учительницы в школе 2-й ступени, «секретаря журнала» в окружном комитете ВКП(б), ну и уполномоченной по хлебозаготовкам! Она была замужем, имела дочь, но беспартийность мужу доставляла ей страдания. Истинное счастье, по ее словам, ей принесла напряженная работа на благо рабочего класса и родной советской страны⁵⁶.

В жизни таких, как Катя Украинская, убежденных большевиков, работал так называемый эффект велосипеда: они ехали, пока крутили педали. Всякая остановка грозила им нервным срывом, который мог закончиться или выстрелом из именного револьвера, или психиатрической лечебницей. Член РКП(б) с 1919 г. Дина Либер, жена «Юрия» Бутягина, боевика, участника Темерницкого восстания 1905 г., служила в Красной Армии, работала в Московском комитете партии, а в 1923 г. была «вычищена» в связи с буржуазным происхождением, уволена с работы и вскоре покончила с собой⁵⁷.

Трудовым прибежищем для все еще активных обладательниц дореволюционного стажа стали учреждения Истпарта, а для самых заслуженных – Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б). В числе его сотрудников оказались Ц.С. Зеликсон-Бобровская, С.И. Гопнер, А.И. Елизарова-Ульянова, Т.М. Резакова.

В 1934 г. Серафиме Гопнер была присуждена степень доктора исторических наук без защиты диссертации и даже без представления научного текста. Мотивировка заключения ученого совета института состояла в том, что предмет ее научных интересов и события личной судьбы полностью совпадают, что означает ее глубокую осведомленность в предмете истории ВКП(б). Е.Д. Стасова, Р.С. Землячка, В.Л. Швейцер работали в различных контрольных комиссиях. После начала Великой Отечественной войны В.Л. Швейцер, П.И. Вишнякова, В. Джапаридзе, Е.Д. Стасова и ряд других старых большевичек просились на фронт для ведения политической работы⁵⁸. Но их отправили в тыл.

Выводы

На формирование трех сфер женской занятости, в которых образованная россиянка проявила себя в XX веке – здравоохранения, педагогики, административной (аппаратной) деятельности – оказали влияние эпоха Просвещения с идеей ценности образования, идеология и традиции петровского регулярного государства с механизмом ломки социальных барьеров благодаря получению образования. Окончательный характер практикам женской профессиональной

⁵⁶ ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 6. Л. 110.

⁵⁷ Там же. Ф. 910. Оп. 1. Д. 160. Л. 28.

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 4. Л. 50–51.

занятости задала советская идеология с ее «прослоечным» взглядом на образованный класс со всеми вытекающими правовыми и экономическими последствиями. Заявленный в начале статьи веберовский подход показал свою применимость, но частичную.

Покров «женскости» с работающей российской женщины слетал-слетал, но так и не слетел, и, по признакам, в ближайшее время не слетит. Причина лежит в сопутствующих процессу факторах. Стремящихся к образованию и независимому проживанию женщин приняло под свой патронаж освободительное движение, что привело к усвоению теми революционно-демократических идей о служении обществу, народу и прочее. Широкая поддержка прогрессивной интеллигенции помогла повсеместному появлению женских курсов. Оба фактора способствовали формированию армии пролетарок умственного труда – наемных квалифицированных работниц, сохранивших подначальное положение в общественном производстве и недостаточно ценимых в силу своей многочисленности. Из трех задач социалистических преобразований (индустриализации, коллективизации и культурной революции) выполнение последней в немалой степени легло на плечи женщин, а с другой стороны, не дало им подлинного «нового» быта. И, тем не менее, восстановление страны после Гражданской и Великой Отечественной войн было осуществлено, в частности, за счет того, что существовал кадровый запас, способный восполнить убыль квалифицированных работников.

ENG

Women are endowed by nature with such strong, clear, insightful intelligence. And this capacity remains useless to society, which rejects it, suppresses it, and stifles it. The history of humanity would have progressed ten times faster if this intelligence hadn't been so rejected and destroyed, but instead had been allowed to function.

N. Chernyshevsky. *What Is To Be Done?*

Introduction

The complex of problems related to women's social activity and the formation in Russia of female professional groups has long been developed by Russian and foreign scientists. Initially, the "struggle for education" was directly associated with the inclusion of women in the liberation movement. Modern researchers are interested in both general issues of Russian feminism¹ and specific profession-related topics. The most

¹ R. Stayts, *Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Feminizm, nihilizm i bolshevizm, 1860–1930* [The women's liberation movement in Russia: feminism, nihilism and bolshevism, 1860–1930] (Moscow: ROSSPEN Publ., 2004); N.L. Pushkareva, "Russian feminism. Two Centuries of History," *Homme*, no. 1 (2006): 7; N.L. Pushkareva, "Clever but Poor" (Women-Scientists in Post-Soviet Folklore)," *Bŭlgarska etnologiya*, no. 2–3 (2007), 37–56; N.L. Pushkareva, "Women's History in Russia: Status and Perspective between Eastern Traditionalism and Western Feminism," in *Post-Communist Transition and Women's*

“traditional” issues are the issues of female education,² gradual mastering by women of such professions as medicine,³ school education,⁴ mentoring, and social work,⁵ as well as academic science.⁶ Specifically, researchers’ interests center on specific features of the daily life of women engaged in professional labor under the influence of political, social, and demographic circumstances.⁷ It is particularly remarkable that, as a rule, researchers do not separate women from professional scholastic society due to the significant growth of their number during the first Soviet decades,⁸ viewing this process as the goal and result of the state gender policy.⁹ Research in the sphere of the “gender specifics” of professional activity gained momentum due to the scientific exchange at the annual conferences of the Russian Association of Researchers of the History of Women, held under the direction of N. Pushkareva, who herself is an initiator of new trends in this sphere.¹⁰

The subject of this article is the process of formation of the type of Russian working women employed in areas requiring skilled mental labor during the period from the second half of the 19th century until the 1930s. This process resulted in the formation of probably the largest group of the Russian working population. The labor of peasants and labor at factories and plants, even when such labor required knowledge and quali-

Agency in Eastern Europe Central and East European Studies Series (Dordrecht: Republic of Letters Publ., 2014), 27–39.

² E.D. Dneprov, and R.F. Usacheva, *Zhenskoye obrazovaniye v Rossii* [Female education in Russia] (Moscow: Drofa Publ., 2009); I.V. Zimin, *Zhenskoye meditsinskoye obrazovaniye v Rossii (vtoraya polovina XVIII–nachalo XX v.)* [Women’s medical education in Russia (second half of the 18th – early 20th centuries)] (St. Petersburg: [S.n.], 1999).

³ M.D. Kovaleva, *Zhenshchiny v meditsine: monografiya* [Women in medicine: a monograph] (Volgograd: VolGU Publ., 2004).

⁴ C. Ruane, *Gender, Class, and the Professionalization of Russian City Teachers, 1860–1914* (Pittsburgh: [S.n.], 1994); O.Yu. Solodyankina, “Guvernatki v russkikh dvoryanskikh sem’yakh,” [Governors in Russian noble families] *RUDN Journal of Russian History*, no. 2 (2003): 38–44.

⁵ V.V. Tevlina, “Formation of an Educational and Training System for Social Work in the Russian Empire, 1860s to the early 1900s,” *Social History*, no. 3 (2008), 299–316.

⁶ N.L. Pushkareva, “Privated and Public Aspects Daily Life of the First Russian Women Historians (1810 – 1914),” *Revue de l’Institut des Langues et Cultures d’Europe, Amerique, Afrique, Asie et Australie*, no. 29 (2017): 3–13.

⁷ Ye.B. Gruzdeva, E.S. Chertikhina, *Trud i byt sovetskikh zhenshchin* [Work and life of Soviet women] (Moscow: Politizdat Publ., 1983); O.M. Morozova, T.I. Troshina, “Krasnyye delegatki kak variant sovetskogo feminizma” [Red delegates as a variant of Soviet feminism] *Adam & Eve. Gender History Review*, no. 22 (2014): 124–146.

⁸ N.A. Belova, *Povsednevnyaya zhizn’ uchiteley* [The daily life of teachers] (Moscow: IEA RAN Publ., 2015); E.T. Yuing, *Uchitel’ya epokhi stalinizma: vlast’, politika i zhizn’ shkoly 1930-kh gg.* [Teachers of the Stalinist era: power, politics and school life of the 1930s] (Moscow: ROSSPEN Publ., 2011); Ye.A. Yalozina, “Povsednevnost’ sel’skogo uchitel’stva v 1920-ye gg.” [The daily routine of rural teachers in the 1920s] *Prepodavaniye istorii v shkole*, no. 1 (2011): 74–77.

⁹ L. Kholms, “Shkol’naya reforma sverkhu i snizu: kompleksnyy metod,” [School reform from the top and bottom: a complex method] *Sovetskaya pedagogika*, no. 3 (1990): 118–124; L. Kholms, *Sotsial’naya istoriya Rossii: 1917–1941* [Social history of Russia: 1917–1941] (Rostov n/D.: RGU Publ., 1994).

¹⁰ N.L. Pushkareva, and N.A. Mitsyuk, “Povival’nyye babki v istorii meditsiny Rossii (XVIII – ser. XIX vv.),” [Midwives in the history of medicine of Russia (XVIII – mid. XIX centuries)] *Vestnik Smolenskoy gosudarstvennoy akademii* 17, no. 1 (2018): 179–189.

fiction, was disregarded, as it still does not determine the nature of modern female labor in Russia. Moreover, we also disregard women in creative professions due to the peculiarities of their labor and the unique nature of each one's biography.

The authors intended to answer the question of how the strengths and weaknesses of a working Russian woman were formed. What this question involves is not so much the system of values and basic attitudes of the educated woman employed, but rather the "habits" of the state and society, related to the use of women's labor. This process is suggested to be viewed within the Weber's approach, as a woman has surrounding obligations influencing her fulfillment of her labor and public obligations to a much larger extent than a man. The discharge from such obligations due to objective conditions generated by the tradition is effected in conformity with the type of strengthening of the rationalistic features of social action.

The Difficult Beginning of Women's Professional Labor in Russia

Due to the specifics of the profession and of our past, the first women engaged in socially important professional labor were involved in obstetrics.¹¹ The first laws regulating their obligations were adopted as early as in the eighteenth century. At that time, a midwife, a delivery nurse and an obstetrician were distinguished. A midwife was an urban or rural woman with practical obstetrics skills. A delivery nurse, however, was a graduate of an obstetric school, where young girls leaving orphanages were often sent. Their activity was regulated by the Maieutics Charter dated 30 June, 1811, which received Imperial confirmation. In contrast to an obstetrician, a delivery nurse was not entitled to give medical treatment, prescribe complex drugs, or use tools. They were all required to display decent conduct and live a sober lifestyle, in order to be able to attend an emergency at any moment. Besides delivery nurses involved in private practice, there were also delivery nurses in public service. For example, in the 1830s, the medical division of the Don Cossack Host employed five female delivery nurses.¹²

Probably, the first women in the whole Russian Empire to get paid for intellectual labor were English, French and German women who had come to far-away Russia as governesses of girls growing up in noble families. The "madame" from *The Squire's Daughter*, a story by A. Pushkin, may serve as an example. She was "Miss Jackson, a prim and proper forty-year-old maiden lady who powdered her face, penciled her eyebrows, read through Pamela twice a year, received two thousand rubles for it, and was dying of boredom in this barbarous Russia." The situation remained unchanged until the adoption in 1834 of the Regulation on Home Mentors and Teachers, according to which, such persons in all cases had to be Russian nationals. Boarding schools became the source of preparation of girls for such positions. Initially, girls' boarding schools proposed two choices for their graduates – either a marriage or staying at the

¹¹ Ibid.; N.L. Pushkareva, N.A. Mitsyuk, "U istokov medikalizatsii: osnovy rossiyskoy sotsial'noy politiki v sfere reproduktivnogo zdorov'ya (1760–1860 gg.)," [At the root of medicalization: the basis of Russian social policy in the field of reproductive health (1760–1860)] *The Journal of Social Policy Studies* 15, no. 4 (2017): 515–530.

¹² Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti [The State Archive of the Rostov Region] (thereafter – GARO), f. 446, op. 1, d. 1, l. 20–21, 81.

school as educators and teachers. During the reign of Nicholas I, women also received the opportunity to be hired by individuals and work in families of public officers, land owners, military officials, and rich merchants. Many years of isolation made graduates of boarding schools quite naive with regard to everyday life issues. In this connection, it is clear why the graduates tried to remain at the boarding schools that had become their home as long as possible. However, the position of governess in a private home was selected under the pressure of difficult financial circumstances that became worse during the post-reform time.

Philanthropic ladies motivated by a feeling of compassion towards those less fortunate established societies for assistance to the poor. Among their other activities, they founded schools preparing girls from various social classes for passing examinations to become governesses or home teachers. This endeavor was guided by A. Evropeus. Giving free lectures for female audiences became an honor for university professors. In private homes, scientific courses for women were organized. The volume of the disciplines studied in obstetrics classes were already starting to reach the university level. During those years, several girls gained the right to attend lectures and classes at the laboratories of the Military Medical Academy in Saint-Petersburg as non-matriculated students, which continued for only a few months. The biography of the first Russian female physician, Nadezhda Suslova, states that the reason for termination of the female group's classes was a prohibiting order from the minister of war. However, it seems that even before this order was issued, Nadezhda was distressed by the very atmosphere existing in the classrooms. On 22 October, 1863, Suslova's sister Apollinariya wrote in her diary: "Sister writes it isn't possible to stay at the academy because of the students' obscene tricks and asks to find out if she could attend lectures in Paris. Apparently, she'll be able to do it".¹³ In 1864–1867, Nadezhda Suslova took a course and was awarded a Doctor of Medicine degree at the University of Zurich.

However, the University of Zurich was elite. Not everyone had enough resolution, self-confidence, and, primarily, funds to go abroad to study. In Russia, the first courses for women were the Alarchinskiye courses opened in 1869 by the Alarchin Bridge in the building of the 5th gymnasium in Saint-Petersburg and the Lubyanskiye courses held in Moscow, where women were prepared for examinations for the titles of feldsher and home teacher at the level of vocational secondary education. Later, during the struggle for higher education for women, there were organized public lectures that could be attended by both men and women. Held at the Vladimir District School, the courses were called the Vladimir Higher Courses for Women (1870–1875). They were formed by the women who had attended the Alarchinskiye courses and who wished to have a university-level education. The first opportunity to obtain higher education for women in Russia was provided by the Higher Courses for Women by professor Vladimir Guerrier ("Courses Guerrier") (opened in Moscow in 1872, in Kazan in 1876, and in Kiev in 1878) with humanitarian and scientific departments. In 1878, the famous higher Bestuzhev Courses for women were opened, led by professor Konstantin Nikolayevich Bestuzhev-Ryumin.

¹³ A.P. Suslova, *Gody blizosti s Dostoyevskim: Dnevnik-povest'-pis'ma. Reprint* [Years of intimacy with Dostoevsky: Diary-story-letter. Reprint]. (Moscow: RUSSLIT Publ., 1991), 65–66.

The women involved in socially useful labor by the Zemstvo reform were public teachers, physicians and feldshers. The difference between the stage of boarding school-girls and the stage of the post-reform women consisted in the degree of their interaction with the world of working men and the open society in general. During the pre-reform time, a former boarding schoolgirl entered the closed world of a family or a female educational institution, retaining her nun-like status, destining herself to celibacy and leaving her position after marriage. During the post-reform time, the number of women who lived by their own labor, including intellectual labor, grew significantly, which was related not only to the destruction of the landowners' lifestyle, the undermining of the class system, and demographic factors, but also to changes in the volume and structure of the labor market in connection with the reforms.

The life of a working woman of the post-reform time was reflected in the reminiscences of E. Kozlinina.¹⁴ Ekaterina Ivanovna lived a long life. Her main work was rewriting judicial documents. Initially, she was able to get this job with the assistance of her uncle, who was a secretary of the senate. She usually worked not less than 14 hours per a day, during which she wrote at least 20 senate sheets, for which, in the beginning of her copyist career, she was paid 5 copecks per sheet from the government funds. After getting married, she didn't stop working as a copyist, and at the age of 22 years, having become a widow with three children to take care of, she was employed by the senate court. Ekaterina Ivanovna undertook the task of copying the papers of attorneys-at-law. She was already paid 30–40 copecks per sheet or 5–10 rubles per month. After a while, she started to represent interests in the world court. Her payment was the costs awarded against the defeated party for the conduct of the case and the litigation expenses. She tried to use the democratic potential of the court reform in order to make attorney's labor available to women and submitted a request to the minister of justice to be issued a certificate on equal terms with other private solicitors. The answer was a circular completely prohibiting women from practicing law.¹⁵ At the end of her life, in 1913, E. Kozlinina wrote that true emancipation of Russian women was not possible: general and vocational education was developing extremely slowly. In her opinion, two or three generations of young schooled people were required in order to have people able to master a university program.

Nevertheless, by that time, female vocational and, in particular, medical education had come a long way. N. Suslova and M. Bokova were the first Russian women who got a degree in medicine in Zurich and came back to Russia in 1867. The third woman, V. Kashevarova, obtained a diploma due to the patronage of her husband, professor M. Rudnev. The first medical courses in Russia for women were opened on 2 November, 1872 at the Medical Surgical Academy due to the assistance of the minister of war D. Milyutin and the monetary contribution of L. Rodstvennaya-Shanyavskaya. Initially, the courses had a four-year program preparing qualified obstetricians. Soon, the program was expanded to five years according to the program applied for medical faculties of a university. On 7 February, 1878, the first 30 women graduated. They were

¹⁴ Ye.I. Kozlinina, *Za polveka. 1862–1912 gg.: vospominaniya, ocherki i kharakteristiki* [For half a century. 1862–1912: memories, essays, and characteristics] (Mocow: Tip. TD N. Berdonosov, F. Prigorin i K° Publ., 1913).

¹⁵ *Ibid.*, 72–73, 210–211, 214–216.

awarded with a “Female Physician” badge. However, in 1886, the courses were closed. The wife of a distinguished cadet, A. Kizevetter, reported the arguments against women in medicine, submitted by some “progressively thinking” gentleman: “...Look at a female tooth puller, for example. What would you do if she pulled a healthy tooth out instead of a sore one? You could scold a male dentist or even give him a punch in the eye, but you could never do that to a lady!..”¹⁶

It was difficult for certified medical specialists to obtain employment, but they were accepted by zemstvos. Contrary to the expectations, peasants got used to “doctresses” faster than the authorities. Later, the city council of Saint-Petersburg adopted a resolution on acceptance of women to the council’s physicians. The labor intensity of female physicians was higher than that of their male colleagues, which is confirmed by statistics. During the year 1887, for each of the five female physicians in the Moscow governorate there were 5.5 thousand outpatients and 249 inpatients; for male physicians, the numbers were 4.77 thousand outpatients and 241 inpatients. In Saint-Petersburg, during the same year, each of the council’s male physicians attended 6.8 thousand patients coming to the physician’s house and visited 2 thousand patients at the patient’s house; for the female physicians, these numbers made up 9.4 thousand patients and 2.3 thousand patients, correspondingly. In 1913, of the 25,927 Russian physicians, women accounted for 8%, i.e., 2,193 people. In Germany of that time, the share of women in the medical sphere was less than 0.5%, i.e., about 150 people. By law, women could hold any civil physician positions, except for the position of a senior physician, which determined the fact that 80% of female physicians practiced in governorates of zemstvos.¹⁷ However, in connection with the fact that women working in state institutions was prohibited, governmental medical positions were not available for them either. Already in the 1880s, female physicians came to private and zemsky medical institutions and remained there for permanent employment. For example, the personnel lists of the Rostov-on-Don Jewish hospital for 1886 include the surnames of female junior doctors, dentists and feldshers, which were specified in the reports for 1913 and 1914.¹⁸

The expansion of secondary medical education made the professions of dentists, obstetricians, feldshers, and masseuses widespread among women. By the beginning of the twentieth century, the cost of education provided by such courses was quite affordable even for people with low income. To attend the courses, at least three years of education in an urban or rural secondary school were required. Nevertheless, having acquired a certificate confirming the completion of the courses, the woman did not become a part of the educated elite. The profession they had obtained made it possible to avoid starvation, and was, moreover, the salvation of many women of various classes, who had to find a way to be self-sufficient, which is also important to note.

Among the women involved in providing medical assistance to the population, there were many representatives of the Jewish faith. The Jewish women who preferred an

¹⁶ Ye.Ya. Kizevetter, “Dnevnik 1905–1907 gg. Rossiyskiy arkhiv,” [The Diary of 1905–1907 Russian archive] (Moscow: Studiya TRITE Publ., 1994), 350.

¹⁷ D.N. Zhbankov, “Russkaya zhenshchina-vrach. Prakticheskiy vrach,” [Russian female doctor. Practical doctor] 1913, no. 14 (1913): 216; no. 15 (1913): 233.

¹⁸ GARO, f. 158, op. 1, d. 1, 4, 6.

independent life full of hardships and uncertainties to a marriage to a respected rabbi were guided by a common motive: they wanted to avoid the fate of their mothers, who had to carry the burden of all the worldly troubles instead of their husbands, who were preoccupied with ancient wisdom (or other wool-gathering). This fact has been described by the biographers of Gesya Gelfman, a member of “Narodnaya Volya,” and directly evidenced about themselves by Vera Shveitser and Cecilia Zelikson-Bobrovskaya.¹⁹

Often women fending for themselves crossed paths with members of various anti-governmental groups and parties. This may be explained in part by the tsarist secret police’s interest in that fact before the revolution, due to which they documented it, making it possible for revolutionary writers to later focus their attention on that circumstance. Probably, there was also an objective factor in that friendship. A single woman living separately from her relatives and not accounting to anyone for her contacts and visitors was a good address for those who travelled through the country illegally. Nadezhda Mitrofanovna Stopani, the sister of a companion of N. Bauman and V. Lenin, being a certified feldsher and living in Ivanovo-Voznesensk, let a whole group of illegals (among them, M. Frunze, A. Bubnov, and even two women – Cecilia Zelikson and a propagandist Marusya, who later married Bubnov) live in her apartment at her own expense. When she was away for work, her guests were able to do nothing more than drink tea from the samovar. And only on Sundays the good housewife cooked a hot lunch for them.

A. Kollontai stated that “the revolution created a new type of a woman.” It was a confident unmarried girl usually living alone, working and independently choosing partners for herself. The new woman places the utmost importance on common sense and career rather than on feelings and family. Any romantic relationship such a woman might have would always be based on equality. This woman would be able to leave a husband she didn’t love.²⁰ The memoirs of female party leaders written after the revolution are different from the letters of the women who were under the silent surveillance of the police. The former texts reflect the women’s certainty about their values and awareness of their historical righteousness. The latter texts are indicative of unsuccessful private lives, frequent relocations, troubles with relatives, and attempts to warm up by the fire of their companions’ activities.

The investigative division of Rostov was monitoring the correspondence of local social democrats and socialist-revolutionaries. Rozaliya Likhter, a 34-year-old delivery nurse working in a Jewish city hospital, came to the attention of the police in this connection. On 1 February, 1914, she wrote to a feldsher of a zemsky hospital in Yuzovka Sophya Brovarskaya regarding Aleksey Ivanovich Lobov, their mutual acquaintance whom they had met at a meeting of the social-democratic club in Saratov. It turned out that Rozaliya spent with him the nights when she didn’t have to work at the hospital and felt younger,

¹⁹ V. Iokhel’son, *Gesya Mirovna Gel’fman. Biograficheskiy ocherk* [Gesya Mirovna Gelfman. Biographical article], <http://saint-juste.narod.ru/Gelfman.html#ftnrefXIII> (accessed: 14.04.2016); RGASPI, f. 161, op. 1, d. 4, l. 21–24; Ts. Zelikson-Bobrovskaya, *Za pervyye 20 let: Zapiski ryadovogo podpol’shchika* [For the first 20 years: Notes of an ordinary underground worker] (Moscow: Saryy bol’shevik Publ., 1932), 5–6.

²⁰ R. Stayts, *Zhenskoye osvoboditel’noye dvizheniye v Rossii: Feminizm, nihilizm i bol’shevizm, 1860–1930* [The women’s liberation movement in Russia: feminism, nihilism and bolshevism, 1860–1930] (Moscow: ROSSPEN Publ., 2004), 245.

even though she knew that soon everything was to be ended, as he had to move away. He was married, although, as can be easily guessed, he tells Rozaliya that he has already separated from his wife and has nothing in common with her but their son. Rozaliya admires the maturity of his opinions and his developed party status: "...He is a strong man, and all our sufferings and emotions are strange to him. He is a man of integrity and has a strong Russian spirit that breaks life itself rather than be broken by it".²¹ However, in 1917, after the Commission for the Establishment of a New Order published lists of secret agents of the tsarist secret police, Lobov was identified as a provocator and arrested. Twice he tried to escape, but was not successful and was shot by court order.²²

The lonely apolitical teacher Zinaida Denis'yevskaya reflected in her diary the same readiness to get attached to anyone approaching her: "Why are we, working and independently living girls, so lonely and helpless? There is no family, and there is no love. Inevitably, your melancholy makes you rush to look for oblivion in some preoccupation."²³

One of the reasons for the high percentage of unmarried women with professional qualifications may be the stability of the class system in the matrimonial sphere. S. Vasil'chenko, who subsequently became a Bolshevik, described the considerations taken into account when selecting a suitable husband for a certain girl. She was a priest's daughter and graduated from a parochial secondary school for girls. Her father wanted to marry her off to a deacon from a rich congregation. An officer or a public official was not suitable, as her parent believed them to be less prosperous than churchmen. A marriage with a merchant was not possible, as merchants married other merchants, according to the most lucrative situation.²⁴ She couldn't marry a peasant either, since she wasn't taught to perform the housekeeping. That is why thousands of such girls who were partly ladies and partly commoners had to work in the positions of teachers, librarians, copyists, sellers, and stewardesses, earning their daily bread. Having achieved their desired goals, young women felt disappointed. A 19-year-old female student who was a correspondent of A. Peshekhonov, a zemsky public figure and journalist of the *Russkoye Bogatstvo* magazine, reproached the older generation of progressive men for the "tricks," or misleading goals that turned out to be just an illusion of a solution to life's problems.²⁵

By the beginning of the twentieth century, growing groups of educated women and women who were not educated but were officially employed in the sphere of hard manual work were formed. A couple of words may also be said about them.

The high rates of mortality, industrial accidents, and leaving for seasonal work resulted in a large number of incomplete families. Girls got employed already starting

²¹ GARO, f. 826, op. 1, d. 282, l. 30, 37, 38.

²² S. Artemov, "Zhizn' i smert' za kopeyku," [Life and death for a penny] *Lichnoye delo*, no. 6 (51) (2002), <http://www.prc.ru/gazeta/51/copek.shtml> (accessed: 21.07.2016); P. Koshel', *Istoriya syska v Rossii* [History detective in Russia] (Minsk: Literatura Publ., 1996), http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/koshel/05.php (accessed: 7.06.2016).

²³ Otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki [Department of Manuscripts of the Russian State Library] (thereafter – OR RGB), f. 752, op. 2, d. 2, l. 21.

²⁴ Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Rostovskoy oblasti [Documentation center of the modern history of the Rostov region] (thereafter – TSDNIRO), f. 12, op. 3, d. 185, l. 95.

²⁵ OR RGB, f. 225, op. 1, d. 42, l. 1–2.

in early childhood. They were lucky if they could find a position as nanny in a good family. However, it often happened that they immediately went to industrial facilities. In Rostov-on-Don, a female position was deemed to be production of cigarettes at one of the city's tobacco factories. Already at the age of twelve, girls manually rolled cigarettes, while adult women operated the factory's machines.²⁶ A company belonging to E. Paramonov employed a woman as a steam engine boiler operator long before the First World War.²⁷ The need for spacious women's departments in prisons after the 1860s resulted in the growth of such peculiar female positions as wardresses. Even before that, women became employed as attendants of female divisions in lunatic asylums. Until the 1830s, retired soldiers and Cossaks used to be employed there, but later the direction considered it to be inappropriate.²⁸

The First World War called for women to replace the officers who went off to the front, and take up their positions as clerks, draftsmen, telegraphists, and typists. In the summer of 1915, the Rostov newspaper "*Priazovskiy Kray*" told about the appearance of a new profession as though it were an outrageous event: "The word "konduktorsha" (conductress) is very rude; it would be much more pleasant to hear "konduktrissa," in the same way as female heads of girls' high schools are called "direktrissy" (directresses)..."²⁹ It should be noted that, in order to replace the passenger car attendants, car washers, switch tenders and train conductors who were called to the field army, large South Russian companies employed their wives for these positions. The administration saw this as its patriotic duty towards the mobilized soldiers. Positions became opened in the area of handicrafts production, and first female shoemakers started their work.³⁰ It is curious that it took a long time for women to acquire the positions of hairdressers and barbers, as it was viewed as immoral and resisted by the direction of the union of cities and the zemsky union.

Starting in 1916, women's employment at industrial production facilities became even more widespread. They worked as assistant fitters, markers, quality checkers, and packers. After the evacuation of Baltic plants to Taganrog for the purposes of constructing new buildings, strong were women also hired.³¹ This was necessary for the defense of the nation, but serious men were not ready to sacrifice their principles in this regard. In May of 1916, when N. Shchukin, director of the Petrograd Polytechnic Institute for Women, asked the head of the Main Workshops of the Vladikavkaz railroad to allow the institute's students to practice flying there, the company's officials started looking for the most convincing reasons to refuse. After discussing the possibilities, they chose the need for an urgent execution of a state defense order that would make it impossible to provide experienced trainers for the students.³²

In 1917, as soldiers came back from the front, women started to be driven out from their working places, especially from such places not requiring special qualifi-

²⁶ TSDNIRO, f. P-12, op. 3, d. 303, l. 1–6.

²⁷ Ibid., d. 1330, l. 141–142.

²⁸ GARO, f. 446, op. 1, d. 1, l. 211.

²⁹ Ibid, f. P-2599, op. 1, d. 53, l. 162.

³⁰ Ibid., 1, d. 3608, l. 7.

³¹ TSDNIRO, f. P-12, op. 3, d. 650, l. 1–2; d. 1328, l. 32.

³² GARO, f. 237, op. 1, d. 46, l. 1.

cation or effort such as inspector, quality checker, layout specialist, and tram and train conductor. The selection of the candidates for dismissal was based on the principle of fairness, when women were dismissed if they had a supporter or another source of income. However, the resolution regarding the existence of the latter was adopted by a commission based on its own information. Sometimes a woman was left in the street without any money at all. The councils of soldiers' deputies of "rear cities" (cities not on the front) were active supporters of such measures.

In the "Front Rows of the Builders of Communism"

In 1917, unemployment grew in the two main areas where women were employed: education and medicine. Oversupply of specialists was apparent even back then. In 1918, the number of personnel in the Rostov city hospital was reduced with both the Don Soviet Republic and the Don Cossack government in power. The dismissal rules developed by a meeting of the hospital's physicians did not take into account the gender aspects. Those who became employed later than the others were dismissed. Of the 16 physicians of the hospital, there were three women, and none of them were dismissed.³³ The number of unemployed teachers in the area of the Don Cossack Host amounted to hundreds of people. The situation in the center of the country was made worse by the teaching staff evacuated from the western governorates in 1915–1916. After the country was separated by the fronts of the Civil War, employment of teachers depended on the local authorities – district departments of national education, management bodies of Cossack villages, and rural gatherings: whoever had power still wanted to teach children. However, it was difficult to get a position, and it was equally difficult not to lose it. According to the documents of that time, commitment to the Cossack values was the most important requirement imposed on a person employed as a teacher in a gymnasium of a Don Cossack village. Conflicts arose in this connection, and the administration tried to make them look political.

Zinaida Denis'yevskaya, an apolitical teacher from the Voronezh governorate, lived in a territory controlled by the Soviets during the whole war. She complained about the hunger, cold, boredom, and the impending old age, but the main thing worrying her was the persistent passion of the communists for reforms and reorganizations. She was afraid of any consolidations, transfers, and dissolutions. However, in general, everything came down to some minimal costs. At that time, the Bolsheviks were not interested in the political views of teaching staff.

In 1918, teachers saluted the Bolsheviks for the introduction of a single soviet labor school, since that made it possible for parochial secondary schoolgirls and graduates of rural secondary schools who passed an examination for the title of public teacher to become professionally equal with graduates of universities. This is the story of Rufina Ivanovna, known from her surviving diary. In the summer of 1917, she graduated from the Kazan parochial secondary school for girls. Rufa was an orphan living as a dependent on her widowed aunt and, therefore, was in desperate need of income. In December 1918, a single trip to the public education department of Laishevo changed her from a monarchist to a sympathizer with the Soviets. In her diary, she wrote: "The Soviet Russia turned

³³ GARO, f. 157, op. 1, d. 13, l. 9, 18–19.

out to be completely different from the one depicted by the bourgeoisie. Everyone who is ‘red,’ from commissioners to ordinary soldiers, has made the most wonderful impression on me. Something joyful, bright, and exhilarating can be felt everywhere, and in spite of everything else, in spite of the terribly high prices, the lack of everything and the need for the bare essentials, your heart is overfilled with the immense and amazing spirit of freedom and great love for all those unfortunate and unhappy. Workers of the world, unite!”³⁴ In a month, she was appointed a teacher of the Oshnyakovo rural secondary school and began to live a vibrant professional life. Twice a week, meetings were held of the teachers of the volost. Basically, they were parties with amateur performances and concerts, dances, charades, flirtation cards, and forfeits games. There were also young men among the teachers, for which reason kisses were introduced as frequent “forfeits” at such parties. In fact, Denis’yevskaya’s diary gives a similar picture of the everyday working life of Soviet teachers during the years of the Civil War.

After the Kolchak attack on Kazan in the spring of 1919 was defeated, Rufa registered for the Red Army, signing up to a new battalion as a nursing assistant. In 1920, she was captured by the Poles, but was later freed from the enemy along with other prisoners. The last entry was made in her diary on 25 July, 1920 in Zhytomyr. It is very short, only three lines long. Probably, Rufa was already suffering from typhoid fever and soon died, and her diary was taken by one of her friends who wrote on the cover: “A Human Document of Transfer of a Girl from a Parochial Secondary Schoolgirl to a Bolshevik.” The fact that the diary was later found in the Prague Collection (which is confirmed by a stamp) and, later, in a collection of prominent white émigré writer and historian A. Amfiteatrov, makes it possible to suggest that it had been a trophy seized by someone from the Wrangel’s army during the successful August attack of 1920.

In most cases, participation of women in the Civil War consisted in fulfilling the duties of nursing assistants and nurses. The required knowledge was provided by practice or by short-time courses both held before the revolution (for instance, under the Red Cross Society) and organized under Soviet rule at executive committees, plants, and groups of armed forces.

For both armies, nurses were a desirable trophy. As a rule, they were kept alive if they did not offer resistance or try to escape. But if they did, they were dealt with much more severely than male prisoners. The terrible death of a nurse from one of the detached units of the Terskiy Council of the People’s Commissars was remembered years later by former Red Guard member R. Bitemirov. It happened in August of 1918 in Vladikavkaz. After a large armed force of 300 workers had already been disarmed by an officer and Cossack unit and arrested, a young nurse continued to offer resistance in the same building. She fired back to the last bullet, and when there were no more bullets, she spilt some caustic liquid on the approaching Cossacks. They shot her, and then several men raped her while she was still alive. The stunned Red Guard members were watching it all through stained-glass windows.³⁵

³⁴ Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva [Russian State Archive of Literature and Art] (thereafter – RGALI), f. 34, op. 2, d. 176, l. 44.

³⁵ Nauchnyy arkhiv Severo Osetinskogo instituta gumanitarno-sotsial’nykh issledovaniy [Scientific archive of the North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies], f. 21, op. 1, d. 125, l. 7.

There was another female employment category during the years of the Civil War, which should not go unmentioned. It is doing administrative and paperwork in various institutions. It was a really revolutionary process, since civil service had been off-limits to women during the czarist rule.

The very fact of separation of the country between the two governments meant a multiple expansion of the staff hierarchy. There were not enough literate people to fill vacancies, and various incidents were therefore possible, such as, for instance, the occurrence that took place in the summer of 1918 within the walls of the Tsaritsino Council of National Economy. An investigation into the suicide of the chairman of that institution, A. Babak, discovered that the reason was the unreciprocated affection he had for his secretary, princess Krymshamkhalova.³⁶

The employees of the internal affairs department, the financial department, and other structural subdivisions of the All-Great Don Host included women and girls who had to take the places of the mobilized men. According to the surviving personnel files, women accounted for one third of lower-level employees (office clerks, record managers, telephonists, scribes, and, separately, typists). There would have been more of them if not for close competition with their colleagues who were liable for military service but avoiding it, including young healthy men with military ranks. In particular, the case of Pelageya Alekseevna looks suspicious. She was dismissed from an administrative office of a financial department after having been arrested by the secret defense service on suspicion of being an underground worker: she had been reported due to her alleged resemblance to a Bolshevik wanted by the authorities. However, after the misunderstanding was cleared up, she did not return to the service, as her position had already been filled by someone else.³⁷

Quite massive participation by women in the work of revolutionary tribunals and extraordinary commissions is associated with the same common fact of their involvement in office work. Initially, being educated people, they performed the duties of record managers, were employed as secretaries (often with their husbands being chairmen), and later were promoted to investigators and commission chairwomen, sometimes taking over from their husbands who died or fell ill. The case of Nina Torskaya may probably be called a textbook example. Together with her husband, who was an anarchist communist, she found herself in Rostov in the spring of 1918 during the retreat of the Soviet forces from Ukraine. Her husband became the leader of the Don extraordinary commission, and his wife became a secretary. In February 1919, he died during a terrible snowstorm in an Astrakhan plain, which destroyed the XI Army. Nina started a new life, and in Astrakhan she took the position of army chief political officer, became a close collaborator of S. Kirov, and in the 1920–1930s had a successful legal career, after which she was arrested and executed by shooting.

After the beginning of the military operations of the Civil War, the problem of unemployment of medical personnel disappeared. In 1919, the Don Cossack assembly instructed the military health inspector of the All-Great Don Host to develop a mobilization plan for female physicians, feldshers, the Don University students, and attendees

³⁶ TSDNIRO, f. P-12, op. 3, d. 485.

³⁷ GARO, f. 857, op. 2, d. 36.

of Medical Classes for Women for work in infirmaries.³⁸ While the leadership had no objections to having non-professional “medical personnel” in detachments during the period of irregular forces, after the transfer to regular armies, it attempted to regulate the gender distribution of personnel in the medical units. By that time, the presence of female feldshers in companies was viewed as excessive, but in hospitals and infirmaries women could, although conditionally, hold the positions of physicians and feldshers.³⁹

In this respect, female medical workers found themselves in the same position as the women of service corps and cultural and educational departments established in 1919 under the patronage of political sections of the Workers’ and Peasants’ Red Army divisions. When getting acquainted with Anna Furmanova, V. Chapayev immediately understood her expected duties: “So, she will promote culture, then.”⁴⁰ Cultural and educational departments faced the task of political and general education of mobilized Red Army soldiers. Starting from 1920, the system of promotion of literacy among military servicemen included two stages: fortnightly courses frequently taught by women and actual literacy education conducted by men who had passed such courses and then taught their fellow soldiers.⁴¹

After the end of the Civil War battles, the people dismissed from the army aspired to positions in civil institutions. To rebuild peaceful life, literate people were required to work in numerous central committees, national economy councils, and executive committees. Nobody paid attention to their social background or, even more so, gender. Bolsheviks of Tver wanted to employ N. Kropotkina, wife of P. Kropotkin’s nephew and grand-niece of M. Bakunin, who had studied at the historico-philological faculty of the Bestuzhev Courses for a year, as a court investigator. However, she did not want to take cases against vodka brewers and bread thieves and instead got a job at a hospital as a feldsher, since she had a nursing certificate issued by the Zemsky Union.⁴²

In the 1920s, an influx of women into various sectors of public production was motivated by the system of delegate movement and professional education, the appearance of communal living situations, etc. In 1919 and later, the Bolsheviks intuitively found an ingenious solution to the problems primarily affecting the female population: food and textile supply, healthcare, and social care. They engaged women in the resolution of these problems, and the women were transformed from a potentially explosive home-front element into supporters of the new government. The most active and talented delegates were sent to social welfare, public education and healthcare departments as trainees in order to be employed by institutions later on. Berzin’, an employee of the Pskov governorate women’s section, explained this decision by saying that such departments are filled with “narrow-minded mediocrity, shirking their duties and irresponsible and bureaucratic petty bourgeoisie” who fulfilled nothing more than a decorative function in Soviet institutions. There, into that rotten swamp, the new working woman had to go in order to purify the

³⁸ GARO, f. 858, op. 1, d. 64, l. 171; f. 861, op. 1, d. 103, l. 191.

³⁹ RGASPI, f. 71, op. 34, d. 467, l. 20.

⁴⁰ OR RGB, f. 320, op. 17, d. 2, l. 20.

⁴¹ Gosudarstvennyy arkhiv Latvii [State Archives of Latvia], f. PA-44, op. 1, d. 17, l. 36; d. 29, l. 141.

⁴² NIOR RGB, f. 549, op. 1, d. 4, l. 148 об. –149.

stagnant atmosphere with her conscientiousness and sense of duty, but both expertise and skills are required to take the position of head or instructor of any department.⁴³

Soviet statistics registered an explosive growth of employment of women in all spheres of the national economy during the interwar period. In 1936, the leading spheres were healthcare (72% of all the people employed in the sphere), education (56%), large-scale industry (39%), and “other institutions” (31%), i.e., apparently, management.

According to the 1927 All-Union School Population Census, women accounted for 60% (216,402 people) of all teachers (315,148 people). In various Soviet republics, the percentage of female teachers was different but significant: the RSFSR – 64%, the USSR – 55%, the BSSR – 53%, and the TSFSR – 41%.⁴⁴

The labor army philosophy was also extended to the state’s attitude towards teaching personnel. Depending on the needs of the people’s commissariat for education, teachers could be directed to be transferred to remote communities with lack of teaching personnel.⁴⁵ The legal ground for that was provided by the articles of the Criminal Code that came into effect in June of 1922. The labor union could not protect the employee’s rights, and the local management was given free rein in case of a conflict with a teacher.⁴⁶ Partially, complaints of the authorities against teachers rose from the Civil War period. The wave of uprisings of the Green Army in 1920–1922 was frequently led (in addition to disappointed commanders of the Workers’ and Peasants’ Red Army) by rural members of the intelligentsia – agronomists, librarians, and teachers. In order to make teaching personnel really Soviet, in the beginning of the 1920s, purges were conducted by “control committees” established specifically for that purpose.

The position of young female teachers transferred to a new locality and left without the support of their relatives was extremely vulnerable. They were harassed by local superiors. Cases of rapes of teachers were registered throughout the country. A. Lunacharskiy talked about it at the V All-Russian Congress of Heads of Governorate Public Education Departments in May of 1926 and called those abusing defenseless women rascals and scoundrels,⁴⁷ but during the years that followed the situation remained unchanged. Specialized publications “Narodnoye Prosveshcheniye” and “Uchitel’skaya Gazeta” wrote in the 1929–1930s about the growth of suicides among teachers.⁴⁸ It was widely popular with lower-class party-soviet representatives to have an affair with a teacher. A Soviet strong-

⁴³ Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Pskovskoy oblasti [State Archive of the Latest History of the Pskov Region], f. 1, op. 4, d. 549, l. 16.

⁴⁴ *Vsesoyuznaya shkol’naya perepis’ 15 dekabrya 1927 g. Gosudarstvennoye planovo-khozyaystvennoye izdatel’stvo. T. I. Sotsial’noye vospitaniye. Prepodavateli* [All-Union School Census December 15, 1927 State Planning and Economic Publishing. Vol. I. Social education. Lecturers] (Moscow: GSPLAN BOOK Publ., 1930), 23.

⁴⁵ Ye.A. Yalozina, *Sotsial’no-ekonomicheskiye problemy razvitiya otechestvennoy shkoly v 1920-ye gg.: gosudarstvennaya politika i istoricheskaya real’nost’* [Socio-economic problems of the development of the national school in the 1920s: public policy and historical reality] (Rostov n/D: IPO PI YUFU Publ., 2009), 98–108.

⁴⁶ *Narodnoye prosveshcheniye*, no. 10–11 (1925): 117–118.

⁴⁷ RGASPI, f. 142, op. 1, d.193, l. 41.

⁴⁸ *Narodnoye prosveshcheniye*, no. 12 (1929): 50–52; no. 7–8 (1930): 8–9; *Uchitel’skaya gazeta* (September 1929).

man wanted a friend of another type, an educated woman with cultural manners unknown to his old wife born in a family of illiterate peasants or commoners. Women who rejected such proposals were dismissed for reasons of professional ineptitude.

In addition to being deprived of rights, a female teacher of the 1920s was also hungry. In his report presented on 26 September, 1920 at the III session of the VII All-Russian Central Executive Committee, the people's commissar of education A. Lunacharskiy acknowledged: "There is no person in Russia who would be hungrier or more oppressed than a teacher. I told to a teacher I met at a teachers' convention about the expected discussion of this issue at the next convention, and her answer was: "I don't think I'm going to be present at that convention – after all, you know how often we perish."⁴⁹ Until the period of the New Economic Policy, all the increases in salaries were reduced to nothing by inflation. And in the middle of the 1920s, one scenario became quite common with regard to the salaries of teaching personnel. Yet another pay scale reclassification and approval of new remuneration rates introduced a substantial difference in salaries of common school employees and educators working in administrative bodies. A head of the local education authority earned 200–210 rubles, and the salaries of his deputies and department supervisors made up 165–140 rubles. Besides, the scheme of incentives and benefits of that time for heads of the public education department made it possible for them to receive annual benefits, for example, for health resort treatment. During the All-Union School Population Census of 15 December, 1927, data on the amount of salaries of 315 thousand teachers were received. For example, 1st grade teachers of city schools earned, on the average, 60 rubles; 2nd grade teachers of city schools earned 102 rubles, and the average salaries of rural teachers amounted to 52–85 rubles. What's more, those numbers were not just the wage rates. They represented the aggregate income of teachers from holding of several positions or teaching of several subjects at several schools, tutoring and other additional earnings.⁵⁰

By the 1930/31 academic year, 1st grade teachers' salaries rose slightly and amounted to 68–75 rubles.⁵¹ To put that in context, in the conditions of the developing industrialization, the average salary of administrative and technical staff in the industrial sector amounted to 210–240 rubles, and the average salary of industrial workers made up 94–108 rubles.⁵² This is despite the fact that, by the moment of commencement of collectivization, the sovietization efforts applied to rural teachers turned out to be successful. Rich peasants declared an "economic boycott" on Soviet-thinking teachers, refusing to sell them food products. Schools became the arena of class struggle with the use of all means available.⁵³

⁴⁹ *A.V. Lunacharskiy o narodnom obrazovanii* [A. V. Lunacharsky about public education] (Moscow: Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR Publ., 1958), 139.

⁵⁰ *Vsesoyuznaya shkol'naya perepis'. 15 dekabrya 1927 goda. T. I. Sotsial'noye vospitaniye* [All-Union School Census. December 15, 1927. Vol. I. Social Education] (Moscow: GSPLAN BOOK Publ., 1930).

⁵¹ *Kommunisticheskoye prosveshcheniye*, no. 24 (1931): 46; RGASPI, f. 142, op. 1, d. 169, l. 37; RGAE, f. 4372, op. 30, d. 1040, l. 68–70; *Narodnoye prosveshcheniye*, no. 7–8 (1930): 9.

⁵² Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki [Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (daleye – RGAE)] (thereafter – RGAE), f. 4372, op. 30, d. 1040, l. 66.

⁵³ *Narodnoye prosveshcheniye*, no. 12 (1929): 46, 48, 51; no. 7–8 (1930): 8; *Krasnyy sever* (April 1929); *Nabat* (October 1929).

On 22 October 1929, at a presidium meeting of the North Caucasus Regional Control Commission of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, it was reported: “The position of a female activist teacher in the country is difficult, as the class enemy uses many methods of struggle: the usual persecution, slander, harassment, and “corruption.”⁵⁴ Jumping ahead, it can be said that, in spite of the constantly growing role of Russian women in all spheres of public production, including administration and science, their contribution was not duly appreciated, becoming an object of irony.⁵⁵

The nature of employment of those women working in various Soviet institutions, who distinguished themselves by contributing to the establishment of the Soviet authority, was similar to that of their male colleagues. They held multiple jobs at the same time and fulfilled social duties, were regularly transferred from one working area to another, and were relocated or had to change their activities, never getting a chance to see the results of their labor. Members of the revolution and the Civil War of the younger generation (i.e., women born in the 1890s) were an important part of the new Soviet intellectual society, studying and working at the same time.

Bolshevik Ekaterina Ukrainskaya served in the Red Army from 1918 to 1921. In 1918, she retreated with the Taman Army, and in winter of 1921 crossed the Kodori pass with the 18th cavalry division. In 1929, Ekaterina held several extremely important and labor-consuming positions in the Timashevskaya Cossack village and Krasnodar at the same time: she was a 2nd grade teacher at a school, a “magazine secretary” in the district committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, and a grain collection controller! She was married and had a daughter, but the non-partisanship of her husband made her suffer. According to her, true happiness consisted for her in hard labor for the good of the working class and her native Soviet country.⁵⁶ The life of such dedicated Bolsheviks as Katya Ukrainskaya was based on the so-called “bicycle effect”: they rode on as long as the pedals would turn. Any rest would have been an occasion for a nervous breakdown that could lead to either a shot from their own revolver or a mental institution. A member of the Russian Communist Party of the Bolsheviks since 1919, Dina Liber, wife of “Yuriy” Butyagin, a member of a revolutionary fighting group, who participated in the 1905 Temernitskoe uprising, served in the Red Army, worked in the Moscow committee of the party, and in 1923 was “purged” in connection with her bourgeois origin. She was dismissed and soon died by suicide.⁵⁷

A safe haven making it possible for still active women with pre-revolutionary employment experience to work were the institutions of the Commission on the History of the Bolshevik Revolution and the Communist Party. The most distinguished elderly female workers were employed by the Marx–Engels–Lenin Institute at the Central Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks. Its employees included C. Zelikson-Bobrovskaya, S. Gopner, A. Elizarova-Ulyanova, and T. Re-

⁵⁴ TSDNIRO, f. P-7, op. 1, d. 934, l. 29.

⁵⁵ N.L. Pushkareva, “Women Scientists Resemble Guinea Pigs...” Anecdotes about Women-Scientists in Soviet and Post-Soviet Russia” *Gender Forum*, no. 33 (2011), <http://www.genderforum.org/issues/gender-and-humour/women-scientists-resemble-guinea-pigs>.

⁵⁶ TSDNIRO, f. 912, op. 1, d. 6, l. 110.

⁵⁷ *Ibid.*, f. 910, op. 1, d. 160, l. 28.

zakova. In 1934, Serafima Gopner was awarded the degree of Doctor of Historical Sciences without defending a thesis and even without submitting a scientific text. The conclusion of the institute's academic council was explained by the fact that the subject of her academic interest and the events of her personal life fully coincide, which resulted in her deep familiarity with the subject of history of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks. E. Stasova, R. Zemlyachka, and V. Shveitser worked in various control commissions. After the beginning of the Great Patriotic War, V. Shveitser, P. Vishnyakova, V. Dzhaparidze, E. Stasova and a number of other old Bolsheviks asked to be sent to the front to conduct political work.⁵⁸ However, they were sent to the rear.

Conclusions

The formation of the three female employment categories where educated Russian women showed their worth in the twentieth century – healthcare, pedagogics, and administrative (office) activity – was influenced by the age of Enlightenment. Therefore, it embraced the value of education and the ideology and traditions of the regulated state of Peter I, with its mechanism of destruction of social barriers through education. The conclusive influence on the practice of female employment was exerted by the Soviet ideology, with its “interlayer” opinion regarding the educated class with all the ensuing legal and economic consequences. The Weber's approach mentioned in the beginning of the article proved its applicability, though only in part. A working Russian woman tried to get rid of the prejudices related to her femininity, but was not able to do it and, apparently, will not be able to do it anytime soon. This is due to the factors accompanying the process. The women seeking education and independent living were taken under the patronage of the liberation movement, resulting in their absorbing revolutionary-democratic ideas of serving the society, the people, etc. Widespread support of the progressive intellectual society assisted in the widespread introduction of courses for women. Both these factors promoted the formation of an army of female intellectual labor proletarians: qualified payroll employees who retained their subordinate position in public production and were underappreciated as a result of their large number. Of the three tasks of the socialist transformations (industrialization, collectivization and the cultural revolution), the latter to a large extent was laid on the shoulders of women but, on the other hand, failed to provide them with any real “new” life. Nevertheless, the revival of the country after the Civil and the Great Patriotic Wars was enabled, in particular, due to the existence of a personnel pool able to replenish the loss of qualified workers.

© Морозова О.М., Трошина Т.И., Ялозина Е.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Рукопись поступила: 16 февраля 2019 г.
Submitted: 16 February 2019

⁵⁸ RGASPI, f. 161, op. 1, d. 4, l. 50–51.

Библиографический список

- Артемов С. Жизнь и смерть за копейку // Личное дело. 2002. № 6 (51). URL: <http://www.prc.ru/gazeta/51/copeck.shtml> (дата обращения: 21.07.2016).
- Белова Н.А. Повседневная жизнь учителей. М.: ИЭА РАН, 2015; Юинг Э.Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2011.
- Груздева Е.Б., Чертихина Э.С. Труд и быт советских женщин. М.: Политиздат, 1983.
- Днепров Э.Д., Усачева Р.Ф. Женское образование в России. М.: Дрофа, 2009.
- Жбанков Д.Н. Русская женщина-врач. Практический врач // 1913. № 14. С. 216; № 15. С. 233.
- Зеликсон-Бобровская Ц. За первые 20 лет: Записки рядового подпольщика. М.: Старый большевик, 1932.
- Зимин И.В. Женское медицинское образование в России (вторая половина XVIII – начало XX в.). Дисс. ... к.и.н. СПб: [Б.и.], 1999.
- Иохельсон В. Геся Мироновна Гельфман. Биографический очерк. URL: http://saint-juste.narod.ru/Gelfman.html#_ftnrefXIII (дата обращения: 14.04.2016).
- Ковалева М.Д. Женщины в медицине: монография. Волгоград: изд-во ВолГУ, 2004.
- Козлинина Е.И. За полвека. 1862–1912 гг.: Воспоминания, очерки и характеристики. М.: Тип. ТД Н. Бердоносов, Ф. Пригорин и К°, 1913.
- Косшель П. История сыска в России. Минск: Литература, 1996. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/koshel/05.php (дата обращения: 7.06.2016).
- Кизеветтер Е.Я. Дневник 1905–1907 гг. Российский архив. Т. 5. М.: Студия ТРИТЭ, 1994.
- Луначарский А.В. О народном образовании. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. С. 139.
- Морозова О.М., Трошина Т.И. Красные делегатки как вариант советского феминизма // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. 2014. № 22. С. 124–146.
- Пушкарёва Н.Л., Мицюк Н.А. Повивальные бабки в истории медицины России (XVIII – сер. XIX вв.) // Вестник Смоленской государственной академии. 2018. Т. 17. № 1. С. 179–189.
- Пушкарёва Н.Л., Мицюк Н.А. У истоков медиализации: основы российской социальной политики в сфере репродуктивного здоровья (1760–1860 гг.) // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 4. С. 515–530.
- Солодянкина О.Ю. Гувернантки в русских дворянских семьях // Вестник РУДН. Серия: История России. 2003. № 2. С. 38–44.
- Суслова А.П. Годы близости с Достоевским: Дневник-повесть-письма. Репринт. М.: РУССЛИТ, 1991.
- Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм. Нигилизм и большевизм 1860–1930. М.: РОССПЭН, 2004.
- Холмс Л. Школьная реформа сверху и снизу: комплексный метод // Советская педагогика. 1990. № 3. С. 118–124.
- Холмс Л. Социальная история России: 1917–1941. Ростов н/Д.: РГУ, 1994.
- Ялозина Е.А. Повседневность сельского учительства в 1920-е гг. // Преподавание истории в школе. 2011. № 1. С. 74–77.
- Ялозина Е.А. Социально-экономические проблемы развития отечественной школы в 1920-е гг.: государственная политика и историческая реальность. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2009.
- Pushkareva N.L. Russian Feminism. Two centuries of history in L’homme // Übergänge. Ost-West-Feminismen 2006. Vol. 6, № 1. P. 7–11.
- Pushkareva N.L. Clever but Poor. Women-Scientists in Post-Soviet Folklore // Българска етнология. 2007. № 2–3. С. 37–56.
- Pushkareva N.L. Women’s History in Russia: Status and Perspective between Eastern Traditionalism and Western Feminism // Post-Communist Transition and Women’s Agency in Eastern Europe Central and East European Studies Series. Dordrecht: Republic of Letters, 2014. P. 27–39.
- Pushkareva N.L. Privated and Public Aspects Daily Life of the First Russian Women Historians (1810–1914) // Revue de l’Institut des Langues et Cultures d’Europe, Amerique, Afrique, Asie et Australie. 2017. № 29. P. 3–13.

- Pushkareva N.L. “Women Scientists Resemble Guinea Pigs...” Anecdotes about Women-Scientists in Soviet and Post-Soviet Russia // *Gender Forum*. 2011. № 33. P. 52–64.
- Ruane C. *Gender, Class, and the Professionalization of Russian City Teachers, 1860–1914*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1994.
- Tevlina V.V. “Formation of an Educational and Training System for Social Work in the Russian Empire, 1860s to the early 1900s // *Social History*. 2008. № 3. P. 299–316.

References

- Artemov, S. “Zhizn’ i smert’ za kopeyku.” *Lichnoye delo*, no. 6 (2002). <http://www.prpc.ru/gazeta/51/co-peck.shtml> (Accessed: 21.07.2016) (in Russian).
- Belova, N.A. *Povsednevnyaya zhizn’ uchiteley*. Moscow: IEA RAN Publ., 2015 (in Russian).
- Dneprov, E.D., and Usacheva, R.F. *Zhenskoe obrazovanie v Rossii*. Moscow: Drofa Publ., 2009 (in Russian).
- Gruzdeva, E.B., and Chertihina, Eh.S. *Trud i byt sovetskikh zhenshchin*. Moscow: Politizdat Publ., 1983 (in Russian).
- Holmes, L. “Shkol’naya reforma sverhu i snizu: kompleksnyy metod.” *Sovetskaya pedagogika*, no. 3 (1990): 118–124 (in Russian).
- Holmes, L. *Social’naya istoriya Rossii: 1917–1941*. Rostov n/D: RSU Publ., 1994 (in Russian).
- Iokhel’son, V. *Gesya Mironovna Gel’fman. Biograficheskiy ocherk*. http://saint-juste.narod.ru/Gelfman.htmlk_ftnrefXIII (Accessed: 14.04.2016) (in Russian).
- Koshel’, P. *Istoriya syska v Rossii*. Minsk: Literatura Publ., 1996, (in Russian).
- Kovaleva, M.D. *Zhenshchiny v medicine*. Volgograd: VolSU Publ., 2004 (in Russian).
- Kozlinina, Ye.I. *Za polveka. 1862–1912 gg.: Vospominaniya, ocherki i kharakteristiki*. Moscow: TD N. Berdonosov, F. Prigorin i K° Press, 1913 (in Russian).
- Kizevetter, Ye.Ya. *Dnevnik 1905–1907 gg. Rossiyskiy arkhiv*. Vol. 5. Moscow: Studiya TRITE Publ., 1994 (in Russian).
- Lunacharskiy, A.V. *O narodnom obrazovanii*. Moscow: Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR Publ., 1958 (in Russian).
- Morozova, O.M., and Troshina, T.I. “Krasnye delegatki” kak variant sovetskogo feminizma.” *Adam & Eva, Al’manakh gendernoy istorii*, no. 22 (2014): 124–146 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. “Russian Feminism. Two centuries of history in L’homme.” *Übergänge. Ost-West-Feminismen* 6, no. 1 (2006): 7–11.
- Pushkareva, N.L. “Clever but Poor” (Women-Scientists in Post-Soviet Folklore).” *Българска етнология*, no 2–3 (2007): 37–56.
- Pushkareva, N.L. “Privated and Public Aspects Daily Life of the First Russian Women Historians (1810–1914).” *Revue de l’Institut des Langues et Cultures d’Europe, Amerique, Afrique, Asie et Australie*, no. 29 (2017): 3–13.
- Pushkareva, N.L. “Women’s History in Russia: Status and Perspective between Eastern Traditionalism and Western Feminism.” In *Post-Communist Transition and Women’s Agency in Eastern Europe Central and East European Studies Series*, 27–39. Dordrecht: Republic of Letters Publ., 2014.
- Pushkareva, N.L. “ ‘Women Scientists Resemble Guinea Pigs...’ Anecdotes about Women-Scientists in Soviet and Post-Soviet Russia.” *Gender Forum*, no. 33 (2011): 52–64.
- Pushkareva, N. L., and Mitsyuk, N.A. “Midwives in the history of medicine of Russia (XVIII – mid. XIX century).” *Vestnik Smolenskoj gosudarstvennoy akademii*, no. 1 (2018): 179–189 (in Russian).
- Pushkareva, N.L., and Mitsyuk, N.A. “The Origins of Medicalization: The Basis of Russian Social Policy in the Field of Reproductive Health (1760–1860).” *The Journal of Social Policy Studies* 15 no. 4 (2017): 515–530 (in Russian).
- Ruane, C. *Gender, Class, and the Professionalization of Russian City Teachers, 1860–1914*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1994.
- Stites, R. *Zhenskoe osvoboditel’noe dvizhenie v Rossii: Feminizm, nihilizm i bol’shevizm, 1860–1930 – The Women’s Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004 (in Russian).

- Solodiankina, O.Y. "Governesses in Russian Noble Families." *RUDN Journal of Russian History* 2, no. 2 (2003): 38–44 (in Russian).
- Suslova, A.P. *Gody blizosti s Dostoyevskim: Dnevnik – povest' – pis'ma*. Moscow: RUSSLIT Publ., 1991 (in Russian).
- Tevlina, V.V. "Formation of an Educational and Training System for Social Work in the Russian Empire, 1860s to the early 1900s." *Social History*, no. 3 (2008): 299–316.
- Yalozina, E.A. *Sotsial'no-ekonomicheskie problemy razvitiya otechestvennoi shkoly v 1920-e gg.: gosudarstvennaya politika i istoricheskaya real'nost'*. Rostov n/D: South Federal University Publ., 2009 (in Russian).
- Yalozina, E.A. *Povsednevnost' sel'skogo uchitel'stva v 1920-e gg. Prepodavanie istorii v shkole*, no. 1 (2011): 74–77 (in Russian).
- Zhbankov, D.N. "Russkaya zhenshchina-vrach. Prakticheskiy vrach." *1913*, no. 14 (1913): 216; no. 15 (1913): 233 (in Russian).
- Zelikson-Bobrovskaya, TS. *Za pervyye 20 let: Zapiski ryadovogo podpol'shchika*. Moscow: Staryy bol'shevik Publ., 1932 (in Russian).
- Zimin, I.V. *Meditsinskoye obrazovaniye zhenshchin v Rossii (vtoraya polovina XVIII i nachalo XX vv.)*. PhD diss. St. Petersburg: [S.n.], 1999 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Морозова Ольга Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры «Связи с общественностью» Донского государственного технического университета.

Трошина Татьяна Игоревна, доктор исторических наук, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности САФУ.

Ялозина Елена Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент Департамента социологии, истории и философии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Olga M. Morozova, Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Public Relations of Don State Technical University.

Tatyana I. Troshina, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Social Work and Social Security of NArFU.

Elena A. Yalozina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology, History and Philosophy of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-412-430>

Научная статья / Research article

Женщины-крестьянки в сельскохозяйственных трудовых коммунах Советской России в 1917 – начале 1930-х гг.

О. М. Семерикова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина;
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19; olgasemerikova8@yandex.ru

Peasant women in agricultural communes of Soviet Russia in 1917 – early 1930s

Olga M. Semerikova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin;
19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia; olgasemerikova8@yandex.ru

Аннотация: В статье на основе архивных материалов рассмотрен гендерный аспект в деятельности сельскохозяйственных трудовых коммун периода раннесоветского общества. Созданные почти исключительно мужчинами (в составе коллектива), они имели чаще всего около половины или чуть меньше трудоспособных членов из числа представительниц женского пола. Это существенно влияло на психологический климат в коммуне и ее экономические показатели. Отсутствие специальных работ по данной проблематике актуализирует обращение к проблеме соотношения мужского/женского в сельскохозяйственном коллективе изучаемого периода и его значения для количественных и качественных показателей производства. Интерес вызывает также и то, что сельскохозяйственная трудовая коммуна явилась местом социалистического социального эксперимента по созданию «нового» советского человека, «новой» советской женщины. Традиционно женщина определяла психологически-эмоциональную готовность семьи к восприятию «нового», что советская власть активно использовала для усиления своего идеологического влияния в деревне. В рамках большевистского проекта «коммуна» ставились задачи по повышению социального статуса женщины в обществе через широкий доступ к получению образования, занятие производственных, государственных и партийных руководящих постов. Новые возможности, в свою очередь, расширяли пространство самореализации женщин за рамками их обычных ролей в патриархальном укладе. Исследование динамики развития данных процессов в раннесоветский период позволяет выявить естественные границы в осуществлении концепта «новая советская женщина», установить результаты социального проектирования в данной сфере. В исследовании доказано, что при вступлении в коллектив женщины преследовали преимущественно прагматические цели. Автор статьи установлено, что, несмотря на поддержку государством и партией процесса повышения статуса женщины-крестьянки, в обществе сохранялось традиционное представление о ее месте и роли в семье и социальной жизни. В результате привлечение женщин к управленческим функциям осуществлялось медленно, тем не менее, повысило возможности их самореализации.

Ключевые слова: сельскохозяйственная трудовая коммуна, раннесоветское общество, коммунистический проект в деревне, женщина-крестьянка

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

Для цитирования: Семерикова О.М. Женщины-крестьянки в сельскохозяйственных трудовых коммунах Советской России в 1917 – начале 1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 412–430. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-412-430>

Annotation: This article based on the large body of archival materials and considers the gender aspect in the activities of agricultural communes of the period of the early Soviet society. Created almost exclusively by men (as part of a team), they most often had about half or slightly less able-bodied members from among the women. This significantly influenced the psychological climate in the commune and its economic indicators. The absence of special works on this issue actualizes an appeal to the problem of the ratio of male / female in the agricultural team of the period under study and its significance for quantitative and qualitative indicators of production. It is also of interest that the agricultural labor commune was the site of a socialist social experiment to create a “new” Soviet person, a “new” Soviet woman. Traditionally, the woman determined the psychological and emotional readiness of the family to perceive the “new”, which the Soviet authorities actively used to strengthen their ideological influence in the village. Within the framework of the Bolshevik project “commune”, the tasks were set to raise the social status of women in society through wide access to education, occupying production, state and party leadership positions. New opportunities, in turn, expanded the space for women’s self-realization beyond their usual roles in the patriarchal structure. The study of the dynamics of the development of these processes in the early Soviet period makes it possible to identify natural boundaries in the implementation of the “new Soviet woman” concept, to establish the results of social planning in this area. The study proved that when joining the team, women pursued primarily pragmatic goals. The author of the article found that, despite the support by the state and the party in the process of raising the status of a peasant woman, society retained the traditional idea of its place and role in the family and social life. As a result, the involvement of women in managerial functions was carried out slowly, however, increased the possibility of their self-realization.

Keywords: agricultural commune, early Soviet society, communist project in the village, peasant woman

Acknowledgments: The study was carried out with the financial support of the grant of the Russian Science Foundation (Project No. 16-18-10106 “Early Soviet Society as a Social Project: Ideas, Implementation Mechanisms, Design Results”).

For citation: Semerikova, Olga M. “Peasant women in agricultural communes of Soviet Russia in 1917 – early 1930s.” *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 2 (May 2019): 412–430. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-412-430>

Введение

В 1917 г. в деревне усилился процесс стихийного решения земельного вопроса, который принял необратимый характер после октябрьских событий и прихода к власти большевиков. С этого времени у некоторой части общества появилась возможность реализовать социалистические представления о справедливом и идеальном устройстве труда и быта в деревне. Это выразилось в создании разнообразных коллективных хозяйств, среди которых наиболее выделялись сельскохозяйственные трудовые коммуны.

Практика создания коллективных хозяйств существовала в России еще с XIX в., но она не была связана с основной массой крестьян. Преимущественно это были сектантские и интеллигентские эксперименты, которые быстро завершали свое существование¹.

¹ Гордеева И.А. Общинный миф и общинный эксперимент в истории России XIX–XX вв. // Дюран Д. Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России. СПб.: Изд-во Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2010. С. 23, 24.

По мнению исследователей, если крестьяне и принимали участие в артельных кооперативных фантазиях интеллигенции, то исключительно в «прагматических целях, а как новые социальные формы они их совсем не интересовали и даже пугали»². Тем не менее, это был новый опыт, который в период глобальных потрясений Первой мировой войны и Революции 1917 г. оказался востребован, в том числе и в силу того, что «в сознании российских обывателей и интеллектуалов необыкновенно активизировались антииндивидуализм, антикапитализм, антиурбанизм и антилиберализм»³.

Руководство партии большевиков изначально, придя к власти, не ставило задач по скорейшей коммунизации деревни на производственном уровне, сконцентрировавшись на процессе национализации земель всех форм собственности и создании крупных государственных аграрных предприятий. Этот принцип опирался на теоретические рассуждения марксистов о том, что на первом этапе пролетарской революции не были подготовлены условия для повсеместного утверждения коммуны как наивысшей формы производственного и общественного сотрудничества с ее главным лозунгом «Каждый по способностям, каждому по потребностям»⁴.

В противовес большевикам популярная в крестьянской среде партия левых социалистов-революционеров, наоборот, в рамках концепта о социализации деревни и ее основных материальных ресурсах (земля как «общенародное достояние») настаивала на всемерной поддержке самостоятельных коллективных хозяйств. Среди последних теоретики эсеров особо выделяли сельскохозяйственные коммуны, которые рассматривались в качестве высшей формы общины и любых производственных коллективов, возникающих в результате эволюционных процессов⁵.

В условиях необходимости укрепления политических и экономических позиций в деревне, активной агитации эсерами идеи коммуны и развивающегося с 1917 г. самостоятельного процесса возникновения коллективных хозяйств идеологи большевиков вынуждены были скорректировать свое представление о ближайших практических шагах государства в развитии аграрного сектора.

В результате возник компромиссный «Основной закон о социализации земли», утвержденный ВЦИК 27 января 1918 г., где впервые помимо закрепления идеи национализации земли и создания государственных предприятий (совхозов) была установлена всемерная поддержка коллективным хозяйствам (коммунам, артелям, ТОЗам)⁶. С весны–лета 1918 г. в российской деревне в рамках реализации

² Гордеева И.А. Общинный миф и общинный эксперимент в истории России XIX–XX вв. // Дюран Д. Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России. СПб.: Изд-во Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2010. С. 23.

³ Там же. С. 46.

⁴ Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. М.: Политиздат, 1969. Т. 33. С. 94, 95.

⁵ Якимов Д.В. Аграрный вопрос в политике большевиков и левых социалистов-революционеров в феврале 1917 г. – июле 1918 г. (на материалах Саратовской губернии). Саратов: Саратовский государственный социально-экономический ун-т, 2008. С. 16.

⁶ Основной закон о социализации земли 27 января (9 февраля) 1918 г. // Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1957. С. 407–419.

большевистского проекта начался процесс насаждения коллективных хозяйств в форме коммун. Была создана нормативно-законодательная, организационная и материальная база для воплощения теории на практике. Экономической целью проекта явилось бесперебойное поступление сельскохозяйственной продукции, произведенной на крупных аграрных предприятиях.

Общественный и научный интерес к сельскохозяйственным трудовым коммунам появился с самого начала реализации проекта. В 1918–1920-е гг. преобладали работы агитационного⁷ или публицистического характера с разным уровнем лояльности к данным коллективам⁸. Среди них были и научные труды, созданные на основе добротных статистических и других опубликованных материалов⁹. В 1930 г. в рамках обоснования проведения массовой коллективизации вышло несколько работ, затрагивающих проблему использования труда женщин в колхозах¹⁰, преимущественно в производственном аспекте, но их гендерные роли в повседневности коллективов не рассматривались.

В дальнейшем, как в советской, так и современной российской историографии, коммунальное строительство кратко рассматривалось в работах по истории крестьянства и колхозного строительства¹¹, и лишь несколько специальных научных работ вышло в этот период по истории сельскохозяйственных коммун¹². Отдельного исследования по участию и роли женщин в коммунарском движении на данный момент не проводилось. Исключением является книга Д. Дюран, где данная тема выделена в отдельную главу «Женщины, семья и дети в коммуне»¹³. Некоторые факты из жизни женщин, связанные с новыми возможностями для них, заложенными в большевистском проекте по социализации деревни, мы можем

⁷ Дышлер П.Я. Как устраивать сельскохозяйственные коммуны. Петроград: [Б.и.], 1918; Бухарин Н.И. Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков. Пб.: Госиздат, 1920; Мецзяков Н.Л. Кооперация в Советской России. М.: Госиздат, 1922.

⁸ Ларин Ю. Советская деревня. М.: Изд-во Экономическая жизнь, 1925; Маслов С. Коллективно-земледельческое движение в современной России // Современные записки. 1922. С. 195–233. URL: <http://www.emigrantika.ru/bib/228-bookv> (Дата обращения 20.08.2018).

⁹ Васильев П.Г. Вопросы труда и организации капиталов в сельскохозяйственных коммунах (опыт с.-х. коммун Сибири). Новосибирск: Книгосоюз, 1928; Сельскохозяйственные коммуны по материалам обследования Московского высшего Кооперативного института в 1923 г. М.: Новая деревня, 1924.

¹⁰ Биценко А.А. Организация труда и женский труд в колхозах: Доклад на 1 Всесоюзном съезде колхозниц 24 дек. 1929 г. М.: Книгосоюз, 1930; Прудникова Е. Труд и быт в колхозах. М.: Книгосоюз, 1930; Рубцова М. Организация женского труда в колхозах. Воронеж: Коммуна, 1930.

¹¹ К истории возникновения сельскохозяйственных коммун и артелей в СССР (1918 г.) // Красный архив. Исторический журнал. № 4 (101). 1940. С. 122–148; Конюков И.А. Очерки о первых этапах развития коллективного земледелия 1917–1925 гг. М.: Сельхозгиз, 1949; Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в. Устная история. Барнаул: БГПУ, 2008.

¹² Усатова А.Н. Аграрные преобразования и первые коммуны во Владимирской губернии. Владимир: Книж. изд-во, 1961; Гришаев В.В. Сельскохозяйственные коммуны Советской России. 1917–1929. М.: Мысль, 1976; Он же. История сельскохозяйственных коммун. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986; Дюран Д.Д. Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России. СПб.: Изд-во Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2010; Дианова Е.В. О сельскохозяйственных коммунах Олонейской губернии // Клио. № 2 (49). 2010. С. 81–83.

¹³ Дюран Д. Коммунизм своими руками... С. 157–178.

выявить в специальных исследованиях по изучаемому периоду¹⁴. Таким образом, анализ историографии показывает слабую изученность темы, что актуализирует данное исследование.

В статье предполагается рассмотреть причины и основные аспекты участия женщин-крестьянок в коммунаром движении в российской деревне в раннесоветский период, а также факторы, повлиявшие на этот процесс, на основе архивных и опубликованных источников. Исследование базируется на проектнои подходе¹⁵. Метод социального проектирования позволяет сформировать представление о явлении как опыте научного конструирования индивидом, группой или организацией системы параметров будущего социального объекта. Он дает возможность «пересмыслить перемены, произошедшие в российском обществе после Революции, взглянуть на них как на результат целенаправленной деятельности людей, движимых социалистической идеей, мифологически преломленной в их сознании»¹⁶. Он также помогает проследить применимость коммунистических идей к российской деревенской действительности 1917 – начала 1930-х гг., выявить результаты и естественные границы в реализации целенаправленной политики советского государства по повышению социального статуса женщин-крестьянок.

Причины вступления в сельскохозяйственные коммуны

Причины вступления в коллектив условно можно разделить на две группы: идеологические и экономические. Идеологические мотивы создания коммуны были доминирующими на этапе оформления ее идеального образа у тех, кто являлся непосредственными и сознательными организаторами процесса. Среди последних женщин было мало. Д. Дюран на основе публикации Л. Ксипашевой в журнале «Коллективист» в 1927 г. приводит данные о существовании на Северном Кавказе во второй половине 1920-х гг. тринадцати чисто женских коллективов, образованных вдовами красноармейцев и беднячками, обремененными семьями¹⁷. Но на основании приведенных данных сложно определить уровень их коммунистической идейности.

По архивным материалам нами была выявлена только одна коммуна, в создании которой главную роль сыграла женщина. Речь идет об Юго-Осокинской сельскохозяйственной коммуне «Красное знамя труда» Пермской губернии. Она была организована в марте 1921 г. под руководством секретаря райкома РКП(б) Ивановой Татьяны Иоси-

¹⁴ Панкова-Козочкина Т.В. Работники сельских советов 1920-х годов: номенклатурные подходы большевиков и социальные требования крестьянства (на материалах юга России) // *Российская история*. 2011. № 6. С. 136–145; Хасбулатова О.А. Технологии создания мифа о равноправии полов: советские практики // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 4. С. 49–59.

¹⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медум, 1995; Горбачев О.В. Теории конструирования социальной реальности в XX веке и советский проект // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практики. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. С. 29–49.

¹⁶ Мазур Л.Н. Раннесоветское общество как социальный проект: методологические подходы к изучению истории России в 1917–1936 годах // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практики. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. С. 9, 14.

¹⁷ Дюран Д. Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России... С. 162.

фовны (24 года, местная, замужем (муж 27 лет, родом из Псковской губернии, слесарь по профессии, отслуживший в рядах Красной Армии), помимо общественной деятельности, она также, согласно документам, выполняла функцию главы семьи).

В состав коммуны вошли 16 семей, 7 из которых возглавляли женщины в возрасте от 20–27 лет. Также, как и Татьяна Иосифовна, это были женщины, сознательно или вынужденно занимавшие активную жизненную позицию, позволившую им стать главой семейства и написать заявление в коммуну. Укажем их имена и социальный статус: Станевская Антония Адамовна, 20 лет, родом из г. Варшавы, секретарь ячейки РКП(б); Рожнева Полинария Ивановна, 22 года, Пермская губерния, грамотная, сестра милосердия; Заскокина Зоя Петровна, 24 года, Уфимская губерния, работница среди женщин, сиделка, на попечении сестра 19 лет; Калабина Елизавета Лукьяновна, 24 года, Пермская губерния, волостной организатор среди женщин; Золотова Берта Густовна, 27 лет, Эстония, волостной уполномоченный Упродкома, на попечении – мать и сын 6 лет; Красильникова Мария Ивановна, 22 года, Пензенская губерния. Все они указаны как занимающиеся до октября 1917 г. сельским хозяйством, кроме Золотовой, у которой сферой деятельности в этот же период было домашнее хозяйство¹⁸.

Отметим, что данная сельскохозяйственная коммуна явилась обычным примером коллектива с нетипичным составом активной группы, организованного в начальный период реализации коммунистического проекта пришлым населением и местной властью, с одновременным присутствием у них идеологических и экономических мотивов. Последние были представлены у основного состава рядовых членов как реакция на неблагоприятную макро- и микроэкономическую ситуацию. К этому добавим, что центральная власть в условиях снижения численности коммун к 1920–1921 гг. активно поддерживала партийные ячейки в подобных начинаниях.

Заметим, что Юго-Осокинская сельскохозяйственная коммуна, несмотря на такой представительный состав из числа партийных и государственных деятелей, просуществовала несколько месяцев исключительно на бумаге и, согласно протоколу землемера Пермского губернского земельного отдела от 20 мая 1921 г., так и не приступила к сельскохозяйственным работам на выделенном участке («из членов ... никого не оказалось»)¹⁹.

Тем не менее, это – показательный пример начала постепенного изменения положения женщин и расширения их возможностей в обществе в результате последствий мировой и гражданской войн, и, главным образом, посредством поддержки государственной властью любых их начинаний.

В отличие от актива сельскохозяйственных коммун, где женщин фактически не было, в составе коллективов они составляли около половины от общей численности. Приведем в пример данные по Курской губернии весны 1919 г.: в коммуне «Братство» было 26 трудоспособных мужчин и 27 трудоспособных женщин; в коммуне «Новый свет» – 31 и 25 соответственно; в коммуне «Луч» – 9 и 9; в коммуне имени К. Маркса – 8 и 11; в коммуне «Рассвет» – 17 и 14²⁰.

¹⁸ Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 146. Л. 2.

¹⁹ ГАПК. Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 146. Л. 13.

²⁰ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 478. Оп. 4. Д. 112. Л. 11, 27; Д. 109. Л. 8, 15, 22.

Стоит предположить, что в условиях декларируемого равенства и справедливости в рамках устава коллективов, гражданской войны и восстановительного периода женщины сыграли важную роль в жизни коммун. Этот тезис подтверждается тем, что, согласно мнению как самих коммунаров, так и различных инспекторов по линии партии большевиков, многие коммуны распались из-за «несогласия женщин в коллективах» (сведения из Нижегородского уезда 1919 г.)²¹.

Необходимо выделить три этапа существования сельскохозяйственных трудовых коммун в деревне, в ходе которых причины участия и мотивации женщин, входивших в коллектив, имели некоторые отличия: 1) вторая половина 1917 г. – 1919 г.; 2) 1920/1921 гг.– 1924/1925 гг.; 3) 1926/1927 гг. – начало 1930-х гг.

На первом этапе коммуны формировались преимущественно в центре и на юге из числа пришедшего и/или имеющего некрестьянский опыт населения. Процесс создания характеризовался хаотичностью: в состав включались все желающие (особенно это касалось крупных коллективов на бывших помещичьих землях), участие традиционного крестьянства также имело место, но носило вторичный характер (в качестве рядовых членов и/или в рамках микрокоммун, которые очень быстро распались или ликвидировались).

В этот период в условиях сохранения в деревне устойчивости традиционного брака и семейных отношений женщины-крестьянки вступали в коммуну в основном вместе со своими мужьями вне зависимости от мотивов последних. Согласно сведениям современников и архивным материалам, желание принимать ими коллективный образ жизни и уровень революционной сознательности были минимальными.

В заявлениях женщин, относящихся к следующему этапу, но демонстрирующих аналогичную ситуацию, также прослеживается их личное нежелание вступать в коллектив. «Хотя я писалась в упомянутую коммуну но все же таки по предложению моего мужа с которым не желала сделать распри и неудовольствия» (Заявление Зиновии Трифоновны Семериковой 6 апреля 1921 г. в коммуну «Красный Луч» Буткинской волости Камышловского уезда). «Состоя членом коммуны со дня организации таковой. Муж мой Михаил Берсенева насильно втащил вписать в коммуну меня» (Заявление Анны Берсеновой 9 апреля 1921 г. в ту же коммуну). «Я входила в коммуну не по своему желанию а по приказанию мужа» (Заявление Агафьи Черновой 3 сентября 1921 г. в коммуну «Энергия» Смоленской волости Шадринского уезда)²².

С 1920 г. ситуация пополнилась противоположными примерами, отражавшими новые реалии в жизни деревни. Самостоятельность женщин по принятию решения о вступлении в коммуну заметно возросла. Примером служит заявление в коммуну «Энергия» Смоленской волости Шадринского уезда в декабре 1920 г. от Аксеньи Поротниковой: «Товарищи коммунары я коммунистическую жизнь признаю справедливой и желаю отказаться от частной собственности и прошу

²¹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 8. Л. 65.

²² Государственный архив в г. Шадринск (далее – ГА в г. Шадринск). Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 147. Л. 53а, 54; Д. 150. Л. 17. Здесь и далее орфография источника сохранена – *О.С.*

принять меня в вашу семью. К сему прилагаю список моей семьи и имущества: семья из 3-х членов: я – 25 лет, сын Иван 4 года, сын Кузьма 6 месяцев; изба с сеньями, корова, гусиха»²³.

Приведем еще одно документальное свидетельство из протокола коммуны «Восток» Житниковской волости Шадринского уезда от 4 января 1921 г., где представлено новое явление в деревенской жизни – идеологическая готовность молодой крестьянки к строительству «светлого будущего» без учета позиции мужа: «Слушали: заявление гражданки Житниковской волости Александры Азановой. Объяснила, что идет одна без мужа. Муж мой саботажит и идет по ступеням советской власти. Постановили: принять единогласно»²⁴.

Причины роста с 1920–1921 гг. заявлений от женщин были связаны с тем, что организация коммун происходила на территориях, где к тому времени завершились или периодически возобновлялись боевые действия и которые были затронуты неурожаями и голодом. Все вместе – мобилизация, смерть, ранения, инвалидность мужей еще и при наличии малолетних детей – вынуждали женщин искать варианты выхода из кризисной ситуации. Вступление в коммуну (в уставе которой было закреплено равное право для всех членов на распределение имеющихся ресурсов) предоставляло больше шансов на сохранение жизни для всех поколений семьи. Кроме того, коммуна была привлекательна для беженцев и наиболее неблагополучных категорий сельского населения (сирот, асоциальных личностей, деревенских изгоев).

Хотя в последнем случае ситуация была неоднозначной. Если коммуна создавалась преимущественно местного крестьянского населения близлежащих поселений, то вместе с ним в коллектив проникали традиционные представления о совместном проживании и нормах морали. Как следствие, заложенные в концепт «коммуна» (разработанный в рамках большевистского проекта социализации деревни) принципы жизнедеятельности на низовом уровне претерпевали существенные изменения.

В представлении крестьян равенство могло присутствовать только между теми, кто признает одинаковые нормы поведения, а также действует в соответствии с крестьянскими традициями, в том числе хозяйственными. В результате были случаи, когда заявления женщин о вступлении в сельскохозяйственную коммуну отклонялись. Например, на заявлении Веры Дмитриевны Батаниной из с. Смолинского в коммуну «Энергия» Смолинской волости Шадринского уезда («Желаю к вам вступить в единую семью с детьми. Детей двое 7 лет 4х лет а если меня не примите хотя моих детей примите») 24 сентября 1921 г. была поставлена следующая виза: «Отказать ... занимающуюся проституцией ... а дети не принимаются в виду отказа подотдела снабжения от государственной помощи детям»²⁵.

Но нужно понимать, что число желающих в соотношении с общей численностью населения на первых этапах создания трудовых коммун было незначи-

²³ ГА в г. Шадринск. Д. 150. Л. 2.

²⁴ Там же. Д. 125. Л. 126.

²⁵ Там же. Д. 150. Л. 33.

тельным. Поэтому большинство из подававших заявление принимались в состав. В отношении женщин, которые выражали желание вступить в коллектив, но не отличались соблюдением традиционных морально-нравственных принципов в семейной жизни, чаще всего принималось положительное решение, но на условиях компромисса (например, «было взято честное слово что она исправит свое поведение и будет жить со своим законным мужем»²⁶). Но впоследствии в коммунах рано или поздно начиналась борьба между теми, кто придерживался патриархальных устоев, и теми, кто был не против принципа свободных половых отношений. Где-то это проявилось в том, что «члены коммуны – члены РКБ(б) по три раза женились и разводились, причем старые жены с детьми из коммуны исключались, а новые, также с детьми – зачислялись»²⁷. Причем к осуждению (вплоть до исключения) коллективом коммуны подобного мужского поведения такая ситуация чаще всего не приводила.

В другом случае на общих собраниях одерживала вверх традиционная точка зрения, и свободные гендерные отношения активно осуждались. Так решением общего собрания коммуны «Красный орел» Катайской волости Камышловского уезда 2 октября 1921 г. было установлено «объявить всей молодежи и если будут замечены проституции то их необходимо изолировать»²⁸.

Под последним подразумевалось исключение из коммуны. Приведем в качестве примера ситуацию с Марией Семериковой, членом уже упоминавшейся коммуны «Энергия» Шадринского уезда. Женщина была замужем, имела троих детей. Согласно письму совета коммуны в Шадринский уездный союз колхозов от 21 июля 1921 г., в январе 1921 г. она подала заявление на вступление в коллектив, при этом ее муж возражать не стал, так как «имел физический недостаток – глухоту, был слабохарактерен и не имел абсолютно никакой власти на жену». Вопрос о принятии в коммуны не был решен автоматически, так как репутация женщины не была идеальной (по слухам «за спиной мужа и даже явно при нем вела распутную жизнь»), тем не менее, она была принята с условием, что будет вести достойный образ жизни²⁹.

Из этого документа также следовало, что примерно через две недели после переезда Марии стали ходить слухи, что она «стала развращать молодежь коммуны расточая ласки направо и налево». Руководством коммуны она была предупреждена, что может быть исключена в случае повторения информации, на что М. Семерикова ответила: «...Не живу с мужем 15 лет и буду иметь 10 мужей, а вам до меня никакого дела нет... Если вы меня выключите за мной пол коммуны выйдет, а остальные все вшами расползутся». В результате ее все-таки исключили в апреле 1921 г.: «за разврат без удовлетворения имуществом а детей оставить при коллективе». Решение было ускорено в силу того, что после нападения на коммуны «коллективу пришлось отступать от восставших белобандитов».

²⁶ ГА в г. Шадринск. Д. 150. Л. 44–44 об.

²⁷ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДОСО). Ф. 4. Оп. 2. Д. 148. Л. 68 об.

²⁸ ГА в г. Шадринск. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 139. Л. 137

²⁹ Там же. Д. 150. Л. 44–44 об.

Советом коммуны сообщалось следующее: «При отступлении несмотря на просьбы мужа Мария Семерикова оставила его в деревне а сама утнала в отступление. Семериков Федор (муж) был пойман и убит. По возвращении Мария опустилась в абсолютный разврат и стала принимать к себе на дому по несколько мужчин в ночь. Коллектив “голосом ревел” и требовал исключить ее. На общем собрании в апреле месяце был установлен факт разврата»³⁰.

Сложно сказать на основе имеющихся данных, соответствовало ли истинное поведение Марии Семериковой приведенным сведениям. Ведь по факту был подтвержден только один случай, да и тот не описан. Про трудовую деятельность вообще ничего не сказано, но то, что позднее ей было предложено вернуться в коммуну (но она отказалась), и как она уверенно отвечала на все нападки, говорит о неоднозначности сложившейся ситуации и прямом столкновения «старого» и «нового». Скорее всего, женщина пыталась в условиях личной трагедии (драмы) в семье (муж-инвалид, отсутствие близких с ним отношений) построить новую счастливую жизнь. Но в рамках крестьянского патриархального сообщества это не соответствовало нормам и правилам, что вызывало острую реакцию и открытую борьбу.

Наличие нескольких смысловых конструктов в ситуации: в том числе возможность М. Семериковой повлиять на решения местной власти в отношении коммуны через неформальные контакты (по слухам «жила с продотрядщиками») сформировали и нестандартное отношение к ее детям. Когда дети заявили о выходе их коммуны («с уходом их матери некому было их обслуживать, то есть стирать белье и чинить ветхую одежду»), им выдали лошадь, белье и обувь (очень ценные ресурсы в условиях завершения гражданской войны), что не соответствовало уставу сельскохозяйственной трудовой коммуны. Тем не менее, итог был в пользу крестьянского сообщества – женщина вместе с детьми оказалась за его пределами, лишившись при этом значительной части вложенного имущества: «в коммуну сдано 3 лошади, 1 корова, 1 теленок, сабан, борона и др.»³¹.

Равенство прав на вступление в коммуну также подвергалось сомнению и в том случае, если женщины являлись женами красноармейцев. Так, на общем собрании коммуны «Восток» Шадринского уезда 13 января 1921 г. было принято следующее решение: «В случае вступления жен красноармейцев не принимать пока от него не будет точного [ответа – О.С.]»³². Последнее обстоятельство было вызвано ситуацией, когда красноармеец по возвращении домой, не пожелав вступить в коллектив, требовал, чтобы ему отдали имущество, внесенное к этому времени его женой в коммуну. Согласно уставу данных коллективов, выбывшие имели право только на личные вещи, находящиеся «в их исключительном пользовании»³³, остальные материальные ресурсы оставались в коммуне. Но по кре-

³⁰ ГА в г. Шадринск. Д. 150. Л. 44 об. – 45.

³¹ Там же. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 150. Л. 44–45 об.

³² Там же. Д. 125. Л. 14 об.

³³ Примерный устав трудовой земледельческой коммуны, утвержденный Наркомземом 21 июля 1918 г. // Аграрная политика советской власти (1917–1918 гг.). Документы и материалы. М.: Изд-во академии наук СССР, 1954. С. 401.

стьянской традиции домохозяином считался мужчина как глава семьи, и только он имел право распоряжения имуществом, да и советская власть выделяла бывших красноармейцев в особую категорию с привилегированным статусом. В результате коммунам приходилось нарушать устав и возвращать имущество (по решению местных властей или суда). Приведем в пример заявление Сидорова Порфирия Григорьевича, которое поступило в коммуну «Энергия» Смоленской волости Шадринского уезда 26 июля 1921 г.: «В начале июля месяца сего года я возвратился домой из рядов Красной Армии в бессрочный отпуск. Дома я узнал, что моя жена Александра Ивановна Сидорова вступила в члены вашей коммуны; без моего ведома передала вам в коммуну все движимое и недвижимое имущество, лошадь, корову, которое принадлежит мне и должно принадлежать мне». Виза на заявления гласит: «Возвратить через суд, так как изба была зарегистрирована»³⁴.

Жизнь и деятельность в коллективе

В рамках жизнедеятельности сельскохозяйственных коммун необходимо выделить категории женщин, вступавших в коллективы. Это были незамужние девушки, самостоятельно или с семьями вошедшие в коллектив, замужние с детьми или без них, вдовы, потерявшие мужей до вступления в коммуну или в период жизни в ней (чаще всего в результате организованных нападений антикоммунистических сил).

Добавим, что на последнем этапе существования коммун среди первой категории в значительном количестве присутствовали девушки, которые получили образование уже в советской школе с высоким уровнем идеологической работы, в том числе в рамках пионерской и комсомольской организаций. Это повлияло как на укрепление коммунистической сознательности и трудовой дисциплины в коммунах, так и на усиление поляризации деревни в период коллективизации.

У каждой категории был свой путь и свои возможности в рамках устава сельскохозяйственной трудовой коммуны, дополненные традиционным отношением к ним крестьянского мира. Тем не менее, общими для всех явились сложности перехода как на коллективное хозяйство, так и на общий быт.

Относительно совместного труда, предусмотренного уставом, коммуны постепенно выработали наиболее оптимальные принципы, которые в полной мере не соответствовали теории равенства, но обеспечивали стабильность производственного цикла, что было позднее зафиксировано в законодательстве. Например, в Нормальном уставе сельскохозяйственных коммун 1919 г. было установлено: «Отдельным членам коммуны должна, по возможности, предоставляться такая работа, которая соответствует состоянию их здоровья, навыкам и способностям в соответствии с основными задачами хозяйства коммуны»³⁵. На практике это проявлялось в повсеместном использовании традиционного гендерного принципа распределения работ. Подготовка, уборка по дому, изготовление домашней ткани

³⁴ ГА в г. Шадринск. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 150. Л. 38.

³⁵ Нормальный устав сельскохозяйственных производительных коммун, утвержденный Наркомземом 19 февраля 1919 г. // Аграрная политика советской власти (1917–1918 гг.). Документы и материалы. М.: Изд-во академии наук СССР, 1954. С. 438.

и шитье одежды, огород, присмотр за детьми, уход за животными оказались в обязанностях женщин (хотя и на полевых работах при недостатке мужчин они также участвовали). В протоколах общих собраний это объяснялось необходимостью применить половозрастные хозяйственные навыки для эффективной работы коллектива. Но в каждодневной деятельности это распределение без идеологической сознательности и готовности к принятию новых форм подчинения в рамках декларируемого равенства («на основании того уважения, которое каждая зарабатывала в группе коммунаров своими способностями и умениями»³⁶) приводило часто к склокам и раздорам. А если это было дополнено нехваткой материальных ресурсов, формированием новой управленческой иерархии, использованием должностного положения во внутренних хозяйственных вопросах коммуны или личностными мотивами, то избежать кризиса в коллективе было невозможно. Это заканчивалось постоянными выходами, а иногда и ликвидацией всего хозяйства. При этом в архивных источниках отмечается значительная роль женщин в формировании морально-психологического климата в коллективе.

Приведем в качестве примера ситуацию, сложившуюся в коммуне «Энергия» Шадринского уезда между двумя семьями Чусовитиных и Жлудовых. Борьба внутри коллектива, начавшаяся как склока между двумя женщинами, показала наличие внутренних противоречий в управлении и жизни и в итоге завершилась развалом коммуны в марте 1922 г. после принятия Акта ликвидации сельскохозяйственной трудовой коммуны «Энергия»³⁷.

Сначала в марте 1921 г. в совет коммуны поступило заявление Арины Ив. Жлудовой (которое было удовлетворено): «Прошу Вас товарищи принять во внимание исключить меня из коммуны. Причина моя, та, что нет возможности жить в коммуне из-за дрязг разного рода. Из-за личных счетов т. Чусовитиной». 5 апреля было удовлетворено и заявление самой Ирины Чусовитиной: «Прошу исключить меня из списков коммуны, так как я хочу жить одна».

Хотя своих детей последняя оставила в коммуне и забрала их через новое заявление 30 июля 1921 г., но 24 августа написала еще одно заявление, уже на возврат в коммуну вместе с детьми, на которое также была наложена положительная резолюция. Обычно такая практика отсутствовала (если и принимали обратно, то мужчин или полные семьи). Нам видится, что важную роль в этом сыграл член совета коммуны Варлам Чусовитин (степень родства по имеющимся в архивном деле документам определить не представилось возможным) и, скорее всего, в данном межличностном конфликте переплелись хозяйственные и личностные мотивы³⁸.

Из других отложившихся документов становится понятно, что между Чусовитиными и Жлудовыми действительно имелись серьезные разногласия. Так, в заявлении на выход и затем при опросе на общем собрании Филипп Жлудов указал на использование авторитарных принципов управления в коммуне со стороны Чу-

³⁶ Дюран Д. Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России... С. 165.

³⁷ ГА в г. Шадринск. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 36. Л. 20.

³⁸ Там же. Оп. 1. Д. 150. Л. 5, 8, 25, 28.

совитина («опрошенный товарищ Жлудов заявил, что члены коммуны допускали самостоятельные действия в деле управления хозяйством, а именно в частности т. Чусовитин («зав. транспортом» – *О.С.*) допускал мену лошадьми и коровами») и на нежелание совета коммуны выносить на обсуждение спорные вопросы для их разрешения («но я заявил что разобрать наши [конфликты – *О.С.*] меня же и охармали я етова не заслуживал»).

В результате именно женщины не выдержали напряженного противостояния и приняли решение о выходе. Как следствие – это повлияло и на позицию их семей. В частности, Жлудов также написал заявление на выход, несмотря на то, что это лишало семью всего внесенного имущества. В нем, в частности, говорилось: «Так как жена мая не хотела жить одной семьей как раньше не желавшая. Не желая нарушать ее семейной жизни я вышел из коммуны вместе со своей женой»³⁹. Заметим, что под «одной семьей» в последней цитате подразумевалась именно сельскохозяйственная коммуна (а не брачные отношения), которая на низовом уровне воспринималась традиционной большой крестьянской производственной ячейкой (это определение было стандартным в заявлениях и протоколах общих собраний коммун Шадринского уезда).

Последний пример не являлся исключением. Замужняя женщина в изучаемый период занимает не только традиционное место в патриархальной крестьянской семье. Некоторые из них начинают воспринимать себя личностью, имеющей право принимать собственные решения относительно своей жизни и жизни своих детей, хотя по-прежнему социальный статус для большинства из них был важен, что способствовало тому, что женщины старались сохранить брак, а в случае вступления или выхода из коммуны – попытаться повлиять и на решение мужа. Так, 18 июля 1921 г. на собрании членов коммуны «Энергия» Шадринского уезда слушали следующие вопросы: «1) об уходе Афанасия Баева из коллектива в виду ухода его жены без которой он в коллективе жить не может; 2) о выходе Тельминова Ивана в виду того что его семья отказалась идти в коммуны»⁴⁰.

При переходе некоторых сельскохозяйственных коммун во второй половине 1920-х гг. на хозрасчет появились новые реалии, которые вызывали дополнительное напряжение в межличностных отношениях и, как следствие, системный кризис. Например, в публикациях журнала «Коллективист» была представлена ситуация, связанная с высокими ставками по заработной плате для «начальства» и «спецов», что вело к тому, что их жены находились на иждивении и мало или вовсе не участвовали в общей работе. Авторы статей с возмущением писали: «Им не нужно было зарабатывать, потому что достаточно заработали их мужья. На таких женщин косо смотрят простые коммунары, как и на тех, кто “отделяется от массы”: получая на государственной или общественной службе жалованье, не вносят его в общий фонд целиком, а тратят на себя»⁴¹. В условиях появления этого нового неравенства и одновременно низкого уровня благосостояния большинства комму-

³⁹ ГА в г. Шадринск. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 150. Л. 16, 18, 42 об.

⁴⁰ Там же. Л. 40.

⁴¹ Цит. по: *Дюран Д.* Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России... С. 109.

наров данный факт становился поводом для рассмотрения на общем собрании вопроса о возвращении к принципам революционного равенства и справедливости, заложенных в первых утвержденных уставах 1918 – первой половины 1920-х гг.

Наиболее сложными аспектами в рамках реализации большевистского коммунистического проекта в деревне стали общий быт, обобществление и распределение материальных ресурсов, семейный и детский вопросы, то есть то, что непосредственно касалось в большей степени именно женской части коммуны.

Позиция женщины считалась важной в развитии коллектива. Так, представитель коммуны «Незаможник» Запорожского округа в 1925 г. утверждал: «Жена определяет настроение коммуны. Жены в хорошем настроении – коммуна хорошая. Жены в плохом настроении и у нас плохо. Выход один – поднять культурный уровень. Мы ввели правило, что ни один муж не имеет право защищать свою жену. Это не жена, а это член коммуны и были случаи, когда мы постановляли жену исключить из коммуны, а мужа оставить. Выбирай одно из двух: или иди за своей женой, или за коммуной. ... Женщины знают, что если они проштрафятся, то отвечают сами»⁴². Конечно, все это желание соответствовать идеальному представлению о коммуне оставалось лишь на бумаге. Мужчины часто уходили вслед за женами.

Непросто обстоял вопрос с организацией общественного питания. Если были преодолены все сложности постройки кухни и столовой (либо они имелись изначально в рамках бывших помещичьих имений), то на первый план выходили вопросы, связанные с готовкой и распределением обязанностей⁴³. С одной стороны, приготовление пищи на значительное количество человек вызывало необходимость изначально освоить эту деятельность, а затем ввести ее в ежедневную практику. Не все к этому были готовы, да и соблюдение очередности чаще всего не улучшало ситуацию. Решали вопрос по-разному: закрепляли эту функцию за конкретной женщиной, распределяли продукты и возвращались к семейному питанию, осуществляли найм специалиста. С другой стороны, субъективное отношение коммунаров к вопросу (к личности поварихи, качеству приготовления и санитарным условиям) также требовало времени и выработки правил для решения. На третьем этапе существования коммун уже был наработан опыт совместного питания и столовые являлись повседневной нормой в жизни коммун.

Много вопросов возникало при обобществлении и распределении ресурсов. Если хозяйственное имущество при вступлении в коммуны передавалось согласно уставу полностью, то личные вещи оставались в собственности.

В условиях острой нехватки в деревне одежды и обуви, особенно в первые годы существования коммун, в наиболее бедных коллективах было правило «общего сундука/ларя», в смешанных – обобществлению подвергались только излишки. Но и последняя практика создавала эмоционально напряженную обстановку.

⁴² Труды Первого Всесоюзного совещания сельскохозяйственных коллективов (коммун, артелей и товариществ по общественной обработке земли) 26 февраля – 6 марта 1925. М.: [Б.и.], 1925. С. 34.

⁴³ Семерикова О.М. Границы в реализации большевистского проекта «сельскохозяйственная трудовая коммуна» в раннесоветский период // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: материалы VII Всероссийской (XV региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Йошкар-Ола, 23–24 мая 2018 г.). Йошкар-Ола: Изд-во Марийского ГУ, 2018. С. 399–400.

Д. Дюран пишет: «Не нужно быть очень проницательным, чтобы догадаться, как они – например, жены рабочих, прибывших из города и влившихся в коммуны, – отнеслись бы, скажем, к попытке коллективизации одежды»⁴⁴.

Принцип равенства при распределении, по свидетельству современников, также сложно было реализовать. Относительно сибирских коммун в 1929 г. отмечалось: «Всех наделить в достаточном количестве было трудно, и со стороны неполучивших выражались недовольство и зависть. Иногда, особенно среди женщин, появлялось недовольство по поводу качества, даже рисунка материала: одной нужно в полоску, другой в клеточку»⁴⁵. Отметим, что к последнему пассажиру стоит отнестись критически в соответствии со временем публикации и территориальными рамками (речь идет о начале массовой коллективизации с задачей на агитацию перехода к артельному производству и большим объемом ресурсов, поступивших в коммуны от раскулаченных).

Женщины особенно остро реагировали на выдачу продуктов питания и необходимых вещей для своих детей. С целью предотвращения конфликтов коммуны создавали дошкольные учреждения за свой счет (что отличало их от артелей и ТОЗов) или отдавали детей на государственное обеспечение. Из коммуны «Незаможник» Запорожского округа в 1925 г. сообщали: «Дети имеют колоссальное значение и часто из-за них начинается склока. Необходимо детей поставить в такие условия, при которых они находились бы в лучших условиях, чем если бы они оставались у отдельных коммунарок. Когда дети находятся в лучших материальных условиях, то никаких разговоров нет. У нас все дети от 5-летнего возраста находятся в детском доме, который имеется при коммуне, где воспитатели»⁴⁶.

Но здесь возникали другие проблемы: отрыв детей от взрослых разрушал единство и традиционные семейные ценности, на что многие женщины не были готовы. С другой стороны, для сирот и детей из неполных семей это была возможность выжить и пройти этапы социализации при поддержке коллектива.

Степень участия женщин в организационной деятельности коммун была разной. Общими характеристиками этого аспекта явились постепенный рост привлечения женщин к управленческим функциям при традиционном доминировании мужчин.

Согласно данным А.А. Биценко по 37 обследованным коммунам РСФСР, в 1926–1927 гг. в руководстве коммун было 6,3 % женщин, в 1927–1928 – 9,9 %⁴⁷, но это было выше, чем в коллективных хозяйствах других форм. Доминирование было обусловлено реализуемым уставным принципом равенства, в том числе и гендерным, созданием новых учреждений (детские ясли и интернаты, общие столовые) и школ, и более высоким уровнем идеологической работы именно в сельскохозяйственных коммунах. Например, коммуна «Марс» Нытвенского района Пермского округа в конце лета 1924 г. отправила Дедову Клавдию Александровну в Москву

⁴⁴ Дюран Д. Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России... С. 166.

⁴⁵ Васильев П. Г. Вопросы труда и организации капиталов в сельскохозяйственных коммунах... С. 24.

⁴⁶ Труды Первого Всесоюзного совещания сельскохозяйственных коллективов... С. 34–35.

⁴⁷ Дюран Д. Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России... С. 163.

«для приобретения трактора», 4 сентября она сообщила общему собранию о результатах поездки⁴⁸. Также управленческие функции обычно делегировались в животноводстве, организации дошкольного и школьного воспитания и прочем.

Выводы

Таким образом, стоит заключить, что большинство женщин-крестьянок при вступлении в сельскохозяйственную коммуну (как вместе с мужем, так и самостоятельно) преследовали в основном прагматические цели, и их представления о своем месте в семье и социуме в массе своей не менялись или менялись очень медленно. Те из них, кто пытался по своему усмотрению выстроить личную жизнь, не обращая внимания на патриархальные устои, подвергались остракизму и чаще всего были вынуждены покинуть коммуну, лишившись вложенного имущества. Гендерное равенство так и осталось идеальным теоретическим конструктом.

Иное значение имело пространство коммуны для детей. Именно они в полной мере впитывали новые коммунистические идеи, новые смыслы производственного процесса, в том числе, согласно мнению Т. К. Щегловой, через «перенесение оценки благополучия с результатов труда <...> на моральные факторы». Так, например, в воспоминаниях детей коммунаров Сибири присутствует следующая оценка жизни в коллективе: «Энергии было много, такие веселые, жизнерадостные. Мама будит нас утром: вставайте, девчонки, в столовую. Завтракать, обедать, ужинать ходили в столовую коммунарскую»⁴⁹. В результате на последнем этапе существования сельскохозяйственных трудовых коммун «уровень идеологической сознательности» крестьянских женщин повысился за счет включения в процесс этой новой советской молодежи.

Труд женщин на всем протяжении существования коммун использовался в традиционных сферах хозяйства в соответствии с нормами крестьянской жизни, а управленческие функции делегировались в незначительном масштабе. Тем не менее, новая власть на доктринальном уровне широко поддержала идею женской эмансипации, что, действительно, повысило возможности последних в получении образования и самореализации.

© Семерикова О.М., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Рукопись поступила: 15 февраля 2019 г.

Submitted: 15 February 2019

Библиографический список

- Аграрная политика советской власти (1917–1918 гг.). Документы и материалы / Сост. И.И. Варжо. М.: Изд-во акад. наук СССР, 1954. С. 401.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Меднум, 1995.

⁴⁸ ГАПК. Ф. Р-104. Оп. 1 Д. 86. Л. 14.

⁴⁹ Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в. Устная история... С. 151.

- Биценко А.А.* Сельскохозяйственные коммуны по материалам обследования Московского высшего Кооперативного института в 1923 г. М.: Новая деревня, 1924.
- Биценко А.А.* Организация труда и женский труд в колхозах: Доклад на 1 Всесоюзном съезде колхозниц 24 дек. 1929 г. М.: Книгосоюз, 1930.
- Бухарин Н.И.* Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков. Пб.: Гос. изд-во, 1920.
- Васильев П.Г.* Вопросы труда и организации капиталов в сельскохозяйственных коммунах (опыт с.-х. коммун Сибири). Новосибирск: Книгосоюз, 1928.
- Горбачев О.В.* Теории конструирования социальной реальности в XX веке и советский проект // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практики. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. С. 29–49.
- Гордеева И.А.* Общинный миф и общинный эксперимент в истории России XIX–XX вв. // Дюран Д. Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России. СПб.: Изд-во Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2010. С. 7–74.
- Гришаев В.В.* Сельскохозяйственные коммуны Советской России. 1917–1929. М.: Мысль, 1976.
- Гришаев В.В.* История сельскохозяйственных коммун. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986.
- Дианова Е.В.* О сельскохозяйственных коммунах Олонечкой губернии // Клио. № 2 (49). 2010. С. 81–83.
- Дышлер П.Я.* Как устраивать сельскохозяйственные коммуны. Петроград: [Б.и.], 1918.
- Дюран Д.Д.* Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России. СПб.: Изд-во Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2010.
- Конюков И.А.* Очерки о первых этапах развития коллективного земледелия 1917–1925 гг. М.: Сельхозгиз, 1949.
- Ларин Ю.* Советская деревня. М.: Изд-во Экономическая жизнь, 1925.
- Ленин В.И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. М.: Политиздат, 1969.
- Мазур Л.Н.* Раннесоветское общество как социальный проект: методологические подходы к изучению истории России в 1917–1936 годах // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практики. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. С. 7–28.
- Маслов С.* Коллективно-земледельческое движение в современной России // Современные записки. 1922. С. 195–233.
- Мецгеряков Н.Л.* Кооперация в Советской России. М.: Гос. изд-во, 1922.
- Панкова-Козочкина Т.В.* Работники сельских советов 1920-х годов: номенклатурные подходы большевиков и социальные требования крестьянства (на материалах юга России) // Российская история. 2011. № 6. С. 136–145.
- Прудникова Е.* Труд и быт в колхозах. М.: Книгосоюз, 1930.
- Рубцова М.* Организация женского труда в колхозах. Воронеж: Коммуна, 1930.
- Семерикова О.М.* Границы в реализации большевистского проекта «сельскохозяйственная трудовая коммуна» в раннесоветский период // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: материалы VII Всероссийской (XV региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Йошкар-Ола, 23–24 мая 2018 г.). Йошкар-Ола: Изд-во Марийского ГУ, 2018. С. 395–402.
- Усатова А.Н.* Аграрные преобразования и первые коммуны во Владимирской губернии Владимир: Книж. изд-во, 1961.
- Хасбулатова О.А.* Технологии создания мифа о равноправии полов: советские практики // Женщина в российском обществе. 2018. № 4. С. 49–59.
- Щеглова Т.К.* Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в. Устная история. Барнаул: БГПУ, 2008.
- Якимов Д.В.* Аграрный вопрос в политике большевиков и левых социалистов-революционеров в феврале 1917 г. – июле 1918 г. (на материалах Саратовской губернии). Саратов: Саратов. гос. соц.-эконом. ун-т, 2008.

References

- Berger, P., and Lukman, T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. Moscow: Medium Publ., 1995 (in Russian).
- Bitsenko, A.A. *Organizatsiya truda i zhenskii trud v kolkhozakh: Doklad na I Vsesoyuznom s"ezde kol'khozniits 24 dek. 1929 g.* Moscow: Knigosoyuz Publ., 1930 (in Russian).
- Bitsenko, A.A. *Sel'skokhozyaistvennyye kommuny po materialam obsledovaniya Moskovskogo vysshego Kooperativnogo instituta v 1923 g.* Moscow: Novaya derevnya Publ., 1924 (in Russian).
- Bukharin, N.I. *Azбука kommunizma: populyarnoe ob"yasneniye programmy Rossiiskoi kommunisticheskoi partii bol'shevikov*. St. Petersburg: State Publ., 1920 (in Russian).
- Dianova, E.V. "O sel'skokhozyaistvennykh kommunakh Olonetskoii gubernii." *Klio: zhurnal dlya uchenykh*, no. 2 (2010): 81–83 (in Russian).
- Dyshler, P.Ya. *Kak ustraiivat' sel'skokhozyaistvennyye kommuny*. Petrograd: [S.n.], 1918 (in Russian).
- Dyuran, D.D. *Kommunizm svoimi rukami: Obraz agrarnykh kommun v Sovetskoi Rossii*. St. Petersburg: European University Publ., 2010 (in Russian).
- Gorbachev, O.V. "Teorii konstruirovaniya sotsial'noi real'nosti v XX veke i sovetskii proekt." In *1917 god v Rossii: sotsialisticheskaya ideya, revolyutsionnaya mifologiya i praktiki: sbornik nauchnykh trudov*, 29–49. Yekaterinburg: Ural University Publ., 2016 (in Russian).
- Gordeeva, I.A. "Obshchinniye mif i obshchinniye eksperimenty v istorii Rossii XIX–XX vv." In *Kommunizm svoimi rukami: Obraz agrarnykh kommun v Sovetskoi Rossii*, 7–74. St. Petersburg: European University Publ., 2010 (in Russian).
- Grishaev, V.V. *Sel'skokhozyaistvennyye kommuny Sovetskoi Rossii. 1917–1929*. Moscow: Mysl' Publ., 1976 (in Russian).
- Grishaev, V.V. *Istoriya sel'skokhozyaistvennykh kommun: itogi izucheniya, problemy*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Publ., 1986 (in Russian).
- Khasbulatova, O.A. "Tekhnologii sozdaniya mifa o gendernom ravenstve: sovetskaya praktika." *Woman in Russian Society*, no. 4 (2018): 49–59 (in Russian).
- Konyukov, I.A. *Ocherki o pervykh etapakh razvitiya kollektivnogo zemledeliya 1917–1925 gg.* Moscow: Sel'khozgiz Publ., 1949 (in Russian).
- Larin, Yu. *Sovetskaya derevnya*. Moscow: Economic life Publ., 1925 (in Russian).
- Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochinenii v pyatidesyati pyati tomakh*. Moscow: Politizdat Publ., 1969 (in Russian).
- Mazur, L.N. "The Early Soviet Society as a Social Project: Concepts and Approaches." In *1917 god v Rossii: sotsialisticheskaya ideya, revolyutsionnaya mifologiya i praktiki*, 7–28. Yekaterinburg: Ural University Publ., 2016 (in Russian).
- Maslov, S. "Kollektivno-zemledel'cheskoe dvizheniye v sovremennoi Rossii." *Sovremennyye zapiski* (1922): 195–233 (in Russian).
- Meshcheryakov, N.L. *Kooperatsiya v Sovetskoi Rossii*. Moscow: State Publ., 1922 (in Russian).
- Pankova-Kozochkina, T.V. "Rabotniki sel'skikh sovetov 1920-kh godov: nomenklaturnye podkhoty bol'shevikov i sotsial'nye trebovaniya krest'yanstva (na materialakh yuga Rossii)." *Russian history*, no. 6 (2011): 136–145 (in Russian).
- Prudnikova, E. *Trud i byt v kolkhozakh*. Moscow: Knigosoyuz Publ., 1930 (in Russian).
- Rubtsova, M. *Organizatsiya zhenskogo truda v kolkhozakh*. Voronezh: Kommuna Publ., 1930 (in Russian).
- Семерикова, О.М. "Granitsy v realizatsii bol'shevistskogo proekta «sel'skokhozyaistvennaya trudovaya kommuna» v rannesovetskii period." In *Rossiiskoe krest'yanstvo i sel'skoe khozyaistvo v kontekste regional'noi istorii: materialy VII Vserossiiskoi (XV regional'noi) s mezhdunarodnym uchastiem konferentsii istorikov-agrarnikov Srednego Povolzh'ya (Ioshkar-Ola, May 23–24, 2018)*, 395–402. Yoshkar-Ola: Moria University Publ., 2018 (in Russian).
- Shcheglova, T.K. *Derevnya i krest'yanstvo Altaiskogo kraia v XX v.* Barnaul: BGPU Publ., 2008 (in Russian).
- Usatova, A.N. *Agrarnyye preobrazovaniya i pervyye kommuny vo Vladimirskoi gubernii*. Vladimir: Knizh. izd-vo Publ., 1961 (in Russian).

- Vasil'ev, P.G. *Voprosy truda i organizatsii kapitalov v sel'skokhozyaistvennykh kommunakh (opyt sotsyalisticheskikh kommun Sibiri)*. Novosibirsk: Knigosoyuz Publ., 1928 (in Russian).
- Varzho, I.I., ed. *Agrarnaya politika sovetskoy vlasti (1917–1918 gg.)*. *Dokumenty i materialy*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1954 (in Russian).
- Yakimov, D.V. *Agrarnyi vopros v politike bol'shevikov i levykh sotsialistov-revolutsionerov v fevrale 1917 g. – iyule 1918 g. (na materialakh Saratovskoi gubernii)*. Saratov: Saratov University Publ., 2008 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Семерикова Ольга Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальных технологий Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Semerikova Olga Mikhailovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of History and Social Technologies of the Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-431-452>

Научная статья / Research article

Создание героини: трудовой рекорд Дуся Виноградовой

Д.И. Наволоцкая

АНООВО «Европейский Университет в Санкт-Петербурге»; 191187, Россия,
Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1, литера А; dnavolotskaya@eu.spb.ru

Creating a Heroine: the Labor Record of Dusya Vinogradova

Daria I. Navolotskaya

ANOOVO European University at St. Petersburg; letter A, 6/1, Gagarinskaya st.,
St. Petersburg, 191187, Russia; dnavolotskaya@eu.spb.ru

Аннотация: В данной статье предлагается анализ реализации советского гендерного проекта на локальном уровне, что позволяет исследовать отношения властей и рабочих в процессе организации социалистического соревнования на конкретной фабрике, показать взаимосвязь их интересов. Источниковую базу статьи составляют периодическая печать, документация центральных и местных органов власти. В статье показано, что интенсификация производства в начале первой пятилетки потребовала мобилизации рабочих рук, стимулирования энтузиазма рабочих. В рамках кампании по повышению производительности труда стали проводиться профессиональные конкурсы. Однако сырьевой и технический кризисы, которые совпали с кризисом продовольственным начала 1930-х гг., не позволяли текстильной промышленности Ивановской области «выйти из прорыва» и вызвали протесты рабочих. К началу второй пятилетки среди персонала фабрик сохранялись противники повышения производительности труда с помощью «уплотнения», то есть обслуживания большего количества станков одной ткачихой. Статья о рекорде ткачихи Евдокии Виноградовой в «Легкой индустрии» продвигала новые профессиональные стандарты, согласно которым юная девушка могла быть техническим экспертом, а повышение производительности труда возможно было достичь с помощью «уплотнения». Образ молодой ударницы был призван доказать превосходство советской системы образования и социалистической организации труда. Биографические данные основных участников рекорда свидетельствуют о том, что это были представители первого поколения советских людей, чьи интересы тесно переплетались с интересами партии.

Ключевые слова: индустриализация, стахановское движение, социалистическое соревнование, советский гендерный порядок, Дуся Виноградова

Для цитирования: Наволоцкая Д.И. Создание героини: трудовой рекорд Дуся Виноградовой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 431–452. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-431-452>

Abstract: The objective of this article is to study the social and economic mechanisms that enabled the emergence of a female heroism at the beginning of the Second Five-Year Plan. The article analyzes its realization of the Soviet gender project at the local level. This approach allows to investigate the relations of the authorities and workers at a particular factory and show the interdependence of their interests. The article's primary sources include periodicals, documentation of central and local authorities, as well as the works of a journalist and historian T. Leshukov. Intensification of production at the beginning of the First Five-Year Plan required mobilization of labor forces, stimulation of workers' enthusiasm and modernization of factories' looms. Professional competitions, designed to

increase productivity while controlling product quality, became part of the campaign for increased output. However, the material and technical crisis did not allow the textile industry to fulfill the planned targets prescribed from above and coincided with the food crisis, which led to the largest workers' protests in the Ivanovo Industrial region in 1932. By the beginning of the Second Five-Year Plan, the textile industry was lagging far behind the planned indicators for production automatization, while the factory staff opposed increasing productivity with the help of a "seal" which meant working with more looms per weaver. The article about the record of the female weaver Vinogradova published in the *Light Industry* promoted new professional standards, according to which a young girl could be a technical expert, and an increase in labor productivity was possible with the help of the "seal". In addition, the young female shock worker was a response to experienced workers who participated in the protests of 1932, therefore it signified the superiority of the Soviet education system and the new organization of labor. Biographical data of those involved in the organization of the record shows that they were representatives of the first Soviet generation, whose interests were closely intertwined with those of the party.

Keywords: industrialization, stakhanovism, socialist competition, soviet gender order, Dusya Vinogradova

For citation: Navolotskaya, Daria I. "Creating a Heroine: the Labor Record of Dusya Vinogradova." *RUND Journal of Russian History* 18, no. 1 (May 2019): 431–452. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-431-452>

Введение

12 сентября 1935 г. газета «Легкая индустрия» вышла с передовой статьей, озаглавленной «Всесоюзный рекорд ткачихи Виноградовой». В ней впервые упоминалось имя Дуся Виноградовой, ткачихи вичугской фабрики имени В.П. Ногина. Вместе со сменщицами М.И. Виноградовой и В.М. Сандаловой она обслуживала комплект из семидесяти станков. Это был всесоюзный рекорд, так как достигнутые женщинами нормы обслуживания ткацких автоматических станков перекрывали европейские и приближались к американским¹. Через три месяца появилось сообщение о награждении стахановки Евдокии Виноградовой орденом Ленина². В течение нескольких месяцев ударница-ткачиха, отмеченная всесоюзным рекордом, превратилась в стахановку – инициатора движения в текстильной промышленности.

Целью данной статьи является реконструкция механизмов возникновения «лица» женского трудового героизма в прессе в годы индустриализации. Женщина – технический эксперт и общественница на производстве – в 1935 г. была новым феноменом. В 1920-е гг. работницы по-прежнему считались политически незрелыми, несознательными, а квалификация и общественная работа были мужской прерогативой³. В 1930-е гг. начинается крупная мобилизация женщин в промышленность, теперь идеальным рабочим могла считаться и женщина. Именно образ Дуся Виноградовой как всесоюзной ударницы, а потом и стахановки, легитимировал женщин на производстве.

Будучи техническим экспертом, стахановкой, а потом и депутатом Верховного совета СССР, Дуся Виноградова представляла собой новую советскую жен-

¹ Всесоюзный рекорд ткачихи Виноградовой // *Легкая индустрия*. 1935. 12 сентября.

² Вручение орденов героям-стахановцам // *Правда*. 1936. 28 января.

³ D.P. Koenker, "Men against women on the shop floor in early Soviet Russia: Gender and class in the socialist workplace," in *The American Historical Review*, no. 5 (1995): 1439.

цину. Ее формирование стало частью большевистского проекта по освобождению женщин от гендерного неравенства через привлечение их на производство и в общественно-политическую деятельность. Согласно марксистской теории, при старом режиме женщины страдали от давления не только класса, но и пола, что делало их политически отсталыми по сравнению с мужчинами⁴. Для того чтобы политическая и трудовая мобилизация женщин стала возможной, большевики планировали создать сеть общественных столовых, прачечных, яслей, которые бы брали на себя женские обязанности, в то время как работницы учились бы политической грамоте и осваивали новые профессии⁵.

Советские историки объясняли необходимость вовлечения женщин на производство стремлением властей освободить работниц, решить женский вопрос⁶, то есть исправить их второстепенное положение в общественно-политической деятельности и на производстве. Современные исследователи неоднозначно оценивают реализацию проекта по освобождению женщин в Советской России и СССР. Часть авторов подчеркивает его ограниченность, в том числе по причине того, что в сложных экономических условиях 1920-х гг. организовать сеть общественных столовых, прачечных и яслей так и не удалось⁷. Кроме того, специальные отделы партийных комитетов по работе среди женщин, которые должны были не только политически просвещать женщин, но и следить за организацией учреждений общественного быта, подвергались обвинениям в феминизме⁸. Сама возможность существования интересов советской женщины отдельно от интересов партии отвергалась в силу опасений подмены классовой борьбы буржуазным феминизмом⁹.

С другой стороны, советский проект содержал большой эмансипаторный потенциал. Так, женщины-общественницы конца 1930-х гг., участвовавшие в кампании по освоению Дальнего Востока, высоко ценили доступ к образованию и социальную мобильность, о которых их матери могли только мечтать¹⁰.

Доступ к всеобщему равному образованию позволил женщинам первого советского поколения преодолеть патриархальные ограничения иерархических отношений их родителей в силу того, что идеал равенства, который воспитывала

⁴ L. Attwood, *Creating the New Soviet Woman. Women's Magazines as Engineers of female identity, 1922–1953* (New York: Springer Publ., 1999), 1.

⁵ См. работы В.И. Ленина о женском вопросе: *Ленин В.И. Советская власть и положение женщин* // Ленин В.И. О женском вопросе. М.: Политиздат, 1971. М.: Политиздат, 1971. С. 103; *Он же*. Речь на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г. // Ленин В.И. О женском вопросе... С. 93; *Он же*. Великий почин // Ленин В.И. О женском вопросе... С. 95; *Он же*. Задачи пролетариата в нашей революции // Ленин В.И. О женском вопросе... С. 86.

⁶ *Любимова С.Т.* Из истории деятельности женотделов // Вопросы истории КПСС. 1969. № 9, С. 6; *Чирков П.М.* Решение женского вопроса в СССР (1917–1973 гг.). М.: Мысль, 1978; *Шабурова М.А.* Женщина – большая сила. М.: Партиздат, 1935.

⁷ W.Z. Goldman, *Women, the State and Revolution: Soviet family policy and social life, 1917–1936* (Cambridge: Cambridge University Press, 1993), 341.

⁸ E.A. Wood, *The Baba and the Comrade: gender and politics in revolutionary Russia* (Bloomington: Indiana University Press, 1997), 8.

⁹ *Ibid.*, pp. 2, 4–5.

¹⁰ E. Shulman, *Stalinism on the Frontier of Empire: Women and State Formation in the Soviet Far East* (Cambridge: Cambridge University Press, 2008), 16–17.

советская школа, был направлен против предшествующих иерархических представлений о женских и мужских возможностях¹¹.

Данная статья предлагает вместо упрощенной схемы провала/успеха советского гендерного проекта посмотреть на то, как его идеи реализовывались на локальном уровне и влияли на жизнь отдельных женщин. Анализ организации социалистического соревнования на фабрике имени В.П. Ногина, в результате которого Евдокия Виноградова стала известной на всю страну стахановкой, позволяет показать переплетение национального и локального контекстов в процессе создания стахановского движения, а также инициативу, исходившую от ее разных участников.

В советской историографии инициатива создания социалистического соревнования, а потом и стахановского движения делилась между рабочими и партией при руководящей роли последней. Социалистическое соревнование рассматривалось как широкое народное движение, «объективная закономерность развития первой фазы коммунистической формации», внутренне присущая социалистическому способу производства, движущая сила его развития¹², а стахановское движение – как высшая форма социалистического соревнования. Объективный и неизбежный характер соревнования признавался неотъемлемой частью трудовых отношений, построенных на социалистических началах¹³, партия при этом выступала в качестве воспитателя рабочего класса¹⁴.

Ряд современных исследователей рассматривают стахановское движение как часть кампании по манипулированию рабочей силой с целью интенсификации производства и наибольшего инвестирования в индустриализацию¹⁵. Другой взгляд на стахановское движение также признает его инструментальный характер. В силу того, что выгоду от организации движения получали не только власти, но и рабочие – участники трудового активизма, в виде бонусов, которые приходили со статусом ударника, а потом и стахановца, прежде всего, в качестве социальной мобильности¹⁶.

Выявление соотношения инициативы рабочих и руководящей роли партии в возникновении активизма во многом непродуктивно, так как подобное противопоставление часто не имело смысла для самих участников событий¹⁷. Исходя из

¹¹ A. Krylova, *Soviet Women in Combat* (Cambridge: Cambridge University Press, 2011), 22.

¹² Лебедева Н.Б., Шкартан О.И. Очерки истории социалистического соревнования. Л.: Лениздат, 1966. С. 21, 22.

¹³ Ворожейкин И.Е. Летопись трудового героизма. М.: Политиздат, 1979. С. 3.

¹⁴ Там же. С. 133.

¹⁵ Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2006; Дэвис Р., Хлевнюк О.В. Вторая пятилетка: механизмы смены экономической политики // Отечественная история. 1994. № 3. С. 92–108; Фельдман М.А. Место стахановского движения в предвоенной советской истории // Вопросы истории. 2015. №. 8. С. 3–19; Чжун вэ Чжо. Стахановское движение и советские профсоюзы в 1935–1936 гг. // Отечественная история. 2014. № 12. С. 51–68.

¹⁶ M. Buckley, *Mobilizing Soviet peasants: heroines and heroes of Stalin's fields* ([N.p.]: Rowman & Littlefield, 2006); L.H. Siegelbaum, *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941* (Cambridge: Cambridge University Press, 1990); Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 1930-е гг.: город. М.: РОССПЭН, 2001.

¹⁷ A. Klots, and M. Romashova, “Lenin’s Cohort: The First Mass Generation of Soviet Pensioners and Public Activism in the Khrushchev Era,” in *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, no. 3 (2018): 589, 590.

этого, в данной статье автор предлагает сосредоточиться на отношениях власти и рабочих, возникавших во время организации социалистического соревнования на фабрике имени В.П. Ногина, вне оппозиции «интересы партии/интересы рабочих». Рассматривая биографии и производственные характеристики отдельных участников социалистического соревнования, важно обратить внимание на взаимосвязь этих двух категорий в рамках отдельной фабрики.

Обращение к методам гендерной истории позволяет показать особенности женского опыта в тех сферах, в которых раньше женщины считались невидимыми, в том числе в экономике. Описание социальных и экономических процессов, происходивших под влиянием индустриализации 1930-х гг., дает возможность восстановить контекст и механизмы появления женщины – героини труда.

В статье анализируется роль женщины в появлении феномена стахановского движения. До сих пор не создано научной биографии первой стахановки Евдокии Виноградовой в плеяде инициаторов высокой производительности труда¹⁸. В литературе о стахановцах значительно больше внимания уделяется мужчинам-стахановцам тяжелых отраслей промышленности¹⁹.

О деталях организации социалистического соревнования на фабрике имени В.П. Ногина известно по работам корреспондента общесоюзной газеты «Легкая индустрия», а потом и редактора областной ивановской газеты «Рабочий край» в 1930-х гг., историка и краеведа в позднесоветский период Т.Н. Лешукова²⁰. В данных работах вся инициатива в организации конкурса локализуется либо в руках активных работниц фабрики, либо молодых советских инженеров, но всегда под руководством партии. Именно тексты Лешукова остаются основным источником как научных, так и популярных изданий о Евдокии Виноградовой. Данная статья – попытка деконструировать этот нарратив и показать сложившуюся мифологизированность стахановского движения.

Источниковую базу статьи составляют архивные материалы и публикации в советских периодических изданиях. Периодическая печать, документация центральных и местных органов власти помогли реконструировать технический и экономический контекст организации социалистического соревнования и ударничества в Ивановской промышленной области (далее – ИПО)²¹, а также биографические факты о ткачихах Виноградовых. Выявленный автором отчет о работе

¹⁸ *Рогачевская Л.С.* Социалистическое соревнование в СССР: Исторические очерки 1917–1970 гг. М.: Наука, 1977; *Лебедева Н.Б., Хабибулина Р.Я.* Стахановское движение: традиции и преемственность. Л.: Лениздат, 1985; *Аксенов Л.П., Юпатов Е.П.* Стахановское движение в легкой промышленности. М.: Легпромбытиздат, 1985.

¹⁹ 50 стахановских лет: статьи, воспоминания, очерки, интервью, хроника. Донецк: Донбасс, 1986; *Стаханов А.Г.* Жизнь шахтерская. Киев: Политиздат Украины, 1986; *Гершберг С.Р.* Стаханов и стахановцы. М.: Политиздат, 1985.

²⁰ *Лешуков Т.Н.* Виноградовским маршрутом (Полвека стахановскому движению текстильщицков). Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1985; *Он же.* Полтора века в строю: Вычугская прядильно-ткацкая фабрика им. В.П. Ногина. 1812–1962. Иваново: Книжное издательство, 1962; *Он же.* Самые счастливые. Герои советской родины. М.: Политиздат, 1970.

²¹ Ивановская промышленная область была образована в 1929 г. в результате объединения четырех старейших текстильных центров: Ярославль, Иваново-Вознесенск, Кострома, Владимир.

текстильной промышленности за 1935 г. дает возможность воссоздать контекст формирования «виноградского движения» в стране²². Материалы областных комитетов партии и профсоюза позволяют частично реконструировать организацию рекордного комплекта станков на фабрике имени В.П. Ногина.

Хронологические рамки статьи ограничиваются первой и началом второй пятилеток (1929–1935 гг.). В апреле 1929 г. был заключен первый договор на социалистическое соревнование в текстильной промышленности между текстильщиками Твери, Москвы и Иваново-Вознесенска. К концу первой пятилетки появляются индивидуальные формы социалистического соревнования в виде конкурса на лучшего ткача и подмастера, лучшее качество продукции. Все они освещались в прессе, но не получили такого резонанса, как это было в рамках стахановского движения. Верхние хронологические рамки ограничены появлением имени Дуси Виноградовой в публичном пространстве после выхода статьи в «Легкой индустрии» 12 сентября 1935 г.

Первая пятилетка: интенсификация производства в текстильной промышленности

Прошедший в декабре 1927 г. XV съезд ВКП (б) принял решение о начале форсированной индустриализации экономики. В апреле 1929 г. на XVI партийной конференции был одобрен первый пятилетний план. Основной целью индустриализации была интенсификация производства с помощью мобилизации трудоспособного населения на предприятиях, стимулирования трудового энтузиазма работников, а также модернизации устаревшего оборудования. Первый пятилетний план был направлен на строительство новых предприятий, в годы второй пятилетки на первый план вышло освоение новых технических достижений²³.

Основным способом стимулирования роста производительности труда в СССР, в отличие от капиталистических стран, были не деньги, а коллективная цель построения социализма. С ростом производства и производительности, согласно мифу о «светлом будущем», обязательно должно было прийти изобилие, а уровень жизни повыситься²⁴. В рамках социалистического соревнования, призванного увеличить производительность, работники должны были конкурировать в борьбе за выполнение плановых показателей. В первую пятилетку в рамках соревнования основной упор делался на повышении производительности за счет рационализации труда, дисциплины на рабочем месте – ударничестве. Основными задачами соревнующихся фабрик во время первой пятилетки были соблюдение дисциплины, самоорганизация и мобилизация всех средств ради снижения себестоимости товара и в тоже время сохранения его качества. Так, в договоре, заключенном между текстильщиками нескольких фабрик Твери, Москвы и Иваново-Вознесенска в апреле 1929 г., подписавшиеся обязались «снизить себестоимость продукции, укрепить трудовую дисциплину в производстве, снизить до

²² Государственный архив Ивановской области (далее – ГАИО). Ф. 1283. Оп. 1. Д. 796.

²³ L.H. Siegelbaum, *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941* (Cambridge: Cambridge University Press, 1990), 16, 21.

²⁴ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм... С. 16.

предела брак выпускаемой продукции, поднять производительность единицы оборудования и уменьшить простои, провести в жизнь рационализаторские предложения рабочих»²⁵. Ударные бригады, появившиеся чуть позже, также имели аналогичные цели по увеличению производительности, улучшению дисциплины и экономии на себестоимости товара²⁶. Встречное планирование предполагало изыскание местных ресурсов на выполнение данных целей, так как встречные планы отдельных предприятий должны были значительно превышать задания планирующих органов и выполняться за счет их дополнительных резервов²⁷.

Индустриализация требовала рабочих рук. Одним из парадоксов начала первой пятилетки стало сочетание женской безработицы, которая особенно обострилась в 1929 г.²⁸, с нехваткой рабочей силы. Несмотря на то, что недостаток рабочей силы ощущался все острее, в партии не было единства по поводу женской занятости, так как сохранялись опасения, что «чуждые элементы» будут оказывать негативное влияние на рабочий класс, который считался опорой политического строя в стране²⁹. Исключенность женщин из категории «идеального пролетария», отсутствие опыта работы не давали им права регистрации на бирже труда, что на протяжении 1920-х гг. ограничивало возможности женщин в трудоустройстве. С осени 1930 г. Наркомату труда официально было поручено начать кампанию по привлечению на производство 1 600 000 женщин³⁰. Однако и в годы первой пятилетки сохранялся достаточно высокий уровень женской безработицы, так как женская занятость в развивающихся отраслях тяжелой промышленности уменьшалась, а в 1929–1931 гг. произошло сокращение производства в традиционно женских отраслях – хлопчатобумажной и пищевой промышленности³¹. Кроме того, на протяжении 1920-х гг. во всех отраслях женщины занимались менее квалифицированным трудом³².

Сегрегация рабочей силы по гендерному принципу существовала в российской экономике еще до революции. К концу 1920-х гг. закрепляется горизонтальная сегрегация, во время которой одни отрасли, такие как хлопчатобумажная, льняная, швейная, обувная, стали считаться женскими, а горнодобывающая, железорудная, черная металлургия – мужскими³³. Летом 1930 г. принцип разделения профессиональных сфер на тяжелую – мужскую и легкую – женскую промыш-

²⁵ Договор на социалистическое соревнование между текстильщиками Твери, Москвы и Иваново-Вознесенска. 7 апреля 1929 г. // Живое творчество масс: Документальная летопись трудового героизма и социалистического соревнования трудящихся Ивановской области. 1917–1982 гг. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1984. С. 77–78.

²⁶ *Рогачевская Л.С.* Социалистическое соревнование в СССР. Исторические очерки. С. 68–71.

²⁷ Там же. С. 114.

²⁸ *Голдман В.З.* Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.). М.: РОССПЭН, 2010. С. 35.

²⁹ Там же. С. 36, 37.

³⁰ Там же. С. 112.

³¹ Там же. С. 117–118.

³² Там же. С. 25, 26.

³³ Там же. С. 22.

ленность был закреплен в проекте Народного комиссариата труда по распределению рабочей силы и в пятилетнем плане РСФСР³⁴. В результате феминизация легких отраслей еще более усилилась, так как мужчины стали все больше переходить в отрасль тяжелой промышленности.

Феминизация текстильной промышленности, начавшаяся в конце XIX – начале XX в., особенно ускорилась с началом Первой мировой и Гражданской войн, когда мужчины ушли на фронт, а на фабриках, получивших военные заказы, освободились рабочие места³⁵. С 1920-х гг. ткачество и прядение стало считаться женским заработком³⁶. Уже к концу НЭПа большую часть рабочей силы в текстильной промышленности составляли женщины³⁷. В плане по распределению рабочей силы, принятом летом 1930 г., текстильная промышленность рассматривалась как преимущественно женская отрасль, и только название конкурса «На лучшего ткача и подмастера» напоминало о прошлом профессии. Мужчины занимали должности низшего административного персонала мастеров и помощников мастеров³⁸. Данные по составу рабочей силы на фабрике имени В.П. Ногина на сентябрь 1932 г. также свидетельствуют о преимущественном женском лице ткачества в 1930-е гг. Количество женщин, занятых на производстве фабрики в 1932 г. (4297 чел.), почти вдвое превышало число мужчин (2843 чел.)³⁹.

Еще одним условием интенсификации производства была модернизация оборудования на фабриках. Повышение технологичности производства в тяжелых отраслях промышленности находилось в приоритете, так как они должны были обеспечить полную экономическую независимость страны⁴⁰. Поэтому, несмотря на то что в первую пятилетку для успешного выполнения планов текстильные фабрики и требовали переоборудования и реконструкции, должного внимания со стороны государственного распределения как в отношении автоматизации оборудования, так и поставок сырья они не получили. В плачевном состоянии находились текстильные предприятия Иваново-Вознесенской губернии. Оборудование фабрик имело возраст от 20 до 50 лет. Отечественные станки-автоматы выпускались только в Ленинграде, Шуе и Туле. Единой энергосистемы в стране еще не было, а механические станки работали на пару⁴¹.

На проблемы, связанные с нехваткой сырья и техники, указывали профсоюзные работники в своих отчетах. В 1928 г. в информационной сводке выступлений рабочих на уездных конференциях упоминаются нарекания на изношенность

³⁴ *Голдман В.З.* Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.). М.: РОССПЭН, 2010. С. 180–181.

³⁵ Там же. С. 44; *Леуиуков Т.Н.* Свет и тени города ткачей // *Новый мир*. 1966. № 8. С. 166.

³⁶ *Леуиуков Т.Н.* Свет и тени города ткачей... С. 166; J.J. Rossman, *Worker Resistance under Stalin: class and revolution on the shop floor* (Harvard: Harvard University Press, 2009), 9.

³⁷ *Голдман В.З.* Женщины у проходной... С. 24.

³⁸ J.J. Rossman, *Worker Resistance under Stalin*, 21.

³⁹ ГАИО. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 424. Л. 32.

⁴⁰ *Контопов М.В., Котова А.А., Сметанин С.И.* История отечественной текстильной промышленности. М.: Легпромбытиздат, 1992. С. 313.

⁴¹ *Леуиуков Т.Н.* Полтора века в строю... С. 4–5.

оборудования, нехватку сырья: «Можно ли проводить рационализацию, там, где станки изношены как на Сосневской фабрике 60 %. Рабочие готовы пусть будет 8–12 станков. Лишь бы можно было работать. Ну, также [нужны] хороший хлопок, основа и уток (Иваново)»⁴².

В начале первых пятилеток отрасль, как и до революции, зависела от импорта как сырья-хлопка, так и оборудования-станков⁴³. За счет сокращения импорта хлопка и шерсти в период мирового экономического кризиса СССР получил возможность закупить оборудование для тяжелой промышленности за рубежом⁴⁴. Несмотря на то, что для создания своей сырьевой базы и ликвидации зависимости от импорта в годы первой пятилетки стали выращивать хлопчатник на Украине и Северном Кавказе⁴⁵, в первую пятилетку отрасль еще испытывала недостаток сырья⁴⁶. Производительность страдала из-за замены импортного хлопка домашним хлопком более низкого качества⁴⁷. В результате текстильная промышленность хронически не справлялась с планом.

Технический и сырьевой кризис первой пятилетки совпал с кризисом снабжения продовольственными товарами рабочих отрасли. В 1928 г. из-за кризиса хлебозаготовок были введены хлебные карточки, а в 1931 г. – всесоюзная карточная система на основные продукты питания и непродовольственные товары. Система снабжения была связана с государственными интересами, поэтому самые высокие нормы были у индустриальных рабочих приоритетных отраслей и красноармейцев. Рабочие столиц получали больше продовольствия, чем текстильщики Иваново, относящиеся к более низким спискам снабжения⁴⁸. Государственное снабжение не обеспечивало прожиточного минимума городскому населению, за исключением небольших элитарных групп, так что в Иваново семьи индустриальных рабочих и семьи рабочих неиндустриальных производств влачили полуголодное существование⁴⁹. Слухи об отмене карточек спровоцировали крупнейшую забастовку вичугских рабочих в апреле 1932 г., когда 17500 человек прекратили свою работу. Протесты против сокращения карточного снабжения охватили рабочих четырех фабрик Вичуги: фабрики имени Н.Р. Шагова, имени Л.Б. Красина, имени В.П. Ногина и «Красный Профинтерн». Протестующие остановили свою работу и в течение трех дней требовали восстановления карточек⁵⁰.

⁴² ГАИО. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 46. Л. 11, 12; Основа – это нити, расположенные параллельно друг к другу и идущие вдоль ткани. Уток – это нити, расположенные перпендикулярно основе. В результате переплетения основы и утка на станке вырабатывается ткань.

⁴³ Конотопов М.В., Котова, А.А., Сметанин, С.И. История отечественной текстильной промышленности... С. 154, 312.

⁴⁴ Там же. С. 315.

⁴⁵ Там же. С. 316.

⁴⁶ Там же. С. 323.

⁴⁷ J.J. Rossman, *Worker Resistance under Stalin*, 4.

⁴⁸ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1999. С. 8, 89, 90, 92.

⁴⁹ Там же. С. 121–123.

⁵⁰ J.J. Rossman, *Worker Resistance under Stalin*, 209, 215.

Основными участниками протестов были рабочие со стажем до 1917 г., большинство из них состояли в профсоюзе⁵¹ и, как отмечает Дж. Россман, ожидали от партии улучшения своих условий жизни после победы революции, которую они и приблизили своими силами, помогая партии прийти к власти⁵². Репрессии заделали в основном лидеров протестов: бывших эсеров, анархистов, лишенцев. Пятнадцать человек были арестованы в качестве зачинщиков, обвинявшихся в склонении непросвещенных вичугских рабочих к восстанию⁵³. Молодые же ткачихи были лишь незначительно вовлечены в протесты: они не знали «дореволюционной эксплуатации на фабриках», не имели связи с участниками протестов первой трети XX в.

После забастовки состав рабочей силы стал меняться за счет смены поколений, так как ветераны со стажем до 1917 г. постепенно уходили на пенсию, а новички приходили на их место⁵⁴.

Состав участников забастовки подтолкнул власти сделать ставку в дальнейшей интенсификации производства на молодое поколение рабочих, пришедших работать на фабрику в первое десятилетие советской власти. Усиливалась феминизация производства. Кроме того, среди молодого поколения работниц возрос удельный вес крестьянок, завербованных преимущественно по договорам фабрики с колхозами⁵⁵. Среди молодых работниц были Евдокия и Мария Виноградовы. Обе приходят работать на фабрику еще до протестов: Мария – в 1925 г.⁵⁶, а Евдокия, по разным данным, – в 1930/1931 гг.⁵⁷

Вторая пятилетка: организация рекордного «уплотнения»

Именно на молодой персонал фабрики сделали ставку в годы индустриализации партработники текстильных предприятий Ивановской области, перед которыми стояла задача вывести текстильную промышленность из кризиса, выполнить производственный план второй пятилетки, довести автоматизацию ткачества до 40 %⁵⁸. Одним из молодых «пролетарских специалистов» был главный инженер ткацкой фабрики И.И. Тихомиров. Тихомиров происходил из семьи ткачей, участвовал в Гражданской войне, состоял в партии. До поступления в Московский текстильный институт был на фабрике имени В.П. Ногина разнорабочим. Получив высшее образование в 1931 г., он работал в главном управлении Ивановского хлопчатобумажного треста, до того, как в 1935 г. был назначен главным инженером ткацкой фабрики имени В.П. Ногина⁵⁹.

⁵¹ J.J. Rossman, *Worker Resistance under Stalin*, 6, 25.

⁵² Ibid, 233.

⁵³ Ibid., 228.

⁵⁴ Ibid., 235.

⁵⁵ ГАИО. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 424. Л. 40.

⁵⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 542. Л. 5.

⁵⁷ Там же; ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 1.

⁵⁸ *Леушков Т.Н.* Виноградовским маршрутом... С. 5.

⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 553. Л. 82.

К этому времени на первый план в организации промышленного производства выходит лозунг: «Техника в период реконструкции решает все!». 1933 год становится первым годом массовой технической учебы на предприятиях, и с этого времени обязательной становится сдача технического экзамена для рабочих, обслуживающих тяжелые механизмы⁶⁰.

Особое внимание со стороны большевиков в этот период уделяется воспитанию технических кадров: «Кадры, овладевшие техникой, решают все!»⁶¹. Сокращаются сроки обучения в школах фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) до года или до четырех месяцев в зависимости от специальности. Опираясь на молодые, технически грамотные кадры, руководители ивановских текстильных предприятия должны были содействовать модернизации производственного процесса.

Однако в условиях гиперцентрализованной экономики улучшение показателей отдельной отрасли оказалось непростой задачей. Отчет председателя комиссии советского контроля при Совнаркомом СССР о работе льняной, хлопчатобумажной и шерстяной промышленности в 1935 г. показывает те сложности, с которыми столкнулись плановики в своем стремлении модернизировать текстильное производство. В отчете Народный комиссариат легкой промышленности (НКЛП, Наркомлегпром) критиковался за ошибки в распределении хлопка, в результате чего на некоторые фабрики поступило сырье не тех сортов, которые требовались. Задача автоматизации ткацкого производства и вовсе, по мнению автора отчета, была сорвана Наркомлегпромом: «К 1935 г. автоматизировано только четыре тысячи станков из общего количества имеющихся в промышленности 160 тыс. простых механических станков...»⁶².

Таким образом, даже к началу второй пятилетки главной задачей в развитии фондов текстильного и прядильного производства по-прежнему оставалось обновление оборудования, так как старое изнашивалось быстрее, чем появлялось новое⁶³.

Именно в этом контексте необходимости выполнения производственного плана в условиях нехватки сырья и современного оборудования на фабрике имени В.П. Ногина появляется комплект из рекордного количества станков. В первую пятилетку «уплотнением» называлось увеличение количества станков, обслуживаемых одной работницей, уплотненные комплекты станков не считались основным средством повышения производительности труда. Уплотненная работа могла быть одним из пунктов социалистического соревнования, наряду с уменьшением прогулов, снижением % брака, простоя машин, расхода вспомогательных материалов, топлива⁶⁴.

Когда на фабриках области преобладали механические станки, уплотнение более чем на четырех станках было уже проблематично. Так, в информационной сводке о выступлениях рабочих на конференциях за 1928 г. указываются комплек-

⁶⁰ *Рогачевская Л.С.* Социалистическое соревнование в СССР... С. 123, 124, 135.

⁶¹ Там же. С. 130.

⁶² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 553. Л. 34, 47.

⁶³ *Рогачевская Л.С.* Социалистическое соревнование в СССР... С. 327.

⁶⁴ ГАИО. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 42. Л. 6.

ты не больше, чем из четырех станков⁶⁵. Кроме того, в первую пятилетку профсоюзные работники с фабрик Ивановской промышленной области сомневались в том, что повышение производительности могло быть следствием «уплотнения»⁶⁶. Работа больше, чем на четырех механических станках, становилась причиной появления брака⁶⁷.

Уплотнение как средство повышения производительности труда стало рассматриваться только после публикации о рекорде ткачихи Виноградовой, которая должна была не только убедить в том, что женщина может быть техническим экспертом, но и опровергнуть доводы противников работы на большем количестве станков.

О том, что уплотнение не было основным средством повышения производительности в текстильной промышленности, говорят и материалы профессиональных конкурсов.

Конкурсы, прошедшие в Ивановской промышленной области к моменту выхода публикации, были направлены на повышение производительности при сохранении качества продукции. Особое внимание в характеристиках кандидатов, направленных на областное и всесоюзное премирование, уделялось не количеству обслуживаемых ими станков, а их стажу работы, техническому образованию, общественной работе на производстве, а в случае с конкурсом на лучшее качество продукции еще и проценту брака в течение определенного периода работы. Дважды к 1935 г. прошел конкурс на лучшего ткача и помощника мастера: в конце 1932 – начале 1933 гг.⁶⁸ и в начале 1934 г.⁶⁹. Его целью было снизить себестоимость продукции и улучшить ее качество⁷⁰.

Конкурс на лучшее качество продукции проводился в 1933 и 1934 гг.⁷¹, особое внимание в производственных данных участников уделялось удельной доле брака и простоя оборудования в рамках валовой выработки⁷². Данные кампании должны были мотивировать рабочих фабрик, прежде всего, на выполнение плановых показателей. Сократить брак и улучшить качество могла бы автоматизация производства с помощью внедрения ламельных приборов – специальных приспособлений, предназначенных для автоматической остановки станков во время обрыва нити⁷³. Рекордное уплотнение на фабрике имени В.П. Ногина появилось в результате освоения персоналом именно таких станков, оборудованных ламельными приборами.

В целом, возникновение комплекта из 70 станков на фабрике имени В.П. Ногина в начале второй пятилетки стало возможно благодаря целому ряду факторов – появлению на предприятиях области молодого поколения работниц, прошедших техническое обучение в ФЗУ, начавшаяся, пусть и с перебоями, автоматизация,

⁶⁵ ГАИО. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 46. Л. 10, 11, 67.

⁶⁶ Там же. Д. 14. Л. 42.

⁶⁷ Там же. Л. 38.

⁶⁸ Там же. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 530. Л. 22.

⁶⁹ Там же. Д. 795.

⁷⁰ Там же. Д. 530. Л. 5.

⁷¹ Там же. Д. 668.

⁷² Там же. Д. 438. Л. 7.

⁷³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 553. Л. 34.

а также соревнование за повышение производительности труда. Согласно Т.Н. Лешукову, на комплектах из 40 станков в начале 1935 г. уже работали на московской фабрике имени Октябрьской революции⁷⁴, однако именно на фабрике имени В.П. Ногина уплотнение превратилось в «виноградовский метод».

Детали организации комплекта из 70 станков хорошо известны по работам Т.Н. Лешукова. Несмотря на то, что они убедительно передают социальные и экономические реалии первых пятилеток, а работа автора в редакциях всесоюзной и областной газет в 1930-е гг. могла предоставить доступ к малоизвестным материалам, все же его труды являются художественными произведениями, прошедшими позднесоветскую цензуру. Сохранилось не так много архивных документов, которые бы позволили в деталях восстановить организацию рекордного комплекта на фабрике и подтвердить или опровергнуть рассказ Т.Н. Лешукова. Однако сохранившиеся свидетельства об участниках «уплотнения» позволяют открыть ранее неизвестные детали и по-новому объяснить появление героини-ударницы Дуси Виноградовой.

В работе, вышедшей в 1962 г., Т.Н. Лешуков подчеркивал значение участия всего персонала фабрики в появлении первых комплектов из рекордного количества станков, но главную роль в подготовке «уплотнения» он отводил все же молодым советским инженерам, получившим образование в 1920-е гг.

Автор уделял большое внимание техническим тонкостям организации комплекта станков, в успешной наладке которых участвовал весь персонал. В частности, он писал: «Практически загрузка работницы зависит от величины обрывности. Поэтому оба инженера [Шелапутин, Тихомиров] разработали и настойчиво проводили на практике продуманную систему мер, направленных к снижению обрывности. Чем меньше обрывов, тем большим может быть фронт обслуживания станков у ткачихи. Но в этом будет заслуга не одной ткачихи. Последняя является лишь фокусом приложения сил всего коллектива»⁷⁵.

Инициативу в создании комплекта из 50 станков автор приписывает активной ткачихе фабрики А.А. Болдыревой и молодым советским инженерам, при особой роли последних: «Движение за высокую производительность труда началось не с того эпизода, когда Е. Виноградова будто бы заявила начальнику цеха т. Бородулину о своем желании перейти на 70 станков. <...> Как родился виноградовский почин? Он родился в головах советских инженеров, затем воплотился в расчетах, диаграммах и чертежах, его готовили и прядильщики, и помощники мастеров фабрики им. В.П. Ногина»⁷⁶.

Заслуга А.А. Болдыревой заключалась в том, что во время своей поездки делегатом на VII съезд Советов (январь–февраль 1935 г.) она узнала о существовании на фабрике имени Октябрьской революции комплектов из 40 станков. Вернувшись домой, Болдырева активно продвигала эту идею в жизнь. Но только после того, как заведующий ткацкой фабрикой И.И. Шелапутин съездил на фабрику имени Октябрьской революции, сделал замеры скоростей, обрывности, снял копии хронокарт

⁷⁴ Лешуков Т.Н. Полтора века в строю... С. 25.

⁷⁵ Там же. С. 24.

⁷⁶ Там же.

и изучил их, А. Болдыревой предложили подобрать сменщиц и перейти на двойное уплотнение, то есть на 52 станка. Так, в марте 1935 г. на текстильной фабрике области появился первый крупный комплект, на котором работала А. Болдырева вместе со сменщицами: Любой Большаковой и Лизой Шаровой⁷⁷.

В работе Лешукова, вышедшей в 1970 г., на первый план в организации первого рекордного «уплотнения» выходит инициатива партии в лице А. Болдыревой, которая предложила на партийном собрании фабрики обратиться с письмом в «Правду» с целью организовать всесоюзное соревнование текстильщиков, а именно конкурс на лучшего ткача и подмастера⁷⁸.

Еще до поездки на съезд Советов по ее инициативе были сделаны замеры рабочего времени ткачих, чтобы понять, на каких операциях можно сэкономить время для обслуживания большего количества станков. Наконец, именно А. Болдырева настояла на создании комплекта не из 40, а 52 станков⁷⁹. Кадровые замены на комплекте из 52 станков случились, согласно Лешукову, когда она получила травму руки и сама порекомендовала на уплотненный комплект вместо себя Дусю Виноградову⁸⁰.

Дуся предстает в работах Лешукова в качестве умелой ткачихи, прошедшей все начальные этапы советского профессионального образования. Он пишет: «Дуся Виноградова – дочь старой вичугской прядильщицы, после пяти классов начальной школы пошла в ФЗУ, где изменила наследственной профессии – стала ткачихой. В октябре 1931 г. ее впервые поставили на самостоятельную работу – обслуживать 16 станков, запрошенных молескином. “Заработок у ткачихи в пальцах, – наставляла ее мать. – Береги пальцы – учишь узлы быстро связывать”».

Однажды, соревнуясь с подругами, она поставила своеобразный рекорд – связала 20 узлов за три минуты. В 1932 г. Виноградова получила комплект из 26 станков⁸¹, а потом работала в одной смене с А. Болдыревой на 40 станках⁸².

Наряду с профессиональными успехами автор отмечает неровный характер ткачихи. Не выполнив поручение мастера или сделав какое-то упущение, Дуся попала в запасные и подумывала о расчете и переходе на другую фабрику⁸³. Однако перед Первомайскими праздниками по итогам социалистического соревнования Е. Виноградова была премирована управлением первого Ивановского хлопчатобумажного треста. Среди отмеченных самых лучших ткачих и инженеров, освоивших ткацкие автоматы, первой была А. Болдырева, упоминались и имена М. Виноградовой, Шаровой, Большаковой, Сандоловой⁸⁴.

В более поздней работе историка и краеведа подчеркивается инициатива и решимость Дуси, которая обращалась с предложением расширения последнего

⁷⁷ Лешуков Т.Н. Виноградовским маршрутом... С. 7, 25.

⁷⁸ Лешуков Т.Н. Самые счастливые... С. 54.

⁷⁹ Там же. С. 54, 56, 58.

⁸⁰ Лешуков Т.Н. Полтора века в строю... С. 26; *Он же*. Самые счастливые... С. 64.

⁸¹ Лешуков Т.Н. Полтора века в строю... С. 25–26.

⁸² Лешуков Т.Н. Самые счастливые... С. 58.

⁸³ Лешуков Т.Н. Полтора века в строю... С. 26.

⁸⁴ Лешуков Т.Н. Самые счастливые... С. 68; *Он же*. Виноградовским маршрутом... С. 9.

уплотненного комплекта до 70 станков, в то время как инженер ткацкой фабрики И.И. Тихомиров сомневался, справятся ли ткачихи с нагрузками⁸⁵.

В более ранней повести Лешукова упоминается, что решение о создании нового уплотненного комплекта полностью принадлежало молодым советским инженерам. Убедившись в успехе работы с 52 станками, они решаются на 70. Работу на уплотненном комплекте поручают двум молодым ткачихам – Валентине Сандоловой и Евдокии Виноградовой, а после того, как Валя уходит в декрет, на ее место начальник цеха Бородулин рекомендует однофамилицу Евдокии – Марию⁸⁶. 25 мая 1935 г. на фабрике появилось второе рекордное уплотнение уже из 70 станков⁸⁷.

Первенство партии в принятии решения об уплотнении на фабрике в одном варианте рассказа и советских инженеров – администрации предприятия в другом можно объяснить разной политической конъюнктурой времени выхода книг. При этом в обоих вариантах не упоминается опытная ткачиха и член партии Л. Большакова как основная соперница комсомолки Е. Виноградовой в работе на уплотненном комплекте из 70 станков. Однако архивные документы свидетельствуют о том, что Е. Виноградова и Л. Большакова конкурировали за возможность работать на комплекте. В докладной записке Ивановского обкома партии о состоянии стахановского движения на предприятиях области (написана не ранее ноября 1935 г.) решения по организации «уплотнения» возлагаются на партийную организацию фабрики. В документе, в частности, отмечалось: «Бригадой Обкома, проверявшей партработу на фабрике им. В.П. Ногина установлено, что в способностях Е. Виноградовой первоначально администрация сомневалась, но тем больше заботы о Виноградовой проявляла партгруппа, под руководством которой в марте месяце 1935 г., коммунистка, член ВЦИКа т. Болдырева А. вместе с коммунисткой Большаковой перешли с 25 ткацких автоматических станков на 52 станка, что в то время было рекордом для фабрики имени В.П. Ногина. Тов. Болдырева перешла на работу зам. секретаря парткома, а разрешение задачи работать на высоком уплотнении взяли в свои руки Виноградовы, что успешно и осуществили. <...> Очень интересна роль члена партии Большаковой на фабрике им. В.П. Ногина в достижении рекорда Е. и М. Виноградовыми. Тов. Большакова одновременно с Е. Виноградовой работала на 52 станках. После того, как комсомолка т. Виноградова перешла на 70 станков, коммунистка т. Большакова перешла на 74 станка. Комсомолка т. Виноградова переходит на 140 и затем на 144 станка, а коммунистка т. Большакова опять ее обгоняет и становится работать на 148 станков. Парторганизация фабрики не только обеспечила правильный ход развития соревнования между тт. Виноградовой и Большаковой, но и превратила его в массовое движение на фабрике»⁸⁸.

Из записки следует, что областной комитет партии вряд ли участвовал в организации уплотнений на фабрике, так как выяснял ее детали уже постфактум, а вся инициатива исходила от парткома предприятия.

⁸⁵ Лешуков Т.Н. Самые счастливые... С. 67, 68.

⁸⁶ Лешуков Т.Н. Полтора века в строю... С. 26.

⁸⁷ Лешуков Т.Н. Виноградовским маршрутом... С. 11.

⁸⁸ ГАИО. Ф. 327. Оп. 5. Д. 524. Л. 88.

В записке не объясняется, почему после продвижения Болдыревой по партийной линии «разрешение задачи работать на высоком уплотнении взяли в свои руки Виноградовы». Сохранившиеся архивные документы позволяют предположить, что основные участники «уплотнения» из 70 станков принадлежали к молодому поколению, которому фабричная партийная организация больше доверяла в силу их непричастности к протестам, а сами молодые кадры, получив образование и политическое воспитание в первые годы советской власти, разделяли интересы партийной организации.

Автобиография Евдокии Виноградовой, появившаяся не раньше ноября 1935 г., подтверждает ее принадлежность к этой части молодежи. Все ступени обучения Виноградова с самых ранних лет совмещала с общественной работой. В автобиографии она сообщала о себе следующее: «За время нахождения в школе была пионеркой. <...> В производстве являюсь профгруппоргом в бригаде. В 1930 г. вступила в комсомол, где была сборщиком членских взносов, вербовщиком на газеты, в настоящее время являюсь пионервожатый»⁸⁹.

Согласно условиям участия в конкурсах на лучшего ткача и подмастера, лучшее качество продукции кандидаты должны были представить не только производственную характеристику с показателями работы: процентами выработки и брака, но и характеристику с данными об общественной работе на производстве⁹⁰. Поэтому вполне возможно, что Е. Виноградова была отмечена среди остальных ткачих фабрики по итогам социалистического соревнования перед майскими праздниками. Почему же Дусю не взяли на первый рекордный комплект из 52 станков? Возможно, причиной послужил конфликт, основанный на конкуренции ткачих за право работы на первом уплотнении.

Т.Н. Лешуков практически не обращает внимания на роль Л. Большаковой в создании рекордного комплекта на фабрике, упоминает ее только в числе остальных ткачих, премированных по итогам социалистического соревнования перед майскими праздниками, в то время как в записке обкома коммунистка Л. Большакова – основная соперница Е. Виноградовой. Судя по сохранившимся данным, Большакова хорошо работала на производстве, состояла в партии, однако испытывала трудности с грамотностью. Вероятно, она была постарше Е. Виноградовой и училась не в ФЗУ, а сразу на фабрике у старших ткачих. На фабричном партсобрании 19 декабря 1935 г., отчитываясь о прохождении курсов в партийной школе, она оправдывала свои пропуски плохим уровнем грамотности: «Я занимаюсь, плохо посещаю с пропусками, за что бить по башке надо, особенно пропускать 4-й день – это моя ошибка. Грамотность моя плохая, с 1930 г. стала учиться грамоте. Горбунов не дает учебников, были у меня книжки принесла показать, отобрал. Местную газету понимаю, а Правду никак, в парткабинет никак не могу порога переступить. Усвоила общеобразовательные предметы, раньше их не понимала, тов. Маслянская помогла. По истории партии дело плохо. Горбунов нас не спрашивает. Сейчас я поняла, что надо учиться, буду без пропуска посещать занятия. Плохо вот с литературой. Работаю хорошо в производстве»⁹¹.

⁸⁹ ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 1.

⁹⁰ Там же. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 796. Л. 47.

⁹¹ Там же. Ф. 1166. Оп. 1. Д. 36. Л. 107.

Из того, что известно об основных участницах организации двух уплотнений на фабрике, можно предположить, что в конце мая 1935 г., когда появился комплект из 70 станков, участие в нем было предметом обсуждений и даже споров на фабрике. При этом воспоминания Большаковой, администрации фабрики и партийных работников по этому поводу на заседании парткома спустя почти месяц после публикации рекорда достаточно разнятся. Во всяком случае, судя по диалогу между зав. райпарткабинетом Маслянской и зав. ткацким отделом Куликовым на партийном собрании фабрики 29 октября 1935 г., Большакова, работая еще на комплекте из 52-х, не рвалась на комплект из 70 станков, и только после появления статьи в «Легкой индустрии» в октябре 1935 г. изъявила желание работать на комплекте из 100 станков. Приведем строки из стенограммы заседания: «Маслянская: Большакова член ВКП(б) первый раз просила 100 станков, ей не дали, теперь просит 144 станка, тоже не дают, почему не хотят дать ей 148 станков, она говорит я справлюсь на 148 станках, я считаю нет никакого основания задерживать Большакову и дать ей возможность, как коммунистке встать на высшую уплотненность на фабрике. Куликов: когда организовалась группа на 70 станков, было предложено Большаковой, но она не шла, мы ее подготовляем на 100 станков, а через 2–3 дня дадим 148 станков и она будет работать хорошо»⁹². Сама Л. Большакова на том же заседании подчеркивала, что после первого уплотненного комплекта из 52 станков перейти на большее количество ей не позволял инженер ткацкой фабрики. Она заявила: «Когда меня перевели на 52 станка, мне говорил Шелапутин довольно, я говорю давай больше, а он говорит, что ты, мы всех насмешим, надо восстановить 34 и 35 комплект и я сработаю на 148 станках, переходить я готова хотя с завтрашнего дня»⁹³.

Таким образом, профессиональный уровень ткачих, отмеченных в статье в «Легкой индустрии», и старшего и младшего поколения, был примерно равный, не только Дуся Виноградова была способна работать на 70 станках. Болдырева, избранная заведующим парткома фабрики и делегатом на съезд Советов, превосходила лучших ткачих фабрики по общественной работе. Большакова состояла в партии, но имела низкий уровень образования. Мария Виноградова – сменщица Дуси на 70 станках – ко времени выхода статьи была беспартийной и закончила лишь кружок техминимума⁹⁴. Решение о предоставлении первенства среди лучших ткачих фабрики именно Дусе принималось, вероятнее всего, на стадии подготовки в печать статьи о «Рекорде ткачихи Виноградовой». Из всех лучших ткачих фабрики для прессы в качестве героини подходила Дуся Виноградова: самая юная, но при этом отметившаяся как на производстве, так и в общественной работе. По сравнению с остальными она являлась образцом женской трудовой инициативы.

В публичном пространстве имена ткачих-ударниц принимали символическое значение. В статье, помимо Е. Виноградовой и ее сменщиц на 70 станках –

⁹² ГАИО. Ф. 1166. Оп. 1. Д. 37. Л. 74.

⁹³ Там же. Л. 74.

⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 542. Л. 5.

М. Виноградовой и В. Сандоловой, упоминаются и «пионеры высокой производительности труда»: А. Болдырева и Л. Большакова. Они первыми начали работать на уплотненных комплектах, но на момент публикации работали на меньшем комплекте из 52 станков. Только Е. Виноградова из всех героинь статьи являлась одновременно и пионером высокой производительности труда, и ткачихой, обслуживающей самый уплотненный комплект.

Такая подборка лучших ткачих из трех молодых и двух постарше при первенстве самой юной показывали образцовое лицо профессии ткачихи в текстильной промышленности, торжество советской системы образования над старым обучением мастерству на фабрике. Преимуществом Дуси была молодость, техническое образование, грамотность по сравнению с Большаковой. Такой ее образ олицетворял гендерную и возрастную политику на производстве, то есть маркировал текстильную промышленность как естественное женское занятие и открывал путь для зарождавшейся советской технической интеллигенции.

Согласно работам Т.Н. Лешукова рекорд, ткачих на фабрике имени В.П. Ногина тщательно скрывали. Главный инженер ткацкой фабрики Тихомиров до последнего не раскрывал информацию о рекордном обслуживании станков, так что о нем не писали в местной прессе. Вот что об этом сообщает Т.Н. Лешуков: «По настоянию Тихомирова долго ничего не проникало в печать и о рекорде Виноградовых. До сентября 1935 г. мы не найдем сообщений о новом многостаночном гнезде ни в многотиражке “Голос Ногинца”, ни в районной газете “Вичужский рабочий”, ни в областной газете “Рабочий край”»⁹⁵. Информация о рекордном ударничестве в текстильной промышленности на всесоюзном уровне стала всеобщим достоянием только после сообщений о рекорде А. Стаханова 6 сентября, и не в «Правде», а в «Легкой индустрии» – издании Наркомата легкой промышленности 12 сентября. В многотиражке фабрики об уплотненных комплектах из 52 станков, а потом и из 70 до публикации в «Легкой индустрии» ничего не сообщали. Статья о рекорде ткачихи Виноградовой появилась там только после публикации в «Легкой индустрии», и по своему содержанию почти полностью ее повторяла⁹⁶.

Очередность появления сообщений о героях-ударниках разных отраслей в прессе свидетельствует, что и тут текстильная промышленность отставала от тяжелой. Право первенства в конструировании героев принадлежало руководителям тяжелых отраслей. Как заметил Т.Н. Лешуков, сообщение о Стаханове и стало тем сигналом, который заставил и другие отрасли подготовить своих героев. Он пишет: «6 сентября 1935 г. в “Правде” появилось сообщение под заголовком “Советские богатыри”. Значение этого сообщения можно уподобить камешку, который в своем падении увлекает лавину, многократно превосходящую его по величине»⁹⁷. На отдельных фабриках могли существовать уплотненные комплекты, но только руководители центральных властей определяли, какой именно материал

⁹⁵ Лешуков Т.Н. Самые счастливые... С. 83, 90.

⁹⁶ Всесоюзный рекорд ткачихи Виноградовой // Ногинец. 14 сентября 1935 г.

⁹⁷ Лешуков Т.Н. Самые счастливые... С. 85.

по положению на советских предприятиях давать в прессу, и с помощью этого, в том числе управляли рынком труда, ранжировали приоритетность отраслей в экономическом развитии.

Выводы

Таким образом, изучение экономического и социального контекста возникновения образа стахановки в публичном пространстве позволяет говорить не об успешности или неуспешности реализации проекта по освобождению женщин, а о тех процессах на рынке труда в начале первых пятилеток, которые сделали возможным появление Дуси Виноградовой как публичной фигуры. Новое лицо женского героизма маркировало профессию ткача как естественное женское занятие. Профессионализм в цехе теперь должен был признаваться и за молодыми девушками, окончившими ФЗУ.

Появление статьи именно о вичугских ткачихах служило ответом протестующим ивановским рабочим с дореволюционным стажем и свидетельствовало о торжестве новой организации труда, основанной не на эксплуатации, а на инициативе и энтузиазме беспартийных работниц-ткачих Виноградовых, вдохновляемых решениями партии.

Изучение происхождения инициативы в создании уплотненных комплектов на фабрике позволяет выявить взаимосвязь интересов партийных руководителей и персонала фабрики в этом вопросе. Выполнение плана второй пятилетки требовало аккумуляции имеющихся людских и технических ресурсов. Конкурсы, в свою очередь, должны были стимулировать энтузиазм рабочих. Биографические данные основных участников «уплотнения» дают возможность отказаться от определения стахановского движения как инструмента манипулирования энтузиазмом рабочих. Главная героиня рекорда, как и инженер ткацкой фабрики, были «продуктами» советской системы образования, и их интересы сложно противопоставить. Проведенное исследование подтверждает, что центр принятия решений в создании рекордного количества станков находился на фабрике, в то время как уже на страницах советских газет была представлена интерпретация ударничества и соответствующим образом были распределены роли среди лучших ткачих.

© Наволоцкая Д.И., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Рукопись поступила: 14 февраля 2019 г.

Submitted: 14 February 2019.

Библиографический список

- Аксёнов Л.П., Юпатов Е.П. Стахановское движение в легкой промышленности. М.: Легпромбытиздат, 1985.
- Ворожейкин И.Е. Летопись трудового героизма. М.: Политиздат, 1979.
- Гершберг С.Р. Стаханов и стахановцы. М.: Политиздат, 1985.
- Голдман В.З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.). М.: РОССПЭН, 2010.

- Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2006.
- Дэвис Р., Хлевнюк О. В.* Вторая пятилетка: механизмы смены экономической политики // Отечественная история. 1994. № 3. С. 92–108.
- Конотопов М.В., Котова А.А., Сметанин С.И.* История отечественной текстильной промышленности. М.: Легпромбытиздат, 1992.
- Крамской Н.К.* 50 стахановских лет: статьи, воспоминания, очерки, интервью, хроника. Донецк: Донбас, 1986.
- Лебедева Н.Б., Шкартан О.И.* Очерки истории социалистического соревнования. Л.: Лениздат, 1966.
- Лебедева Н.Б., Хабибулина Р.Я.* Стахановское движение: традиции и преемственность. Л.: Лениздат, 1985.
- Ленин В.И.* Советская власть и положение женщин // Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О женском вопросе. М.: Политиздат, 1971. С. 103–104.
- Ленин В.И.* Речь на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г. // Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О женском вопросе. М.: Политиздат, 1971. С. 93–94.
- Ленин В.И.* Великий почин // Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О женском вопросе. М.: Политиздат, 1971. С. 95–96.
- Ленин В.И.* Задачи пролетариата в нашей революции // Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О женском вопросе. М.: Политиздат, 1971. С. 86–87.
- Леушков Т.Н.* Виноградским маршрутом (Полвека стахановскому движению текстильщиков). Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1985.
- Леушков Т.Н.* Полтора века в строю: Вычугская прядильно-ткацкая фабрика им. В.П. Ногина. 1812–1962. Иваново: Книжное изд-во, 1962.
- Леушков Т.Н.* Самые счастливые. Герои советской родины. М.: Политиздат, 1970.
- Леушков Т.Н.* Свет и тени города ткачей // Новый мир. 1966. № 8. С. 165–186.
- Любимова С.Т.* Из истории деятельности женотделов // Вопросы истории КПСС. 1969. № 9. С. 68–77.
- Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1999.
- Рогачевская Л.С.* Социалистическое соревнование в СССР: Исторические очерки 1917–1970 гг. М.: Наука, 1977.
- Стаханов А.Г.* Жизнь шахтерская. Киев: Политиздат Украины, 1986.
- Фельдман М.А.* Место стахановского движения в предвоенной советской истории // Вопросы истории. 2015. № 8. С. 3–19.
- Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 1930-е гг.: город. М.: РОССПЭН, 2001.
- Чирков П.М.* Решение женского вопроса в СССР (1917–1973 гг.). М.: Мысль, 1978.
- Чжун вэ Чжо.* Стахановское движение и советские профсоюзы в 1935–1936 гг. // Отечественная история. 2014. № 12. С. 51–68.
- Шабурова М.А.* Женщина – большая сила. М.: Партиздат, 1935.
- Attwood L.* Creating the New Soviet Woman. Women's Magazines as Engineers of female identity, 1922–1953. New York: Springer Publ., 1999.
- Buckley M.* Mobilizing Soviet peasants: heroines and heroes of Stalin's fields. [N.p.]: Rowman & Littlefield, 2006.
- Goldman W.Z.* Women, the State and Revolution: Soviet family policy and social life, 1917–1936. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Koenker D.P.* Men against women on the shop floor in early Soviet Russia: Gender and class in the socialist workplace // The American Historical Review. 1995. № 5. P. 1438–1464.
- Klots A., Romashova M.* Lenin's Cohort: The First Mass Generation of Soviet Pensioners and Public Activism in the Khrushchev Era // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2018. № 3. P. 573–597.
- Krylova A.* Soviet Women in Combat. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Rossman J.J.* Worker Resistance under Stalin: class and revolution on the shop floor. Harvard: Harvard University Press, 2009.

- Shulman E. *Stalinism on the Frontier of Empire: Women and State Formation in the Soviet Far East*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Siegelbaum L.H. *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Siegelbaum L.H. *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Wood E.A. *The Baba and the Comrade: gender and politics in revolutionary Russia*. Bloomington: Indiana University Press, 1997.

References

- Aksyonov, L.P., and Yupatov, E.P. *Stakhanovskoe dvizhenie v lyegkoy promyshlennosti*. Moscow: Legprombytizdat Publ., 1985 (in Russian).
- Attwood, L. *Creating the new soviet woman. Women's magazines as engineers of female identity, 1922–1953*. New York: Springer Publ., 1999.
- Buckley, M. *Mobilizing Soviet peasants: heroines and heroes of Stalin's fields*. [N.p.]: Rowman & Littlefield, 2006.
- Chirkov, P.M. *Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR*. Moscow: Mysl' Publ., 1978 (in Russian).
- Davis, R., and Khlevnyuk, O.V. "Vtoraya pyatiletka: mehanizmy smeny ekonomicheskoi politiki." *Otechestennaya istoriya*, no. 3 (1994): 92–108 (in Russian).
- Fel'dman, M. A. "Mesto stakhanovskogo dvizheniya v predvoennoi sovetskoj istorii." *Voprosy istorii*, no. 8 (2015): 3–19 (in Russian).
- Fitzpatrick, S. *Povsednevny stalinism. Social'naya istoria sovetskoj Rossii v 1930-e gg.: Gorod / Everyday Stalinism ordinary life in extraordinary times: Soviet Russia in the 1930s*. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001 (in Russian).
- Gershberg, S.R. *Stahano v i stahanovtsy*. Moscow: Politizdat Publ., 1985 (in Russian).
- Gregory, P. *Politicheskaya ekonomiya stalinizma / The political economy of stalinism. Evidence from the Soviet secret archives*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006 (in Russian).
- Goldman, W. Z. *Zhenzhiny u prohodnoj. Gendernyi otnoshenia v sovetskoy promyshlennosti / Women at the gates. Gender and industry in Stalin's Russia*. Moscow: Rosspen Publ., 2010 (in Russian).
- Goldman, W. Z. *Women, the state and revolution: soviet family policy and social life, 1917–1936*. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 1993.
- Jung ve Jo. "Stakhanovskoe dvizhenie I sovetskie profsoyuzy v 1935–1936 gg." *Otechestvennaya istoria*, no. 12 (2014): 51–69 (in Russian).
- Klots, A., and Romashova, M. "Lenin's cohort: The first mass generation of soviet pensioners and public activism in the Khrushchev era." *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 19, no. 3, (2018): 573–597.
- Koenker, D.P. "Men against women on the shop floor in early Soviet Russia: gender and class in the socialist workplace." *The American Historical Review*, vol. 100, no. 5, (1995): 1438–1464.
- Konotopov, M.V., Kotova, A.A., and Smetanin, S.I. *Istoria otechestvennoj tekstil'noj promyshlennosti*. Moscow: Legprombytizdat Publ., 1992 (in Russian).
- Kramskoy, N.K. *50 stakhanovskikh let: stat'i, vospominaniya, ocherki, interv'y, khronika*. Donetsk: Donbas, 1986 (in Russian).
- Krylova, A. *Soviet women in combat*. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 2011.
- Lebedeva, N.B., and Khabibulina, R.Y. *Stakhanovskoe dvizhenie: traditsii i preemstvennost'*. Leningrad: Lenizdat Publ., 1985 (in Russian).
- Lebedeva, N.B., and Shkartan, O. *Ocherki po istorii sotsialisticheskogo sorevnovaniya*. Leningrad: Lenizdat Publ., 1966 (in Russian).
- Lenin, V.I. "Velikii pochin." In Marx, C., Engels, F., Lenin, V.I. *O zhenskom voprose*, pp. 95–96. Moscow: Politizdat Publ., 1971 (in Russian).
- Lenin, V.I. "Rech' na pervom vserossiyskom s'ezde rabotnits 19 noyabrya 1918 g...." In Marx, C., Engels, F., and Lenin, V.I. *O zhenskom voprose*, pp. 93–94. Moscow: Politizdat Publ., 1971 (in Russian).

- Lenin, V.I. "Sovetskaya vlast' i polozhenie zhenshiny." In Marx, C., Engels, F., and Lenin, V.I. *O zhenskom voprose*, pp. 103–104. Moscow: Politizdat Publ., 1971 (in Russian).
- Lenin, V. I. "Zadachi proletariata v nashey revoliutsii." In Marx, C., Engels, F., and Lenin, V.I. *O zhenskom voprose*, pp. 86–87. Moscow: Politizdat Publ., 1971 (in Russian).
- Leshukov, T.N. "Vinogradovskim marshrutom (Polveka stahanovskomu dvizheniu tekstil'shikov)." Yaroslavl: Verhne-Volzhskoe Publ., 1985 (in Russian).
- Leshukov, T.N. *Poltora veka v strou: Vichugskaya prydil'no-tkatskaya fabrika imeny V.P. Nogina. 1812–1962*. Ivanovo: Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1962 (in Russian).
- Leshukov, T.N. *Samye schastlivye. Geroi Sovetskoy Rodiny*. Moscow: Politizdat Publ., 1970 (in Russian).
- Leshukov, T.N. "Svet i teni goroda tkachei." *Noviy Mir*, no. 8 (1966): 165–186 (in Russian).
- Lyubimova, S.T. "Iz istorii deyatelnosti zhenotdelov." *Voprosy istorii KPSS*, no. 9 (1969): 68–77 (in Russian).
- Osokina, E.A. *Za fasadom "stalinskogo izobil'ia": raspredelenie i rynek v snabzhenii naselenia v gody Industrializatsii, 1927–1941*. Moscow: ROSSPEN Publ., 1999 (in Russian).
- Rogachevskaya, L.S. *Sotsialisticheskoe sorevnovanie v SSSR: istoricheskie ocherki 1917–1970*. Moscow: Nauka Publ., 1977 (in Russian).
- Rossman, J.J. *Worker resistance under Stalin: class and revolution on the shop floor*. Harvard: Harvard University Press Publ., 2009.
- Shaburova, M.A. *Zhenshina – bol'shaya sila*. Moscow: Partizdat Publ., 1935 (in Russian).
- Shulman, E. *Stalinism on the frontier of empire: women and state formation in the soviet far east*. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 2008.
- Siegelbaum, L.H. *Stakhanovism and the politics of productivity in the USSR, 1935–1941*. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 1990.
- Stakhanov, A.G. *Zhizn' shakhtyerskaya*. Kiev: Politizdat Ukrainy Publ., 1986 (in Russian).
- Vorozheikin, I.E. *Letopis' trudovogo geroisma*. Moscow: Politizdat Publ., 1984 (in Russian).
- Wood, E.A. *The baba and the comrade: gender and politics in revolutionary Russia*. Bloomington: Indiana University Press Publ., 1997.

Информация об авторе / Information about the author

Наволоцкая Дарья Игоревна, аспирантка факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Daria I. Navolotskaya, graduate student at European University at St. Petersburg (Faculty of History).

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-453-457>

Рецензия / Book Review

**Сидорова Л.А. Советские историки:
духовный и научный облик. М.: Институт российской
истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2017. 248с.
(Historia Russica)**

Н.Б. Селунская (рецензент)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
119192, Россия, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп.4; selounsk@yandex.ru

**Sidorova, Lyubov A. *Sovetskiye istoriki:
dukhovnyy i nauchnyy oblik* [Soviet Historians:
Spiritual and Scientific Image]. Moscow: Institut rossiyskoy
istorii RAN; Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2017. 248 p.
(Historia Russica)**

Natalia B. Selunskaya (reviewer)

Lomonosov Moscow State University;
119192, Moscow, Lomonosovsky Prospect, 27, block 4; e-mail:selounsk@yandex.ru

Biography has been one of the most popular genres of historical works over many centuries and it continues to hold a leading position in modern historiography under different names: “new biographical history,” “history through personality”, “personal history”. It is significant that in the new millennium, historical biography has gone from narration to research on history, demonstrated through personality, and finally to research on individual consciousness and personal spiritual development. These features of the modern stylistics of personal history can be clearly traced in Lyubov Alexeyevna Sidorova’s monograph “Soviet Historians: Spiritual and Scientific Image”.

Primarily, it is crucial to pay attention to the author’s suggestion, right in the introduction, of narrow-mindedness and insufficiency of consideration of the scientific heritage of Soviet historians, predominantly within the framework of politics and ideology, of “specific conditions of their scientific activity”, “research traditions” and “social demands”. Moreover, for L.A. Sidorova, the tradition of similar studies seems to be exhausted, but the phenomenon of Soviet historiography requires a new approach to its study and the scale of its representation. That is why the new monograph focuses on “the complex of spiritual and mental reasons” that impact Soviet historians’ creative work and the creation of their spiritual and scientific image, which are manifested only in individual stories, individual fates and biographies.

The author’s suggested approach also determines the type of sources used for the research, which mainly consists of so-called “ego-sources”, sources of personal origin: memories, diaries and correspondence of historians. It is precisely these sources that

allowed Sidorova to impersonate the Soviet historiography, to personify the collective image of Soviet historians of different generations through their personal stories, and to discover their “spiritual biographies”, their moral and esthetic values which make up the psycho-emotional sphere of their creativity and academic activity.

The author structures the monograph in such a way as to clearly identify two profiles of reconstruction of the collective image of Soviet historians, representing them as the “spiritual image” and the “scientific image”, without concealing the priority of the first one over the second in order as well as in scope of narration. Revealing the meaning of the evaluative concept of the “spiritual image”, the author emphasizes the issues of the historian’s attitude toward religion, faith, and the spiritual values that form the basics of his daily and academic life. In the author’s opinion, these attitudes represent a particular “moral compass” for Soviet historians, which formed the basis of personal and business relations in a historical society. The author analyses the esthetic, moral and religious views of Soviet historians, using particular examples of individual personalities and giving the reader the opportunity to hear the voice of a scientist, and to comprehend the meaning of estimation, mood, and emotional experience as related to the spiritual sphere of a day-to-day life. Thus, Sidorova’s approach to reconstructing religious mood in the life of Soviet historians of different generations is highly entertaining. For example, she proves convincingly that for the historians of the “old school” religion was a “natural element of education”, a fine daily rite, and at the same time, the subject for philosophical speculation. The author provides the fascinating description by the famous historian M.M. Bogoslovsky of the celebration of “Tatiana’s day”, a tradition at Moscow University that included a visit by the professors and students to a temple, “teatime in a Big professors’ room, and then, a ceremonial act”, during which discussions “on such old and eternal issues as the existence of God and the immortality of the soul” took place (p. 13). The author very accurately choose the event to highlight – “Tatiana’s day”. This celebration opens up a wide scope of speculation, not only about a scientist’s attitude toward religion, but also about the interconnection between science and religion, and Moscow University’s cooperation with the Church.

While demonstrating the significance of family in developing historians’ personalities, Sidorova points out that scientists cannot consider factors such as compliance or non-compliance with rites in everyday life or the religious origins of a historian to be definitive indicators of indifference to the question of faith or historians’ intensity of religious sentiment. At the same time, the author expands the personal stories of scientists such as the academics M.K. Lyubavsky and M.M. Bogoslovsky, who were profoundly religious people. She highlights their personal statements and attitudes toward Orthodoxy, faith and religion in general. These specific fragments of the historians’ memories constitute the factual basis for the author’s conclusions that religiosity was an essential part of their world outlook.

Of equal interest in the monograph is the analysis of the issues of faith and church organization in the world outlook of A.E. Presnyakov, a description of V.S. Solovyov’ skeanness on religious philosophy, and a speculation on L.N. Tolstoy’s works “The Death of Ivan Ilyich”, “The Power of Darkness”, and “The Kreutzer Sonata”,

as well as answers to the questions: “in what does happiness lie?”, “what is to be done?” and “who is to blame?” There is an important emphasis by the author on “historical background” in the reconstruction of reflections and observations by A.E. Presnyakov and on pictures of the artist A.A. Ivanov or Tolstoy’s ideas. Thus, for example, a statement given by A.E. Presnyakov that A.A. Ivanov “transferred the task of demonstration of Christ from the ecclesiastical and religious ground to the historical ground, without diminishing its ideal significance at all” (p. 19). Highly significant are reflections by A.E. Presnyakov on L.N. Tolstoy’s ideas on the negative influence of “animosity based on outlook” and “mutual incomprehension” among people. Sidorova ultimately concludes that “this feature of Aleksandr Yevgenyevich’s nature... was crucial in his choice of line of cooperation with Soviet Marxist historians” (p. 20).

Eventually, Sidorova reveals the role of faith for historians of the “old school” through their personal estimation of the revolution upheaval of 1917 as retribution for the fact that, according to M.M. Bogoslovsky, the Russian elite was “nihilistic” and “did not know either belief in God or patriotism”.

The moral and religious bases of Soviet historians’ world outlook are expanded by the author’s analysis of their esthetic views and the influence of belles-lettres and works of art on molding the historians’ creative personalities. An interesting aspect of the unfolding of this subject is consideration of the style of historical study in the context of relations between history and literature. In this regard there is a competent statement by the academician M.N. Tikhomirov in the monograph that “a historian is not just a researcher, releasing the necessary product from the laboratory,” but a writer as well. Referring to M.M. Bogoslovsky’s notice on “the damage to the Russian language on scientists’ lips,” Sidorova states that it is “an incredibly complex, but achievable” task of scientific work to combine “language richness, accuracy of terminology and bright psychological images of historical characters (p. 51).” In the academic society of Soviet historians, the talent of literary style of such scientists as Y.V. Tarle, M.V. Nechkina, A.Z. Manfred, was highly esteemed.

Sidorova’s scrupulous work on the reconstruction of the literary tastes and preferences of such important persons as S.B. Veselovsky, N.M. Druzhinin, I.I. Mints, M.V. Nechkina and many others on the basis of diaries and other memoir-type sources of the literary circles noteworthy. At the same time, the author of the monograph does not simply narrate about the esthetic views of Soviet historians, but very clearly demonstrates a historical context for the dramatic events of the coming 20th century. Events of World War I, revolutions and other social collapses, according to the author of the monograph, powerfully motivated the historians’ attitudes toward literature, as “belles-lettres helped historians endure the vicissitudes of fate” (p. 89–90). The author gives the very impressive examples of the arrest of M.M. Bogoslovsky, S.B. Veselovsky, A.A. Kiesewetter and D.M. Patrushevsky on political and antigovernmental charges in September of 1919. Sidorova quotes the memories of participants in that drama, recounting the fact that they were expecting books in a package to be delivered to the Butyrskaya prison, books that bring “meaning and order” to their life, and that they were for them “a protective barrier,” and “the illusion of a conventional way of life”.

The author amplifies her analysis of the role of books and fiction in the lives of Soviet historians with ideas on the historians' usage of literature in their scientific activity. Sidorova emphasizes her general conclusion that "works of fiction were often used by historians to fully and comprehensively understand a given historical epoch" (p. 92–94). She also gives examples from the diaries of M.V. Nechkina, M.M. Bogoslovsky, and other historians to further support this point.

We should also mention one more of the author's perspectives for reading the historical context in exposing the spiritual image of Soviet historians. This is the period of "the thaw" in the life of Soviet society, when "belles-lettres and historical science were more tightly combined with the aim to comprehend the origins and the deep meaning of Soviet history" (p. 103). Sidorova introduces the section entitled "A Historian and His Literary Image" with these words, which includes highly emphasized research of the image of famous Soviet historian and academic Anna Mikhaylovna Pankratova. This image was poeticized in the poem "Tan'ka", by N.M. Korzhavin. The section also includes a reconstruction of her personal story, full of dramatic events in the everyday, social and scientific spheres of life. It is in this reconstruction that the author demonstrates the high professionalism of a historiographer while analyzing discussions on the pages of periodical historical press, most notably in the magazine "History Questions", directed by A.M. Pankratova. At the same time, Sidorova perfectly commands the methods of linguistic analysis and interpretation of artistic images that strongly intensify emotional coloring and vivacity of perception and personality of the historian A.M. Pankratova and of the epoch as a whole.

The second part of Sidorova's monograph, devoted to the characteristics of the scientific image of Soviet historians, is spotlighted by the issues of theory, methodology and source study of historical research, which have been the source of much heated controversy and debate. Here the main issues are Marxist theory and class approach as a new basis for historical studies of the Soviet period, which were confirmed by the Marxist historians in the struggle with "old school" of the historical society. The methodological "battle field" is depicted by the author not in contrasting black and white, but in a diversity of shades of a historian's private and personal choices. Thus, the monograph's author wisely demonstrates the estimation of the historiographical situation of the 1920s, given by N.M. Druzhinin, in which he writes that he lives "among two opposite and hostile trends:" the cultural but reactionary sphere of the professors' community of Moscow University, and the "communist environment" (p. 135–136).

Sidorova managed to find her own style in interpreting controversy over well-known historiography issues, restoring the voices of contemporaries and participants of those polemics, and selecting ones that sound contrasting and conciliatory. This approach is demonstrated effectively in the exposition of controversy among A.M. Pankratova, Y.V. Tarle and I.I. Mints over the issues of the role and tasks of history and the problem of patriotism. Their relevance has not yet been diminished at the present time. It is very revealing that, at the center of discussion of that time, participants in which include M.V. Nechkina and S.A. Piontkovsky, is the problem of the historical source: the question of the priority of a source over an interpretation, and the "new" class approach to a source over the formal juridical approach, intrinsic for

representatives of “the old school”. The topic of the historical source is continued by the author in the section on polemics around documentary publications, that is, on issues of archeography and source study, which is displayed through the personal correspondence of two famous historians from capital schools – B.A. Romanov and E.N. Kushevaya.

A personified approach and the use of authentic sources is characteristic for the author’s exposition of the problem of “science schools” as well. In particular, this is manifest in the example of the development of A.L. Sidorov’s school, who replaced the academician B.D. Grekov as director of the Institute for the Russian History of the USSR Academy of Sciences in 1953. Grekov was an active participant in the reorganization of Soviet historical science after Stalin’s death. It is precisely through the personality of the historian A.L. Sidorov, “a brilliant but somewhat controversial representative of Soviet historians of the generation of ‘red professors’”, and on the basis of the memories of the young, talented scientists who surrounded him – A.Y. Avrekh, A.M. Anfimov, V.I. Bovykin, P.V. Volobuyev, M.Y. Geftter, I.D. Kovalchenko, K.N. Tarnovsky, K.F. Shatsillo – that the author reconstructs the process of the formation of the science school. She pays particular attention to the role of personality of the leader and master, his life experience, and dramatic events in the course of his daily, scientific and academic life (p. 175–181).

This musing on the monograph *Sovetskiye istoriki: dukhovnyy i nauchnyy oblik* should conclude with a note on the importance of the author’s keenness on her research, at which Lyubov Alexeyevna Sidorova has been profoundly and productively working for over a decade. Her previous monograph, *Sovetskaya istoricheskaya nauka sere diny XX veka: Sintez trekh pokoleniy istorikov* [Soviet historical science in the mid-20th century: Synthesis of three generations of historians], published in 2008, was a very interesting and much-discussed historiographical event. As they are closely related by the subject of research, L.A. Sidorova’s two monographs are simultaneously characterized by the clearly defined angles of reconstruction and comprehension of such a controversial and multi-faceted phenomenon as the national historiographical tradition of the Soviet period.

© Selunskaya N.B., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Рукопись поступила: 22 декабря 2018 г.

Submitted: 22 December 2018

Информация об авторе / Information about the author

Селунская Наталья Борисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Natalia B. Selunskaya, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Source Study of Moscow State University named after Lomonosov.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-458-463>

Рецензия / Book Review

**Непомнящий А.А. Академик С.Ф. Платонов и крымоведение.
Белгород: Константа, 2018. 216 с.
(Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 27)**

М.Н. Мосейкина (рецензент)

Российский университет дружбы народов;

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; moseykina-mn@rudn.ru

**Nepomnyashchiy, Andrey A. *Akademik S. F. Platonov i krymovedenie*
[Academician S.F. Platonov and Crimean Studies].
Belgorod: Konstanta Publ., 2018, 216 p.
(Series: “Biobibliography of Crimean Studies.” Vol. 27)**

Marina N. Moseykina (reviewer)

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University);

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia; moseykina-mn@rudn.ru

The beginning of the scientific research on the Crimea concerns the last third of the 18th century, and it was related to a gradual advance of Russia to the South, to the strategic and socio-economic objectives of the state in developing new territories. By the end of the 19th century, Crimean studies had become an independent scientific direction. At that time, the Taurida Scientific Archive Commission was founded in 1887 (since 1923 – the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography), which was engaged in the protection of historical monuments on the peninsula, and in research of documentary treasures of the Crimean archives; it also contributed to the formation of the fundamentals of the local archeography. That way had developed the historical school of Crimean studies, which nowadays has been successfully working under the direction of the acknowledged leader in this field, professor A.A. Nepomnyashchiy,¹ whose area of interest is the history of Crimean studies, and areas of specialization – the historiography of Crimean history, the biobibliography of historians/Crimean specialists. Historians and specialists engaged in Crimean history studies are familiar with the scientific series “Biobibliography of Crimean Studies,” which has been published under the direction of A.A. Nepomnyashchiy. This series was intended to publish works on Crimean historical bibliography and restore the history of Crimean studies.

Due to this series, the contribution of scientists and region researchers to the studied issue is manifest, and their scientific heritage is analyzed, with the obligatory inclusion of hand-written works that have been discovered in the archival depositories

¹ A.A. Nepomnyashchiy, “ ‘Biobibliografiya krymovedeniya’: iz opyta sozdaniya regional’noy nauchnoy knizhnoy serii,” *Biobibliografiya krymskikh issledovaniy*, no. 1 (2018): 69–88.

of many countries. The emergence of such a direction in Crimean historiography is quite explicable. The store of scientific research on the history of regional studies was extremely poor by the beginning of the 21st century. In Russian historiography, an institutional approach had been clearly seen by that time, when historians often faced diverse scientific institutions. At the same time, a new problem area has recently been revealed, because of researchers' increasing attention to personality in the scientific society, including in the far regions of Russia. Therefore, the formation of a new scientific direction in Crimean studies, where archeology has always prevailed, is very distinctive.

Due to the emergence of a new book by A.A. Nepomnyashchiy, the series was expanded by the publication of a famous Russian and Soviet historian and academician, Sergey Fyodorovich Platonov, devoted to the scientific heritage in the field of Crimean studies. There is a wide historiography, devoted to the hard destiny of a historian, to his multi-faceted scientific and pedagogical activity. Above all, this historiography is made up of works by V.S. Brachyov and S.O. Schmidt.² The plots that are connected with the study of S.F. Platonov's contribution to the development of regional historical schools, are demonstrated in the works of A.N. Shakhanov,³ S.P. Shchhavelev,⁴ and V.V. Mitrofanov.⁵ There are also separate publications which cover unknown and little known plots, bearing witness to the academician's interest in the regional problems of the South of the country.⁶

A.A. Nepomnyashchiy's monograph spotlights the plot of the academician S.F. Platonov's biography, which unfolds in the 1920s. It was quite an important but at the same time controversial period for the Crimea. On the one hand, the creation of the Crimean Autonomous Socialist Soviet Republic in 1921 contributed to the cultural prosperity of the nations living on the peninsula. But at the same time, there was a certain stagnation in the scientific life of the republic. It was related to a lack of funds to develop science in the country and to a disparity in the study of exclusively Crimean-Tatar monuments of archeological, ethnographical and other types. The author of the book, using the example of an outstanding historian's fate, attempted to trace the path of the development of historical Crimean studies, the way of the formation of new contacts in the area of "province-center".

² V.S. Brachyov, *Krestnyy put' russkogo istorika; akademik S. F. Platonov i yego "delo"* (St. Petersburg.: Stomma Publ., 2005); S.O. Schmidt, *Istoriik S.F. Platonov – uchonyy i pedagog (K 150-letiyu so dnya rozhdeniya)* (Moscow: [S.n.], 2010).

³ A.N. Shakhanov, *Russkaya istoricheskaya nauka vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka: Moskovskiy i Peterburgskiy universitety* (Moscow: Nauka Publ., 2003).

⁴ S.P. Schhavelev, *'Delo krayevedov TSGO'. 1930–1931 godov: Kurskiy filial* (Kursk: Kursk State Medical University Publ., 2007).

⁵ V.V. Mitrofanov, *S.F. Platonov i nauchno-krayevedcheskiye obshchestva, arkhivnyye komissii Rossii* (Chelyabinsk: Publishing Center SUSU Publ., 2011).

⁶ T.G. Smirnova, "S.F. Platonov i gumanitarnyye uchrezhdeniya Petrograda – Leningrada v 1920-ye gody." In *Deyateli russkoy nauki XIX–XX vekov* (St. Petersburg.: Dmitry Bulanin Publ., 2000), 203–213; I.P. Medvedev, "Studencheskiy referat S.F. Platonova 'O mestopreyevanii gotov-tetraksitov'," in *Antichnaya drevnost' i sredniye veka: sbornik nauchnykh trudov* (Yekaterinburg: A.M. Gorky Ural State University Publ., 2011), 390–393.

A.A. Nepomnyashchiy is the author of a number of monographs devoted to the prominent workers of historical Crimean studies – the chairman of the Taurida Society of History, Archeology and Ethnography, A.I. Markevich⁷ and the outstanding archeologist N.L. Ernst,⁸ who simultaneously served as the first director of the Central Museum of Taurida, the first head of the library at the Taurida University, a professor at the Crimean University, and the successor of A.I. Markevich to the position of chairman of the Taurida Society of History, Archeology and Ethnography. Nepomnyashchiy's works display the scrupulous labor of numerous area specialists, who conduct research in the field of archival science, the Taurida Scientific Archive Commission activities, protection of cultural values in post-revolution years, and changes and new scientific trends in Crimean studies in the 1920s and the tough 1930s of the 20th century.

As the source basis of A.A. Nepomnyashchiy's new book, devoted to S.F. Platonov, is made up of a large epistolary, discovered and studied by the author in more than ten archives of the Russian Federation and the Ukraine, as well as numerous documents of various types on the organization of research in the field of Crimean studies, and obtained by the author from the funds of the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Of particular interest for the readers is the personal correspondence of the academician Platonov with Crimean workers of science and culture, introduced into scientific circulation by the author, as well as the materials of the official correspondence of the Academy of Sciences of the USSR, the State Academy of History of Material Culture, the Crimean People's Commissariat for Education, and particular museums in the studied period of time.

The author starts the narration with the story of the random acquaintance of S.F. Platonov with A.I. Markevich at the All-Russian Archeological Congress in Wilno in 1893. The leading Crimean area specialist's analysis of the preserved letters forwarded to the capital of the Russian Federation demonstrated the way the scientific friendship of two outstanding workers of that period was forged. Even at that time, Platonov had already begun to support his colleague from a remote Crimean province; however, this did not hamper him from critically reviewing Markevich's publications (pp. 11–27). It's precisely in the pre-revolutionary period that Sergey Fyodorovich started to participate in work of the Taurida Scientific Archive Commission, transformed into the Taurida Society of History, Archeology and Ethnography in 1923. The study of the correspondence between the two workers of historical science of the pre-revolutionary period, which was preserved in the personal archive fund of S.F. Platonov, in the division of manuscripts of the Russian National Library, proffered the opportunity to expand his view of A.I. Markevich's bibliography, to reveal a number of manuscripts of his articles and published works that had not been previously unknown.

A.A. Nepomnyashchiy traced the way the general atmosphere in Crimean studies was changing, and against this background revealed the complex type of relationship

⁷ A.A. Nepomnyashchiy, *Arseniy Markevich: stranitsy istorii krymskogo krayevedeniya* (Simferopol: Biznes-Form Publ., 2005).

⁸ A.A. Nepomnyashchiy, *Professor Nikolay Ernst: stranitsy istorii krymskogo krayevedeniya* (Kiev: Stilos Publ., 2012).

between the two scientists, due to political changes that took place in the country after the revolution, which both of them accepted, albeit involuntarily. The book highlights Platonov's "entry" in Crimean studies, which started by his participation in two All-Union archeological conferences – in Kerch (1926) and Chersonesus-Sevastopol (1927), timed to coincide with the anniversary dates of the study and protection of the cultural heritage in the Eastern and South-Western Crimea.

The monograph presents a detailed story, based on archival documents and new publications, about the unique features of organization of similar forums in the USSR, and the participation in these forums of dozens of science workers from the entire Soviet Union (pp. 60–108). On the pages of local press, A.A. Nepomnyashchiy managed to discover those of S.F. Platonov's articles that were not included in early published indexes of the academician's works. S.F. Platonov's publications on the pages of "Izvestiya of the Taurida Society of History, Archeology and Ethnography" are still little known.⁹ The peculiarities of the development of the Crimean studies movement on the peninsula during the post-revolutionary period are highlighted in the book. At the same time, the author demonstrates a conflict between the representatives of the old pre-revolutionary school of researchers and the new generation of Soviet historians, who had other priorities in work to protect monuments and, therefore, aimed to develop knowledge in the region, and to popularize its past, in their own way.

The analysis of the correspondence between the former Saint-Petersburg University professor Friedrich (Fyodor) Braun, who emigrated to Germany, and the academician S.F. Platonov made it possible to restore unknown pages from the investigation of Crimean medieval monuments, in particular, monuments by Eski Kermen. It also facilitated the organization of the joint Soviet-German archeological expedition in 1929 by the Academy of Sciences of the USSR together with the Society of Mutual Aid for German Science. The complexities of the interpersonal relationship between the Crimean specialists are disclosed, as well as the peculiarities of research on medieval Crimean items of cultural heritage due to the right to study Eski Kermen.

Preparation for the expedition, including the involvement of prominent local scientists, became the summit of Platonov's participation in Crimean studies. The book often quotes letters by A.I. Markevich and N.I. Repnikov which were thereby introduced into scientific circulation for the first time. Platonov actively discussed the planned joint Soviet-German expedition to Eski Kermen with these notable scientists of that period.

In the monograph, the image of Friedrich Braun is shown in an absolutely new way. He kept close scientific contacts with many Crimean workers and carried out long-distance supervision of the investigation of "cave cities", which he personally conducted at the request of the academician S.F. Platonov, to whom he reported back in his preparatory works for the expedition. At the same time, on the pages of A.A. Nepomnyashchiy's book, the author discovered the correspondence between F. Braun, N.I. Repnikov and N.L. Ernst and was the first to introduce it into scientific circulation (pp. 135–161).

⁹ A.A. Nepomnyashchiy, *Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arkhivy (1921–1945)* (Simferopol: Antikva Publ., 2015), 487–489.

On the pages of the book, workers of historical Crimean studies are presented for the readers not only as scientists, but also as ordinary people, with their own personalities, feelings and trials. They quarrel, rest and communicate. In this regard, the book contains a very telling communication between S.F. Platonov and M.A. Voloshin. The author managed to introduce the versatility of the Crimean scientific community into the national context of academic scientific exchange. Based on engaging a vast array of correspondence, we can see how the priorities in study of the Crimea changed in the early Soviet period, and why and how all that was restrained. Against this background, the author's statements in the afterword on S.F. Platonov's isolation after his deportation to Samara appear logical.

The book contains a wide number of references, but remains easy to read. It's important to note the book's well-thought-out design, impeccably made by the Belgorod Publishing House "Konstanta", and its numerous rare photographs, in particular, those of Crimean workers, whose iconography had not been previously exposed.

© Moseykina M.N., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Рукопись поступила: 20 декабря 2018 г.

Submitted: 20 December 2018

Библиографический список

- Брачев В.С.* Крестный путь русского историка; академик С. Ф. Платонов и его «дело». СПб.: Стомма, 2005.
- Медведев И.П.* Студенческий реферат С.Ф. Платонова «О местопребывании готов-тетракситов» // *Античная древность и средние века: сб. науч. тр.* Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та им. А. М. Горького. 2011. С. 390–393.
- Митрофанов В.В.* С.Ф. Платонов и научно-краеведческие общества, архивные комиссии России. Челябинск: Издательский центр ЮУРГУ, 2011.
- Непомнящий А.А.* «Биобиблиография крымоведения»: из опыта создания региональной научной книжной серии // *Библиография и книговедение.* 2018. № 1. С. 69–88.
- Непомнящий А.А.* Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес Информ, 2005 (Серия: «Биобиблиография крымоведения»).
- Непомнящий А.А.* История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). Симферополь: Антиква, 2015. (Серии: «Крым в истории, культуре и экономике России»; «Биобиблиография крымоведения»). С. 487–489.
- Непомнящий А.А.* Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. Киев: Стилос, 2012 (Серия: «Биобиблиография крымоведения»).
- Смирнова Т.Г.* С.Ф. Платонов и гуманитарные учреждения Петрограда – Ленинграда в 1920-е годы // *Деятели русской науки XIX–XX веков.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 203–213.
- Шаханов А.Н.* Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М.: Наука, 2003.
- Шмидт С.О.* Историк С. Ф. Платонов – учёный и педагог (К 150-летию со дня рождения). М.: [Б.и.], 2010.
- Щавелев С.П.* «Дело краеведов ЦГО». 1930–1931 годов: Курский филиал. Курск: Изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2007.

References

- Brachyov, V.S. *Krestnyy put' russkogo istorika; akademik S. F. Platonov i yego "delo"*. St. Petersburg: Stomma Publ., 2005 (in Russian).
- Medvedev, I.P. "Studencheskiy referat S.F. Platonova "O mestoprebyvanii gotov-tetraksitov." In *Antichnaya drevnost' i sredniye veka: sbornik nauchnykh trudov*, 390–393. Yekaterinburg: A.M. Gorky Ural State University Publ., 2011 (in Russian).
- Mitrofanov, V.V. *S.F. Platonov i nauchno-krayevedcheskiye obshchestva, arkhivnyye komissii Rossii*. Chelyabinsk: Publishing Center SUSU Publ., 2011 (in Russian).
- Nepomnyashchiy, A.A. *Arseniy Markevich: stranitsy istorii krymskogo krayevedeniya*. Simferopol: Biznes-Inform Publ., 2005 (in Russian).
- Nepomnyashchiy, A.A. *Professor Nikolay Ernst: stranitsy istorii krymskogo krayevedeniya*. Kiev: Stilos Publ., 2012 (in Russian).
- Nepomnyashchiy, A.A. *Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arkhivy (1921–1945)*. Simferopol: Antikva Publ., 2015 (in Russian).
- Nepomnyashchiy, A.A. " 'Biobibliografiya krymovedeniya': iz opyta sozdaniya regional'noy nauchnoy knizhnoy serii." *Biobibliografiya krymskikh issledovaniy*, no. 1 (2018): 69–88 (in Russian).
- Schhavelev, S.P. *'Delo krayeredov TSGO'. 1930–1931 godov: Kurskiy filial*. Kursk: Kursk State Medical University Publ., 2007 (in Russian).
- Shakhanov, A.N. *Russkaya istoricheskaya nauka vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka: Moskovskiy i Peterburgskiy universitety*. Moscow: Nauka Publ., 2003 (in Russian).
- Schmidt, S.O. *Istoriik S.F. Platonov – uchonyy i pedagog (K 150-letiyu so dnya rozhdeniya)*. Moscow: [S.n.], 2010 (in Russian).
- Smirnova, T.G. "S.F. Platonov i gumanitarnyye uchrezhdeniya Petrograda – Leningrada v 1920-ye gody." In *Deyateli russkoy nauki XIX–XX vekov*, 203–213. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ., 2000 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Мосейкина Марина Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

Marina N. Moseykina, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-464-478>

Информационная статья / Informational article

**Сотрудничество
Российской Федерации с Сирией и Вьетнамом
в сфере образовательной политики в 2000-е гг.:
результаты и перспективы**

Шахуд Ахмед Мухаммад^a, Ле Ван Вьонг^b, Хосейн Моханнад^b

^a Университет в г. Тартус; Сирия, Тартус, ул. 6 Октября; ahmadshahou2016@gmail.com

^b Российский университет дружбы народов; 117198, Россия, Москва,
ул. Миклухо-Маклая, 6; lvvuong@moet.gov.vn; mohannad2hossin@gmail.com

**The cooperation
between the Russian Federation, Syria and Vietnam
in the area of education politics in the 2000s:
results and prospects**

Ahmad Mohammad Chahoud^a, Le Van Vuong^b, Hosain Mohannad^b

^a Tartus University; October 6 St., Tartus, Syria; ahmadshahou2016@gmail.com

^b Peoples' Friendship University of Russia; 10/2, Miklouho-Maclay st.,
Moscow, 117198, Russia; lvvuong@moet.gov.vn; mohannad2hossin@gmail.com

Аннотация: В данной статье прослеживается эволюция приоритетов, основных направлений и условий межгосударственного взаимодействия в сфере образования Российской Федерации с Сирией и Вьетнамом, анализируется исторический опыт сотрудничества данных государств. Авторы подробно рассматривают такие аспекты темы, как основные задачи и направления исследования сотрудничества Российской Федерации с государствами, контекстные приоритеты их развития, потребности рынка труда и особенности системы высшего образования. Особое внимание уделено сравнительному исследованию институционального и нормативно-правового ресурсов развития систем высшего образования рассматриваемых государств. Подчеркивается взаимосвязь высшего образования и национальной экономики. Новизна исследования заключается в переосмыслении концептуальных основ, задач и ключевых направлений взаимодействия стран, которые могут в комплексе составить необходимый задел для понимания основной сути сотрудничества Российской Федерации с Сирией и Вьетнамом в области образовательной политики, ее состояния и перспектив развития. Авторами выявлены особенности сотрудничества Российской Федерации с Сирией и Вьетнамом в сфере образовательной политики в 2000-е гг., которые выражаются в их ориентации на общие приоритеты, декларируемые международными документами о высшем образовании, и выработке консенсуса относительно необходимости наращивания объемов сотрудничества в области подготовки высококвалифицированных кадров в соответствии с требованиями современного рынка труда.

Ключевые слова: образовательная политика, межгосударственное сотрудничество, высшее образование

Для цитирования: Шахуд Ахмед Мухаммад, Ле Ван Вьонг, Хосейн Моханнад. Сотрудничество Российской Федерации с Сирией и Вьетнамом в сфере образовательной политики в 2000-е гг.: результаты и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 464–478. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-464-478>

Abstract. This article examines the evolution of priorities, main directions and conditions of the Russian Federation's cooperation with Syria and Vietnam in the sphere of education, and it analyzes the historical experience of the cooperation between these states. The authors analyze the main tasks and areas of research for the cooperation of the Russian Federation with other states, the contextual priorities of their development, the needs of the labor market and the characteristics of the higher education systems. Particular attention is paid to a comparative study of the institutional and regulatory resources for the development of higher education systems of the countries under consideration. The authors emphasize the relationship between higher education and the national economy. The novelty of the research lies in rethinking the conceptual framework, objectives and key areas of interaction between countries that can together form the necessary basis for understanding the basic essence of cooperation between the Russian Federation and Syria and Vietnam in the field of educational policy, its state and development prospects. The authors identified features of the cooperation of the Russian Federation with Syria and Vietnam in the field of educational policy in the 2000s, which are expressed in their orientation to common priorities as expressed in international higher education documents, and the development of a consensus on the need to increase the volume of cooperation in the field of training highly qualified personnel in accordance with the requirements of the modern labor market.

Keywords: educational politics, interstate cooperation, higher education

For citation: Ahmad Mohammad Chahoud, Le Van Vuong, Hosain Mohannad. "The cooperation between the Russian Federation and Syria and Vietnam in the area of education politics in the 2000s: problems and prospects." *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 2 (May 2019): 464–478. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-464-478>

Introduction

The urgency of the research topic is determined by constantly growing interest toward the study of the historic experience of the Russian Federation's cooperation with other states in the educational sphere. This pertains according to our judgement, to the demand of comprehensive study of many directions of this cooperation as well as to the necessity of learning lessons from the international relations in the area of education problems. The problems and their practical side despite the presence of separate outstanding works would require the new comparative approaches to the further studies. In this regard one should take into consideration the fact that in domestic as well as moreover foreign historiography the Russian Federation's cooperation with other countries in the area of forming up and implementation of educational politics in the 2000s was studied in the view of separate aspects of this problem.¹

The study of the Russian Federation's experience of cooperation with the states of South-East Asia and the Middle East in the sphere of education politics in the most

¹ M. Nasser, "Razvitiye obrazovaniya v Cirii," [Development of education in Syria] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Pedagogicheskoye obrazovaniye*, no. 1 (2009): 120–132; G.B. Karasin, *Rossiya i V'yetnam druzhatuzhe 50 let. Yubiley diplomaticheskikh otnosheniy: na puti k strategicheskomu partnerstvu* [Russia and Vietnam have been friends for 50 years. Anniversary of diplomatic relations: on the way to strategic partnership] (Moscow: [S.n.], 2000); Dam Duc Vuong, Nguyen Quang Thuong, "Sostoyaniye, perspektivy i faktory razvitiya obrazovatel'noy sistemy V'yetnama," [State, prospects and factors of development of the educational system of Vietnam] *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyy universitet upravleniya)*, no. 14 (2012): 16–19; V.M. Mazyrin, "Ekonomicheskaya modernizatsiya vo V'yetname: ot industrializatsii k innovatsionnomu etapu," [Economic modernization in Vietnam: from industrialization to the innovation stage] in *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya* (Moscow: IV RAN Publ., 2012), 240–265.

difficult and breaking period of the domestic history is rather urgent and, in this regard, it has exceptionally demanded scientific and practical meaning. It was in the years studied there were formed and undergone practical approbation of the politics of the given countries where Russian Federation has played and is playing currently the most important significance.

It was comparative historic studies which enable to see the tendencies and problems which are less noticeable while they are separately studied. This in the complete view refer to the experience of the Russian Federation's cooperation with Syria and with Vietnam in the educational sphere being considered against background and under the eyesight angle of the prerequisites and significant achievements laid down in it.

Under the contemporary conditions the urgency of the study of Russian Federation's cooperation with such countries as Vietnam and Syria which are completely different from each other as regards political, economic and cultural aspects in the matter of forming and implementation of educational politics in the 2000s is increasing due to contemporary condition of the Russian historiography which is conditioned according to our view by the following circumstances: first, by the necessity of studying positive and in some cases also by the negative sides in the implementation of such cooperation, secondly, of the necessity of the use of its experience in the present and in the future in the Russian Federation and other countries with the aim of its effective realization and improvement , thirdly, by the demand for well-argued manner and academically with specific documents and actual examples to prove that the Russian Federation and Vietnam from one side and the Russian Federation and Syria from the other side are the actual partners, in particular in the sphere of education which is the basis of the humanitarian knowledge of any modern state.

The educational policy of the developing countries

The educational cooperation in the interstate relations traditionally is attached with specific significance. It is being considered as an effective tool due to which a mutual understanding is reached as well as establishing and deepening of mutually profitable ties in many areas of spiritual, social as well as also political activities of any society. The underestimation of the questions of the educational cooperation can lead to mistrust and weakening of the partnership and this several times has been proved by history.

In accordance with the classifications of the countries suggested by UN Committee on policy in the area of development, International Monetary Fund and the World Bank based on the basic economic indicators Vietnam and Syria were included in the group of developing countries. The developing countries compose approximately 4/5 of all countries of the world and there are more than 77 % population of the planet are included in them.

For the last decades of the last century the rewash taken serious re-estimation of the values on the role of education in the strategy of national development in the developing countries. In 1950s the majority of the "third world" leaders considered the development of the education to be not mandatory as the necessary methods, scientific knowledge, technics and technology could be obtained in the developed countries but

the creation of the national system of education, developing technical newly features by own measures perceived over complicated, long lasting and expensive. In the basis of such simplified and pragmatic approach there was underestimation of the primary significance of the education for the solving most important political and economic goals which developing countries were facing.

In this regard it should be noted that scientific and educational potential of the Western countries developed as the result of long lasting and spontaneous evolution of the productive forces. The state only later began playing an active role in this process. The national scientific and technical and educational policy started to be developed already on the basis of highly developed scientific and technical potential. In its turn in the USSR and later in Russia the scientific and technical base was created on the basis of developed for the entire economy of the single scientific and technical policy.²

The cooperation of the developing countries in the educational sphere is aimed according to our opinion at the solution of several interconnected problems: 1. The creation of the educational potential and ensuring its growth in personnel, technical, information and organizational domain; 2. The selection of the main directions of the developing of the system of education in accordance with national developing targets; 3 ensuring of the effective application of scientific and educational discoveries in all areas of the civil life.³

The top task among first rate goals under the conditions of the developing countries is the training of the scientific technical intelligentsia cadres. The backwardness of the developing countries in this area is especially significant. The forming of the national cadres of Professors and lecturers faculty remains the main prerequisite of the efficiency of the education and science in the developing countries.

The talk here is about not only the quantitative increase of the graduate of specialists but also about deep qualitative restructuring of the entire education system – its structure, contents of the syllabus, methods of lecturing and teaching, the ratio of the number of undergoing teaching of the different profile and the level of qualification etc. Without true cultural revolution the developing countries hardly manage fully use the richest intellectual potential of their billion population.⁴

The other important prerequisite of the developing of higher education is pertaining to the creation of cutting edge scientific and educational infrastructure equipped by the advance means for conducting research in university labs, scientific institutes,

² Dam Duc Vuong, Nguyen Quang Thuong, “Sostoyaniye, perspektivy i faktory razvitiya obrazovatel'noy sistemy V'yetnama,” [State, prospects and factors of development of the educational system of Vietnam] *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyy universitet upravleniya)*, no. 14 (2012): 16–19; V.M. Mazyrin, “Ekonomicheskaya modernizatsiya vo V'yetname: ot industrializatsii k innovatsionnomu etapu,” [Economic modernization in Vietnam: from industrialization to the innovation stage] in *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya* (Moscow: IV RAN Publ., 2012), 240–265.

³ M.M. Musarskiy, *Ekonomicheskaya diagnostika v sisteme upravleniya vysshim uchebnym zavedeniyem* [Economic diagnostics in the management system of higher education] (Kostroma: Kostroma University Publ., 2007).

⁴ Bui Minh Huyen, Vu Ngoc Hai, Dang Quoc Bao, *Upravleniye obrazovaniyem* [Education Management] ([N.p.]: Pedagogical University Publ., 2006).

information centers, design bureaus, experience and experimental base.⁵ Without this developing countries will only train the professors and lecturers faculty and academics for the developed countries and carry losses which cannot be replenished due to the ‘brain drain’.

Only having created necessary material conditions and stimuli for the work of the professors and lecturers faculty one can decide according to our opinion the task of their effective usage.

One of the main tasks which is necessary to decide in prospect in the area of education is the creation of the national strategy of development in which the expenditures related to the education in total amount of capital investments into national economy, education and culture which will be substantiated.

The right choice of the main directions of higher education has a principle significance for the effective training of the professors and lecturers’ cadres.

As the final documents of the SCO summit in Tsindao in June 2018, in particular Tsindao Declaration of the Council of the Heads of States – Members of the SCO the main danger of the current phase of development is the spread of terrorism, extremism and separatism. Under these conditions the role of humanitarian education as the method of counteraction to radical Islam, mastering of the methods of information technologies under the conditions of upgrading the general literacy of the population and the growth of the level of political thinking of the vast majority of the population is essentially growing. The humanitarian essential feature of the educational process is being put on the important function of the counter-action against emotional potential of the “new nationalism”.⁶

The interests of the development of education in the developing countries require also providing the concentration of efforts in the key directions of the education and the creation of minimal “critical mass” of the teachers and professors in the chief directions. It is not easy to fulfil this condition even in the developed countries having small or medium scientific-pedagogical potential; moreover, it is difficult to implement it in the developing countries. That is why lecturers and professors and scholars in the developing countries rather justifiably put forward the question about joint development and implementation of scientific and educational policy by the efforts of several countries on sub-regional or regional basis with certain specialization, division of labor, mutually beneficial exchange of the results of national research and developments. They stand in favor of realization of the principle of concentration of educational and scientific efforts which are the needed condition of their efficiency instead of dispersion of forces and means to the multitude of directions. The road to this lies through the strengthening of national scientific and educational potential as well as through coordination of syllabus, enlarging ties and the exchange of information between the teachers of adjacent countries as well as of developed and developing countries.

⁵ A.S. Zaytseva, “V’yetnam v XXI veke: razvitiye institutov nauchno-tekhnicheskoy i innovatsionnoy politiki,” [Vietnam in the 21st century: developing institutes for science, technology, and innovation policy] *Forsayt*, no. 2 (2012): 44–55.

⁶ *Tsindaoskaya deklaratsiya Soveta glav gosudarstv – chlenov Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva. 10 iyunya 2018* [The Qingdao Declaration of the Shanghai Cooperation Organization Council of Heads of State. June 10, 2018], <http://www.kremlin.ru/supplement/5315>.

The idea itself of the educational policy is essentially represents maximal close tie-up of all national educational efforts with the development of society taken as a whole.⁷

It should be noted that together with the development of the industry 4.0 in separate countries of the developing world which in total are representing emerging centers of economic growth and political influence very slow evolution development of the educational sphere is taking place.

The direct reason which caused to life the revolutionary changes in the sphere of higher education was globalization of the economy which has intensified in 1990s, and which was based on contradiction between the national character of the traditional education as well as growing internalization of the economy and production of the educational services in the developing countries and extremely slow increase of the programs.

The implementation of the gigantic as per its difficulty complex task of the conversion of education into the production force under the condition of the developing countries would require certain socio-economic prerequisites and far-reaching organizational measures and combining national and international efforts. It is completely evident that the solving of these questions is within the reach of the developing countries provided close cooperation with other states.

One of the most significant objects of cooperation, instruments of creation and maintaining the positive country image abroad is the system of education, first of all, of higher education and after-university professional education.⁸ The developed and developing countries adopt and implement the strategies of the internationalization of education which leads to the growth of internationalization practices and development of trans-border education in the world taken as a whole. Such factor as the demand of the labor market influences the development of cooperation between Socialist Republic of Vietnam and the Russian Federation, and the Syrian Arab Republic and the Russian Federation in the sphere of the educational policy.

Historical Experience of Cooperation between the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam in the Field of Education

In the mid-1980s the leaders of the Communist Party of Vietnam initiated economic reforms while remaining focused on construction of socialism. It was a kind of Vietnamese “perestroika.” Due to combination of market and state-planned elements in its economy, Vietnam managed to significantly increase the life level of its population, to preserve and strengthen its armed forces, and to perform several large-scale economic programs, such as full electrification, development of cellular communication and Internet, growth in export supplies of rice, coffee and other agricultural products, reconstruction of highways, mass private housing construction, creation of contemporary infrastructure for international tourism, development of national and international airlines.⁹

⁷ W. Taylor, Nguy Thu Hang, Pham Quang Tu, Huynh Thi Ngoc Tuyet, *Civil Society in Vietnam: A Comparative Study of Civil Society Organizations in Hanoi and Ho Chi Minh City* (Hanoi: The Asia Foundation, 2012), <https://asiafoundation.org/resources/pdfs/CivilSocietyReportFINALweb.pdf>.

⁸ *Kontsepsiya prodvizheniya rossiyskogo obrazovaniya na baze predstavitel'stv Rossotrudnichestva za rubezhom. 27 marta 2014 goda* [The concept of promoting Russian education on the basis of representative offices of Rossotrudnichestvo abroad. March 27, 2014], <http://legalacts.ru/doc/>.

⁹ *Doy Moy – v'yetnamskaya perestroyka. Khronologiya* [Doi Moi – Vietnamese restructuring. Chronology], <https://ckychnovosti.livejournal.com/192325.html>.

A whole new stage in cooperation between these two countries in the field of higher education began in July 2012 when the status of strategic partnership between the countries became of a comprehensive, bilateral, contractual and legal nature based on more than eighty documents,¹⁰ including the Convention on Recognition and Equivalence of Educational Certificates and Scientific Degrees between the Government of the Russian Federation and the Government of the Socialist Republic of Vietnam.¹¹

Firstly, it was facilitated by a large increase in the number of students and professors with scientific degrees – over 6 thousand PhD and Candidates of Sciences – conditioned by a stabilized political environment, increased life level among all sections of the population; secondly, emergence of Vietnam on the international education space, increase in the number of students studying in Russia, the USA and European countries.

Specialization of foreign students studying in Vietnam involves 50 different fields that may be roughly divided into three groups: 1. culture, education, healthcare, sports and tourism; 2. economics, trade, finance, banking; 3. engineering industries.¹²

By that time, the education system of Vietnam included 16 thousand primary and secondary schools with about 22 million pupils, over 700 specialist schools and colleges with 2 million students, 247 vocational schools and technical schools with 200 thousand students. As for the higher education system, in the 2012–2013 academic year there were 200 specialties taught to 650 thousand students in the higher education institutions. It is important that out of 11 % of the total number of universities there were 24 private universities, whose educational programs were studied by 120 thousand students.¹³ Thus, following on from the results of the 2012 academic year, there were over 1.3 million graduates of institutes and colleges and 14 thousand postgraduates in Vietnam according to the official statistics.¹⁴

The above figures confirm that the National Education Development Strategy for 2008–2020 is successful. Based on the above Strategy, five Vietnamese universities entered the Top 100 Universities Ranking in the Association of Southeast Asian Nations – ASEAN, while two universities entered the Top 200 World Universities Ranking. Furthermore, by 2020, there should be at least 5 % of graduates, whose educational level is to be equal to the level of students studying in the leading ASEAN universities.

¹⁰ *Rossiysko-v'yetsnamskiy otnosheniya* [Russian-Vietnamese relations], <https://vietnam.mid.ru>.

¹¹ “Soglasheniye mezhdru Pravitel'stvom Rossiyskoy Federatsii i Pravitel'stvom Sotsialisticheskoy Respubliki V'yetsnam o strategicheskoy partnerstve v oblasti obrazovaniya, nauki i tekhnologii,” [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Socialist Republic of Vietnam on strategic partnership in the field of education, science and technology] *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*, no. 3 (2015): 70–73.

¹² *Professor, doktor, vydayushchiy pedagog Hoang Van Chau – Eksport i import uslug vysshego obrazovaniya, Izdatel' informatsii i svyazi kommunikatsii-2011g.; Obyazatel'stvo V'yetsnama v WTO obravozatel'noy uslugy* [Professor, doctor, outstanding teacher Hoang Van Chau – Export and import of higher education services, Information and Communication Communication Publisher-2011; Vietnam's commitment to the WTO educational service] (GS,TS,NGUT Hoàng Văn Châu – Xuất nhập khẩu dịch vụ giáo dục đại học-Nhà xuất bản thông tin và truyền thông – năm 2011; Cam kết Việt Nam trong WTO về dịch vụ GD ĐH).

¹³ S. Khamzin, “Obrazovaniye vo V'yetsname: skachok k svetlomu budushchemu.” [Education in Vietnam: a jump to a brighter future] *Moy universitet*, no. 4 (2012), <http://khamzin-fm.com/2012/07>.

¹⁴ Thông báo tuyen sinh hdi hoc tai Lien Bang Nga. URL: <http://vied.vn/vi/tin-tuc/tuyen-sinh/865-thong-bao-tuyen-sinh-di-hoc-tai-lien-bang-nga-nam-2017.html>.

As mentioned above, the trust-based Vietnamese-Russian relations are clearly proved by cooperation between the countries in the field of modern higher education. Thus, in March 2013, the Ministry of Education and Training of Vietnam published a list of 212 programs of cooperation in the field of education and training between Vietnam and other countries licensed by MOETor such educational institutions as national universities in Hanoi and Ho Chi Minh, Thai Nguyen University and the University of Danang.¹⁵ There are world-renowned Russian universities among them.

In general, it should be noted that the system process of training Vietnamese specialists in the Russian higher education institutions began in 2013. It was built in the following way – expenses connected with this process were defined annually by the Ministries of Finance of Russia and Vietnam. The Russian Ministry of Education provided its colleagues in Vietnam with a list of higher education institutions and number of student spaces for the Vietnamese citizens. Moreover, as previously agreed there were covered not only expenses associated with the studies of Vietnamese students in Russia, but their Russian language studies before arrival in the Russian Federation, their roundtrip tickets and educational scholarships.

In 2014, Russia and the Socialist Republic of Vietnam signed an inter governmental agreement on strategic partnership in the field of education, science and technologies that defined its priorities and directions,¹⁶ as well as functions to be performed by the Russian-Vietnamese Commission on Cooperation in the field of Education, Science and Technologies that substituted the Commission on Scientific and Technological Cooperation established under the Agreement on Scientific and Technological Cooperation made by and between the Government of the Russian Federation and the Government of the Socialist Republic of Vietnam on 31 July 1992.

Development of cooperation in the field of higher education between Russia and the Socialist Republic of Vietnam was significantly facilitated by treaties and agreements on inter-university cooperation. Thus, for instance, back in 2010, there was created the Ho Chi Minh Institute at the St. Petersburg State University under the framework of the agreement made between the St. Petersburg State University and the Ho Chi Minh National Academy of Politics. Fruitful activity can be confirmed by the conducted scientific and expert work, including multiple seminars aimed at publication of collections of scientific and teaching aids in the Russian and Vietnamese languages, research practices in the political, economic, historical and cultural spheres of Vietnam, as well as implementation of many labor-training programs.¹⁷

Activities held by the Ho Chi Minh Institute were highly praised by the representatives of professional community and by the political leaders of both countries. Thus, Truong Thi Mai, the Head of the Central Mass Mobilization Department of the

¹⁵ *V'yetnam. Obrazovaniye, nauka* [Vietnam. Education, science], <http://vietnam-times.ru>.

¹⁶ “Soglasheniye mezhdru Pravitel'stvom Rossiyskoy Federatsii i Pravitel'stvom Sotsialisticheskoy Respubliki V'yetnam o strategicheskoy partnerstve v oblasti obrazovaniya, nauki i tekhnologii,” [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Socialist Republic of Vietnam on strategic partnership in the field of education, science and technology] *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*, no. 3 (2015): 70–73.

¹⁷ *Institut Ho Chi Minh* [Ho Chi Minh Institute], <http://heminstitute.spbu.ru>.

Central Committee of the Communist Party of Vietnam, who visited the Institute in the framework of her working trip to Russia on 14 September 2016, described the Institute as “a bridge connecting the friendship between Vietnam and Russia”.¹⁸

It is worth noting that within the period from 2012 to 2017 such agreements on the part of the Russian Federation were made, as a rule, on a complex basis – with several higher education institutions at a time, provided such institutions were functioning in one Russian region. In particular, starting from 2013, there were made several dozens of such agreements in the field of implementation of joint academic programs, interchange of experience in the scientific domain and foundation of joint summer schools. Thus, in 2014, the Tomsk State University made an agreement on cooperation with the Hanoi National University, the Tomsk State University of Architecture and Building concluded an agreement with the National University of Civil Engineering, while the Tomsk Polytechnic University made an agreement with the Hanoi University of Science and Technology.¹⁹

The extent of cooperation is also notable. Thus, for instance, the Kazan National Research Technical University alone established contacts with 18 Vietnamese higher education institutions in the cities of Hanoi, Ho Chi Minh, Danang and Viet Tri by 2014. There was opened a representative office of the Kazan National Research Technical University at the Viet Tri University within the framework of the agreements made with a view to further transform it into a branch and to expand cooperation with other universities of Vietnam.²⁰

Specialist training programs in the field of atomic engineering, tropical medicine, environment, ecological safety, etc. were especially popular during that period. However, starting from 2016, the process of establishing contractual relations with foreign universities engaged Vietnamese education institutions having educational programs in the field of humanities and socio-legal studies, such as the Vietnam Academy of Justice and the Vietnam Academy of Social Sciences that faced a task “to intensify work on theoretical investigation and predicting development tendencies, to provide scientific and theoretical reasons for defining the line and policy of the party and national acts and regulations” and to pay special attention to the activities in the field of “training and professional development of personnel and professors, elaboration and successful implementation of planning strategies for personnel training and development of high-quality human resources” within the framework of international integration. That task was personally set by President of the Socialist Republic of Vietnam Tran Dai Quang.²¹

In March 2014, there was launched a long-term educational project “Universities of Russia” under the support of the Ministry of Education and Training of the Socialist

¹⁸ *V'yetnam. Obrazovaniye, nauka* [Vietnam. Education, science], [http:// vietnam.vnanet.vn](http://vietnam.vnanet.vn). Accessed: 16.09.2016).

¹⁹ *V'yetnam. Obrazovaniye, nauka* [Vietnam. Education, science], <http://vietnam-times.ru> (Accessed: 19.03.2014).

²⁰ *V'yetnam. Obrazovaniye, nauka* [Vietnam. Education, science], <http://regnum.ru> (Accessed: 08.09.2014).

²¹ *V'yetnam. Obrazovaniye, nauka* [Vietnam. Education, science], <http://vietnam.vnanet.vn> (Accessed: 19.05.2016); *V'yetnam. Obrazovaniye, nauka* [Vietnam. Education, science], <http://vietnam.vnanet.vn> (Accessed: 07.12.2016).

Republic of Vietnam. The project addressed the intensification of the Vietnamese-Russian cooperation in the field of education-related connections, including organization and holding of seminars, conferences and academic Olympiads, elaboration of joint academic programs, exchange of academic teaching staff and implementation of student exchange programs between universities, and the like. Such Russian universities as the RUDN University, the Bauman Moscow State Technical University, the National University of Science and Technology MISIS, the Tyumen State University, the Tomsk State University, the Russian State Hydrometeorological University, etc. applied for joining the project. The federal targeted program “The Russian Language” has been and is implemented in Russia. It is aimed at supporting and consolidating the Russian language not only at the national level, but also abroad where the Russian language is being taught and studied, or where the fellow nationals speaking Russian live.²² In November 2013, when the Russian President stayed on an official visit in Hanoi, the two heads of the states emphasized in their joint declaration that there was a “mood towards taking coordinated steps in intensification of teaching and studying the Russian language and the Russian culture in Vietnam”²³ where the world-famous school of Russian Studies was formed due to the traditionally close and long-term political, economic and cultural ties with Russia and with active involvement of the Russian Center of Science and Culture in Hanoi.

Participation of Vietnamese students in the National Olympiad in Russian as a Foreign language, which was held for the 15th time in 2017 and hosted by the RUDN University, became a tradition within the framework of cooperation between the Socialist Republic of Vietnam and Russia in the field of higher education. Members of nineteen teams presented 31 countries.²⁴

It should be noted that since 2015 cooperation with Russia in the field of higher education actually has been moving on to a whole new level due to the establishment

²² *O razrabotke proyekta federal'noy tselevoy programmy «Russkiy yazyk» na 2002–2005 gody: utv. rasporyazheniyem Pravitel'stva RF ot 5 yanvarya 2001 goda № 12-r* [On the development of the draft federal target program “Russian language” for 2002-2005: approved. Decree of the Government of the Russian Federation of January 5, 2001 No. 12-p], <http://docs.cntd.ru>; *Kontseptsiya federal'noy tselevoy programmy «Russkiy yazyk (2006–2010 gody): utv. rasporyazheniyem Pravitel'stva RF ot 5 sentyabrya 2005 g. № 1355-r* [The concept of the federal target program “Russian language (2006–2010): approved. Decree of the Government of the Russian Federation of September 5, 2005 №. 1355-p], <http://elementy.ru>; *Kontseptsiya federal'noy tselevoy programmy «Russkiy yazyk» na 2011–2015 gody): utv. rasporyazheniyem Pravitel'stva RF ot 7 fevralya 2011 g. № 164-r* [The concept of the federal target program ‘Russian language’ for 2011-2015): approved. By the order of the Government of the Russian Federation of February 7, 2011 №. 164-p], <http://rg.ru>; *O Kontseptsii federal'noy tselevoy programmy «Russkiy yazyk» na 2016–2020 gg: utv. rasporyazheniyem Pravitel'stva RF ot 20 dekabrya 2014g. № 2647-r* [About the Concept of the federal target program “Russian Language” for 2016–2020: approved. Decree of the Government of the Russian Federation of December 20, 2014. №. 2647-r], <http://www.garant.ru>

²³ *Sovmestnoye zayavleniye o dal'neyshem ukreplenii otnosheniy vseob'yemlyushchego strategicheskogo partnerstva mezhdru Rossiyskoy Federatsiyey i Sotsialisticheskoy Respublikoy V'yetnam. 12 noyabrya 2013 goda* [Joint statement on further strengthening the relations of a comprehensive strategic partnership between the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam. November 12, 2013], <http://kremlin.ru>.

²⁴ *V'yetnam. Obrazovaniye, nauka* [Vietnam. Education, science], <http://ru.nhandan.com.vn> (Accessed: 13.12.2017).

of the ASEAN Economic Community.²⁵ In connection with this, representatives of 8 professions from Brunei, Vietnam, Indonesia, Cambodia, Laos, Malaysia, Myanmar, Singapore, Thailand and Philippines acquired the right to freely travel and work in the Member States. Such a privilege was given to accountants, engineers, researchers, architects and nursing assistants, as well as to other specialists.

Thus, the level of competitiveness was increased not only in the labor market of the ASEAN Member States, but in their national systems of higher education as well, which was embodied in the implementation of accreditation standards of the ASEAN University Network (AUN). Subject to such standards, the quality of education was measured using 18 criteria. Thus, by 2017, the highest accreditation results expressed in the biggest number of gained points among the 65 Vietnamese educational programs accredited by AUN were shown by such fields of study as Electronics and Telecommunications, and Embedded System taught in the Polytechnic Institute at the Danang University.²⁶ The said fields of study for future engineers were the targeted projects launched by the Ministry of Education and Training of Vietnam 10 years ago.

As estimated by HCERES, the Hanoi Polytechnic College, Hanoi Construction Institute, Danang Polytechnic Institute and Ho Chi Minh Polytechnic Institute comply with the international accreditation standards.

Thus, in June 2017, within the framework of a formal visit of President of the Socialist Republic of Vietnam Tran Dai Quang to Russia, Vietnamese Minister of Education and Training Phung Xuan Nha underlined, during the working meeting with Minister O.Yu. Vasilieva, that there is an increasing necessity of the Vietnamese party to teach students programs in the field of culture (including tourism) and healthcare.

Education and Personnel Training as the Priority Context for the Cooperation between the Russian Federation and the Syrian Arab Republic

The relations between Russia and Syria retain traditional partnership in diverse avenues, including culture and education.

Russia-Syria partnership during the period under review flourishes due to varied agreements in economics and culture which, in most cases, are of a long-term nature. One such agreement is the treaty for mutual recognition of academic credentials which has been in effect since 1966.²⁷

Back in the late 1980s over 5000 of Syrians studied in the Soviet Union.²⁸ Aside from Moscow, dozens of Syrian students, apprentices, and postgraduates took their degrees in colleges of the former USSR.

²⁵ *Ekonomicheskoye soobshchestvo ASEAN* [ASEAN economic community], <http://asiavector.ru>

²⁶ *V'yetnam. Obrazovaniye, nauka* [Vietnam. Education, science], <http://ru.nhandan.com.vn> (Accessed: 19.02.2017).

²⁷ *Protokol o priravnivanii svidetel'stv o vysshem obrazovanii v Soyuze Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik i Siroyskoy Arabskoy Respublike (Damask, 28 sentyabrya 1966 goda)* [Protocol on equating higher education certificates in the Union of Soviet Socialist Republics and the Syrian Arab Republic (Damascus, September 28, 1966)], https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/confirmation/idokb_1128_225550.

²⁸ O.I. Volgin, *Damasskiy bulat. Siriya: 25 let puti revolyutsii* [Damask steel. Syria: 25 years of the revolution] (Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1988), 88.

Besides, the Soviet Union contributed to training of the Syrian nationals by sending Soviet teaching staff to work in Syrian colleges, along with the Russian language tutors and counselors.

As part of teaching teams exchange programs, they pursued various scientific researches, exchanged scientific content and information concerning the economic, social, and academic life of the both countries.

According to official statistics, in 1990s–2000s most of the Syrian students studied in 5 state and 11 private universities, the largest of which are still the University of Damascus and the University of Aleppo. There is a tendency for an increase of the number of colleges and academic programs. For example, the development agenda of the Tartus University – opened in 2015 – provides for personnel training at Medical, Education, Economics, Arts, Pharmacy, Engineering, and Informatics Departments;²⁹ the University of Damascus opened a Russian Language Department.

It should be noted that the state policy concerning export education comprises measures which enclose all educational levels and all degree course schemes. Export education per se facilitates the implementation of the major geopolitical, economic, and social concerns of the state, and promotes its engagement in the global science advancement, and cultural and educational progress. An effective strategy of export education is one the significant policy trends and a social progress indicator set up as a strategic objective to be achieved in order to upgrade the quality of education and marketability of the Russian higher education.

Step by step, Russian colleges open up to new strategies of the foreign markets. One of the promising but most expensive and risky forms for a college to compete on a global scale is opening of a branch campus abroad.

The advantages of opening branch campuses abroad are clear – students are given an opportunity to get foreign education while staying home. However, there are certain complexities, for example, engagement of instructors to work in a branch campus, limited supply, and compliance with the parent institution standards. Moscow State University (MSU) takes the lead in this regard in Russia.

Russian colleges are represented in Gulf countries. For example, the United Arab Emirates (UAE) are a starting point for many colleges to get to the local education market. UAE are striving to become the center of international education and are providing a supporting environment for higher education growth. There is a branch campus of the Saint Petersburg State University of Economics in Dubai, which offers three of the locally top requested academic degrees for the Syrian students: Bachelor of Business Management, Bachelor of Business Management in Tourism and Hospitality, and Bachelor of Logistics.

Russia has many large and prestigious universities offering a high-ranking education, which are popular with the Syrian students, for example, with a degree in economics, medicine, tourism, and military and technical degrees etc. Thus, the boards of the Saint Petersburg State University (SPBU) and the Syrian Youth Center underlined long-term benefits of joint academic programs in biomedical research,

²⁹ *Gosudarstvennyy universitet otkroyut v siriyskom gorode Tartus* [State University will be opened in the Syrian city of Tartus], <https://ria.ru/20150105/1041525360.html>.

mechatronics, laser technologies, renewable energy sector, and digital technologies and communication, offered as online courses.³⁰

These are the most needed degrees in Syria, which help advancing human resources.

In order to set up academic links and upgrade academic mobility the Syrian and Russian missions meet in form of routine visits and conferences. Thus, an agreement was reached concerning the prospects for cooperation between the Surgut State University (Russian Federation) and the Homs province colleges (the Syrian Arab Republic) during the meeting of the Homs province delegates headed by the Governor of Homs province Talal al-Barazi in December 2018.³¹

Each year the Government of Russia provides a guaranteed number of state-financed openings (state scholarship) for foreigners to study in institutions of the country. The Ministry of Education and Science of the Russian Federation in cooperation with the Ministry of Internal Affairs of Russia allocate quotas among 170 foreign countries. Over 500 Russian institutions managed by 12 ministries and agencies of Russia enrolls foreigners for intermediate vocational and higher education degrees, i.e. bachelor's degree, specialist's degree, Master's degree, postgraduate and further professional studies: advanced studies and occupational retraining. They generally select such degrees as philology, medicine, information technologies, tourism, economics, architecture, and construction. The most demanded are high-qualified health professionals and engineers.³²

Thus, during the 2017–2018 admissions process foreigners filed over 96.000 applications to study in Russia of which 2.500 applications were from Syria. Subject to the state quotas, up to 15.000 foreigners may apply for a free higher education; that said, previous quota for Syrian students was 200, in 2017 it increased and by 2019 it reached 500.³³

It seems clear that this factor will boost soon; this provides the students with an opportunity to exchange knowledge, strengthen mutual understanding and friendship between the nations. It makes it possible to create new labor force sources in order to industrialize and modernize the country, and to advance in living standards.

Conclusion

Efficient development of the bilateral cooperation between the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam, the Russian Federation and the Syrian Arab Republic is being facilitated by their commitment to common priorities as declared by the international documents on higher education. An example would be the attitude shown by the countries to the Global Convention on the Recognition of Higher

³⁰ *SPbGU i Tsentri odarennoy molodezhi Sirii sozhdadut sovmestnyye obrazovatel'nyye programmy* [SPSU and Syrian Talented Youth Center will create joint educational programs], <https://experi.ru/spbgu-tsentri-odarennoj-molodezhi-sirii-sozhdadut-obrazovatelnye-programmy/08.06.2018>.

³¹ *Turizm, tsitrusovyye, volontery i obrazovaniye – Surgut nametil sfery sotrudnichestva s Siriyey* [Tourism, citrus, volunteers and education – Surgut outlined the areas of cooperation with Syria], <https://ugra-tv.ru/ric/news/society>.

³² *Zayavki na obucheniye v rossiyskikh vuzakh podali 2,5 tysyachi siriytsev* [Applications for training in Russian universities have filed 2.5 thousand Syrians], <https://yandex.ru/turbo>.

³³ *Rossiya primet v svoi vuzy na byudzhet 500 abiturientov iz Sirii* [Russia will take in its universities on the budget of 500 applicants from Syria], <https://ria.ru/20180526/1521430540.html>.

Education Qualifications. It should be noted that over the past several decades there were supported six conventions on the mutual recognition of academic certificates in six regions of UNESCO, whose aim was to reach the mutual recognition of higher education diplomas and certificates on the global scale.

In the course of official summit meetings and working meetings attended by the representatives of education authorities from the Socialist Republic of Vietnam and Russia, the Syrian Arab Republic and Russia, the matters of cultural and education cooperation were always on agenda of official negotiations, during which there were pointed out new aspects of cooperation between the countries in the field of higher education, such as elaboration and implementation of joint master and aspirant programs, development of academic mobility, promotion of the Russian language, etc. on the basis of the existing inter-university agreements.

In general, it should be noted that during the period under consideration the Governments of the Socialist Republic of Vietnam and Russia, the Syrian Arab Republic and Russia remain highly concerned of and interested in cooperation in the field of higher education. It may be confirmed by a wide range of lines and instruments for such cooperation. The most efficient can include the cooperation within the framework of forums and conferences on the higher education issues, as well as the implementation of the joint academic, scientific and educational projects and programs.

Furthermore, it is worth mentioning the enhancing efficiency and importance of the agreements on inter-university cooperation made by the higher education institutions of both states. The Governments are interested in popularization of higher education, including in the international education space. The Socialist Republic of Vietnam, the Syrian Arab Republic and the Russian Federation have elaborated a specific consensus on the necessity to continuously expand cooperation in the field of training and developing highly-qualified professionals, who will be undoubtedly successful in the modern labor market.

© Ahmad Mohammad Chahoud, Le Van Vuong, Hosain Mohannad, 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Рукопись поступила: 15 февраля 2019 г.

Submitted: 15 February 2019

References

- Bui Minh Huyen, Vu Ngoc Hai, Dang Quoc Bao. *Upravleniye obrazovaniyem*. [N.p.]: Pedagogical University Publ., 2006 (in Russian).
- Dam Duc Vuong, Nguyen Quang Thuong. “Sostoyaniye, perspektivy i faktory razvitiya obrazovatel’noy sistemy V’yetnama.” *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyy universitet upravleniya)*, no. 14 (2012): 16–19 (in Russian).
- Karasin, G.B. *Rossiya i V’yetnam druzhat uzhe 50 let. Yubiley diplomaticheskikh otnosheniy: na puti k strategicheskomu partnerstvu*. Moscow: [S.n.], 2000 (in Russian).
- Khamzin, S. “Obrazovaniye vo V’yetname: skachok k svetlomu budushchemu.” *“Moy universitet”*, no. 4 (2012), <http://khamzin-fm.com/2012/07> (in Russian).

- Mazyrin, V.M. “Ekonomicheskaya modernizatsiya vo V’yetname: ot industrializatsii k innovatsionnomu etapu.” In *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual’nyye problemy razvitiya*. Moscow: IV RAN Publ., 2012 (in Russian).
- Musarskiy, M.M. *Ekonomicheskaya diagnostika v sisteme upravleniya vysshim uchebnym zavedeniyem*. Kostroma: Kostroma University Publ., 2007 (in Russian).
- Nasser, M. “Razvitiye obrazovaniya v Cirii.” *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Pedagogicheskoye obrazovaniye*, no. 1 (2009): 120–132 (in Russian).
- Volgin, O.I. *Damasskiy bulat. Siriya: 25 let puti revolyutsii*. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1988 (in Russian).
- Taylor, W., Nguy Thu Hang, Pham Quang Tu, Huynh Thi Ngoc Tuyet. *Civil Society in Vietnam: A Comparative Study of Civil Society Organizations in Hanoi and Ho Chi Minh City*. Hanoi: The Asia Foundation, 2012, <https://asiafoundation.org/resources/pdfs/CivilSocietyReportFINALweb.pdf> (Accessed: 26.12.2017).
- Zaytseva, A.S. “V’yetnam v XXI veke: razvitiye institutov nauchno-tekhnicheskoy i innovatsionnoy politiki.” *FORSAYT*, no. 2 (2012): 44–55 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Ле Ван Выонг, аспирантка кафедры сравнительной образовательной политики Российского университета дружбы народов.

Хосейн Моханнад, аспирант кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

Шахуд Ахмед Мухаммад, профессор истории, заведующий кафедрой туризма в Университете в г. Тартус (Сирия).

Le van Vouong, graduate student, Department of Comparative Education Policy, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University).

Hossein Mohannad, postgraduate student of the Department of Russian History, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University).

Shahud Ahmed Muhammad, Ph. D. in History, Head of the Tourism Department at the University of Tartus (Syria).

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

SUBMISSION GUIDELINES

Редакционная коллегия принимает к публикации рецензии объемом 10–12 тыс. знаков, статьи и историографические обзоры объемом от 40 до 60 тыс. знаков, включая подстраничные сноски и межсловные интервалы (пробелы) и без учета аннотаций и References, в формате MS Word с типом файла DOC. В редакцию должны быть направлены два файла.

Первый файл (под названием «ФИО автора_статья») должен содержать в себе статью без указания автора. Статья должна состоять из трех разделов: «Введение» (обоснование темы, определение цели и задач исследования, обзор источников и литературы (с обязательным анализом новейших зарубежных публикаций), «Исследование проблемы» (делится на смысловые блоки, которым даются подзаголовки), «Выводы» (должны быть развернутыми; объем – не менее 0,5 страницы).

Ссылки на источники и литературу даются постранично с помощью продолжающихся номерных сносок на оригинальном языке опубликования. В сносках обязательно необходимо указывать название издательства. В случае его отсутствия ставить пометку [Б.и.], если цитируемая публикация на русском языке или [S.n.], если цитируемая публикация на иностранном языке.

Вторым файлом (под название «Доп. матер._ФИО автора») по электронному адресу корпоративной почты журнала направляются: *текст англоязычной аннотации* объемом не менее 240 и не более 260 слов и ее русскоязычный исходный текст; название статьи, ФИО автора, название организации и ее адрес на русском и английском языках; *информация об авторе* на русском языке с указанием страны и города проживания, ученой степени, ученого звания, места работы и должности; контактный e-mail.

Также в файле размещается библиографический список в латинизированной форме – “References”, который выстраивается в английском алфавите. При транслитерации необходимо использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Библиографическое оформление публикаций в этом списке отличается от оформления в подстраничных сносках и производится в соответствии с правилами “*Чикагского стиля цитирования*” (“Chicago Manual of Style”) в 17-й редакции в варианте “*Note and Bibliography System*”. При оформлении публикации необходимо указывать название издательства в транслитерированном варианте с обязательным добавлением слова Publ. (Press., если указывается типография).

Файлы направляются по электронному адресу корпоративной почты журнала: rushistj@rudn.university. Анонимный файл с рукописью должен быть дополнительно загружен на сайт журнала для проведения внешнего «слепого» рецензирования.

Более полную информацию о правилах оформления рукописи см. на сайте:
<http://journals.rudn.ru/russian-history>

Адрес электронной почты: rushistj@rudn.university

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПОРТФЕЛЬ ЖУРНАЛА НА 2020 Г.**CALL FOR PAPERS FOR THE 2020 ANNUAL PROGRAM**

Жизнь наций СССР в 1920–1950-е гг.
<i>Прием статей до 1 ноября 2019 г. • Deadline for submissions: 1 November 2019</i>
В рамках данной проблематики предлагается обсудить различные аспекты национально-государственного устройства СССР в сталинский период с учетом изменения статуса территорий, характера взаимоотношений «центра и периферии», рассмотреть практики регулирования межнациональных отношений, статус и положение национальных элит, изменения в религиозно-национальной политике в послевоенный период, функционирование механизма государственного контроля за ее исполнением.
Народы СССР в годы Великой Отечественной войны: к 75-летию Победы
<i>Прием статей до 1 февраля 2020 г. • Deadline for submissions: 1 February 2020</i>
В рамках данной проблематики важно осветить вопросы, связанные с участием народов СССР в боевых действиях против фашизма, организации обороны и работе тыла; показать «человека войны» в микроистории и истории повседневности, раскрыть проблему ценностей, представлений, верований и традиций народов в условиях войны, механизм формирования героических символов, проявление религиозности и атеизма в боевой обстановке; проблемы депортации отдельных народов и их последствия. Предполагается специально осветить процесс эволюции исторической памяти о Великой Отечественной войне в советском и постсоветском обществе.
История юго-восточного фронта России
<i>Прием статей до 1 мая 2020 г. • Deadline for submissions: 1 May 2020</i>
Выпуск номера приурочен к 285-летию с момента первого основания города Оренбург (26 августа 1735 г.). В рамках предлагаемой проблематики предполагается обсудить вопросы, связанные с межкультурным взаимодействием на территории исторического Оренбургского края, игравшего в дореволюционный и советский периоды роль фронта в треугольнике «Русский мир – Башкирия – Казахская степь»; будут рассмотрены: история закрепления за Россией Башкирии и Казахской степи, феномен оренбургского и уральского казачества, политика по отношению к «инородцам» и становление национальных интеллигенций, имперская и советская национальная политика в регионе, межкультурное взаимодействие в рамках освоения целины.
Этническое и конфессиональное многообразие России и СССР: восприятие властью и обществом
<i>Прием статей до 1 августа 2020 г. • Deadline for submissions: 1 August 2020</i>
Выпуск номера приурочен к 115-летию подписания указа о веротерпимости (17 апреля 1905 г.) и 30-летию принятия закона Верховным Советом СССР «О свободе совести и религиозных организациях» (1 октября 1990 г.). В рамках предлагаемой тематики могут быть рассмотрены различные направления этнической и конфессиональной политики власти в центре и на местах. Предполагается обсудить отношение русского общества к этническому многообразию страны, провести анализ восприятия интеллигенцией национальной и конфессиональной политики государства, провести реконструкцию идейных проектов решения национального вопроса, разработанных различными политическими силами России XX в.

Бланк заказа периодических изданий

АБОНЕМЕНТ на газету **18232**
 Вестник РУДН. журнал (индекс издания)

Серия: История России
 (наименование издания)

Количество комплектов

На 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда
 (почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
 (фамилия, инициалы)

Линия отреза

ДОСТАВОЧНАЯ **18232**
 КАРТОЧКА (индекс издания)

ПВ место литер

газету **Вестник РУДН.**
 на журнал **Серия: История России**
 (наименование издания)

Стоимость	подписки	руб.	Количество комплектов
	каталожная	руб.	
	пере-адресовки	руб.	

На 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	город													
																	село													
																	почтовый индекс	область												
																			район											
																			код улицы	улица										
																					фамилия, инициалы									
																		дом	корпус	квартира										

